



Джонатан
Келлерман

ДОЧЬ
УБИЙЦЫ
ДЕТЕКТИВЫ ПРОФЕССОРА
ПСИХОЛОГИИ

Бестселлер New York Times

Annotation

Джонатан Келлерман – один из самых популярных в мире писателей детективов и триллеров. Свой опыт в области клинической психологии он вложил в более чем 40 романов, каждый из которых становился бестселлером New York Times. Практикующий психотерапевт и профессор клинической педиатрии, он также автор ряда научных статей и трехтомного учебника по психологии. Лауреат многих литературных премий.

Метод талантливого психотерапевта Грейс Блейдс – резать по живому, не причиняя боли. Именно благодаря ему она достигала успеха даже в самых безнадежных случаях. А еще – своему жуткому детству. Кровавая смерть родителей прямо у нее на глазах, скитания по детприемникам и приемным семьям... Грейс на собственном опыте знает, от чего лечит людей – от потрясений, фобий, потери надежды... А что до ее прошлого, то оно полностью подконтрольно. В этом она была уверена – до того дня, пока не встретила одного давно забытого человека. И эта встреча сделала из нее пациентку самой себя...

-
- [Джонатан Келлерман](#)
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)

- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)

- [Глава 52](#)
 - [Глава 53](#)
 - [Глава 54](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
-

Джонатан Келлерман

Дочь убийцы

Посвящается ТК

Jonathan Kellerman
THE MURDERER'S DAUGHTER

Copyright © 2015 by Jonathan Kellerman. This translation is published by arrangement with Ballantine books, an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC.

Оформление серии *А. Саукова, Ф. Барбышева*
Иллюстрация на суперобложке *Филиппа Барбышева*

© Гольдберг Ю.Я., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

Пятилетняя Грейс жила на краю пустыни с двумя чужими людьми. С точки зрения биологии и закона они считались ее родителями, но сама девочка всегда считала их чужаками. И, насколько она могла судить, они относились к ней точно так же.

Ардис Норманд Блейдс был высоким и стройным двадцативосьмилетним мужчиной с длинными волосами, клочковатой светлой бородой, вытянутым унылым лицом и оттопыренными ушами. Несмотря на некоторое сходство с летучей мышью, выглядел он более или менее прилично – одновременно слащавым и немного опасным. Более или менее, постольку то привлекательное, что дала ему природа, давно разрушилось под действием наркотиков, алкоголя и почти непрерывной череды неудач.

Детство Ардиса прошло в отравляющей атмосфере заброшенности и безразличия. Мальчика, которому учеба давалась с трудом, много раз водили к психологам самой разной квалификации. Каждый из них с удивлением обнаруживал, что интеллект маленького Блейдса гораздо выше, чем можно было предположить по тупому выражению его лица и по постоянным проблемам с поведением. Он с трудом окончил девять классов – читать ему удавалось не лучше четвероклассника, а арифметику он забросил, так и не справившись с делением в столбик.

Все это ограничивало его возможности в выборе профессии, и когда он не жил на социальное пособие, то обычно работал посудомойкой, санитаром или поваром обжарки. Исключение составлял короткий и неудачный опыт в качестве помощника плотника, в результате чего Ардис лишился мизинца и приобрел страх перед крупными механизмами.

Непринужденная улыбка и хорошая фигура Блейдса привлекали женщин определенного типа. Одной из них была Доди Фандерберк. По части успехов в школе она недалеко ушла от Ардиса, что укрепило зародившееся между ними взаимопонимание.

Познакомились они на работе, в блинной «Флэппер Джек», едва сводившем концы с концами придорожном кафе на краю Долины

Антилоп. Ардис чистил там гриль и мыл полы после закрытия, Доди убирала столы в вечернюю смену, а потом оставалась еще, чтобы подработать, сливая жироуловители и подметая зал. Дополнительным преимуществом этих задержек была возможность провести время с Блейдсом, когда они, закулив сигареты, убрали обшарпанное заведение.

Флиртовать эти двое начали в первый же вечер знакомства, а во второй Фандерберк уже взобралась на разделочный стол в кухне и раздвинула ноги. Высокий рост позволял Ардису справиться со своей задачей, не используя скамеечки для ног. Ему только исполнилось двадцать два года, а он уже был законченным алкоголиком и крепко подсел на амфетамин. Доди была на три года моложе его и отличалась пухлыми формами, а менструации у нее всегда были нерегулярными, и ей потребовалось четыре месяца, чтобы понять, что они с Арди зачали ребенка.

Как-то вечером, находясь на работе, девушка поняла, что молчать больше нельзя, потому что живот у нее уже выпирал. Она подошла к Блейдсу, который курил бычок и мыл пол, и задрала футболку.

– Ага, – произнес он. – Вот оно что.

– Точно, – кивнула Доди.

Ардис выпустил облачко дыма и пожал плечами.

– У меня нет денег, чтобы от него избавиться.

– Ладно, – сказала Фандерберк. – Может, я его сохраню...

Молодой человек пошел в другой угол зала.

– Ты меня любишь, Арди? – спросила его подружка.

– Конечно.

– Ладно, я его сохраню.

– Думаешь?

– Может быть.

– Как хочешь.

* * *

Брак даже не обсуждался. Ардис не изъявлял никакого желания, а Доди была бы не против, но считала, что они уже вроде как женаты, потому что живут вместе в ее трейлере – односекционном мобильном

доме – на удобной стоянке под названием «Грезы пустыни»; тот был больше, чем фургон для перевозки лошадей Блейдса на задворках давно заброшенного питомника пальм, где он незаконно поселился два года назад. Кроме того, составление бумаг – это суета и деньги, а всем вокруг, включая родителей девушки, было на это наплевать. Отец Доди сбежал еще до ее рождения, и она подозревала, что Ардис может последовать его примеру. Она вполне могла себя прокормить – ее мать всю жизнь прожила одна, а со всем, что умела делать эта тупая сука, Доди справлялась лучше.

Пока живот был не слишком заметен, молодая женщина делала вид, что ничего не происходит. Но это становилось все труднее и труднее, и временами, оставшись одна, будущая мать пыталась радоваться ребенку. Иногда она падала духом, тоска поднималась в ней изнутри, словно изжога, и Доди плакала. Может, ребенок будет забавным – его ведь можно наряжать, ему можно покупать игрушки, с ним можно играть... Хоть кто-то будет считать ее умной.

* * *

Роды вылились в восемнадцатичасовую пытку, а Ардис заглядывал в палату лишь на несколько минут – вопли и проклятия Доди то ли шокировали, то ли утомляли его. А прежде всего ему хотелось курить. Каждый раз, когда он возвращался, роженица кричала на него еще громче, а от ее грязных ругательств морщились медсестры. Потом у нее закончились силы даже на это, и женщина превратилась в подобие маленького червяка, молча страдая и гадая, сколько еще, черт возьми, она так *продержится*.

По большей части на крики Доди никто не обращал внимания, но в конце концов приходила медсестра и добавляла что-то в бутылку для внутривенных вливаний, хотя толку от лекарства было немного. Пациентка не могла получить того, что ей действительно помогло бы, – это было бы незаконно.

В довершение всего ребенок лежал неправильно, и его нужно было перевернуть, как хот-дог на гриле, – догадайтесь, что девушка при этом чувствовала? Наконец, Доди ощутила, как из нее вышло что-то скользкое – серое и неподвижное.

Врач, черный парень, который только что появился в палате, сказал:

– Это серьезно. Пуповина обвилась... в трех местах.

Потом стало тихо, и Доди подумала, что родила что-то мертвое, но в тот момент это ее не волновало. Главное, что ей больше не больно и они с Ардисом вернутся к прежней жизни.

Послышался звук шлепка, а потом оглушительное «Уа-а-а-а!».

– Ну вот, – сказал врач. – Славная и розовая. Аппгар^[1] поднялся, с двух до восьми.

Потом он что-то забормотал, прищелкнул языком и загудел. Доди лежала неподвижно – у нее было такое чувство, словно из нее вынули сердцевину, как у дыни, и больше всего ей хотелось заснуть.

Одна из медсестер, низенькая, с розовыми, как помидоры, щеками, сказала ей:

– Вот твоя дочь, милочка. Свежая, прямо из печки, громкая и здоровенькая – отличные легкие.

Глупость какая, подумалось роженице, – хлеб и пирог не орут и не вгрызаются в твои внутренности, как цепная пила.

Но Доди слишком устала, чтобы спорить. Почувствовав вес ребенка, которого положили ей на грудь, она закрыла глаза.

– Обними ее, милочка. Ей нужно твое тепло, – сказала медсестра с розовыми щеками, после чего положила руки Доди на сверток в пеленке и прижала, чтобы они никуда не делись.

Молодой матери хотелось ударить суку-медичку. Но она не убираала руки, надеясь, что эта корова от нее отстанет.

– Ну вот, милая, всё в порядке... Ой, она такая милая! – продолжала сестра. – Это так приятно – после стольких трудов такое изящество...

А Доди подумала: «По крайней мере, у меня есть для нее имя. Грейс – изящная».

* * *

В ту ночь ей принесли покормить ребенка, хотя она сказала, что хочет спать.

– Милая, – ответила ей другая медсестра, – на какое-то время о сне можешь забыть.

Через два дня Доди и Ардис забрали малышку домой.

Сука была права.

* * *

Пятилетняя Грейс не понимала, как она смогла пережить младенческий возраст. На стоянке для трейлеров она видела семьи с маленькими детьми и представляла, что это значит – растить младенца. Неужели чужие люди делали все это, когда она была крошечной и беспомощной? Трудно поверить – ведь они даже толком не кормили ее.

Нет, она не голодала. В доме всегда были остатки из «Макдоналдса», где теперь работал Ардис, и всякая всячина, которую таскала Доди из «Дэйри куин», где она убирала по вечерам. Плюс то, что они вместе воровали в магазинах. Просто они никогда не садились вместе за стол.

В те несколько раз, когда это случалось, Грейс набивала полный рот еды, быстро жевала, проглатывала и тянулась за новой порцией. Когда Блейдс был в благодушном настроении, он давал ей конфету. Никому не приходило в голову приготовить ужин и покормить ребенка, и девочка почти всегда отправлялась спать полуголодной.

Иногда, когда чужаки спали, Грейс проскальзывала на кухню и объедалась тем, что могла там найти. И не забывала убирать за собой. Хотя она была единственной, кто вообще убирал в трейлере.

К пяти годам Грейс научилась заботиться о себе.

Бывало, она выходила из своего трейлера голодной, и соседи, заметив это, кормили ее. Самой лучшей была миссис Рейли. Когда глаза у нее не были безумными от водки и она не кляла на чем свет стоит ниггеров и мексикашек, то по-настоящему готовила и пекла. И еще она любила Грейс и всех детей на стоянке для трейлеров. Даже мексиканских.

Днем Рейли убирала в демонстрационных домах в обширном районе новостроек, которые оставались по большей части нераспроданными. Долина Антилоп, с ее нестерпимой жарой и

пронизывающими ночными ветрами, переживала периоды как экономического подъема, так и упадка – но в основном упадка.

Большинство обитателей «Грез пустыни» работали на низкооплачиваемой работе. Некоторые были инвалидами или душевнобольными, а иногда и тем и другим вместе, и просто сидели и ждали смерти. Несколько физически крепких лентяев пьянствовали, курили травку и ничего не делали. И каждый житель стоянки для трейлеров превосходно разбирался в мешанине государственных программ, которыми мог воспользоваться человек, находящийся на грани бедности – или за гранью.

Одно из пособий предназначалось для ухода за детьми. В «Грезах пустыни» это означало, что федеральные власти и власти округа платят миссис Родригес, дабы она присматривала за дюжиной ребятишек в своем большом трейлере с номерами Джорджии, окруженном горшками с кактусами. Детей было много, и поэтому ни один из них не получал должного внимания, но телевизор с мультфильмами всегда был включен, а от выросших детей самой Родригес остались коробки с книгами и игрушками. Плюс у тех, за кем она присматривала, всякие интересные штуки, которые можно было найти в мусоре, и много места для возни на пыльной площадке вокруг трейлера, если только остерегаться колючих растений. Так что Грейс была довольна.

Она не очень любила играть с другими детьми. Ей нравилось смотреть «Улицу Сезам» и «Электрическую компанию», и к четырем годам телевизионные шоу научили ее складывать буквы в слова. Много лет спустя Грейс поняла, что у нее врожденные способности к пониманию структуры языка. А пока она просто воспринимала это как забавную игру в слова – еще один способ что-то узнать, потому что именно этим она и занималась: понять чужих людей, узнать, как не остаться голодной, как соблюдать чистоту и что скрывается за словами и поступками людей.

В пять лет Грейс уже бегло читала, не хуже первоклассника, но никому об этом не рассказывала. Зачем?

Чужим людям, с которыми она жила, было все равно. Теперь Ардис редко появлялся дома, причем если появлялся, то почти всегда пьяным, а Доди принялась бурчать, что нужно убираться отсюда к чертовой матери – куда-нибудь, где она будет свободной.

Результат столкновения спиртного с недовольством мог быть непредсказуемым. Блейдс никогда не пускал в ход кулаки, но все время замахивался, имитируя удары, и не скупился на беспорядочные шлепки открытой ладонью. Иногда его рука едва касалась Доди, а иногда получался громкий чмокающий звук.

Время от времени на лице матери оставались синяки, и ей приходилось закрашивать их макияжем. Так поступали многие женщины в «Грезах пустыни».

Некоторые мужчины тоже скрывали побои. Например, мистер Родригес, который обычно не жил со своей женой. Однажды Грейс видела, как он с разбитым в кровь носом бежал из трейлера миссис Родригес, а она вышла за дверь и схватила горшок с кактусом, как будто собиралась запустить им в мужа.

Но не запустила. Он бежал слишком быстро, и кроме того, миссис Родригес любила свои растения.

Что касается Ардиса и Доди, то ущерб могли понести обе стороны. Когда Блейдс вырубался на кухне и начинал храпеть, его сожительница специально задевала ногой его стул. Он вздрагивал, просыпался, начинал давиться слюной и кашлять, а затем голова у него снова склонялась на грудь, и Доди указывала на него пальцем, корчила рожи и смеялась.

Иногда она шлепала его пониже спины или называла неприличными словами, не заботясь о том, что Грейс может это увидеть или услышать.

Временами, когда Ардис крепко спал, в стельку пьяный, Доди проскальзывала ему за спину и ногтями впивалась ему в затылок, а если это не помогало, то дергала его за волосы и ждала, что будет.

Опухшие веки Блейдса открывались, а Доди стояла сзади, показывала на него пальцем и беззвучно смеялась.

Грейс делала вид, что ничего не замечает. Чаще всего она в такие моменты заползала в угол гостиной, где обычно спала. Единственная зловонная спальня в задней части трейлера принадлежала Доди, а когда объявлялся Ардис, он тоже там спал. Грейс же часто не спала – она включала телевизор и смотрела его без звука, развлекаясь тем, как смешно люди шевелят губами. Или читала книги, которые таскала от миссис Родригес, а потом из детского сада.

У нее была собственная коллекция слов, которая постоянно пополнялась и куда также добавлялись цифры. С помощью этой коллекции девочка могла понять, как обращаться с цифрами и как узнавать обо всем, никого не спрашивая.

Однажды, решила Грейс, она станет самостоятельной, и все это ей, наверное, пригодится.

Глава 2

Доктор Грейс Блейдс обнимала женщину.

Многие психотерапевты уклоняются от физического контакта. Грейс не уклонялась ни от чего.

Страждущим нужно нечто большее, чем ласковые слова, сочувственные взгляды и вздохи. Они заслуживают большего, чем жалкая ложь под названием эмпатия.

Блейдс не испытывала никакого уважения к идее эмпатии. Она жила в красной комнате.

* * *

Женщина продолжала плакать на плече Грейс. Ее ладони, которые крепко сжимала доктор, были маленькими, влажными и мягкими. Судя по тому, как женщина упала в объятия врача, сторонний наблюдатель сделал бы вид, что это начальный этап лечения.

Но женщина уже успешно прошла курс психотерапии и каждый год возвращалась для того, что Грейс называла «показательными» сеансами.

Смотрите, доктор, у меня все хорошо.

Да, конечно.

В этом году она, как обычно, попросила о встрече в худший из дней, в годовщину, и Блейдс знала, что основную часть сорокапятиминутного сеанса эта пациентка заплачет.

Женщину звали Хелен. Она начала лечение три года назад и приходила к Грейс так часто, как ей требовалось, пока не переехала из Лос-Анджелеса в Монтану. От предложения найти для нее местного специалиста Хелен отказалась – как и предполагала психотерапевт.

Четыре года назад, день в день, девятнадцатилетнюю дочь Хелен изнасиловали, задушили и изуродовали. Найти монстра, который это сделал, не составило большого труда. Он жил вместе с родителями через дорогу от квартиры-студии девушки в Калвер-Сити, и из заднего окна его квартиры прекрасно просматривалась спальня девушки.

Несмотря на длинную историю подглядываний, переходящих в сексуальные домогательства, суды нянчились с ним и позволяли ему жить в свое удовольствие. Тупой и легко возбудимый, он не удосужился выбросить окровавленную одежду или кривой, заляпанный кровью нож, который взял в кухне жертвы.

Судебное разбирательство стало бы настоящей пыткой, но пошло бы на пользу Хелен. Однако монстр опять ее обманул – бросился с отверткой на копов, пришедших его арестовывать, и пули сотрудников полицейского управления Лос-Анджелеса превратили его в решето.

Дело было закрыто – для всех, кроме его жертвы. Она продолжала звонить в офис окружного прокурора, но лишь затем, чтобы расплакаться и признаться, что для звонка не было никаких причин. Один или два раза она забывала, кому звонит. В конечном итоге заместитель окружного прокурора, занимавшийся этим делом, перестал отвечать на ее звонки. А его секретарь, более проницательная и внимательная, предложила Хелен обратиться к Грейс.

К психологу? Я не сумасшедшая!

Конечно, нет, мэм. Доктор Блейдс другая.

Что вы имеете в виду?

Она действительно понимает.

Блейдс заставила Хелен почувствовать, что внимание врача сосредоточено только на ней – таков был ее метод взаимодействия со всеми пациентами. Главным всегда был поиск зерна индивидуальности в каждом человеческом существе, однако у всех Страждущих было нечто общее, и за много лет Грейс выработала парадигму лечения: делай все возможное, чтобы установить взаимопонимание, потому что без взаимопонимания помочь невозможно. Будь доступной 24 часа в сутки 7 дней в неделю, и когда придет время – именно в этот момент в дело вступает искусство психотерапии, – начинай процесс восстановления. При всем при том цели должны быть реалистичными: о прежнем счастье, как до появления монстра, не может быть и речи.

Но это не значит, что успех непрочен. Почти всех пациентов можно подвести к тому, чтобы они получали удовольствие, а удовольствие – питательная среда для исцеления.

Последний принцип Грейс применяла и к себе самой: почаще позволять себе отпуск.

Процесс лечения мог занимать месяцы, годы, десятилетия. Или вечность. У Грейс были пациенты, которые ходили к психотерапевтам и десять, и двадцать лет. Чтобы избавиться от ужаса, который они испытали, когда сама она еще училась в начальной школе.

Хелен, плакавшая в ее объятиях, вполне могла стать одним из них – заранее этого знать нельзя. Люди непредсказуемы, и именно это делало профессию Грейс такой интересной.

Она почувствовала, как женщина напряглась. А потом издала хриплый стон и всхлипнула.

Доктор Блейдс крепче обняла Хелен и начала покачивать ее, словно младенца. Та еще раз всхлипнула, затихла и впала в состояние, похожее на транс – на ее губах застыла безмятежная улыбка. В точности как и предполагала Грейс – обычно она точно угадывала, что происходит в душе у пациентов. Тем не менее психотерапевт старалась держаться скромно, потому что ее работа не имела отношения к исцелению. Собственно, речь и не шла об исцелении.

Тем не менее почти всем пациентам становилось немного лучше – какие еще профессии способны доставить такое удовольствие?

В этом месяце у Блейдс наступило временное затишье в работе, так как поток пациентов уменьшился, и она спланировала очередной отпуск. Завтра последний день, а потом она уедет на две недели.

Отпуск был понятием растяжимым. Иногда Грейс улетала куда-нибудь подальше, селилась в роскошных отелях и с головой погружалась в приключения. Иногда оставалась дома и просто бездельничала.

Самым приятным было то, что она сама себе хозяйка, и поскольку никаких конкретных планов на следующую неделю у нее не имелось, она могла перебирать любые варианты, от Малибу до Монголии.

Когда Грейс работала, ее журнал записи пациентов был заполнен на много месяцев вперед, а окно в нем если и появлялось, то только после того, как пациенты вылетали из гнезда. Она не занималась саморекламой, но молва о ней разошлась среди судей и адвокатов – и, что еще важнее, среди их впечатлительных помощников и секретарей, которые ценили ее работу. Ее бизнес держался в основном на хвалебных отзывах клиентов.

Расценки у нее были чуть выше средних, и все платили либо чеком, либо наличными при входе в кабинет – ни скидок, ни страховых полисов, ни квитанций. И дело было не в деньгах, поскольку Блейдс могла прекрасно прожить и без практики. Отношения обязаны быть деловыми и этичными, а это предполагало отказ от пациентов с кучей долгов.

Лечение должно быть партнерством, которое ценят обе стороны, и это требует тяжелой работы от всех участников. Грейс не привыкла бежать от трудностей, а к тому времени, когда Страждущие приходили к ней, они уже были готовы делать все, что нужно.

Дай им бог здоровья.

Хелен по-прежнему льнула к врачу. Она была на пятнадцать лет старше Блейдс, но сегодня, в этом тихом, милом кабинете, психотерапевт была матерью, а ее клиент – ребенком.

Грейс была младше большинства своих пациентов, но ей казалось, что она старше на несколько веков. Она подозревала, что никто из них не думал о ее возрасте. Их интересовало только одно – ее способность им помочь. Так и должно было быть.

Полтора месяца назад ей исполнилось тридцать четыре, но при необходимости она могла сойти за двадцатипятилетнюю. Одаренная студентка, Грейс защитила докторскую диссертацию по клинической психологии в удивительно юном возрасте, спрессовав шестилетний курс в четыре года – она была второй за всю историю Университета Южной Калифорнии, кому это удалось.

Первым был преподаватель, который вел у Грейс обязательный семинар по детской клинической психологии. Она не любила работать с детьми, но Алекс Делавэр, как никто другой, сумел сделать этот предмет интересным. Вне всякого сомнения, он был блестящим человеком, скорее всего, одержимым, мотивированным, склонным к перфекционизму и с не самым легким характером. Но Блейдс ценила его прямолинейность, а его успехи в борьбе с научной бюрократией подвигли ее последовать его примеру.

Теперь, достигнув возраста, когда отказывающиеся взрослеть маменькины сынки все еще «пытаются разобраться в себе», Грейс наслаждалась взрослой жизнью.

Ей нравилось все, что сопровождает зрелость, – ее место в жизни, роскошь, которой она себя балует, повседневный ритм и привычки.

Даже внешность – впрочем, без перехода в эгоцентрическое заблуждение.

Мужчины называли ее красивой, но объяснялось это послеоргазменной Y-хромосомной близорукостью. Она была в лучшем случае привлекательной, и ее тело состояло скорее из плоскостей, чем из округлостей. Слишком широкие плечи и слишком узкие бедра скрывали ее тонкую талию – до фотографии на развороте модного журнала ей было так же далеко, как до луны.

Что подтверждали и ее груди.

В четырнадцать Блейдс льстила себе, называя их дерзкими и полагая, что в свое время они расцветут и приобретут пышность. Когда ее возраст удвоился, она стала радоваться дерзости.

Широко расставленные карие глаза Грейс нельзя было назвать выразительными. Ее очень удивляло, когда мужчины утверждали, что видели крошечные золотистые искорки рядом со зрачками. Сама она не могла их обнаружить, сколько ни пыталась.

Один надоедливый будущий поэт назвал ее глаза «двумя колодцами драгоценной руды». Но это была скорее уж не руда, а пирит. Лицо, на котором сидели эти глаза, было слишком длинным для идеального овала, хотя его тонкие кости были обтянуты гладкой смуглой кожей. Россыпи светло-коричневых родинок встречались в самых интересных местах по всему телу. Еще один мужчина назвал эти мазки пуантилиста «десертом» и принялся лизать их. Грейс позволила ему это, но потом почувствовала себя собачьей миской с водой.

Волосы можно было записать ей в плюс – шелковистая каштановая масса, выглядевшая превосходно при любой стрижке. Несколько месяцев назад она позволила стилисту из Беверли-Хиллз дать волю фантазии, результатом чего стала пышная копна, которая заканчивалась прямо над лопатками и легко приводилась в порядок простым встряхиванием.

Но победителем был... подбородок. Твердый, заостренный, четко очерченный и сильный.

Ни намек на нерешительность.

Психотерапевтический подбородок.

Хелен разомкнула объятия: ее лицо было спокойным и уверенным. Она взяла предложенную салфетку и села в кресло пациента.

Сеанс очень затянулся, чего Грейс старалась избегать. Но нужно проявлять гибкость, а сегодня Хелен была последним пациентом. У Грейс оставалось еще много сил на то, что ждало ее вечером.

Тем не менее она слегка повернула голову, чтобы клиентка обратила внимание на бронзовые часы в стиле модерн, стоявшие на каминной доске.

Губы Хелен сложились в букву «О».

– Простите, доктор... Позвольте заплатить за дополнительное время.

– Ни в коем случае, Хелен.

– Но, доктор Блейдс...

– Было очень приятно с вами повидаться, Хелен. Я горжусь вами.

– Правда? Даже несмотря на то, что я расклеилась?

Этот вопрос женщина задавала каждый год.

– Хелен, то, что я сегодня видела, – это честность.

– Лучшая политика? – Пациентка попыталась улыбнуться.

– Не всегда, но в данном случае лучшая. Вы замечательный человек.

– Прошу прощения?

Грейс повторила комплимент. Хелен покраснела и опустила взгляд на свои новенькие ковбойские сапоги, не подходящие к платью, но все равно симпатичные.

Теперь она жила на ранчо в окрестностях Бозмена с новым мужчиной ее мечты, крупным, практичным, похожим на дубовую доску человеком, который любил охоту и рыбалку и жалел, что не может добраться до того ублюдка, который...

– Иногда, доктор Блейдс, мне кажется, что честность – самая худшая из всех вещей, – сказала клиентка.

– Возможно. Однако посмотрите на это так, Хелен: честность подобна одному из ружей Роя. Правильно пользоваться ею может только обученный человек.

Клиентка задумалась.

– О... да. Понимаю...

– Мне кажется, Хелен, вы на пути к тому, чтобы стать в этом деле большим специалистом.

– О... спасибо, доктор Блейдс... Пожалуй, мне пора... Рано утром у меня самолет.

– Приятного путешествия.

Еще одна натянутая улыбка.

– Думаю, у меня получится, доктор Блейдс. Вы всегда говорили: в какой-то момент мы должны решить, что должны быть добрыми к себе.

Грейс встала и сжала руки Хелен, а через секунду отпустила левую и, продолжая держать ее за правую, вывела пациентку из кабинета. Делала она это ловко и изящно, как опытный танцор танго, чтобы Хелен чувствовала, что ее поддерживают, а не отвергают. Они молча прошли по пустому полутемному коридору, который вел в приемную, и добрались до входной двери, где клиентка остановилась.

– Доктор, можно мне... Вы понимаете?

Еще один привычный вопрос.

Грейс улыбнулась.

– Конечно, электронной или обычной почтой. Или «Пони-экспресс», если вам удобнее.

Тот же ответ, что и всегда. Женщины рассмеялись.

– И еще, Хелен: если окажетесь в Лос-Анджелесе, вспомните обо мне, – добавила Блейдс. – Хотя бы просто поздороваться.

Теперь улыбка пациентки была сердечной и широкой, без намека на конфликт. Когда они так улыбались, Грейс понимала, что выбрала правильную профессию.

– Я о вас всегда помню, доктор Блейдс. Всегда.

Глава 3

Кабинет Грейс раньше был главной спальней коттеджа в английском деревенском стиле, который служил ее профессиональной штаб-квартирой. Симпатичный маленький домик постройки двадцатых годов находился на тихом углу одной из ничем не примечательных улочек Западного Голливуда и, как и многие его соседи, прятался за высокой зеленой изгородью.

Это место находилось в пешей доступности от квартир в Беверли-Хиллз, но достаточно далеко от роскошных кварталов, а также лихорадочной суеты Бойстауна в Западном Голливуде. Угловое расположение было не случайным – Блейдс настаивала, чтобы пациенты могли входить с одной улицы, а выходить на другую.

На первый взгляд люди, обращавшиеся к ней за помощью, имели много общего, однако они никогда не встречались друг с другом. Другой психотерапевт мог бы возразить, указав, что пациентам с посттравматическим синдромом полезно делиться друг с другом своими переживаниями.

Возможно, но, по мнению Грейс, важнее была потребность в глубоком зондировании, в магии бесед один на один. Иногда она думала о себе как о своего рода эмоциональной вакцине.

В ее кабинете были мягкие кресла, мягкий свет и приглушенные краски, а единственным, что напоминало о ней самой, были рамки с дипломами, сертификатами и почетными званиями на стене позади письменного стола.

В доме были деревянные панели на стенах, лепнина с орнаментом в виде греческого ключа, декоративные ниши, облицованный плиткой камин и окна с ромбовидными стеклами. Прямо в день покупки дома Блейдс принялась мыть и красить дубовые полы, а затем, ползая на четвереньках, натерла их. Освоив азы шитья – много проб и еще больше ошибок, – она соорудила занавески из некрашеного шелка, найденного в комиссионном магазине, и повесила их на старинные латунные стержни, которые купила через Интернет.

Гордишься мной, Малкольм?

Результат: рабочая обстановка. То, что *нужно*.

Теперь, когда рабочий день закончился, Грейс налила себе стакан воды и прошла в гостиную, которая была переоборудована в приемную. Раздвинув занавески на двух окнах, выглянула в темноту.

Звезд не было – такие вечера она любила больше всего.

Заперев входную дверь на два замка и выключив свет, Грейс вернулась в кабинет и отперла вместительный шкаф, предназначенный для гораздо более богатого гардероба, чем тот, что помещался в нем теперь. Из маленького кожаного футляра она достала пару цветных контактных линз, продающихся без рецепта, – у нее собралась уже целая коллекция.

Сегодня будут голубые, через которые немного просвечивает естественный карий цвет, и в результате получается загадочный оттенок цвета морской волны. Сбросив бордовые туфли без каблуков, женщина расстегнула рабочий халат – один из дюжины белых шелковых халатов с застежкой до низу, которые сшил ей портной из Гонконга, дважды в год приезжавший в Лос-Анджелес на закрытые показы моделей, – и стянула черные слаксы мужского покроя, также приобретенные у мистера Лэма в количестве двенадцати штук. За слаксами последовали трусики и бюстгальтер, место которых заняло вечернее платье.

Грейс выбрала его вчера – из серого кашемира, узкое и облегающее фигуру, с длинными рукавами и воротником «хомут», которое она окрестила «цельнокроеным чудом». Шелковая подкладка делала белье ненужным. Нейтральный серый цвет подчеркивал красоту каштановых волос, юбка заканчивалась на дюйм ниже колен, обещая интересное путешествие, а рукава выставляли руки в выгодном свете.

Ни пуговиц, ни молний, ни каких-либо украшений. Надевается через голову, с поднятыми руками, и скользит по телу, словно жидкий лосьон.

Красно-коричневые замшевые туфли ручной работы были изготовлены сапожником из Барселоны, специализировавшимся на обуви для фламенко. Теперь шоколадного цвета портфель с одной застежкой и такого же тона сумка-кисет, в которой уже лежали деньги, помада и серая матовая «Беретта» калибра 22 – и она готова.

Время развлечься.

Прошло уже довольно много времени – несколько месяцев, – с тех пор как Грейс позволила себе Прыжок. Воздержание не имело ничего общего с неуверенностью в себе или сдержанностью – это был вопрос профессиональной ответственности. При таком насыщенном графике работы доктор Блейдс была обязана сосредоточиться на душевном здоровье пациентов.

Но это не означало отсутствия нескольких маленьких «прыжков».

Возвращаясь домой поздно вечером по Калифорнийскому шоссе № 1 и убедившись, что пустая дорога плавно идет под уклон, она медленно нажимала на педаль газа своей «Астон Мартин».

Разгоняла машину до семидесяти, восьмидесяти, девяноста, ста двадцати миль в час.

И на этой скорости неслась вперед, зажмурился глаза.

Радость невесомости.

Пару недель назад, в воскресенье, Грейс встала на рассвете и пошла пешком вверх по каньону, отходившему от шоссе в глубь суши. Она была единственным исследователем размеченных троп, которые, извиваясь, поднимались к горам Санта-Моника. Две мили женщина шла по маршруту, а потом разделась догола, скатала одежду, сунула ее в рюкзак и сошла с тропы, углубившись в кустарник.

Скоро заросли стали густыми, заслонив все ориентиры.

Потеря ориентации вызывала радостное возбуждение.

Она заблудилась.

Поддалась страху. Преобразовывала его в возбуждение.

Она заглядывала в глубины своего сознания, вспоминала, через что ей пришлось пройти и чего она достигла.

Главное – выжить.

Это потребовало времени, но в конечном итоге Грейс вышла к своей машине, грязная, исцарапанная и покрытая синяками. В памяти у нее четко отпечатались грозный рык и желтая шкура пумы.

Царапины легко скрывались косметикой. Бравата зверя острым шипом сидела у нее в мозгу, и вечером она легла в постель, представляя ярость пумы и ее жажду крови. Спала она прекрасно.

О, великолепный убийца!

Возможно, когда-нибудь она вернется и поищет большую кошку.
В рюкзаке у нее будет кусок сырого мяса.

Обнаженная женщина с мясом. Отличное название для картины.

Глава 4

Выходила Грейс через кухню и вторую дверь для пациентов, которая вела на обрамленную бальзамином и затененную палисандром лужайку, служившую задним двором коттеджа.

Узкая дверь была прорезана в фасадной стене гаража. Дом был крошечным, но строили его для Лос-Анджелеса, а это даже в двадцатые годы означало «религию автомобиля» и место для двух машин.

В гараже хозяйку ждали две колесницы, обе черные и безупречно чистые, обе – по ее мнению – женщины.

Универсал «Тойота Матрикс S» служила воплощением логики и функциональности, а индивидуальности в ней было не больше, чем у дерева в лесу.

«Астон Мартин DV7» олицетворяла иррациональность.

Сегодня выбор был очевиден.

Скользнув в низкую красавицу, Грейс пультом открыла дверь гаража, нажала красную кнопку стартера, и под капотом машины ожили четыре сотни фыркающих лошадей. Включив «Айпод», женщина поставила Шестой Бранденбургский концерт Баха и задом выехала из гаража, после чего остановилась, оглядывая улицу и давая двигателю время, чтобы прогреться.

Автомобильная прелюдия. Если торопить девушку, она может стать упрямой и капризной.

Когда рокот двигателя «Астон Мартин» просигнализировал о готовности, Грейс снова огляделась, а затем ее коричневая туфля вдавила педаль газа.

Машина рванулась вперед, словно ракета. Блейдс промчалась квартал или два, а затем притормозила, пробираясь через лабиринт узких улочек к выезду на Сансет.

Она двигалась в противоположном направлении от своей цели, потому что ей требовалось время, чтобы расслабиться. Прибавив Баху громкость, женщина ехала до тех пор, пока не почувствовала, что ее тело стало спокойным и расслабленным и слегка зазудело в предвкушении чудесного Прыжка. Повернув налево, машина с ревом

пересекла несколько кварталов темных жилых домов на склоне холма, миновала знак тупика и описала круг. Промчавшись в обратном направлении, Грейс вернулась на Сансет, влилась в поток транспорта и поехала на запад вдоль границы Беверли-Хиллз.

Пейзаж за окном изменился, словно она попала в другую страну. Место клубов, кафе и офисов шоу-бизнеса теперь заняли огороженные поместья с избытком хлорофилла. Примерно через полмили относительного безмятежного пейзажа Блейдс свернула на юг и поехала по широким и плоским улицам, по большим и маленьким бульварам Санта-Моники, пока не оказалась в деловом центре Беверли-Хиллз.

В этот час почти все заведения уже закрылись, и свет горел только в витринах нескольких магазинов. У богатых имелись бассейны, теннисные корты, домашние театры, домашние спа – все что угодно. Какой смысл куда-то ехать и смешиваться с мужланами? Немногочисленными драгоценными мужланами – горсткой туристов и любителей разглядывать витрины...

Когда «Астон Мартин» повернул к бульвару Уилшир, перед Грейс открылось долгожданное великолепное зрелище, однако остановилась она за полквартала от цели.

* * *

Отель «Беверли Опус» представлял собой зиккурат из розового известняка и дымчатого стекла с вымощенной сланцем парковкой, в центре которой красовался фонтан в окружении пальм. Современный хром должен был служить доказательством элитной клиентуры отеля, но служащие в цилиндрах и фраках за чаевые в двадцать долларов с удовольствием ставили на парковку любой приличный автомобиль.

Дешевой – три доллара после восьми вечера, при условии, что у вас есть кредитная карта, которую можно скормить автомату на въезде, – общественной стоянкой Грейс воспользовалась вовсе не из бережливости.

Подготовка – залог успеха.

Заехав на верхний уровень, она принялась искать самый темный и глухой угол, скрытый от любопытных взглядов за колонной.

Найти нужное место не составило труда – заляпанный маслом просвет в юго-восточном углу, между *двумя* колоннами.

Именно таких мест советуют избегать женщинам все руководства по самозащите.

Превосходно.

* * *

Отель «Бeverли Опус» был построен всего три года назад, и в городе почти сразу же начали распространяться слухи о его закрытии. Возможно, когда-нибудь они сбудутся – Грейс заметила, что с прошлого раза, полгода назад, количество шикарных автомобилей уменьшилось.

И еще один плохой признак: ни одного папарацци, выглядывающего из проулка.

Рядом с косметическим салоном на Кэмден-драйв, где доктор Блейдс еженедельно делала маникюр и педикюр, этих безумцев с камерами всегда хватало, но к «Опусу» они утратили интерес.

М-да...

Психотерапевт прошла мимо служащих парковки и швейцара. Шесть месяцев назад у нее была другая прическа, другое платье, другой макияж и другая походка. Но даже если б она и не изменила внешность, никто не обратил бы внимания на еще одну стройную моложавую женщину с портфелем.

Командировочный – синоним невидимки.

И действительно, трое клерков за стойкой администратора даже не подняли головы, когда она проходила мимо.

Грейс пересекла облицованный мрамором вестибюль, прошла мимо огромного стола в стиле «пьетра дура», украшенного таким количеством цветов, что их хватило бы на месяц похорон. По длинному коридору, образованному еще не закрывшимися, но уже не такими многолюдными магазинами подарков, она направилась в холл, похожее на пещеру помещение, которое казалось еще больше благодаря кессонному потолку высотой в десять метров. Там в случайном порядке располагались диваны и орхидеи в горшках.

Имелся в этом месте и ярко-оранжевый рояль, за которым никого не было.

Холл был на две трети пустым, и каждому посетителю доставалось много персонального пространства. Тихая джазовая мелодия, звон стаканов, монотонный гул обязательной болтовни...

Выбрав двухместный диван, развернутый так, чтобы сидеть лицом к пианино, но стоящий достаточно далеко от него, а также от бара позади него, Грейс села, поставила рядом с собой портфель из змеиной кожи и положила сумочку на диван. Скрестив ноги, женщина покачала туфлей, и лицо у нее стало задумчивым, а потом, словно приняв решение, она открыла портфель и извлекла из него стопку инвестиционных писем из рекламных рассылок, приходивших ей в офис, – скучная хрень, которую она собирала для таких вечеров, как этот. Вытащив насыщенную жаргоном статью о перспективных рынках, Блейдс сделала вид, что увлечена таблицами, графиками и неудачными попытками прогнозирования.

Прошло совсем немного времени, когда послышался голос с испанским акцентом:

– Что-нибудь желаете, мэм?

Грейс подняла голову и улыбнулась низенькому, полному официанту лет пятидесяти. На маленькой латунной пластинке у него на груди было выгравировано его имя: *Мигель*.

– «Негрони»^[2] со льдом, пожалуйста. Джин «Хендрикс», если он у вас есть, – заказала врач.

– Конечно, есть, мэм.

– Отлично. Спасибо.

– Что-нибудь из еды, мэм?

– Гм... У вас все еще готовят тосты с сыром?

– Конечно.

– Тогда тост с сыром и «Негрони».

Одарив Мигеля еще одной улыбкой, дама снова сделала вид, что изучает финансовые документы. Через несколько минут напиток и тост оказались у ее правой руки. Она кивнула и поблагодарила официанта, стараясь не переусердствовать.

Пригубить, откусить, еще пригубить.

Горьковатый вкус «Кампари» был великолепен. Он перебивал несбыточные финансовые надежды, а огуречный аромат шотландского

джина усиливал наслаждение. В прошлом году Грейс подарила себе неделю во Флоренции, остановившись в слишком большом номере в «Четырех сезонах». В баре подавали коктейль под названием «Валентино», нечто похожее на классический «Негрони», но с более сильным ароматом огурца и чего-то еще, что Блейдс не могла определить. Она пообещала себе узнать рецепт, но до сих пор не сделала этого.

Такая занятая девочка.

Продолжая делать вид, что читает финансовые документы, психотерапевт вспоминала Флоренцию. В мыслях у нее мелькали картины, словно слайд-шоу.

Прыжок, который она совершила там.

Сразу после полуночи, в превосходном тосканском саду отеля.

Милый мужчина под пятьдесят по имени Энтони, британец, банкир, сдержанный и вежливый, хотя и некрасивый. Трогательно удивился, когда в баре она ответила на его взгляд вздернутой губой и взмахом ресниц своих темно-карих глаз.

Потом все остальное – бедняга кричал, что любит ее, когда кончил.

Предполагая, что утром он попытается отыскать ее, Грейс пораньше выписалась из отеля, проехала по тосканским магазинам и купила себе кое-что из недорогого «Прада». А потом отправилась в Рим, где ела соленую треску и феттучини с вяленой говядиной в старом еврейском гетто и готовилась к одиннадцатичасовому перелету. Дом, милый дом...

Страждущие нуждались в ней. Энтони справится.

* * *

Грейс читала, пила коктейль и грызла тост в холле «Опуса» ровно пять минут, а потом подняла голову, сделала вид, что сдерживает зевок, и, стараясь, чтобы ее глаза и голова по возможности оставались неподвижными, оглядела помещение.

Рядом с роялем расположились четыре бесполезных компании: три из трех человек, по виду бизнесменов, и одна из четырех парней,

скорее всего, компьютерных гениев, которые были гораздо богаче, чем можно было предположить по их одежде.

Справа от доктора Блейдс сидели две одинокие женщины. Одна – блондинка лет шестидесяти, но не утратившая привлекательности, возможно, равнодушная к спиртному, с огромными сиськами, грозящим меланомой загаром и платиновыми волосами, которые словно излучали свет. Все это было упаковано в маленькое черное платье без рукавов, открывавшее стройные, но жилистые ноги и покрытую темным загаром и россыпью веснушек ложбинку между грудей. Вид женщины буквально кричал: *Кто-нибудь, трахните меня! Быстрее!* Грейс подумала, что в конечном итоге эта дамочка добьется своего.

Вторая женщина была обыкновенной, в коричневом костюме, который ей не шел. Как и Блейдс, она читала что-то похожее на документы. Но, в отличие от нее, по-настоящему.

И последнее, но самое главное. Слева от Грейс сидели две возможные цели.

Одинокие мужчины.

Первым был очень высокий черный парень с похожими на ходули ногами, вероятно, бывший спортсмен. Перед ним стояла диетическая кола. Он заметил Грейс, и в его глазах вспыхнул огонек интереса, но лишь на мгновение – парень отвел взгляд вправо и встал, встречая внезапно появившихся красавицу жену и дочь лет десяти. Последний глоток колы – и Счастливый Семьянин удалился.

Второму обладателю Y-хромосомы было не меньше восьмидесяти. Блейдс не привлекали слишком зрелые мужчины – много лет назад в Нью-Йорке она подцепила французского хирурга, который был в два раза старше ее, и он оказался добрым, понимающим и гораздо более умным, чем любой из тех парней, с которыми она встречалась. Но терпение, нежность и маленькие голубые таблетки – это совсем не то, чего она жаждала сегодня.

При условии, что цель появится.

* * *

Следующие двадцать две минуты никто не появлялся, и Грейс, потягивая напиток и перейдя к второй брошюре, задумалась, не поменять ли дислокацию. Наверное, стоит вернуться в Западный Голливуд, в один из вызывающе роскошных отелей, выстроившихся вдоль бульвара Сансет. Если же это не сработает, можно устроиться в безнадежно устаревшем коктейльном зале, где собираются бездельники из трастовых фондов.

Или смириться с невезением.

Прошло еще немного времени, и она уже готовила себя к тому, что ничего не выйдет, когда подняла голову и увидела его.

Глава 5

Вид у него был немного растерянный, и он довольно долго колебался, пока не выбрал кресло по диагонали от наблюдательного поста Грейс.

Такого же возраста, как она, или чуть старше, среднего роста, приятная внешность, черные волосы слегка длинноваты – скорее из-за пренебрежения стрижкой, чем намеренно. Одет в твидовую спортивную куртку, слишком теплую для Лос-Анджелеса, голубую рубашку на пуговицах, мятые брюки цвета хаки и коричневые кожаные туфли.

Куртка была мешковатой. Брюки напоздали на туфли. Но все это не было притворной небрежностью выпускника частной школы. Он не был похож на человека, который проводит много времени перед зеркалом.

У Блейдс появилась надежда.

Она продолжала читать, бросая взгляды поверх буклета. Мужчина взял карту напитков у официантки – смена Мигеля закончилась, и теперь гостей обслуживала цыпочка в мини-юбке. Судя по ее позе, эта девушка была настоящим асом флирта в расчете на чаевые.

С этим парнем она старалась зря: он даже не посмотрел на нее.

Похоже, все будет просто.

Просмотрев меню, мужчина отложил его, опустился в кресле пониже, прищурился, глядя в пространство, закрыл глаза и, похоже, задремал.

Цыпочка вернулась с пивом, по-прежнему демонстрируя свое тело. На этот раз посетитель посмотрел на нее, слабо улыбнулся и расплатился – он давал понять, что больше ничего не будет заказывать. Не хочет, чтобы его беспокоили?

Возможно, потому что после одного глотка он снова закрыл глаза.

Через несколько секунд мужчина снова отхлебнул из бокала. Грейс наблюдала за ним, прикрывшись брошюрой. На этот раз его глаза остались открытыми, и им как будто овладело беспокойство. Тогда она опустила брошюру, пригубила свой «Негрони» и скрестила ноги – так чтобы были видны смуглая лодыжка и один дюйм бедра.

Красно-коричневая туфелька повисла на пальцах и принялась раскачиваться – замшевый маятник.

Блейдс откинулась назад, чтобы серое платье поднялось еще немного. Это привлекло внимание Твидовой Куртки. Он посмотрел на женщину, потом отвел взгляд, а затем снова принялся рассматривать ее. Она же делала вид, что увлечена деривативами.

Он взял бокал обеими руками и сделал большой глоток, а затем пальцем смахнул пену с губ. Посмотрел на палец, вытер его о бумажную салфетку.

Грейс перевернула страницу, коснулась губами коктейля и повернула голову, заметив, как незнакомец поспешно отводит глаза. В следующий раз ей удалось поймать его взгляд. Пару секунд она смотрела ему в глаза, а потом притворилась, что не делала этого, и продолжила его игнорировать. Сменила положение ног.

Потом выпрямилась и слегка выгнула спину, чтобы кашемировое платье плотно обтянуло ее тело.

Мужчина допил пиво – теперь его бокал был пуст. Он отбросил волосы со лба, но прядь вернулась на место, и ему пришлось стряхнуть ее назад еще раз.

Блейдс читала, покачивая другой туфелькой, а потом плавно повернула голову, продемонстрировав каскад волос. После этого, пригладив каштановое цунами, отвернулась от объекта своего внимания.

И снова повернулась к нему.

Их взгляды опять встретились.

На этот раз она не притворялась, что смотрит куда-то еще – на ее лице застыло безразличное выражение. Мужчина явно смутился, что его поймали.

Доктор улыбнулась.

Он благодарно улыбнулся в ответ. Взял бокал. Понял, что тот пуст, посмотрел на Грейс и пожал плечами.

Она рассмеялась.

Слуха у Блейдс не было, но природа подарила ей приятный голос – на полтона выше контральто, тягучий, как крем. Не менее обворожительным был ее смех во время Прыжка – хрипловатый взрыв веселья, который мужчины находили неотразимым.

Убедившись, что ее смех перекрывает гул голосов, она осушила свой бокал, подняла его и приветливо улыбнулась.

У меня тоже, дружок.

Теперь настала его очередь рассмеяться. Он сделал это слишком тихо, чтобы можно было услышать, но его губы растянулись в приятной улыбке.

Полные, красиво очерченные губы. Грейс была готова поспорить, что мягкие.

Теперь, когда у нее появилась возможность получше рассмотреть этого человека, она поняла, что он красив. Нельзя сказать, что это имело какое-то значение. Энтони во Флоренции был похож на жабу, но тело Блейдс тогда пело.

Внезапно объект засмутился и отвел взгляд.

Очень трогательно.

Красавчик – несомненно. Но не воплощение грубой мужественности, с тяжелой челюстью и выступающими надбровными дугами. Скорее... каждая черта ничем не примечательна, но все вместе они образуют изящную композицию. Симметричную. А в основе – привлекательность, сведенная к симметрии.

Наверное, некоторые женщины назвали бы его внешность мальчишеской. Некоторые западают на такой тип.

Следующие четыре минуты Грейс чередовала взгляды в глаза, за которыми следовали дружелюбные улыбки, с другими, нейтральными.

Пальцы объекта начали барабанить по столику, а голова слегка покачивалась в такт этому стуку.

Танец начался.

Потом вернулась Цыпочка – чтоб ей провалиться! – и спросила, не хочет ли он повторить. Незнакомец уже собрался отрицательно качнуть головой, но посмотрел мимо официантки на Грейс.

Та подняла свой бокал и покрутила ладонью свободной руки.

Какого черта, давай оба повторим!

Мужчина что-то сказал Цыпочке, заплатил за два напитка и указал на Грейс. Цыпочка повернулась, увидела доктора Блейдс, нахмурилась и ушла.

Теперь объект открыто смотрел на Грейс, даже не притворяясь бесстрастным. Она поманила его согнутым указательным пальцем.

Он ткнул себя в грудь.

Кто, я?

Когда он подошел к ее столику, его дыхание уже участилось.

Женщина похлопала по дивану рядом с собой.

Он сел.

– Спасибо.

Чудесный голос, глубокий и мягкий. Немного дрожит – не привык к такому.

Лучшего Грейс и придумать не могла бы.

Глава 6

Ложь Грейс была тщательно подготовлена.

Ее звали Хелен, она работала «в области финансов» и приехала в Лос-Анджелес на конференцию. Когда мужчина поинтересовался темой этой конференции, она улыбнулась:

– Поверьте, вам будет неинтересно. Разве что вы хотите мгновенно заснуть.

Он рассмеялся.

– Нет, я предпочту бодрствовать.

– Ладно, теперь ваша очередь. – Блейдс тряхнула волосами.

– Будет скучно.

Улыбка Грейс была ослепительной.

– А это уж мне решать.

* * *

Его звали Роджер, он был инженером-строителем и приехал в Лос-Анджелес на совещание по поводу «корпоративного проекта – поверьте, вам будет неинтересно».

Фраза предназначалась для создания непринужденной и доверительной атмосферы, но Роджер вдруг помрачнел.

– Сложный проект? – спросила Грейс.

Его лицо напряглось, а улыбка, которую он пытался удержать, стала вымученной.

– Нет, нормальный – обычный.

Женщина ждала.

Ее новый знакомый отхлебнул пиво из бокала.

– Наверное, я немного... Это джетлаг^[3]. Простите.

– Долгий перелет?

– А разве в наши дни бывают короткие?

– Не любите безвкусную еду и когда с вами обращаются, как с преступником, да? Вы придирчивы?

Грейс сложила пальцы в виде пистолета и направила на мужчину, а затем, опуская руку, позволила кончикам пальцев скользнуть по его брюкам, коснувшись коленной чашечки. Контакт длился меньше секунды, но Роджер почувствовал его и опустил взгляд.

Женщина взяла свой бокал. Лицо ее было абсолютно невинным. Плечи у ее собеседника опустились, губы пересохли.

Он снова принялся за пиво. Позволил взгляду скользнуть к ее ногам, а потом заставил себя оторваться от этой соблазнительной картины. Грейс сунула финансовую чепуху в портфель, после чего сделала вид, что обнаружила, какое количество ее обнаженной кожи открыто взглядам, и одернула платье. Под тонкой тканью платья отчетливо выделялись груди. Соски затвердели, чего нельзя было не заметить.

Адамово яблоко инженера Роджера дважды дернулось вверх-вниз. Голубые глаза с расширенными зрачками передавали невербальное сообщение: серьезный интерес.

Миссия выполнена.

Он прочистил горло.

– Значит... спасибо за компанию, Хелен.

– И вам, Роджер.

– Это немного... – Мужчина покачал головой.

– Что, Роджер?

Он пожал плечами.

– Это очень мило.

– Мило, но вы не это хотели сказать.

Роджер отвел взгляд.

Грейс коснулась его плеча.

– В чем дело?

– Ни в чем. Честно. Хотите еще?

Блейдс не притронулась к второй порции «Негрони». Она указала на свой бокал и улыбнулась.

Инженер покраснел.

– Мистер Наблюдательность... Я хотел сказать... У меня такое чувство... Ладно, мне кажется, что я не в своей весовой категории.

– Мило.

– Нет, я серьезно.

– А какая у вас весовая категория, Роджер?

– Если честно, то никакая. – Мужчина покачал головой и поставил бокал. – Кажется бессмысленным, да? Это прозвучит глупо, но я не делаю этого в порядке вещей.

Странная, почти архаичная фраза. На этот раз улыбка Грейс отражала незапланированное удивление.

– Не делаете чего?

– Не разговариваю с чужими женщинами... О черт, простите, я не так выразился... С незнакомыми... – Пальцы инженера задрожали, почти по-женски. – Я в этом не очень силен.

Блейдс накрыла его ладонь своей и не убирала руку. Прикосновение заставило его вздрогнуть.

– Тут нет ничего такого, мы просто разговариваем, – сказала женщина.

Роджер прикусил губу, и Грейс подумала, что он сейчас уйдет. Может, она перестаралась и все испортила?

Он расслабился. Взял свой бокал и поднял, салютуя:

– За вас, Хелен.

Врач отпустила его руку. Он пил, а она делала вид, что пьет. Они сидели рядом, не слыша фоновой музыки и не обращая внимания на остальных людей. В конце концов Грейс проглотила несколько капель «Негрони». Думая о «Валентино» из Флоренции. Думая о них обо всех. С любовью.

Роджер допил пиво. Подавил отрыжку. Поморщился и пробормотал:

– Как все гладко. Черт, это...

– Ненавижу гладкость, Роджер.

– Правда? – Речь мужчины немного замедлилась. – Почему же?

– Потому что гладкость – просто еще одна форма обмана, Роджер. Как харизма. А что может быть хуже харизмы?

Инженер вздрогнул. Посмотрел вверх.

– Согласен, харизма – отстой. – Голос у него стал более звучным. Как будто замечание Грейс наполнило его энергией.

– Совершенно, верно, Роджер. Вы интересуетесь политикой? – спросила женщина.

– Боже упаси! – с неожиданным жаром воскликнул он. – Пытаюсь держаться от нее подальше.

– Свободны?

– Прошу прощения?
– Никаких серьезных обязательств?
– Никаких. Политических и личных.
– У меня тоже. – Блейдс показала руки, на которых не было колец. – Так я гарантирую себе приятную компанию после скучного рабочего дня.

– Надеюсь, я не испортил вам вечер, – рассмеялся мужчина.

Грейс выдержала паузу.

– Многовато извиняетесь, Роджер.

– Я? Прост... – Он замер. А потом расхохотался.

Блейдс снова провела ногтями по его колену, накрыла ладонью его руку и сжала пальцы. Он провел кончиком языка по верхней губе, а на шее у него начала пульсировать жилка. Будем считать это признаком искренности – вегетативную нервную систему не обманешь.

Грейс выдержала паузу, а потом прошептала:

– Роджер?

Он наклонился вперед. Никакого лосьона после бритья – только свежий запах мыла и воды.

– Да?

– Вы не проводите меня до машины?

– Прошу прощения?

Женщина снова сжала его пальцы.

– Сегодня был длинный день. Вы меня проводите?

Она встала и взяла сумочку с портфелем. Роджер остался сидеть, глядя на нее снизу вверх – лицо его напоминало жалкую маску разочарования.

Растерянный и милый, как подросток. Грейс почти пожалела его.

– Если это слишком обременительно, Роджер...

– Нет, нет, никаких проблем. – Он все еще сидел.

– Я не собираюсь отправляться в пешее путешествие, Роджер. Всего полквартила. Осторожность девушке не помешает.

Мужчина вскочил. Покачнулся, развернул плечи и выпрямился.

– Разумеется. С удовольствием. Идемте.

Грейс взяла его под руку и почувствовала, как по его бицепсу пробежала дрожь. Превосходная мускулатура – он сильнее, чем кажется.

Они вместе вышли из холла.

Никто не обратил на них внимания.

* * *

Короткая прогулка прошла в молчании. Роджер был озадачен и пытался это скрыть, украдкой поглядывал на свою спутницу и стараясь понять ее поведение. При этом он старался идти в ногу с Грейс. Она проверила это, то замедляясь, то ускоряясь, то снова замедляясь.

Он мог сомневаться, но не больше секунды, и всегда подстраивался под нее. Молодец.

Если ты и не умеешь танцевать, Роджер, то быстро учишься.

Когда они приблизились к муниципальной парковке, Блейдс крепче сжала его руку. Мужчина поморщился, сбился с шага, но довольно ловко исправился, хотя и не полностью восстановил равновесие, когда они входили в здание.

Быстрый взгляд вниз, а потом еще более быстрый в сторону, выдали причину его заминки.

Брюки цвета хаки были неважным прикрытием для этой чудесной выпуклости. Грейс еще больше замедлила шаг, наслаждаясь.

Она направилась к лифту.

– Моя машина наверху. Вы подниметесь со мной, Роджер?

– Конечно, без проблем.

Пройдя мимо лифта, женщина повела своего сопровождающего к лестнице и прижималась к его руке, пока они шли по ступенькам.

– Вот здесь. – «Астон Мартин» Блейдс оставила этажом выше.

Она повела инженера в самый темный, пустой угол, затянула на свободное место, прижалась спиной к стене и тряхнула головой – так, чтобы волосы упали на лицо, а затем раздвинулись, позволяя увидеть жар ее глаз.

Грейс хорошо знала эту парковку. Каждое машино-место было снабжено бетонным ограничителем. Превосходная подставка для ее правой ноги. Она подняла эту ногу почти перпендикулярно левой.

Геометрическая Женщина. На первый взгляд странная поза.

Красивые голубые глаза Роджера обшаривали помещение. Абсолютно растерянные.

– Спасибо, вы настоящей джентльмен, – сказала Грейс.

– Но здесь нет машины...

Врач обхватила ладонями лицо мужчины и поцеловала его – сначала нежно, потом страстно. Он сопротивлялся всего долю секунды, прежде чем сдаться. Ее язык без труда проник между его губ.

Роджер таял, словно безе. Его ладонь несмело легла на ее плечо, а вскоре переместилась на грудь. Блейдс придвинулась ближе, показывая, что он на правильном пути.

Он легонько сжал ее грудь.

Чудесное, нежное прикосновение, Роджер. Кажется, ты будешь победителем.

Расстегнув ему ширинку, женщина высвободила его член и медленно погладила. У Роджера перехватило дыхание. Закрыв глаза, он принялся нащупывать подол серого платья. Но Грейс опередила его, резко дернув вверх мягкую ткань, чтобы открыть бедра. Не меняя положения ног – правая согнута, левая прямая, – подалась навстречу его пальцам.

Она подставила себя его ласкам, направляя его руку. Его глаза широко раскрылись, круглые и яркие, как у испуганного ребенка.

Натуральный голубой цвет. Роджер не пользовался линзами.

Грейс задавала ритм, одной рукой обняв его за шею – сначала медленно, потом все быстрее и быстрее.

– О боже... – прошептал он и закрыл глаза. Блейдс крепко обняла его и еще больше ускорила. – О... боже. – Слабый, прерывающийся голос, растерянный, испуганный, иступленный.

Похоже, он снова колебался.

Ее ладонь легла на его ягодицы.

– Давай, Роджер, – прошептала она ему на ухо.

Он подчинился. Как и все они.

Чудесный Прыжок в расплавленное золото. Мужчина задрожал, и из его горла вырвался глухой звук – благодарность и одновременно победоносный боевой клич. Грейс жадно поцеловала его, удерживая губами сверху и снизу. Она ждала его оргазма.

Простая вежливость. Она в нем больше не нуждалась, так как кончила на несколько секунд раньше.

Глава 7

Когда дыхание Роджера выровнялось, а эрекция ослабла, Грейс разомкнула объятия, поцеловала его в щеку и застегнула молнию на его брюках. Он не открывал глаз. Вернув серое платье на место, она взяла его за руку и держала ее, пока не почувствовала, что пульс замедлился.

– Роджер?

Веки мужчины затрепетали, словно не хотели открываться. Губы его тронула легкая улыбка. Он выдохнул, и Блейдс почувствовала, как он освобождается от ее чар.

– Спасибо, Роджер. А теперь мне действительно пора идти, – сказала она.

– Твоя машина...

Палец, прижатый к его губам, заставил его умолкнуть. Коснувшись губами кончика его носа, Грейс взяла его за плечи и повернула лицом к лестнице – так продавец устанавливает в витрине манекен.

– Хелен? – Голос инженера был хриплым. Жалобным.

– Я очень рада, что встретила тебя, Роджер. Удачи с твоим проектом.

– Ну да. – Он снова поморщился. Страшился того, что привело его в Лос-Анджелес? Слегка подтолкнув его, женщина стала смотреть, как он делает несколько неуверенных шагов.

Он остановился. Оглянулся на нее.

– Доброй ночи, Роджер.

Пытаясь сохранить достоинство, мужчина неестественно широким шагом пересек парковку, распахнул дверь на лестницу и исчез.

Грейс укрылась в тени и, выждав несколько секунд, стала подниматься по пандусу к своей «Астон Мартин». Садясь в машину, она почувствовала, как ее сердце наполняется силой и радостью. Самая приятная разновидность дежавю: повторение триумфа.

Ее дни были заполнены заботой о других, и она *заслужила* это чудесное ощущение. Чувствовать себя *собой* – независимой

личностью, которую отделяет от остальной вселенной кожа, границы сознания, всплески чувств и наслаждения.

Непредсказуемые Прыжки в бездонные пропасти возможностей.

* * *

Она выехала с парковки, слушая Баха и улыбаясь.

Еще одно очко в пользу интуиции. За все время ее многочисленных Прыжков она всего лишь два раза подвергалась опасности.

Первый раз объектом оказался неуклюжий болван, банкир в костюме за три тысячи долларов, в колледже игравший в футбол и по-прежнему считавший себя неотразимой горой мышц. Начал он мирно, но потом увлекся, глаза его налились кровью, и большие ладони потянулись к шее Грейс.

Чем они больше, тем грубее...

Блейдс оставила его корчиться на земле.

Вторым, действительно опасным, пошатнувшим ее уверенность в себе, был стройный, длинноволосый, похожий на меланхоличного поэта атташе венгерского посольства, которого она встретила в отеле «Уорвик» в Нью-Йорке и который ухитрился незаметно для нее подать сигнал своему приятелю. Когда этот приятель появился в узком переулке и попытался устроить групповое развлечение, не спрашивая согласия Грейс, она испытала непривычное чувство страха.

Нельзя сказать, что это было так уж неприятно. Однако...

Опасная была ситуация, но все закончилось благополучно, и женщина решила, что это будет для нее полезным уроком. Оба венгра после этого какое-то время вряд ли могли нормально ходить, и нанесенный им ущерб доставил ей удовольствие.

Довольно быстро она нашла другой объект. Снова вскочила в седло.

Всего две неудачи на столько попыток, хотя возбуждала ее именно неопределенность. Психосексуальные вопросы заглушались ощущением уверенности, и это состояние немного напоминало нирвану, в которой Грейс ощущала себя одновременно хозяйкой и рабыней.

Уходящие мужчины оставляли ей ощущение самодовольства, сходное с религиозным фанатизмом – земля летела, вертелась и крутилась в точном соответствии с желаниями доктора Блейдс.

Теперь, уносясь на запад по бульвару Уилшир, она выглядела хорошенькой испорченной молодой женщиной, бросавшей короткие взгляды по сторонам через затемненные стекла непрактичной и жутко дорогой черной машины.

Впереди ждали дом на песке и самая чудесная ночь сна, которую только можно себе представить.

* * *

Через двадцать восемь минут после расставания с Беверли-Хиллз «Астон Мартин» уже неслась по прибрежному шоссе. Океан на западе вздымался серыми гребнями на фоне черного шелка, горы на востоке походили на бесконечный шоколадный батончик.

Грейс не закрывала глаза и не слишком превышала скорость. В этот час шоссе было почти пустым, и машина без помех мчалась к ее домику из дерева и стекла на Ла-Коста-Бич.

Малибу, ставший синонимом красивой жизни, на самом деле был провинциальным городом, и спать здесь ложились рано. На дороге женщине попадались редкие полуприцепы, везущие товары из Окснарда, несколько легковых автомобилей, а также патруль дорожной полиции, который целую милю висел у Блейдс на хвосте, а потом обогнал ее и умчался прочь.

Дурак в полицейской форме выпендривался. Когда он скрылся из виду, красно-коричневая туфелька Грейс вдавила педаль газа, позволив машине делать то, для чего она была предназначена. После того как Блейдс выехала с парковки, «Айпод» переключал музыку в произвольном порядке, развлекая ее самыми разными мелодиями: за «Перекрестками» Стиви Рея Вона последовал «Лунный свет» Дебюсси, а потом «Я знаю, где» группы «Стэпл сингерс». Когда доктор подъезжала к дому, включился привет из пятидесятых – «Малышка» квартета «Даймондс».

Одна из любимых вещей Малкольма. Ему нравилась самая разная музыка – как и Грейс.

Малкольм... Показался дом, и взгляд ее стал жестким. Она свернула с шоссе, пультом дистанционного управления открыла дверь гаража и заехала внутрь.

Выключив двигатель «Астон Мартин», закрыла дверь гаража, но не выходила из машины, пока не закончилась песня.

Пародия в стиле ду-уоп пятидесятилетней давности в исполнении группы аккуратных канадцев, превратившаяся в их главный хит. Все это Блейдс знала задолго до того, как пришло ее время, потому что ей рассказал об этом Малкольм. Это был урок, как по прошествии многих лет поняла Грейс.

Жизнь предсказуема лишь до определенной степени.

– Плюс, – сказал он ей, – когда бас отбивает этот очаровательный ритм, это ужасно смешно.

После того как прозвучало финальное «ча-ча-ча», доктор вылезла из машины, напевая мелодию, хотя при этом она прекрасно понимала, что жутко фальшивит.

Усмехнувшись, достала сумочку и портфель из багажника, вышла из гаража и танцующей походкой преодолела пять футов дорожки, ведущей к парадной двери.

Повернуть ключ, выключить сигнализацию. Дом, милый дом...

Как всегда, она не стала включать свет в доме, за исключением одной слабой лампочки, желтый свет которой заливал террасу с той стороны дома, что была обращена к океану. Просевшие доски из красного дерева парили в десяти футах над песком, поддерживаемые пропитанными креозотом сваями. Слабый свет падал на воду за домом, подчеркивая тот удивительный факт, что Грейс жила на краю континента. Света было вполне достаточно, чтобы дойти до того места, где она спала.

По пути она разделась и до своей кровати добралась голая и замерзшая, но довольная днем, прожитым на полную катушку.

Грейс могла бы мгновенно заснуть, но не стала нарушать заведенный порядок и позвонила в телефонную службу – проверить, нет ли для нее сообщений. Никогда нельзя забывать о *них*.

Ничего. Превосходно. Она напонила оператору, что на следующей неделе ее кабинет будет закрыт.

– У нас все записано, доктор Блейдс. Приятно провести время, – отозвался тот.

– И вам, – пожелала в ответ врач.
– Спасибо, доктор Блейдс, – сказал оператор. – Вы всегда так внимательны.

* * *

Запахнувшись в желтое шелковое кимоно, Грейс не без труда собрала постриженные волосы в короткий «хвост», несколько минут посвятила растяжке, а затем выполнила сорок «женских» отжиманий. После этого она принялась чистить зубы, одновременно обходя свой дом. Это не заняло много времени – здание площадью шестьсот двадцать квадратных футов на тридцатифутовом участке было меньше любого другого дома в Ла-Коста-Бич. Но Блейдс была одной из немногих, кто жил здесь постоянно, и большинство «трофеев» по соседству остались пустыми.

В прошлой жизни это был домик для прислуги. Скромное строение из дерева и стекла на ставшем драгоценным кремнеземе Малибу было условно поделено на гостиную, кухню и закуток для узкой кровати. Единственным отгороженным помещением была кабинка из стекловолокна, в которой с трудом помещалась ванна на львиных лапах и подставка для душа, установленная Грейс вскоре после того, как она стала здесь хозяйкой.

Кроме этого, доктор Блейдс почти ничего не переделывала в доме, предпочитая белое на белом, потому что выбор цветовых оттенков считала ненужной суетой, а все остальные цвета казались ей неуместными, когда все окна заполнял синий океан. Даже пол был белым – она сама укладывала ковровое покрытие, слишком пушистое по нынешней моде, но приятно ласкавшее щиколотки.

В самом доме не было ничего примечательного, но потолок с асимметричными балками, достигавший двенадцати футов в самой высокой точке, визуально увеличивал пространство и немного оживлял его. Хотя Грейс удовлетворилась бы и совсем скромным помещением – она любила забираться в «норку».

В память о том, как она пряталась на самом виду.

Рыночная цена домика теперь приближалась к трем миллионам долларов, но для Блейдс эта статистика не имела смысла – она не

собиралась уезжать отсюда. И развлекать гостей – тоже. Еще одна причина не тратить время и деньги на внутреннее убранство.

За те четыре года, что психотерапевт жила в этом доме, в нем не побывал ни один человек, за исключением водопроводчика, электрика и монтажника кабельных сетей. Приветливо встретив их, Грейс брала книгу и удалялась на террасу.

Это не остановило явившегося в прошлом году парня из кабельной сети – с внешностью серфера и гнусавым голосом, – который пытался флиртовать с ней, считая себя асом в этом деле.

Она вручила ему бутылку пива и выставила вон.

Не прокатило, пижон.

Дом находится там, где сердце, а сердце у нее – это комок мышц, которому никто не нужен.

* * *

Набрав ванну, Грейс погрузилась в воду, досчитала до тысячи, а потом тщательно вытерлась полотенцем, достала портфель и проверила расписание приема на завтра.

Легкий день перед отпуском: шесть пациентов, три до полудня и три после, причем у всех, кроме одного, повторные визиты. Один – новичок, которого предупредили, что она скоро уедет, но он все равно записался. Возможно, случайная «консультация» – такое тоже бывает.

Лежа в постели, Грейс планировала завтрашний день. Утро начнется с печальных глаз двадцативосьмилетней женщины по имени Беверли, муж которой умер от редкой формы рака соединительной ткани. Он болел почти все время, когда они были вместе, и через четырнадцать месяцев после свадьбы болезнь победила. Теперь Бев снова собиралась замуж и перед вторым браком специально прилетала из Орегона.

Это не просто предсвадебное волнение. Грейс была готова ко всему. Дальше.

Пациентом номер два был шестидесятичетырехлетний мужчина по имени Рузвельт, жену которого убил вооруженный грабитель, ворвавшийся в их винный магазин на юге Лос-Анджелеса. Здесь главная проблема – чувство вины, потому что в ночную смену всегда

выходил Рузвельт, а в тот день его заменила Лукреция, чтобы он мог встретиться со старыми товарищами по университетской футбольной команде.

Несчастливая женщина получила пулю в голову через несколько минут после того, как пришла в магазин. Шесть лет назад. Лечение Рузвельта длилось три года. Грейс помнила дату убийства. Сейчас наступала очередная годовщина.

Рузвельт был милым человеком – тихим, вежливым, трудолюбивым. Грейс он нравился. Хотя ее чувства не имели значения. При необходимости она успокоила бы и росмаху.

На третий сеанс должна была прийти супружеская пара, Стэн и Барб, сын которых по имени Йен покончил с собой. С его стороны это не было отчаянным криком о помощи – он решительно вспорол артерии и быстро истек кровью. К концу процесса парень добрался до спальни родителей, сумел включить свет и замертво рухнул перед людьми, которые дали ему жизнь.

Грейс видела медицинскую карту бедного мальчика – явные свидетельства прогрессирующей шизофрении. С точки зрения врача, в его поступке не было ничего удивительного, но это не уменьшало ужас, который испытывали его отец и мать. Воспоминания, которые Стэн называл «садистским зудом». От них Барб всегда морщилась, и ее начинало подташнивать. Несколько раз она убегала в туалет для пациентов, где ее рвало.

Совершенно очевидно, что Стэн и Барб ничем не могли помочь мальчику – его мозг разрушался. Но они все равно изводили себя. Грейс потребовалось больше двух лет, чтобы ослабить их боль, и теперь сеансы стали реже – всего два раза в месяц. Пока все идет как надо.

Четвертым пациентом был Декстер, молодой человек, потерявший обоих родителей в авиакатастрофе. Обычное дело для малой авиации: неопытный пилот за штурвалом одномоторного самолета и, возможно, сердечный приступ. Тем не менее тут приходится иметь дело с океаном гнева.

Пятой была женщина, единственный ребенок которой, зачатый с помощью ЭКО, умер в младенчестве от редкой болезни печени. Грейс не хотелось углубляться в этот случай, потому что дети – это эмоции, а ей нужно было беречь себя, чтобы она могла быть полезной. Если она

почувствует, что у нее не хватает опыта, то всегда может обратиться к Делавэру.

Последним – и, возможно, самым легким – был новичок, мужчина по имени Эндрю Тонер из Сан-Антонио, штат Техас, который ждал семь недель, когда в ее расписании появится окно. Теперь доктор подумала, что это не очень похоже на случайность. Хотя кто знает... завтра все выяснится.

Пока ей было известно, что его обращению она обязана самой себе: судя по тому, что записала служба регистрации, мистер Тонер наткнулся на одну из ее опубликованных статей. Отличную от тех работ, посвященных стрессу и психологической адаптации, которые они с Малкольмом выпускали на протяжении нескольких лет.

По настоянию Малкольма эту статью она написала одна.

Грейс считала данную публикацию – как и все остальные статьи – давно пройденным этапом, однако упоминание о ней кое-что говорило об Эндрю Тонере. Велика вероятность, что он вырос в ужасной семье.

Возможно, ему требовалось всего лишь разрешение порвать с какими-нибудь токсичными родственниками. Если так, то этот случай гораздо проще, чем у Бев, Хелен или бедных родителей парня, вскрывшего себе вены.

Блейдс знала это наверняка.

Вернув журнал записи пациентов в портфель, все еще разогретая ванной, она сбросила кимоно и направилась к стеклянным дверям, ведущим на террасу. Там выключила тусклую лампу, шагнула на выцветшие доски – и замерла, обнаженная и беззащитная, как новорожденный младенец.

Она стояла, впитывая успокаивающий рокот волн, накатывающих на берег, и их прощальный шелест, когда они пускались в обратный путь к Азии.

Вдруг что-то идущее от воды захлестнуло ее. Внезапный сгусток энергии... С Гавайев? Из Японии?

Грейс оставалась на террасе, пока это ощущение не прошло. Наконец она почувствовала, что у нее слипаются глаза, и вернулась в дом. Пора было уже проголодаться, но есть не хотелось. Она любила ложиться спать на голодный желудок. В этом у нее богатый опыт.

Разумеется, теперь голодный желудок можно было наполнить обильным завтраком. Жизнь приятна, когда ты сам себе хозяин.

Заперев стеклянные двери, врач легла в кровать, забралась под одеяло и натянула его на голову. И не забыла, как всегда, сунуть руку под пружину матраса, чтобы дотронуться до футляра из прочного черного пластика на ковре под кроватью. Он вселял в нее уверенность.

Дома она держала девятимиллиметровый «Глок», такой же, как у полиции. Незарегистрированный, в превосходном состоянии, как и пистолет 22-го калибра у нее в сумочке. Скорее всего, ни тот, ни другой ей никогда не понадобятся. Как и два револьвера «Смит-и-Вессон», которые она купила на выставке оружия в Неваде и спрятала в картотечном шкафу в своем кабинете.

Спокойной ночи, любимые орудия разрушения.

Свернувшись калачиком, Грейс сунула палец в рот и принялась жадно его сосать.

Глава 8

Она проснулась на рассвете, голодная, и через стеклянную дверь стала наблюдать за пеликаном, нырявшим в волны за своим завтраком. Вдоль линии прибоя бродили ржанки. Внимание Грейс привлекла черная точка, то появлявшаяся, то исчезающая в волнах. Женщина встала, завернулась в желтое кимоно и вышла на террасу.

Устремив взгляд туда, где она в последний раз видела черную точку, Блейдс ждала. Вот опять, в нескольких ярдах к северу... Калифорнийский морской лев медленно плыл по волнам, время от времени ныряя на глубину. Красивый, благородный хищник.

Грейс немного полюбовалась им, а потом сварила кофе и выпила первую из трех чашек, пока делала себе яичницу из четырех яиц с сыром, гонуэзской салями, вымоченными в воде сушеными белыми грибами и душистым луком. Намазав маслом две булочки, врач съела все до крошки. В половине восьмого она была уже на шоссе, не сдерживая «Астон Мартин» и готовясь к встречам с пациентами, которыми будет заполнен весь ее день.

Беверли, готовившаяся к свадьбе, была гораздо лучше одета и причесана, а также явно лучше владела собой, чем та молодая вдова с красными от слез глазами, которая впервые появилась в кабинете Блейдс. Тогда она вся дрожала и едва могла говорить. Сегодня утром ее глаза были ясными, и сердечность и ожидание перемежались в них со вспышками тайного жара – Грейс знала, что это признак вины.

Не слишком сложная задача: в тот момент, когда будущий муж должен получить свой официальный статус, бедняжка могла думать только о бывшем муже.

Когда Бев познакомилась с тридцатилетним пожарным Греггом из Портленда, он отличался невозмутимостью и непринужденностью человека, тело которого работает, как часы. А потом часы сломались.

Рак, отнявший у него жизнь, был той редкой формы, лекарства от которой не существовало. Беверли видела, как тает муж.

Кто мог винить ее за то, что она утратила надежду? Грейс потребовалось много времени, чтобы убедить эту милую, добрую

молодую женщину, что понятие «будущее» для нее тоже имеет смысл. Теперь Бев собиралась предпринять вторую попытку, и это отлично!

– Я не боюсь, доктор Блейдс. Думаю, я просто... волнуясь. Ладно, хотите честно? Я напугана до смерти.

– Значит, вы во всеоружии, – сказала психотерапевт.

– Прошу прощения?

– Если вы в ужасе, это совершенно понятно, Бев. Все, что слабее ужаса, можно расценивать как героизм.

Бев смотрела на собеседницу во все глаза.

– Вы не шутите?

– Нет.

На лице пациентки отразилось сомнение.

– Когда вы начали волноваться? – Грейс намеренно избегала слова «страх». Менять контекст – это ее работа.

– Пожалуй... недели две назад, – сказала Бев.

– По мере приближения свадьбы.

Кивок.

– А вы можете утверждать, что до этого в основном были счастливы? – продолжила расспросы доктор.

– Да, конечно.

– Конечно...

– Я выхожу за Брайана. Он замечательный человек.

– Но...

– Никаких «но», – сказала Беверли и расплакалась. – Я чувствую себя неверной женой! Как будто изменяю Грегу!

– Вы любили Грега. И, естественно, верны его памяти.

Клиентка всхлипнула.

– Для всех остальных Грег – просто память. Для вас – другой мужчина, – сказала врач.

Эти слова вызвали новый поток слез.

Грейс позволила Бев немного поплакать, а потом наклонилась к ней, вытерла ей платком глаза и сжала ее руку. Когда пациентка тяжело вздохнула, психотерапевт посадила ее в кресло, придав ей позу, которая заставляла расслабиться.

В вопросах исцеления начинает тело, а разум идет следом. Так сказал ей Малкольм. Один раз, но она запомнила.

Прием сработал: лицо Бев расслабилось. Слезы высохли.

Блейдс подарила ей самую ласковую улыбку, на которую только была способна. Клиентка улыбнулась ей в ответ.

Посторонний человек мог бы принять их за двух хорошеньких молодых женщин, непринужденно болтающих в красивой, ярко освещенной комнате.

– Грег вас очень любил, и поэтому одну вещь мы знаем точно, – сказала Грейс, дождавшись нужного момента.

– Какую? – Бев смотрела на нее затуманенными от слез глазами.

– Он хотел, чтобы вы были счастливы.

Молчание.

– Да, знаю, – наконец произнесла молодая вдова. Это прозвучало как признание.

– Но это по-прежнему вас беспокоит.

Беверли не ответила.

Врач попробовала зайти с другой стороны.

– Может, не стоит думать, что Грег оккупировал все ваши чувства, а попробовать думать о нем как о партнере?

– Партнере в чем?

– В жизни, которая вас ждет, – сказала Грейс.

– Жизни, – выдохнула сидящая перед ней женщина. Как будто само это слово вызывало у нее отвращение.

– Давайте проясним. Ваши с Грегом чувства были очень глубокими, а такое не исчезает только потому, что этого требуют светские условности. Но это не делает вас неверной Грегу. Или Брайану.

– Тем не менее, – настаивала Бев, – я чувствую себя обманщицей. И вы правы – по отношению к ним обоим.

– К Грегу за то, что впустили радость в свою жизнь. А к Брайану потому, что думаете о Греге.

– Да.

– Это абсолютно логично, милая. Но попробуйте взглянуть на это следующим образом: вы трое – Брайан, вы и *Грег* – можете взяться за дело, как единая команда.

– Я... какое дело?

– Дело – это будущая жизнь Бев. Дело – это счастье, которого достойна Бев, – сказала Грейс. – Одобренное единогласным

голосованием. – Она улыбнулась. – Кстати, я поддерживаю это предложение.

Клиентка поерзала в кресле. Поджала губы.

– Надо полагать.

Психотерапевт поняла, что перестаралась. Она позволила Беверли немного посидеть и подумать, а мышцы ее лица снова расслабились, хотя она и оставалась сидеть в той же позе, предприняла *еще одну* атаку.

– Формально ваша свадьба – это праздник. Но нет никакой нужды мгновенно переполняться радостью просто потому, что вы напечатали приглашения и люди будут сидеть в церкви. Эмоционально неразвитый человек сможет с этим справиться. Но вспомните, что я говорила вам в прошлом году: вы эмоционально развиты.

Молчание.

– Вы способны на глубокие чувства, Бев. Так было всегда, – продолжала Блейдс. – Вспомните истории, которые вы мне рассказывали, – как вы заботились о раненых животных.

В этом мы похожи, подруга.

Никакой реакции от клиентки. Наконец медленный кивок.

– Умение глубоко чувствовать – это достоинство, Бев. Это придает жизни смысл, и в какой-то момент ваше счастье будет больше, чем если бы вы просто плыли по течению.

Долгое молчание.

– Я очень на это надеюсь, – в конце концов произнесла вдова.

Грейс положила ладонь ей на плечо.

– Конечно, теперь вы этого не можете видеть. Никак. Но это произойдет, и в будущем вас ждет счастье, причем более глубокое, чем если бы вы не справились с собой прямо сейчас. Это будет здорово.

Беверли пристально посмотрела на доктора. А потом пробормотала:

– Спасибо.

Доктор Блейдс не убирала ладонь с ее плеча. Она слегка надавливала на него – так, чтобы Бев знала, что о ней заботятся. Что за нее переживают.

– Не торопитесь. Не бегите от своих чувств, – убеждала Грейс пациентку. – В конечном итоге вы почувствуете, что Грег с вами. Что

он одобряет и хочет, чтобы вы были счастливы, потому что любящие люди так и поступают, без всяких условий.

Уголки губ Беверли слегка разъехались, словно их тянул за нитки кукольник.

– Вы страшный человек, доктор Блейдс.

Грейс слышала это много раз.

– Я? – невинно переспросила она.

– Я имела в виду, страшно умная. Как будто вы смотрите прямо сюда. – Вдова похлопала себя по груди.

– Спасибо за комплимент, Бев, но ум тут ни при чем. Все мои знания – результат стремления понять людей. – Доктор подалась вперед. – Потому что если отбросить шелуху, то мы все одинаковые. И в то же время уникальные. Никто не жил вашей жизнью, не думал то, что думаете вы, не испытывал ваших чувств. И при всем при том, будь я на вашем месте, я бы чувствовала то же самое.

– Вы? – Удивление.

Честным ответом было бы: *Кто знает?*

– Конечно, – сказала Грейс вслух.

– А что бы вы делали на моем месте?

Врач улыбнулась.

– Поговорила бы с кем-то страшно умным. Потому что всем нам время от времени нужна помощь.

Воспоминания о Малкольме. Софи. Новые ощущения, когда спишь в чистой, приятно пахнущей постели. Завтрак. Ужин. Робкие попытки обнять, хотя бы чуть-чуть...

Грейс пришлось учиться переносить прикосновения. Вспоминая все это, она улыбнулась – и хорошо, потому что улыбка в этот момент была уместна, чтобы Бев подумала, что она относится к ней.

Пациентка вздохнула и обхватила себя руками.

– Я понимаю, о чем вы, доктор Блейдс, но когда я вернусь домой... Это может быть трудно.

– Может. Но вы справитесь. Как всегда.

Беверли теребила пальцем нижнюю губу. На пальце у нее было кольцо со сколами бриллиантов. Брайан, помощник водопроводчика, пускал пыль в глаза драгоценностями от «Зейлс».

– Иногда вы говорите, что жизнь должна быть трудной, чтобы иметь смысл, – пробормотала клиентка.

– Я говорю, что когда мы справляемся со своими эмоциями – как вы, – то учимся доверять друг другу.

Если бы...

Бев долго молчала.

– Наверное, нужно просто плыть по течению, – произнесла она наконец.

Грейс не ответила.

– Ладно, – сказала женщина. – Я должна принять ситуацию такой, какая она есть, даже если это означает думать о Грее.

– Не гоните от себя мысли о Грее. Он столько для вас значил!.. Зачем изгонять его из своего сознания?

Пациентка снова задумалась. Лицо ее напряглось, словно она решала трудную задачу.

– Во время полета из Портленда, доктор Блейдс, я почти все время вспоминала. Одно воспоминание было особенно ярким. Просто врезалось в память. Это было на озере. Мы брали каноэ, и Грег катал меня. Он был таким сильным... Сплошные мускулы. Каждый раз, когда он взмахивал веслом, оно дрожало. Его кожа блестела на солнце. Иногда мы начинали наше путешествие в солнечную погоду, а потом начинался дождь, и он был весь в капельках пота и дождя – прямо сиял.

Бев вздохнула.

– Я сидела в каноэ, смотрела на него и... Я *хотела* его. Прямо там и тогда. В лодке. – Она покраснела. – Но мы ничем таким не занимались. Я ему не сказала.

Грейс улыбнулась.

– Вы не хотели раскачивать лодку. В прямом и переносном смысле. Для вас очень важно равновесие, а в данный момент вы его утратили, потому что жизнь совершает новый поворот.

Беверли удивленно посмотрела на психотерапевта, а потом улыбнулась.

– Я вас не просто боюсь, доктор Блейдс. Я благодарю Бога за то, что он привел меня к вам.

День продолжался с вселяющей уверенностью предсказуемостью. Грейс понимала, что формально она молода, но иногда ей казалось, что она уже видела в жизни все. Но это ощущение не вызвало отвращения к работе, не навевало скуку. Наоборот, оно вдохновляло и успокаивало.

Именно для этого я и создана.

Тем не менее нужно следить за тем, чтобы уверенность не переходила в самодовольство. И она никогда не впустит Страждущих в свой мир, ни на миллиметр.

Дружелюбие – пожалуйста. Но не дружба.

Потому что дружба – ограниченное понятие. Приятели, товарищи, наперсники – то, что в учебниках называется системой социальной поддержки, – хороши при мелких эмоциональных неурядицах. При глубоких душевных травмах нужен хирург, а не цирюльник.

Взгляд на психотерапию как на *оплачиваемую* дружбу Грейс считала отвратительным клише. *Последнее*, в чем нуждались пациенты, – это сентиментальная, слезливая, исполненная благих намерений болтовня со слащавыми улыбками, искусственными паузами, фальшивой серьезностью обязательной симпатии и подобострастным механическим повторением банальностей.

Насколько я понимаю, вы говорите...

Затолкайте в горло пациента сахар, и он поперхнется.

Жулики, практиковавшие такой подход, были либо жадными до денег шарлатанами, либо просто теми, кто хотел самоутвердиться. Вот почему столько неудачников пытаются сделать карьеру – *кхе-кхе* – консультантов.

Некоторые Страждущие приходили к Грейс, ожидая зрительного контакта, преувеличенной, театральной *заботливости*, которые они видели в телевизионных шоу и популярных фильмах.

Я не мозгоправ, но разыгрываю его на телевидении.

Если от Блейдс ждали сочувствия, она мягко рассеивала эти ожидания, предлагая конструктивную реальность. За четыреста пятьдесят долларов в час вы заслуживаете чего-то большего, чем эмоциональный подгузник для взрослого.

Вы заслуживаете *взрослого человека*.

Взглянув на часы, Грейс заварила себе крепкий эспрессо и успела выпить его до того, как зажглась красная лампочка на стене.

Очередь Рузвельта. Внимательного, обходительного, вежливого. Достаточно старого, чтобы быть ее отцом.

Если б у нее был настоящий отец...

Грейс почувствовала, что у нее перехватило дыхание. Сердце ее затрепетало – вероятно, слишком много кофеина.

Она встала, пригладила волосы и выпрямилась.

Вперед.

* * *

К концу дня Грейс чувствовала необычную усталость. Со Стэном и Барб все оказалось немного сложнее, чем она предполагала. Они вошли в кабинет, враждебно настроенные друг к другу – такого психотерапевт еще не видела.

В расспросах не было необходимости. Супруги прямо заявили, что у каждого из них были увлечения на стороне и что теперь они разводятся. Они скрывали обоюдную неверность от Блейдс. Считали, что это не имеет значения, потому что все началось за много лет до самоубийства Йена.

Пара глупцов, верящих, что Йен ничего не знал, – ведь он был сумасшедшим, все так говорили.

Теперь брак распадался, несмотря на общее решение сохранить его, и Стэн с Барб злились.

На себя – за неудачу.

И в первую очередь за несчастливый брак.

И неизбежный переход: гнев на Йена, за то, что он пришел к ним в спальню и разбудил их, когда упал на пуховое одеяло, истекая кровью и расставаясь с жизнью.

Грейс не составило труда догадаться, что привело к распаду девятнадцатилетнего брака. Йена больше нет, а жизнь предназначена для того, чтобы жить, – если б она думала иначе, то поступила бы учеником к гробовщику.

Но теперь Блейдс задумалась о том, что еще могла пропустить.

– В общем, мы делим все пополам, и это решено, – заявил Стэн. – Логично и справедливо. – Он скрипнул зубами.

– Все кончено, назад пути нет, – бросила Барб.

Муж мрачно посмотрел на нее.

Доктор Блейдс знала ответ на свой следующий вопрос, но все равно задала его:

– Значит, вы думаете одинаково?

– Да.

– Да.

Жалкие лжецы. Тогда зачем же вы пришли?

Грейс спросила их об этом.

– Мы решили, что нам это нужно для окончательного расставания. Последние несколько лет вы были членом нашей семьи, а теперь семьи не будет.

Сначала им хочется развестись с Блейдс. Она улыбнулась про себя.

– Мы не хотим, чтобы вы думали, что не справились, потому что это никак не связано с Йеном, – объяснил Стэн.

– Абсолютно не связано, – кивнула Барб.

– Мы остались друзьями, – солгал ее муж. – Думаю, это само по себе достижение.

Чтобы доказать это, он взял жену за руку. Та нахмурилась, но сжала его пальцы, после чего поспешно отпустила их и отодвинулась.

– Вы идете дальше, и вы были так добры, что подумали обо мне, – сказала Грейс.

– Именно! – воскликнула Барб. – Прекрасно сформулировано. Идем дальше.

– Совершенно верно, – подтвердил Стэн, но с чуть меньшей уверенностью.

– Я благодарна, что вы подумали обо мне, и я желаю вам всего самого лучшего. И еще вы должны знать: я всегда к вашим услугам, – заверила их психотерапевт.

Можете мне поверить, ребята, в конечном итоге вы оба придете ко мне. По отдельности.

Документы будут подписаны, имущество поделено, но жизни этих двоих будут всегда связаны.

Йен об этом позаботился.

К тому времени, когда Грейс закончила предварительные записи в медицинских картах и загорелся сигнал, предупреждающий о последнем на сегодня пациенте, она уже планировала свой вечер.

Краткая остановка в рыбном ресторанчике около Дог-Бич ради палтуса с картошкой и коктейля «Сайдкар» в пластиковой кабинке подальше от бара. Сосредоточиться на еде и посылать сигналы мужчинам, чтобы они держались подальше.

Ах да, и салат на закуску. А может, не палтус, а камбала, если у них есть свежая. Или тарелка с гребешками и мягкокожими крабами. Потом домой, переодеться в шорты и футболку и пробежаться по темному пляжу. После пробежки – долгий душ и мастурбация под струей воды. Потом быстро просмотреть гору психоаналитических журналов, которая стала слишком высокой, а когда веки проиграют сражение с гравитацией – стаканчик спиртного на ночь или какая-нибудь чушь по телевизору.

Может, она подумает о красной комнате, а может, нет...

Зевнув, Грейс посмотрела на себя в зеркало встроенного шкафа, подправила макияж, аккуратно заправила белую блузку в черные слаксы и напомнила себе, что она авторитетный специалист и готова принять мистера Эндрю Тонера из Сан-Антонио, который нашел в каком-то журнале ее довольно необычную статью. Написанную без Малкольма, но в его стиле, потому что Блейдс, поднаторевшая в статьях по психотерапии, ненавидела их и отказывалась вырабатывать собственный стиль. В самом начале ей не терпелось увидеть свое имя в числе авторов, и она внимательно читала каждую публикацию, но всякий раз находила стиль изложения сухим.

Малкольм, несмотря на все свои достоинства, тоже отличался типичным профессорским стилем и не смог бы увлечь читателя даже описанием столкновения с астероидом.

Для того чтобы непрофессионал обратил внимание на самостоятельный опус Грейс, требовалась мотивация.

И конечно, у Эндрю Тонера она была – ведь он приехал к автору заинтересовавшей его статьи из великого штата Техас.

Когда к ней обращались за помощью пациенты из других городов – не так редко, как можно было бы подумать, – они часто оказывались неисправимыми перфекционистами. Люди, которые могли набрать в

«Гугле» «психологическое лечение последствий насилия» и часами читать ссылки.

Посмотрим, права ли она насчет мистера Эндрю Тонера.

Грейс прошла по пустому коридору, служившему для пациентов чем-то вроде декомпрессионного туннеля, улыбнулась и открыла дверь в приемную.

Перед ней сидел Роджер, мужчина, с которым она бездумно трахалась вчера вечером и от которого избавилась, получив удовольствие.

Теперь ей от него не избавиться. Никак.

Он посмотрел на нее и как будто съежился.

Он. О, боже! Доктор Блейдс лихорадочно пыталась понять смысл происходящего. В результате... ничего.

Роджер/Эндрю тоже пребывал не в лучшем состоянии. Он остался сидеть с журналом на коленях, челюсть у него отвисла, а лицо стало мертвенно-бледным. Грейс почувствовала, что у нее непроизвольно открывается рот.

Копировать пациента? Раньше она такого за собой не замечала. Что *происходит*?

Уверенная улыбка, с которой она вошла в комнату, сменилась другой – застывшей, непроизвольной, идиотской. Врач заставила себя сомкнуть губы, не зная, что теперь выражает ее лицо.

Она чувствовала себя неуклюжей, неживой, словно восковая кукла. Она не знала, что сказать. Но даже если б ей удалось найти слова, они застряли бы в ее стиснутом спазмами горле.

Роджер/Эндрю, неотрывно смотревший на нее, шевельнул губами. Наружу вышел какой-то жалкий мышинный писк.

Блейдс бросило в жар. Потом в холод.

Эндрю и Грейс.

Роджер и Хелен.

Он тоже назвался чужим именем.

Руки и ноги психотерапевта стали ледяными.

Из окна донесся громкий звук. Мимо проехала машина с неисправным глушителем.

Обрадовавшись хоть какому-то отвлечению, Грейс стала ждать нового шума. Ничего. Она не могла сдвинуться с места.словно парализованная.

Эта была новая ситуация, незнакомая, *пугающе* незнакомая.

Доктор вся взмокла. Поры ее кожи раскрылись. Капельки пота стекали из подмышек по грудной клетке.

Она *никогда* не потела.

Теперь ее грудь словно сдавило обручем, и ей стало тяжело дышать. Как будто огромный зверь уселся на ее диафрагму.

Эндрю Тонер смотрел на нее во все глаза. А она – на него. Два беспомощных... обидчика?

Нет, нет, нет, она сильнее этого! Решение есть всегда.

Но оно не находилось.

Глупая девчонка.

красныйкрасныйкрасныйкрасный...

Грейс продолжала стоять в дверном проеме. Эндрю Тонер продолжал сидеть.

Оба погружались в океан стыда.

И снова он первым обрел дар речи.

– Боже мой... – хрипло пробормотал мужчина.

«Если Бог существует, он теперь покатывается от хохота», – подумала Грейс.

Ее ответ был блестящим:

– Ну...

Почему она это *сказала*?

Что она *могла* сказать?

Глупая девчонка. *Нет-нет-нет, я умная!*

И я никому не причинила зла *намеренно*.

Ни на йоту не веря в это, женщина призвала на помощь весь свой разум и заставила себя посмотреть прямо в красивые голубые глаза Эндрю из Сан-Антонио, штат Техас. Человека, который приехал к ней потому, что она могла сказать ему что-то ценное о... Та же твидовая спортивная куртка и мятые брюки цвета хаки, что и вчера вечером.

Рубашка другая.

Похоже, он чистоплотен. Да какая, к черту, разница!

Блейдс с трудом набрала воздух в непослушные легкие. Подумала, как сформулировать извинение.

Но он *опять* опередил ее:

– Мне очень жаль.

Ему-то за что извиняться?

– Вам лучше войти, – сказала Грейс.

Клиент не пошевелился.

– Правда. Это не конец света, – попыталась убедить его врач. –

Мы должны это преодолеть.

Движимая надеждой и отчаянием, она направилась к себе в кабинет.

За спиной у нее послышались шаги.

Он идет. Подчиняется указаниям.

Как вчера вечером.

Глава 9

В пять с половиной лет Грейс уже умела хорошо прятаться.

В маленьком доме на колесах не было ниш или укромных уголков, а для входа и выхода служила одна дверь, и поэтому главным было держаться ближе к стенам. И подальше от чужаков.

По возможности так, чтобы ее нельзя было достать рукой.

Она не могла выразить это понятие словами, но узнала о зоне досягаемости рукой посредством синяков, ссадин, разбитого носа и потери одного зуба. Молочного зуба, когда рука Ардиса метнулась к лицу Доди, но сочетание травки, виски и злости сбили ему прицел, и костяшки его пальцев угодили в рот дочери. Было очень больно.

Она не плакала. Грейс вообще не была плаксой, и кроме того, она не хотела, чтобы ее заметили. Тогда она ела шоколадное мороженое на палочке, уронила его и наклонилась, чтобы поднять.

Ардис тоже пострадал от удара. Он тряс рукой и вопил от боли.

Доди расхохоталась, чем еще больше разозлила сожителя, который снова бросился на нее. Она уклонилась и принялась насмехаться над ним, а он совсем рассвирепел и ударил ее наотмашь – после таких ударов лицо Доди распухало, а на следующий день становилось иссиня-черным.

Но Блейдс потерял равновесие и рухнул на пол, а Доди отделалась царапиной, которую оставил его ноготь.

«Теперь он всегда бьет кулаком, – подумала Грейс. – Они оба такие глупые».

Увлеченные дракой, они не замечали девочку, которая забилась в самый дальний угол. Ее кровь смешивалась с шоколадным мороженым, образуя тошнотворную жижу, которая стекала по ее лицу.

Во рту было очень больно, но Грейс, естественно, молчала. Когда жалуешься, становится еще хуже, потому что они – особенно Доди – могут разозлиться на тебя.

Она старалась думать о чем-то приятном, не связанном с болью.

Иногда девочка вспоминала телевизионные шоу, которые она смотрела, или книги, которые читала в детском саду. Иногда представляла, что чужаки исчезли. Например, в этот раз.

Она попыталась откусить мороженого. Зуб хрустнул и покосился. Грейс сунула пальцы в рот и без труда вытащила зуб, чувствуя, как через дырку со свистом проходит воздух. Теперь крови во рту было больше, чем шоколада, и мороженое имело вкус печенки – Грейс его больше не хотелось.

Это был весь ее ужин, но она не была голодна.

В другом конце трейлера Ардис сидел на полу и удивленно тряс головой, а Доди смеялась над ним. А потом они смеялись вместе, и Доди поднимала Ардуса. Он трогал ее грудь, а она – молнию на его джинсах.

Покачиваясь, они в обнимку двинулись к кровати. Доди хихикнула и попыталась задернуть занавеску, но Ардис потащил ее дальше. Занавеска сдвинулась только наполовину, и Грейс при желании могла бы видеть все.

Девочка вытерла лицо куском туалетной бумаги из рулонов, которые Блейдс украл в «Макдоналдсе», и вышла из трейлера – в ночь.

Она даже не старалась не шуметь. Никому до нее не было дела.

Отойдя на несколько шагов, Грейс нашла ровное место на сухой земле, села и принялась вытирать кровь своими бумажными салфетками, пока не остался лишь металлический привкус во рту.

Воздух был холодным. Из других трейлеров доносились разнообразные звуки, в основном электронные. Грейс вздрогнула. А потом открыла рот и негромко засвистела, воспользовавшись новым отверстием в зубах.

* * *

После той ночи Ардис появлялся редко, и Доди жаловалась на него Грейс – других слушателей у нее не было.

– Скатертью дорога. Знаешь, что это значит?

– Ага.

– Что? – спросила Доди. Она только что возилась с химическим туалетом трейлера: запах стоял отвратительный, руки у нее были грязными, и она жутко ругалась. Все это сделало ее чрезвычайно раздражительной, а в таком состоянии она всегда требовала от Грейс, чтобы та говорила то, что от нее ждали.

– Что? – повторила Доди. – Немедленно скажи, что это значит?

– Ты рада, что его здесь нет.

– Верно, – признала женщина. – Но не только. Ты ребенок и не понимаешь этого.

– Чего не понимает? – послышался голос за дверью, и в трейлер вошел Ардис с ведерком жареных цыплят в руках. Он бросил взгляд на Грейс и вскинул брови, словно удивляясь, что она все еще здесь, а потом пристально посмотрел на Доди, вильнул бедрами и покачал ведерком.

Его сожительница уперлась руками в *свои* бедра, которые остались неподвижными. Чем больше извивался Блейдс, тем больше она злилась. Понюхав пальцы, выругалась, нахмурилась и снова вымыла их.

– Полюбуйтесь, кого это принесло! – воскликнула женщина. – Явился.

– Смотри, ужин. – Ардис сморщил нос. – Похоже, тут воняет дерьмом.

– Ага, как в роскошном кондоминиуме. – Доди стала рассматривать ведерко. – Ты теперь в «КФС»? Из «Макдоналдса» тебя вышвырнули?

– Нет, я еще в «Микки Ди», но у меня есть связи.

– Связи, чтобы добыть немного долбанных цыплят. – Доди показала своему дружку средний палец. – Дерьмо собачье.

– Грудки и бедрашки, – подмигнул ей Блейдс и бросил взгляд на дочку, проверяя, заметила ли она это. Она заметила, но отвернулась и сделала вид, что ничего не видит.

– Грудки и бедрашки, бедрашки и грудки, – игриво повторила Доди.

– Ага.

Они двинулись к кровати, и по дороге Ардис поставил ведерко на кухонный стол.

Грейс вышла на улицу. Когда она проходила мимо трейлера миссис Вашингтон, та – сегодня вечером она была трезвой – окликнула ее:

– Дитя? Иди сюда.

Она дала девочке одно из свиных ребрышек, которые жарила вчера на уличном гриле, сделанном из банки для масла.

– Спасибо, – ответила малышка.

– Это меньшее, что я могу сделать для той, кто живет с... Впрочем, неважно, пойд и найди себе место, чтобы поесть.

Грейс не стала нигде устраиваться, а просто бродила по стоянке для трейлеров и грызла ребро. Съев мясо, принялась за кость. Зубы у нее еще выросли не все, и горячий сок попадал в дырку, которую проделал кулак Ардиса несколько недель назад. Было немного больно.

* * *

Когда она вернулась в свой трейлер, Ардис сидел на садовом стуле с бутылкой виски в руке, а Доди на кухне разделывала цыплят.

Вид у Блейдса был злобный, и Грейс держалась как можно дальше от него.

– Черт бы побрал эту «КФС»! Одни кости, – ворчала Доди.

– У цыплят должны быть кости, дура. В противном случае это были бы... бескостные цыплята. – Запрокинув голову, мужчина рассмеялся, а потом глотнул из бутылки.

Доди замерла с ножом в руке.

– Ты назвал меня дурой?

Ардис не ответил.

– Я тебя спрашиваю. Ты назвал меня дурой?

– Какая разница!

– Какая разница?

– Эй, – сказал Блейдс и сделал еще глоток. – Дура – она дура и есть.

– Пошел ты! – огрызнулась Доди. – И я должна терпеть это от недоумка?

– Кого ты назвала недоумком?

Она молчала.

Ардис повторил свой вопрос.

– Недоумок – это еще мягко сказано, – фыркнула Доди.

Оба они говорили медленно и невнятно – как всегда, когда слишком много выпили, накурились травы или проглотили слишком много таблеток. И почти всегда, когда появлялись из-за занавески, отгораживающей кровать.

– Мягкой бывает твоя задница, когда я тебя трахаю, – сказал Ардис.

Молчание.

– Что ты сказал, недоумок? – наконец произнесла Доди.

Ее приятель повторил оскорбление, после чего встал и направился в сторону кухни.

– Знаешь, просто уйди. И никогда не возвращайся, – велела ему женщина. – Недоумок.

– Пошла ты. Это мой дом.

– Черта с два! – Теперь Доди кричала. – Я за все плачу, а ты ничего не делаешь. Твой дом – там, где нужны бесполезные недоумки!

– Ты *платишь*?! – заревел Ардис. – Это твое *пособие*, сука! Ты просто сидишь тут, а твоя задница все толстеет и толстеет, скоро уже в дверь не пролезет.

Доди отвлеклась от цыпленка и повернулась к нему.

– Что? – спросил он.

– Не теряй времени – просто уходи.

– Я уйду, когда захочу, и останусь, когда захочу. – Ардис криво улыбнулся. – И мой член достанет твою задницу, когда я захочу развлечься.

Он рассмеялся. Доди стала красной, как кетчуп.

– Посмотри на себя, – смеялся Ардис. – Ты как... помидор. Ты уродина, тебя били самой большой долбаной уродливой палкой на самой большой долбаной планете.

– Планета – это земля! – закричала его сожительница. – Мы не можем жить на других, потому что там нет воздуха. Недоумок. Ты ни хрена не знаешь о науке или о чем-то другом, потому что ты тупой. Знаешь, как они тебя называют, те люди, которых ты считаешь похожими на себя? Безмозглым! Безмозглым недоумком!

– Врешь!

– А вот и *нет*!

Движение Ардиса было быстрым, как у змеи, – он выбросил вперед дрожащую руку и ухитрился попасть прямо в нос женщины. Брызнула кровь. Нос Доди стал не таким, как раньше. Плоским. Расплющенным.

Наверное, ей стало больно дышать, потому что она заплакала и попыталась остановить кровь салфетками «КФС», которые из белых быстро становились красными.

Блейдс засмеялся и снова ударил ее, на этот раз открытой рукой, словно ему было все равно. Но ударил сильно, и ее голова резко дернулась, а кровь из разбитого носа брызнула в разные стороны.

Такого еще не было, подумала Грейс.

А потом произошло нечто совсем невиданное. Доди повернулась и ответила Ардису, вложив в удар весь свой вес. Это было очень быстрое движение снизу вверх.

Ниже подбородка.

Странное место для удара. А потом Грейс увидела.

Тонкая красная линия. Когда она стала расширяться, глаза Блейдса широко раскрылись от удивления, и он попятился. Линия превратилась в зияющую рану.

На его шее ухмылялся второй рот.

Теперь кровь текла из Ардиса гораздо сильнее, чем из носа Доди.

Он покачнулся и попытался что-то сказать. Ничего не вышло. Его рука потянулась к горлу, а потом безвольно повисла. Он слабо погрозил кулаком женщине.

И упал. Под ним быстро натекла лужа крови.

Доди смотрела на него, не отрываясь. Потом перевела взгляд на нож. Маленькие желтые крапинки – панировка от цыплят – быстро становились красными, смешиваясь с кровью.

Доди снова посмотрела на Ардиса. Громко позвала его, склонилась над ним и встряхнула.

Он не шевелился. Лежал на спине – глаза безжизненные, рот открыт. Из шеи у него по-прежнему текла кровь.

Теперь внимание женщины переключилось на Грейс, которая обхватила себя руками и прижалась к стене. Больше всего на свете ей хотелось протолкнуть себя *сквозь* стену.

– Ты видела, – сказала Доди. – Мне пришлось.

Девочка не ответила.

– Что? Ты думаешь, это я *начала*?

Грейс пыталась сжаться в комочек, исчезнуть.

– Что? – крикнула Доди, приближаясь к ней. – Ты говоришь, что это я виновата? Что ты говоришь?

Ее дочь молчала.

– Ты смотришь на меня такими глазами, – сказала она, – как будто я... Ладно, пусть будет по-твоему. Запомни это.

Со странной, пьяной улыбкой Доди схватила нож обеими руками и высоко подняла его. Потом из ее горла вырвался смех, похожий на крик койота, и она со всего размаху всадила нож себе в живот.

Смех превратился в безумный вопль – Доди почувствовала боль, опустила взгляд и увидела, что наделала. Трясущимися руками она пыталась вытащить лезвие, вошедшее ей в живот по самую рукоятку. При каждой попытке нож проворачивался, нанося еще больше повреждений.

Женщина опустилась на колени. В нескольких дюймах от Ардуса.

Руки у нее ослабели и опустились. Нож остался в животе, но теперь был повернут.

– Помоги мне! – прохрипела Доди, обращаясь к Грейс. – Вытащи его... – Ее взгляд указывал на нож.

Она застонала от боли.

Девочка не двигалась.

Веки Доди затрепетали. А потом опустились. В трейлере стало тихо – слышался только стук капель крови, падающих на линолеум.

Грейс смотрела, как комната становится красной.

Глава 10

К тому времени, когда Грейс укрылась за драгоценным барьером, который обеспечивал ее письменный стол, Эндрю Тонер уже сидел в напряженной позе на краешке кресла для пациентов, и плечи его были напряжены, как тросы подвесного моста. Смотрел он куда угодно, но только не на психотерапевта.

Еще не успев собраться с мыслями, она заговорила – все лучше, чем молчать.

– Совершенно очевидно, – сказала Грейс, – что это неловкая ситуация для нас обоих. Позвольте начать с извинений.

– В этом нет нужды. Вы же не знали, – возразил Тонер. – И не могли знать.

– Не могла, – кивнула женщина. – И все же... Вы приехали издалека ко мне за помощью.

Эндрю откинул прядь волос с гладкого лба и долго молчал, прежде чем выдавить из себя слабую, едва заметную улыбку.

– Наверное, лечение бывает разным.

Нахальный ублюдок? Как только выйдет отсюда, сразу же похвастается своим приятелям в Техасе. «Фейсбук», «Твиттер» или другие омерзительные способы связи...

Парни, вы ни за что не поверите, что произошло; даю голову на отсечение, это было настоящее жесткое порно! Я прилетел в Лос-Анджелес, чтобы посетить мозгоправа, накануне вечером решил пропустить стаканчик и...

Но потом он извинился:

– Простите, неудачная шутка. Наверное, я просто... не силен в светских беседах.

Не хам. Это плохо. Его недостатки помогли бы Блейдс чувствовать себя не так глупо, но ничего не поделаешь...

Она покашляла, прочищая горло. Пациент поднял на нее взгляд. Губы крепко сжаты. Больше ему нечего сказать.

– Мне ужасно жаль, Эндрю. Но сделанного не вернешь, и нет смысла на этом задерживаться, – снова заговорила доктор. – Наоборот, я думаю, что мы можем потратить наше время с пользой.

Брови мужчины изогнулись дугой:

– То есть?

О нет, не это, совсем не это!

Грейс наклонилась вперед, изображая спокойствие и уверенность... *профессионализм.*

– Я имела в виду, – пояснила она, – что вы проделали такой путь, потому что у вас есть ко мне вопросы. Если вы можете отбросить все, что вас отвлекает, я готова выслушать их. Совершенно очевидно, что я не могу взяться за ваше лечение, но я сделаю все возможное, чтобы направить вас к лучшему из местных специалистов.

У нее не было на примете ни одного надежного психотерапевта в Техасе, но, черт возьми, она его найдет.

Эндрю Тонер молчал.

– С другой стороны, – продолжила Блейдс, – если для вас это слишком трудно, я пойму.

– Э-э... возможно... – Ее клиент поддернул брюки и хотел закинуть ногу на ногу, но потом передумал и поставил обе ноги на ковер. – Вы догадываетесь, что мне нужно?

– Наверное, если речь о той статье, что вы упомянули при регистрации.

– Да! – Одно слово, шепотом, но очень выразительное. Тонер выпрямился. – Когда я наткнулся на нее, то сказал себе: *вот человек, с которым мне нужно поговорить.* – Он отвернулся. – Я не сразу нашел ее. Похоже, этому вопросу психологи уделяют не слишком много внимания. – Пауза. – Почему?

– Трудно сказать наверняка, – ответила Грейс, готовая обсуждать все что угодно, только не минувший вечер. – Подозреваю, что одна из причин – то, что мы называем малым объемом выборки. Недостаточное количество таких людей, объектов для исследования, чтобы получить финансирование.

– Неужели? – удивился Эндрю. – С учетом всего, что происходит, их должно быть много.

– Полагаю, большинство людей, оказавшихся в такой ситуации, не хотят, чтобы их исследовали.

– Хм. Да, пожалуй, я понимаю.

*Ты этого даже представить не можешь, Эндрю. Или можешь...
Ведь ты здесь.*

– В любом случае, – сказал мужчина, – так я вас нашел. Искал информацию.

Грейс представила, как он сидит за своим компьютером и ведет поиск, терпеливо и методично, как настоящий инженер. Если он действительно инженер... Как бы то ни было, ситуация заставила его заняться поиском, и в конечном итоге он наткнулся на *ту* статью.

Заинтересовавшая его работа была написана шесть лет назад и опубликована на последних страницах редкого английского журнала по криминологии, уже не существующего. Поскольку Малкольм предположил – вполне обоснованно, – что журналы по психологии могут ее не принять.

Необычная работа, единственная, написанная Грейс самостоятельно. Малкольм довольно долго ее уговаривал, и в конце концов она сдалась.

Он так радовался, увидев ее опубликованной...

Хотя это произошло не слишком быстро.

«Жизнь со злом: эмоциональные аспекты родственной связи с убийцей».

Но рецензенты из журнала не знали – никто не знал, кроме нее самой, Малкольма и Софи, – что Грейс выступала в двойной роли.

Автора *и* объекта исследований.

Она назвала себя Джейн Х. и изменила детали таким образом, чтобы никто не смог понять, что это автобиография, замаскированная под историю болезни.

Она перенесла «провоцирующее событие» в другой штат, превратила отца в убийцу и самоубийцу, а мать сделала беспомощной жертвой – и вдобавок скрыла факты, которые понравились бы редактору журнала, яркой феминистке. Да, следует признать, что Ардис действительно был звездой дешевой мелодрамы, которая закончилась его перерезанным горлом. Этот дурацкий тестостерон, высвобожденный наркотиками и алкоголем. И пощечины.

Атмосфера напряженности и страха, которую он приносил с собой в трейлер...

Грейс поняла, что на какое-то время отключилась. Она отодвинула от стола кресло на колесиках и прижалась к кожаной спинке – больше всего ей хотелось просто исчезнуть.

Заметил ли он, что ей не по себе? В голубых глазах Эндрю читалось сочувствие.

Ага, только этого ей не хватало! Она все испортила, а теперь еще *грузит* его своим личным дерьмом.

Снова подъехав к столу, психотерапевт вслух произнесла название статьи. Надеясь, что это заклинание избавит ее от субъективности.

Тонер кивнул, и внезапно Грейс почувствовала, что задыхается. Сдержав кашель, она извинилась, прикрыла ладонью рот, сделала долгий глубокий вдох, а потом выдохнула через нос, пытаясь скрыть свою потребность в кислороде.

Жертва. Нет, не дождетесь...

Эндрю Тонер по-прежнему смотрел на нее... с нежностью?

Я в порядке, отзывчивый ублюдок!

Блейдс понимала, что должна взять себя в руки. В противном случае... что?

Нельзя отвлекаться. Сосредоточься.

– Итак, – сказала она, стараясь выдержать профессиональный тон, – что за злодей оккупировал ваши мысли и сны?

– Не уверен, что готов об этом говорить.

– Понимаю.

– Ведь именно об этом вы писали, да? Та женщина... Джейн... всегда сомневалась, что готова взглянуть правде в глаза. У нее не было способа узнать, потому что никто не может сказать, что будет потом.

Грейс кивнула. Движение помогало. Психотерапия, психотерапия, психотерапия.

– Я могу это подтвердить, – продолжал Эндрю. – Иногда я просыпаюсь посреди ночи с мыслью: вот оно, момент, когда мне нужно... повернуться лицом к реальности. Но затем этот импульс проходит, и я убеждаю себя, что могу просто забыть обо всем.

– Конечно. – Грейс удивилась сердечности своего тона. Не думать об этом. Просто *быть*.

Возможно, собеседнику передалась ее вновь обретенная уверенность – его тело немного расслабилось.

Но глаза увлажнились.

Грейс предположила, что от внезапного наплыва воспоминаний.

Она ошиблась.

– Дело не во мне. Это... моральный аспект. – Тонер снова замолчал.

Доктор ждала.

Эндрю покачал головой:

– Впрочем, неважно.

– Достаточно важно, чтобы приехать из Сан-Антонио.

Взгляд Тонера метнулся влево. Значит, Техас – тоже ложь? Что еще он скрыл от нее?

Все. Разумеется.

– Вы можете рассказать мне о злодее, не вдаваясь в детали?

Пациент задумался.

– Это непросто.

– И не должно быть.

– Я знаю, знаю... Послушайте, мне очень жаль. – Смех мужчины прозвучал резко. – Еще одно дурацкое извинение. Я слишком часто извиняюсь, и в этом моя проблема. – Снова смех, на этот раз сердитый и отрывистый. – Одна из моих проблем... В любом случае я рад, что приехал, потому что у меня было время подумать. Просто это не сработало.

Его ладонь разрубила воздух, горизонтально.

– Пожалуйста, поверьте, вы тут ни при чем... Я не жалею. Просто... я не могу. Наверное, еще не готов. – Он улыбнулся. – Должно быть, вы такое слышите постоянно.

Пытается нормализовать ситуацию. Не только для себя, но и для Грейс. Человек, который заботится о других. Что еще хуже.

Эндрю встал. Щеки его пылали. Вспоминает ее? Язык, ноги, все остальное?

– У нас есть время, – сказала Грейс. – Вам некуда торопиться.

Он энергично замотал головой.

– Не могу, простите... ну вот, опять. Извиняюсь перед всем миром, я вроде как чувствую себя...

– Другим.

– Нет-нет! – Пациент вдруг разозлился. – Это... – Раздраженный взмах рукой. – Мы все разные. Не другим, нет, я чувствую себя... запачканным.

– В этом есть смысл, – сказала Блейдс.

– Да? А Джейн Х. чувствовала себя запачканной? В вашей статье об этом ничего нет; вы просто рассказываете, что она была вынуждена создать собственную систему нравственных ценностей. Все эти шаги, которые она предпринимала, чтобы справиться.

– У статьи есть ограничения, Эндрю. Может быть, вы сядете и мы поговорим?

Тонер обвел взглядом кабинет.

– Вы хотите помочь. Я знаю. Возможно, вы правы, и мне следует остаться. Но я не могу. Спасибо, что уделите мне время, доктор. Правда.

Он пошел к двери. К той, которая вела назад в приемную, а не к выходу в переулок.

Других пациентов не было, и поэтому не было и необходимости соблюдать правила. Грейс встала.

– Я сам найду дорогу, – возразил мужчина. – Пожалуйста.

Блейдс осталась на месте. Она смотрела, как он осторожно открывает дверь в приемную, делает два шага, а потом поворачивается вполборота, так что она видит часть его красивого, несчастного лица.

– Да, Эндрю? – спросила женщина.

– Я... если можно... Скажите, если нет... Если завтра я найду в себе силы вернуться... Вы сможете уделить мне немного времени? Я понимаю, что вы, наверное, очень заняты, так что если это неуместно...

Первый день предполагаемого отпуска.

– Конечно, я найду для вас время, Эндрю, – сказала доктор Блейдс. – Столько, сколько вам нужно.

– Спасибо. Вы... очень... Думаю, вы сможете мне помочь.

И, густо покраснев, Тонер вышел.

* * *

Испытывая облегчение, что он не попытался заплатить, Грейс вернулась в кабинет и долго стояла там. Она надеялась, что в конечном счете придет в норму, но потом поняла, что у нее ничего не выйдет, и направилась в гараж.

Гадая, позвонит ли Тонер.

Понимая, сколько смыслов может содержаться в этом вопросе.

Она надеялась снова увидеться с ним. Надеялась, что не будет врать себе насчет причин этого.

Когда Грейс задом выезжала из гаража, приземистый седан, стоявший чуть дальше по улице, включил фары и двинулся к ней.

Необычно для этого тихого квартала, хотя такое случалось и прежде.

Тем не менее – одинокая женщина всегда должна соблюдать осторожность – Грейс проверила, что двери «Астон Мартин» заперты, и только потом тронулась с места и повернула на восток.

Машина двигалась за ней, и женщина была готова, если потребуется, отрываться от преследования. Но затем седан остановился, развернулся в три приема, воспользовавшись подъездной дорожкой к одному из домов, и поехал в обратном направлении.

Блейдс смотрела, как уменьшаются, а затем исчезают его габаритные огни. Возможно, это были копы в штатском, нечто вроде поста против грабителей – в Западном Голливуде орудовали взломщики.

Или у водителя была причина быть здесь, а она просто поддалась иррациональной тревоге, потому что сегодняшней день был... другим.

Завтра будет новый день.

Позвонит *ли* он?

Глава 11

Восьмой день рождения Грейс прошел незамеченным. После красной комнаты она жила в семи семейных приютах. И всегда это был бизнес, которым занимались ничем не примечательные люди: их привлекали государственные деньги, а иногда возможность почувствовать себя благородными.

От других приемных детей Грейс слышала истории о плохих мужчинах, которые прокрадывались в спальню посреди ночи, и о плохих женщинах, которые делали вид, что об этом не знают. Одна из многочисленных соседок по комнате, девочка по имени Бриттани, вскоре после своего появления задрала блузку и продемонстрировала грубый шрам – по ее словам, приемная мать специально обварила ее кипятком.

Грейс была готова в это поверить – судя по тому, что она видела, люди были способны на все. Но Бриттани любила приврать, в том числе и о всякой ерунде, вроде того, что она ела в школе. А еще она воровала белье Грейс, и поэтому та предпочитала пропускать ее слова мимо ушей.

За три года Грейс ни разу не сталкивалась с физическим или сексуальным насилием. По большей части на нее не обращали внимания и разрешали ей делать все, что хочет, лишь бы она никого не беспокоила – каждый ребенок приносил приемной семье немалый доход, и поэтому такие семьи старались взять себе как можно больше детей и держать их как можно дольше.

Однако социальные работники почему-то все время переводили Грейс из семьи в семью. Причинами девочка не интересовалась – ей было все равно. Все приемные семьи похожи друг на друга. Главное, чтобы ее оставили в покое и у нее была бы возможность читать.

Однажды социальный работник по имени Уэйн Кнутсен, который перевел ее из семьи номер шесть в семью номер семь, появился снова. Он явно нервничал и смущенно улыбался.

– Догадываешься, в чем дело? Ты уж извини, детка.

Уэйн был пузатым мужчиной чуть за тридцать с волосами, собранными в «хвост». Обычно от него пахло мятой, а иногда и

немытым телом. За толстыми стеклами очков его глаза казались большими и выпуклыми, как у рыбы. Он выглядел нервным, даже когда улыбался, и сегодняшний день не был исключением.

Грейс приготовилась собирать вещи, но Кнутсен протянул ей шоколадный батончик и сказал:

– Присядь на секунду.

Грейс спрятала конфету в карман.

– Припасаете на черный день, да? – спросил мужчина.

Девочка знала, что некоторые вопросы не требуют ответа, и поэтому молчала. Уэйн вздохнул. Лицо его стало печальным.

– У тебя такие глаза, мисс Грейс Блейдс... Как будто ты говоришь, что это моя вина... Я знаю, что прошло всего четыре месяца... Все было в порядке?

Грейс кивнула.

– Черт. Я приехал сказать, что тебя опять переводят, и я чувствую себя собачьим дерьмом недельной давности.

Девочка не ответила. Она не обязана кого-то утешать.

– Тем не менее я заглянул в твое дело. Восьмой раз, черт бы его побрал! Проклятье.

Грейс сидела неподвижно.

– Тем не менее, – снова заговорил Уэйн, – мне кажется, ты достаточно взрослая и знаешь, как работает система. Что это за дерьмо. Правда? Достаточно взрослая?

Его маленькая собеседница кивнула.

– Черт, из тебя слова не вытянешь... Ладно, значит, дело вот в чем. Умники в законодательном собрании штата – это место, где собираются тупицы и принимают дурацкие законы, потому что важные люди им за это платят.

– Политики, – сказала Грейс.

– Ага, умная девочка. Значит, ты понимаешь, о чем я?

– Богатые платят другим людям, чтобы их слушали.

– Эй! – Уэйн хлопнул девочку по спине, чуть сильнее, чем следовало бы. – И вправду умница. Да, совершенно верно, детка. В общем, один из тех законов, которые приняли эти идиоты, обещает больше денег тем людям, которые берут детей с особыми потребностями. Знаешь, что это?

– Больные дети?

– Иногда, но не обязательно. Они могут быть больными или просто... другими. В каком-то смысле это справедливо, потому что людям может понадобиться помощь. Но особые потребности – хитрая штука, мисс Грейс Блейдс. Это может быть действительно тяжелый случай – ребенок с одной ногой, с одним глазом, – и тогда понятно, что это оправдано и им требуется особый уход. Но закон написан так, что им злоупотребляют... используют неправильно. Если знать нужного врача, то любой ребенок может попасть в категорию особых потребностей – например, он неуклюжий или просто тупой. Дело в том, что на детях с особыми потребностями можно больше заработать, чем на обычных, а, к несчастью для тебя, ты обычный ребенок. – Уэйн подмигнул. – По крайней мере, мне так сказали. Это правда? Ты обычная?

Грейс кивнула.

– Только неразговорчивая, – сказал мужчина. – В тихом омуте... В любом случае такие вот дела, мисс Грейс Блейдс. Тебя переводят, потому что мистер и миссис Сеймах могут существенно повысить свой доход, взяв нового ребенка с эпилепсией... Знаешь, что это... нет, все это дерьмо тебе ни к чему.

– Ладно, – сказала Грейс.

– Ладно?

– Я уезжаю. Все нормально.

Все равно ей не нравилось у Сеймахов. Скучные люди, державшие пару нервных и вонючих собак, безвкусная и не слишком обильная еда, жесткая, как доска, кровать... Иногда миссис Сеймах позволяла себе улыбнуться, но было трудно понять, к чему именно относится ее улыбка.

– В самом деле, – кивнул Кнутсен. – Тогда давай собираться – и в путь.

– Куда я еду?

– Понимаешь, – сказал соцработник, – возможно, это сработает... Я надеюсь... Это будет надолго. Потому что я обратил на тебя внимание, когда забирал у Кеннеди, после того как они взяли ребенка с особыми потребностями. Ребенка из пятой категории, самой высшей, что означает больше всего денег. У ребенка был какой-то врожденный дефект, и семье Кеннеди оплачивали кислородные баллоны и всякие лекарства. Вообще-то это нормально, потому что ребенок, который не

может дышать сам, нуждается в дополнительном внимании. Но я все равно считаю, что это неправильно, – почему тебя считают нормальной? Черт возьми, умным быть недостаточно! Если б это было возможно, я сам заполнил бы на тебя бумаги. Особые потребности, потому что ты очень умная, понимаешь?

Грейс кивнула.

– Но ничего не выйдет – вот в чем безумие. Если б ты отставала в развитии, то была бы подходящим кандидатом, но закон не распространяется на умных детей. Разве это не дерьмо? Разве мир – не дерьмовое место? Вот почему ты моя последняя подопечная – потом я уйду. Увольняюсь и поступаю на юридический факультет. Знаешь, почему?

Девочка покачала головой.

– Конечно, откуда тебе знать? – Уэйн снова подмигнул ей и дал вторую конфету, которую она положила рядом с первой. Заранее неизвестно, когда захочется есть. – Эти конфеты мы называем искуплением вины, детка, – сказал он. – В общем, мне хотелось бы сказать, что я собираюсь стать юристом, чтобы изменить систему и превратить воду в виноградный сок, но я не лучше других и поэтому собираюсь заработать много денег, защищая богатых людей, и постараюсь не думать о том времени, которое я проработал в системе. Все равно я считал эту работу временной.

– Ладно, – сказала Грейс.

– Ты все время это повторяешь.

– Со мной всё в порядке.

– Значит, система тебя устраивает?

– Это как животные, – ответила девочка. – В джунглях. Каждый сам за себя.

Уэйн внимательно посмотрел на нее и присвистнул.

– Знаешь, я примеривал на тебя первую категорию... По большей части психологические проблемы... или эмоциональные... неважно. Чрезмерная зависимость. Но это не ты. Еще я мог бы попробовать чрезмерную раздражительность, но это тоже не ты. Потом подумал, что не стоит писать все это в твоём деле – до сих пор ты отлично справлялась и заслуживаешь своего шанса. Я прав?

Грейс снова кивнула, хотя и не была уверена, что правильно поняла соцработника.

– У тебя есть чувство собственного достоинства, – сказал Уэйн. – Мне так кажется. В любом случае, даже если б я записал тебя в первую категорию, толку от этого никакого, потому что новый ребенок, с эпилепсией, – из пятой категории, и ты ему не конкурент. В общем, давай собирать твои вещи. На этот раз я, возможно, нашел для тебя хорошее место. Мне так кажется. Если нет, прости – я старался.

Глава 12

Эндрю Тонер не позвонил, и к ночи, сидя дома, Грейс уже не находила себе места. Бессмысленные телепередачи не помогали. Не было толку также от музыки, физических упражнений, вина или журналов. Наконец, во втором часу ночи, женщина забралась под одеяло, потянулась и расслабила руки и ноги, надеясь, что со временем мозг подчинится телу.

Она просыпалась в два пятнадцать, в три девятнадцать, в четыре тридцать семь, в шесть и в девять.

Такой прерывистый сон не был для Блейдс в новинку. Из-за обстановки, в которой она выросла – разные комнаты, кровати и соседи, в том числе дети, которые по ночам кричали от страха, – ее ночи можно было разделить на две категории. По большей части она проваливалась в сон на восемь часов и вставала свежей и отдохнувшей, но иногда просыпалась через каждый час или два, как новорожденный младенец. Грейс привыкла к таким ночам, поскольку они не были связаны с событиями прошедшего дня и не вызвали особых проблем. Просыпаясь, она без труда снова засыпала.

Однако ночь после встречи – второй – с Эндрю Тонером была настоящим мучением, со скрученной простыней и сбившейся подушкой, когда женщина долго лежала с открытыми глазами, ненадолго проваливалась в дремоту и снова просыпалась. Ни ночных кошмаров, ни обрывков неприятных образов. Ей просто *не спалось*.

Когда взошло солнце, доктор уже давно отказалась от попыток крепко заснуть.

Привет тебе, первый день отпуска.

А может, и нет. У Эндрю еще оставался шанс для второй попытки. Может, ему просто нужно время.

Чтобы разобраться с *моральными аспектами*. Что бы это ни значило.

Завтрак не лез в горло, и в девять часов Грейс позвонила в телефонную службу. Ни одного сообщения. Она удивилась своему разочарованию.

Как будто ее обманули.

Обливаясь потом, психотерапевт вышла на террасу и окинула взглядом пляж. Много сухого песка. Целый час Грейс бегала туда-сюда вдоль всего берега Ла-Коста-Бич. Вернувшись в дом – нисколько не успокоившись, – она сварила кофе и снова позвонила в телефонную службу.

Ничего, доктор Блейдс.

Не звонишь, не пишешь...

Женщина решила, что нужно забыть этот неприятный эпизод, поскольку она не привыкла испытывать чувство вины.

Ладно. Что теперь?

Позавтракать? Может, поездка разбудит аппетит? Кафе на пляже в Парадайз-Коув? Или «Сеть Нептуна» на северо-западной оконечности Малибу?

Теоретически оба варианта выглядели привлекательно, но ехать не хотелось.

подавив желание в третий раз позвонить в телефонную службу, Блейдс разделась, оставшись в трусиках и бюстгальтере, и выполнила несколько движений из комплекса самообороны, воображая, как на нее нападают злодеи и как она может нейтрализовать их, целясь в глаза и гениталии, а также в уязвимое место под носом.

Движения ее были механическими, без всякой страсти.

Если какой-то психопат ворвется в дом, она – труп.

* * *

Блейдс долго, как ей казалось, стояла под душем, а потом удивилась, до чего это жалкий отрезок времени. Впереди две недели отдыха, а она еще не решила, остаться ей дома или заказать номер в каком-нибудь наугад выбранном роскошном отеле.

Во время своих путешествий она почти всегда находила мужчину для Прыжка.

Под ложечкой у нее засосало.

Никакого желания.

Грейс села на пол и попыталась понять, чего же ей на самом деле хочется, но ответа не нашла. Она чувствовала себя маленькой и жалкой, превратившейся в ничто.

Пушинка. Которую постепенно срывает и уносит жестокий, неутрачивающий ветер.

Плохие мысли, Грейс. Стереть, стереть, стереть, затем вытеснить.

Что она говорила стольким пациентам? Главное – делать *что-нибудь*.

Можно поехать в тир в Сильмаре и попрактиковаться в стрельбе. Не то чтобы она нуждалась в тренировке – последний раз Грейс была там в воскресенье три недели назад и превратила мишень – безликую, политкорректную голову европеоида – в решето. Ее меткая стрельба вызвала потрясенное молчание, а затем растерянное «ого!» у парня на соседнем стенде, бритоголового, похожего на бандита типа, который пытался выглядеть крутым со своей «пушкой» калибра 357 под патрон «магнум».

Грейс проигнорировала его и точно так же изрешетила вторую мишень, после чего бандит пробормотал «Мама лока!» со смесью отвращения и восхищения, а затем продолжил мазать по своей мишени самым унижительным образом.

Когда доктор Блейдс взяла свои пистолеты и покинула огневой рубеж, у него стало получаться лучше.

Он делал вид, что ее тут не было.

* * *

Грейс научилась стрелять и прошла серьезный курс самообороны вскоре после того, как купила дом и офис. Оставшись одна и предполагая, что так будет всегда, она не знала, с чего начать, и обратилась к Алексу Делавэру, потому что слышала, что он занимался карате и время от времени работал с полицией.

Она нашла его в студенческом городке – Алекс вышел из корпуса Сили Мада, где располагался факультет психологии, с двумя аспирантками. Они оживленно переговаривались. Потом женщины ушли, а Делавэр продолжил путь широким, но медленным шагом. Он был не очень высоким, но казался выше своего роста. Черная водолазка, джинсы, рюкзак...

Блейдс приблизилась, чтобы он ее заметил, и махнула рукой. Алекс махнул ей в ответ и подождал, пока она подойдет.

– Привет, Грейс.

– Есть минутка?

– Конечно. Что случилось?

– Я решила заняться боевыми искусствами и хочу спросить у вас совета.

Серо-голубые глаза Делавэра должны были остаться бесстрастными, но почему-то отреагировали. Зрачки его мгновенно расширились. Серьезный интерес, однако Грейс не заметила сексуального подтекста – скорее он действительно обдумывал просьбу.

– Кто-то сказал, что я сэнсэй? – улыбнулся Алекс.

– Вроде того.

– Жаль вас разочаровывать, я просто дилетант – упражняюсь время от времени.

– Все равно вы знаете больше меня.

– Справедливо, – сказал мужчина. – Вам нужна хорошая нагрузка или надежные средства самозащиты?

– Возможно, и то, и другое.

Мимо прошла хихикающая парочка аспиранток в коротких юбках. Обе девушки окинули Делавэра оценивающими взглядами, но тот не заметил этого. Он отвел Грейс к скамейке в тени дерева напротив факультета психологии и сказал:

– Не хочу показаться излишне любопытным, но я не смогу дать вам правильный ответ, не зная, имеете ли вы в виду конкретную угрозу.

– Нет, – ответила Блейдс. – Я живу одна, а это Лос-Анджелес...

Все знали причину, почему Грейс одна. Она не могла говорить об этом и надеялась, что Делавэр это понимает. Слава богу, он не отклонялся от темы.

– У карате и других боевых искусств есть одна особенность: они хороши в качестве физической нагрузки и для воспитания дисциплины, но за пределами кино практически бесполезны против вооруженного бандита, – предупредил ее Алекс. – Поэтому если ваша главная цель – защита, я рекомендую заняться рукопашным боем. Нечто вроде израильской крав-магá, но еще жестче.

– Ищите уязвимые точки, – сказала Грейс.

Делавэр снова улыбнулся.

– Сонная артерия – самая легкая мишень. Но не единственная.

– Звучит неплохо. Посоветуете кого-нибудь?

– И еще одно: если вы хотите сделать следующий шаг, купите пистолет и научитесь стрелять.

– А у вас есть огнестрельное оружие?

– Нет. Но не потому, что я владею приемами карате.

– Вы утратили интерес?

– Когда мой учитель состарился и умер, я все время говорил себе, что найду нового, но в конечном счете понял, что не сделаю этого. Это фантастическая тренировка, особенно для баланса, и поэтому когда-нибудь я могу вернуться. Но против ножа или пистолета... – Мужчина покачал головой.

– Где я могу пройти серьезный курс рукопашного боя?

Делавэр снял рюкзак, достал блокнот и ручку и написал имя.

Шошана Ярослав.

– Это дочь моего учителя. Когда я тренировался, она была еще ребенком. Теперь она выросла.

– Она разбирается в огнестрельном оружии?

– И в нем тоже.

– Спасибо, Алекс.

– Что-нибудь еще?

– Нет, это все.

– Надеюсь, вы найдете то, что ищете, – сказал Делавэр. – И еще надеюсь, что это вам никогда не понадобится.

Глава 13

К полудню безмятежная красота пляжа истощила терпение Грейс. Час спустя она полностью утратила самообладание: каждый раз, когда волна накатывала на берег, женщина стискивала зубы, а от чириканья и криков ржанок ее пальцы скрючивались, словно когти.

Заперев дом – желудок остался пустым, и у Блейдс не было никакого желания его заполнить, – она села в машину и поехала на север, без всякой цели. Промчалась мимо «Сети Нептуна», миновала участок парка, взорванный несколько десятилетий назад ради продолжения шоссе...

Проезжая мимо дюны Торнхилл Брум, этого эвереста сыпучего песка, используемого поклонниками фитнеса для проверки выносливости, психотерапевт вспомнила сцену, которую видела в прошлом году: детеныш тюленя выполз на асфальт, и его переехала машина.

Возможно, отпуск – неудачная идея. В данный момент она дорого заплатила бы, чтобы кого-нибудь спасти.

Грейс поднималась на дюну всего один раз, уклоняясь от болтовни с единственным компаньоном, накачанным стероидами мужчиной, который выпендривался, бегом преодолевая почти вертикальный склон. Позже, пройдя весь маршрут и возвращаясь к машине, оставленной у шоссе, она видела, как этот человек спрятался за свой «Джип» и согнулся пополам – он задыхался, и его рвало.

Грейс тоже тяжело дышала после подъема, но ей не нужно было ничего доказывать, и от этого ее жизнь была спокойной и приятной.

В конечном итоге никому до тебя нет дела.

* * *

Через пятнадцать миль дорога раздваивалась. На запад шла Райс-авеню с полями клубники Окснарда, складами и заправками, на восток – Лас-Росас-роуд, где за сельскохозяйственными угодьями Камарильо находился сам этот чистый, яркий город. Повернув на восток, Грейс

разогнала «Астон Мартин» до семидесяти миль в час и промчалась мимо полей с артишоками, перцем и томатами. Когда показался деловой район Камарильо, она снизила скорость, потому что это место копы использовали для выписки штрафов.

И точно – прямо за деревянным навесом стояла патрульная машина.

На скорости на пять миль ниже максимальной разрешенной Блейдс миновала два перекрестка и по эстакаде въехала на шоссе 101.

Снова выбор: север или юг. Она повернула на юг – якобы случайно.

А вот и нет – выбор был совсем не случайным. Но Грейс поняла это только после того, как проехала двадцать миль.

Через час после выхода из дома она вернулась в офис.

* * *

Без людей домик выглядел стерильным и бесстрастным, и это успокоило доктора Блейдс.

Безопасное место. Здесь она сама устанавливает правила. Отсюда она может еще раз позвонить в телефонную службу, и ее не примут за невротика, потому что она будет ответственным профессионалом, который делает свою работу.

Грейс с трудом выждала пять минут, прежде чем снять трубку телефона, поскольку считала, что должна проверить себя – последние полтора дня были... другими.

Изменения требуют адаптации.

Никаких сообщений, ни от Эндрю Тонера, ни от других пациентов. Но свой телефон, начинающийся с 213, оставил детектив Хенке – и просил перезвонить.

– Он сказал, в чем дело? – спросила психотерапевт оператора.

– Нет, доктор. Только не он, а она.

* * *

Грейс не нашла Хенке в «Фейсбуке» и ввела ее данные в поисковик. Единственным упоминанием об этой женщине была статья трехлетней давности в «Дейли ньюс» о полицейской облаве в Северном Голливуде. Детектив Элин Хенке назвала аресты «кульминацией длительной совместной работы подразделений полиции Лос-Анджелеса, окружного прокурора и шерифов округов».

Вероятно, Хенке выбрали для общения с прессой потому, что ей можно было доверять, она хорошо относилась к средствам массовой информации и владела бюрократическим языком.

Три года назад Хенке работала в Северном Голливуде. Сегодня номер ее телефона указывал на центр города.

Должно быть, это пациентка, которую кто-то направил к Грейс. У нее не было знакомых в центре, но время от времени к ней обращались прокурор или секретарь из офиса окружного прокурора и просили принять пациента.

Простите, детектив, но я в отпуске.

Или нет. Посмотрим, что нам скажет Элин.

Врач набрала номер. Ответил приятный молодой голос:

– Детектив Хенке.

– Это доктор Грейс Блейдс. Вы мне звонили

– Спасибо, доктор, что перезвонили. – Тон детектива был неожиданно серьезным.

– Если вы на консультацию, то в ближайшие две недели меня не будет, но если дело срочное...

– На самом деле, – сказала Элин, – я позвонила вам из-за убийства, которое произошло в центре города этой ночью... А если точнее, то рано утром. Жертва – белый мужчина лет тридцати пяти, без документов, что для нас хуже всего. Вот тут я надеюсь на вашу помощь, доктор. Когда тело привезли в морг и раздели, в левой туфле обнаружилась ваша визитная карточка.

– В туфле? – повторила Грейс, стараясь унять дрожь в голосе.

– Странно, правда? Описание внешности вам о чем-нибудь говорит?

Волны тошноты и головокружения, мучившие Блейдс с прошлой ночи, сменил внезапный, пронзительный приступ... отчаяния?

Реальность догоняла сигналы, которые подавало ей тело.

– Вы можете описать его подробнее? – попросила психотерапевт, скрывая волнение.

– Ну хорошо, – сказала Хенке. – Значит... каштановые волосы, голубые глаза, одет в твидовую спортивную куртку «Харрис» и брюки защитного цвета... коричневые туфли. Никаких особых примет, но ничего не подделаешь. Жаль, что не у всех есть татуировки.

– Я не уверена, – сказала Грейс. *Конечно, уверена!* – Но возможно, это пациент, который приходил ко мне вчера вечером.

– Имя?

– Если это не он, я обязана соблюдать конфиденциальность.

– Ага. Я могу прямо сейчас отправить вам фотографию по электронной почте. Обещаю выбрать лучшую. Не вешайте трубку. Готовы, доктор?

– Конечно.

Блейдс продиктовала электронный адрес.

Через несколько секунд ужасная правда появилась на экране ее компьютера. Красивое лицо Эндрю крупным планом, расслабленное и посеревшее после смерти. Ни крови, ни ран – возможно, все повреждения ниже шеи.

– Он назвался Эндрю Тонером. Сказал, что приехал из Сан-Антонио, штат Техас, – сообщила врач.

– Сказал? У вас есть основания сомневаться в его словах?

Возможно, его настоящее имя Роджер. Или Беано. Или Румпельштильцхен.

– Нет... Я просто... потрясена. На самом деле шокирована. Он пришел ко мне в шесть вечера. Через пятнадцать минут ушел.

– Довольно короткий сеанс, да? – спросила Хенке. – Я имею в виду, для психолога. Разве что он пришел за рецептом... Хотя вы, психиатры, не выписываете лекарств, так?

– Мистер Тонер ушел раньше.

– Могу я спросить почему?

– Это был первый сеанс, и такое случается.

– Он записался на второй?

Дотошная Элин.

– Нет.

– Из Техаса, – сказала Хенке. – Довольно далеко ездить на лечение.

– Точно.

– Что еще вы можете рассказать о мистере Тонере?

– К сожалению, ничего.

– Он мертв, доктор, и вы можете не беспокоиться по поводу конфиденциальности.

– Дело не в этом, – возразила Грейс. – Я видела его один раз, причем не очень долго.

На самом деле дважды, но углубляться в это нет смысла, Элин.

Психотерапевт почувствовала, что теряет равновесие, хотя она сидела в своем рабочем кресле. Голова у нее покачивалась, словно перезревший фрукт на хлипкой ветке. Она уперлась ладонями в крышку стола, чтобы не упасть.

– Ладно, – сказала Хенке. – На данный момент вы – это все, что у меня есть. Вы не против, если мы еще немного поболтаем? Я тут, неподалеку.

Убийство произошло в центре. Почему Элин находится в Западном Голливуде? Разве что считает Грейс... как там выражаются в полиции... подозреваемой?

Последний человек, видевший Эндрю живым. Несомненно.

Или Блейдс что-то такое сказала? Или не сказала. Может, несмотря на все усилия, голос выдал чувства, бушевавшие в ее душе?

А может, детектив просто старается ничего не упустить...

– Конечно, я готова встретиться с вами прямо сейчас, – согласилась врач.

– Хм, – сказала Хенке. – Может, через час, доктор?

Да, действительно неподалеку.

* * *

Как только Хенке повесила трубку, Грейс позвонила в отель «Бeverли Опус» и бодрым голосом девушки по вызову сказала:

– Эндрю Тонера, пожалуйста.

Портье щелкнул невидимой мышкой.

– Мне очень жаль, но у нас не регистрировался человек с таким именем.

– Вы уверены?

- Да, мисс.
- О черт, как это может быть? Он сказал, что будет здесь... в «Беверли Опус».
- Не знаю, что он вам говорил, мисс...
- Ах да, – сказала Грейс. – Я вспомнила, иногда Энди использует свою кличку Роджер.
- У меня поиск по фамилии, мисс, – сказал портье. – Так что это не поможет.
- Очень странно. Может быть, он приехал несколько дней назад и по какой-то причине уехал раньше? Почему он не сказал мне? Я должна была отвезти его на встречу одноклассников.
- Подождите. – Щелчки компьютерной мыши. Приглушенные голоса. – У нас не было гостей с таким именем, мисс.
- Понятно... Но ведь рядом с вами есть другие отели, да?
- Это Беверли-Хиллз, – сказал клерк и повесил трубку.

* * *

Эндрю-Роджер-Роджер-Эндрю.

Грейс предположила, что он остановился в «Опусе», но, очевидно, он просто зашел туда, чтобы... выпить? Почувствовать себя уверенней перед завтрашним сеансом у психотерапевта, где он будет разбираться с *моральными аспектами*?

В конечном итоге он получил не только алкоголь.

Роджер, инженер. Если имя было ненастоящим, то и профессия тоже. Как и перелет из Техаса.

Хоть что-нибудь в его словах было правдой? Кого он изображал?

Психотерапевт вспомнила, как он был шокирован, когда увидел ее в кабинете – такое сыграть невозможно. Таким образом, все, что относилось к его проблеме, по всей видимости, можно считать правдой. А тот факт, что побудительным мотивом стала статья о Джейн Х., прояснял и суть проблемы: родственные связи с опасным преступником.

Моральные аспекты... Не воспоминания о прошлом, а настоящее. Мучительные сомнения, следует ли предавать все огласке.

А теперь он мертв.

Чтобы убедиться, что он не узнал о ней каким-то другим способом, Грейс подавила отвращение и набрала свое имя в поисковике. Нашлись лишь цитаты из научных работ. Ни одной фотографии. Это придавало достоверности хотя бы части рассказа Эндрю.

Блейдс задумалась о том, где он провел последний день своей жизни.

Выпивка в Беверли-Хиллз. Психотерапевт в Западном Голливуде. Смерть в центре города.

Грейс вспоминала, что этот район подвергся реконструкции, которую оценивали слишком оптимистично. Несмотря на Стэйплс-центр, перестроенные чердаки, жилые дома для яппи и бары, основная часть центра Лос-Анджелеса оставалась унылой и опасной. Когда заканчивался час пик, улицы оказывались во власти толп бездомных шизофреников, преступников, наркоманов, наркодилеров и прочей подобной публики.

Может быть, Тонер, не знакомый с городом, забрел в опасный район и наткнулся на психа, действиями которого руководили галлюцинации?

Жалкая и бессмысленная смерть.

Или его убийство действительно связано с моральной дилеммой, благими намерениями и всем прочим?

Где-то внутри у Блейдс зажегся огонек любопытства, вытесняя тревогу.

Если Хенке правильно рассчитала время, то через пятьдесят минут Грейс впервые в жизни встретится с детективом из отдела убийств.

А пока... Прогулка по окрестностям поможет скоротать время. Но женщине почему-то не хотелось двигаться. Она попыталась читать журнальные статьи, но не могла сосредоточиться.

Эндрю Тонер.

Что-то в его имени не давало ей покоя, но она не могла понять, что именно, пока ее взгляд не упал на ежедневник. Запись о его визите и номер телефона, который он оставил.

A. Toner. Если рассматривать все как набор букв, ответ очевиден.

Atoner.

Человек, ищущий искупления.

Детектив Элин Хенке назвала бы это зацепкой.

Грейс решила не говорить ей об этом. Иначе сама она увязнет еще глубже, привлечет к себе еще больше внимания.

Искушение.

Какой грех ты совершил, Эндрю? Или речь о преступлении другого человека?

Хочу ли я это знать – с учетом того, чем мы занимались на парковке?

Благословенно неведение. Но Блейдс все равно набрала телефонный номер, который он оставил.

Не обслуживается.

Глава 14

К тому времени, когда скудные пожитки Грейс были уложены в машину социального работника по имени Уэйн, солнце уже садилось, и долина окрасилась в серые тона, а воздух стал каким-то тяжелым, почти жидким.

Кнутсен завел машину и оглянулся на свою подопечную.

– Всё в порядке?

Девочка кивнула.

– Не слышу тебя, детка.

– Я в порядке.

Когда Грейс перевозили из одной семьи в другую, путешествие обычно оказывалось коротким – прыжок из одного маленького ничем не примечательного дома в другой. Но в этот раз Уэйн вырулил на шоссе и долго ехал по нему.

Его маленькая спутница надеялась, что это не означает больших перемен, какого-то особого места. Она хотела только одного: чтобы ее кормили и оставили в покое, не мешая думать, читать и мечтать.

Грейс продолжала надеяться на это, когда соцработник съехал с шоссе, и перед ее глазами появился дорожный указатель. Живот девочки пронзило острой болью. Это было давно, но освещенный указатель был хорошо виден в темноте, и она вспомнила: в тех редких случаях, когда Доди или Ардис куда-нибудь возили ее в трейлере, они возвращались домой этой дорогой.

Грейс открыла окно, впустив внутрь пыль, жару и выхлопные газы. Солнце уже село, но в сумерках можно было разглядеть неровные верхушки сморщенных растений с серыми листьями – их девочка тоже узнала. По обе стороны дороги валялись пустые канистры из-под масла и другой металлический хлам.

Пустыня, протянувшаяся на много миль.

Теперь Уэйн свернул на дорогу, от которой сердце Грейс учащенно забилось. Указатель с надписью «Грезы пустыни». Если бы они ехали медленней, она попыталась бы выпрыгнуть из машины.

Сбежать девочка не могла, но живо представила свой побег. Стиснула кулаки, чтобы ударить водителя по плоскому затылку и

заставить его остановиться.

Пустыня. Сколько она сможет продержаться в пустыне?

Не очень долго – спрятаться там негде. Если только дойти до гор. Но там, возможно, еще хуже. Грейс понятия не имела, каково там, поскольку никогда не бывала в горах.

На ней только футболка, шорты и кеды. Высоко в горах может быть холодно, даже летом. Она знала это, потому что, когда Доди жаловалась, что живет, как в духовке, Грейс смотрела на заснеженные горные вершины.

Было слишком темно, чтобы понять, лежит ли в горах снег. Девочка видела только контуры гор, большие и острые.

Как ножи.

– Почти приехали, – сообщил Уэйн. – Как ты?

Ужасно, тупица ты бесчувственная!

– Нормально, – сказала Грейс.

– Немного нервничаешь, да? Это нормально – обстановка незнакомая. Честно говоря, детка, я не представляю, как вы всё это выдерживаете – постоянные переезды, новые семьи... – Мужчина усмехнулся. – Вас тасуют, как карты в колоде. Если подумать, это похоже на азартную игру.

Пассажирка посмотрела на его шею и заметила прыщик сбоку от «хвоста». Если скосырнуть его ногтем, боль будет достаточно сильной, чтобы...

Но затем она поняла, что Уэйн не свернул к «Грезам пустыни». Дорогу, по которой они теперь ехали, Грейс никогда не видела. Узкая и темная. Кнутсен что-то пробормотал о «дебрях» и включил фары дальнего света, так что пространство впереди машины превратилось в холодный белый туннель. Пыль летела из-под колес, как перевернутый дождь. Песок по обе стороны дороги, казалось, уходил в бесконечность.

Затем он везет ее сюда?

Теперь в животе девочки зародился совсем другой страх. Он усиливался, поднимаясь к горлу.

Может, он один из *тех*?

Грейс пыталась запомнить приметы на пути. Прошло довольно много времени, прежде чем что-то появилось на плоской поверхности пустыни, – но это оказалась большая свалка металлолома. Разбитые

грузовики. Часть старого автобуса. Груды колес, железных решеток и что-то похожее на металлические скамьи.

За свалкой началась огороженная территория с надписью: «Водопроводная станция. Вход воспрещен».

Девочка нащупала защелку ремня безопасности, чтобы быстро отстегнуть его, если потребуется.

Уэйн был толстым, и она думала, что сможет убежать от него.

Он принялся напевать, сильно фальшивя.

Внезапно за окном со стороны Грейс появились здания. Стоянка для трейлеров, наподобие «Грез пустыни», только эта называлась «Антилоповые пальмы», хотя вокруг не было ни пальм, ни другой растительности. К своему удивлению, девочка обрадовалась, увидев дома на колесах.

Уэйн не снижал скорости, продолжая напевать. Опять открытое пространство, а за ним – еще одна стоянка для трейлеров. И еще одна. Яркие вывески светились в темноте.

«Утренняя заря».

«Авторай».

Значит, она окажется в каком-то месте, похожем на «Грезы пустыни», но без тех воспоминаний... Ладно, это ей подходит.

Грейс вздрогнула – уговоры не помогали. Она обхватила себе руками и боролась с тошнотой.

Пора переключиться на приятные мысли. Девочка приучила себя к этому, чтобы отгонять неприятные. Это было трудно, но она училась.

Ладно. Дыши. Думай о хорошем... Может, новые приемные родители живут в большом доме на колесах, и у нее будет настоящая кровать... Может, там большой холодильник и ей не придется ждать остатков. Может... Уэйн вдруг свернул на другую дорогу – вот уж где начались настоящие ухабы!

Они приближались к горам.

Нигде не было никаких построек – только стало больше этих странных деревьев. Внезапно Грейс вспомнила, как они называются. Юкка – они ехали через лес из юкк. Еще один поворот, потом еще, и появились деревья повыше. Теперь это были пальмы и еще какие-то, округлые, с пучками маленьких листьев.

Дорога шла по прямой, выбоин на ней стало меньше, и водитель перестал напевать.

Впереди показались ворота. Кнутсен плавно затормозил и остановился. От ворот отходила металлическая изгородь, как в загоне для лошадей, но никаких лошадей Грейс не видела.

Может, они в конюшне или в сарае, спят...

Над воротами висел фонарь, освещавший деревянную дощечку.

На дощечке были выжжены наклонные буквы:

Ранчо «Дилижанс».

Этот социальный работник привез ее сюда, чтобы она пасла коров?

Уэйн вышел из машины, открыл ворота и вернулся за руль.

– Довольно мило, а? Я подумал, что после того, что тебе пришлось пережить, ты заслуживаешь чего-то получше, детка. Угадай, для чего это место использовали раньше?

– Животные? – предположила девочка.

– Хороший ответ, мисс Грейс Блейдс, но у меня есть получше. На этом ранчо снимали кино. – Мужчина рассмеялся. – Кто знает, возможно, тебе попадутся реликвии – такие старые интересные вещи...

Он проехал через ворота. Впереди показался дом – такие большие Грейс видела только в книгах. Двухэтажный, шириной как два обычных дома, с белыми деревянными верандами спереди и тремя ступеньками, ведущими на парадное крыльцо, слегка наклоненное вбок.

Уэйн присвистнул.

– Дом, милый дом, детка!

Потом он коротко посигналил. Из дома вышла женщина – в руках у нее было полотенце, которым она вытирала тарелку. Это была очень старая женщина, очень маленькая, с белыми волосами, доходившими до пояса, острым носом, похожим на птичий клюв, и тощими руками, которые быстро двигались, работая полотенцем.

Кнутсен вышел из машины и протянул руку. Женщина едва коснулась его пальцев и снова принялась вытирать тарелку.

– Немного припозднился, амиго.

– Да, прошу прощения.

– К черту, – сказала женщина. – Можно подумать, что у меня нет отбоя от посетителей.

С этими словами она подошла к машине и слегка наклонилась: маленький рост позволял ей заглянуть в машину, почти не сгибаясь. Двигалась старушка проворно, несмотря на возраст.

Увидев Грейс, она прокрутила рукой – девочка поняла этот жест как просьбу опустить стекло.

Она подчинилась, и хозяйка принялась ее разглядывать.

– Ты у нас симпатичная, да? Хорошо, когда есть и то и другое – мозги и внешность. Знаю по личному опыту. – Она засмеялась, и смех ее звучал молодо. – Ну, как ты предпочитаешь, чтобы тебя называли?

– Грейс.

– Довольно просто. Я Рамона Стейдж, и по большей части ты можешь ограничиться просто Рамоной. Когда раздражаюсь – а это случается, ведь я человек, – можешь попробовать называть меня миссис Стейдж. А так меня устраивает и Рамона. Ладно?

– Ладно.

– Бери вещи, я покажу тебе твою комнату.

* * *

Внутри дом, с массивной темной мебелью и облицованными деревянными панелями стенами, на которых висели картины с изображением цветов и фотографии мужчины – одного и того же – в красивой черной рубашке и белой ковбойской шляпе, оказался еще больше. Грейс не удалось увидеть что-то еще – она едва успевала подниматься по лестнице вслед за миссис Стейдж, которая схватила ее сумки и двигалась так легко, словно ничего не весила.

Наверху была широкая лестничная площадка с коричневым ковром и шестью дверями. Пахло томатным супом и, возможно, каким-то стиральным порошком.

– Тут, – сказала Рамона, указывая на ближайшую дверь, – моя спальня. Если дверь открыта, ты можешь постучать. Если я скажу «заходи», «давай» или что-то в этом роде, можешь войти. Если дверь закрыта, даже не пытайся. Дальняя дверь – кладовка для постельного белья. Рядом ванная. У меня своя, так что эта для детей. Остается три

спальни для детей; и в данный момент у меня два малыша в комнате слева и один здесь – у него особые потребности. Все мальчишки, но это может измениться. А пока ты тут единственная девочка, у тебя будет своя комната – это я могу обещать. Совершенно очевидно, что она самая маленькая. Это кажется тебе несправедливым?

Грейс покачала головой.

– Не слишком разговорчивая? – Хозяйка дома усмехнулась. – Отлично, можешь кивать или качать головой. При условии, что ты понимаешь: что бы тебе ни казалось, я всегда стараюсь быть справедливой. Не только с детьми – я одинаково отношусь ко всем: большим шишкам, детям, простым рабочим...

Она ждала.

Ее новая воспитанница молчала.

– Ты понимаешь, о чем я, Грейс? Что Гэри Купер^[4], что кровельщик, который приходит чинить крышу, – мне все едино. Поняла?

– Да, мэм.

Рамона Стейдж рассмеялась и хлопнула себя по коленке.

– Вы только посмотрите, у нее есть голос! Я и вправду знала Гэри Купера, и он никогда не требовал особого обращения. Понимаешь, о чем я?

– Он был кинозвездой, но нормальным.

Старушка вскинула голову.

– Ты понятия не имеешь, кем был Гэри Купер, да? В твоём возрасте ты не могла видеть его фильмы.

Грейс покачала головой:

– Я просто предположила.

– Ага, молодец, – сказала Рамона, окинув девочку взглядом. – Резонно, с учетом того, что о тебе рассказывали.

Послышались тяжелые шаги.

Над верхними ступеньками появилось мясистое лицо Уэйна, а затем и все его тело.

– Мы отлично поладили, – сказала Стейдж.

– Замечательно, миссис Си. Можно мне поговорить с Грейси?

Никто не называл ее Грейси. И Кнутсен тоже – до сих пор.

Спорить не было смысла.

– Я отнесу ее вещи в комнату, а ты можешь с ней попрощаться. – Хозяйка открыла дверь в самую маленькую спальню и вошла.

– Нравится? – спросил Уэйн девочку.

– Да.

Мужчина принялся барабанить пальцами по своему бедру. Как будто ждал чего-то еще.

– Спасибо, – сказала Грейс.

– Не за что, Грейси. И послушай: у тебя хороший шанс задержаться здесь надолго, потому что она делает это не ради денег. Я точно не знаю зачем, но она богата... То есть у нее есть деньги. Ладно?

– Ладно, – сказала девочка, не очень понимая, на что соглашается.

– Единственная проблема заключается в том, что если ничего не выйдет... Хотя я и не вижу на это причин, но, если ничего не выйдет, ты не сможешь мне позвонить, потому что, как уже говорил, я увольняюсь из социальной службы.

– Знаю.

– Хорошо... В любом случае я хотел закончить на позитивной ноте, – сказал Уэйн. – Сделать для тебя что-то особенное. Ты очень умна, детка. Если у тебя будет опора, ты многого сможешь добиться.

– Вы тоже.

– Я?

– Станете юристом. Заработаете много денег.

Кнутсен смотрел на ребенка во все глаза.

– Ты и вправду слушала?

Этот вопрос Грейс будут задавать снова и снова.

* * *

Рамона Стейдж и Грейс проводили взглядом удаляющуюся машину Уэйна.

– Слишком чувствительный, но, по крайней мере, он пытается, – проговорила старушка. – Ладно, теперь идите в вашу комнату, юная леди. Уже давно пора спать.

Спальня была узкой и напоминала шкаф, в который можно войти. Единственное слуховое окно с белой муслиновой занавеской почти не

пропускало света. У крыши был крутой скат, и миссис Стейдж указала на это.

– С твоим ростом проблем не будет, разве что ты резко сядешь в кровати, но в целом будь осторожна и не ударься головой, потому что голова – самое ценное, что подарил тебе Господь.

Глаза Грейс не могли оторваться от кровати. На такой большой ей еще спать не приходилось. Латунная передняя спинка была зеленовато-коричневого цвета. У спинки лежали две большие подушки с узором из розовых цветов, каждая с ямкой в центре. Покрывало было розовым в белую полосу и выглядело новым. Металлическая подставка у окна служила вешалкой. Дубовый комод с двумя ящиками предназначался для вещей, которые миссис Стейдж называла «складываемыми».

Вместе с Грейс Рамона разложила вещи. Несколько раз она заново складывала то, что девочка и так считала аккуратно сложенным.

Закончив, старушка отвела новую воспитанницу в общую ванную и втянула носом воздух.

– Эти мальчики никак не научатся целиться, как я ни стараюсь.

Грейс ничего не почувствовала, но возражать не стала.

– Почистишь зубы, дорогая, – сказала Рамона Стейдж и стала смотреть, как девочка это делает. – Тщательно чистишь, молодец. Нужно заботиться о теле, которое тебе дано. А теперь в кровать.

Однако по дороге к самой маленькой спальне хозяйка жестом остановила малышку, приоткрыла дверь комнаты, где спал один мальчик, и заглянула внутрь.

Грейс услышала тихое шипение, как будто воздух выходит из проколотой шины.

Рамона осторожно закрыла дверь.

– Нормально. Хочешь, я тебя уложу?

– Я сама.

– Все равно уложу.

* * *

Укладывание заключалось в том, что Грейс было приказано забираться под одеяло, «положить подушки, как тебе удобно, а потом

думать о хорошем, потому что, можешь мне поверить, жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее на печальные мысли».

Простыни приятно пахли, словно девочка лежала на клумбе. Рамона выключила лампу, и Грейс натянула одеяло до подбородка. Теперь, когда в комнате стало темно, слабый свет просачивался сквозь муслиновые занавески.

Мягкий серебристый свет луны падал на лицо Стейдж, стоявшей в дверном проеме. Лицо стало мягче и как будто моложе.

Затем она вернулась к кровати.

– Ты можешь делать все, что хочешь, но так будет комфортнее. – Старушка загнула одеяло, так что на груди Грейс образовался аккуратный отворот. После этого она положила руки Грейс на живот поверх одеяла, едва коснувшись их кончиками пальцев. – Вот так, углом, видишь? Чтобы думать о важном, Грейс. А теперь засыпай.

Что девочка и сделала – к своему удивлению.

* * *

Несмотря на то что раньше здесь было ранчо, Рамона не держала животных.

– Сначала я избавилась от лошадей, потом от коз, потом от гусей. И наконец, от кур, потому что у меня повысился холестерин, и я отказалась от яиц. Собаки у меня жили, пока не умерли от старости, – рассказала она.

В свое первое утро на ранчо «Дилижанс» Грейс встала в шесть часов. Когда она выглянула из спальни, хозяйка уже стояла на лестничной площадке. Клетчатая рубашка, джинсы и туфли без каблуков, длинные белые волосы собраны в узел на затылке, в одной руке чашка кофе – словно она ждала появления новой обитательницы ранчо. Они вдвоем спустились на кухню, где Рамона выпила кофе, а Грейс съела тост, запивая его апельсиновым соком.

– Уверена, что не хочешь яиц или мяса? – спросила старушка.

– Нет, спасибо.

– Довольно скромный завтрак, девочка... Как знаешь, конечно, но можно и передумать.

Кухня была огромной, и из нее открывался вид на горы. Белое кухонное оборудование выглядело старым. Над столом висела еще одна фотография все того же мужчины в красивой рубашке и ковбойской шляпе – только он был старше, чем на той, что Грейс видела вчера вечером, и лицо его было полнее.

– Так что собак больше нет, – продолжала рассказывать хозяйка. – Ты любишь собак?

– У меня их не было.

– А у нас – несчетное количество, и у каждой свой характер, как у людей. – Рамона встала, вытащила что-то из буфета и показала Грейс. Это была выцветшая фотография двух больших печальных дворняжек, растянувшихся на парадном крыльце дома. – Это Геркулес, хотя имя ему не подходит, а второй – Джоди, его мне оставила съемочная группа, и иногда он ел свое дерьмо, причем предсказать это было нельзя, что только осложняло дело. Когда они оба отправились в собачий рай, я решила, что мне нужно завести еще одну собаку, потому что в таком большом доме хорошо иметь какую-нибудь живность для компании. Но потом мне понравилось жить без этих забот, и теперь единственные животные, которых ты тут можешь увидеть, – это противные паразиты вроде мышей, крыс, опоссумов, бурундуков и скунсов. Я говорю это тебе для того, чтобы ты не пугалась, если наткнешься на тощего мексиканца со странными приспособлениями, который словно прячется в засаде.

– Ладно.

Рамона пристально посмотрела на девочку.

– Тост не пережарился?

На вкус этот тост был как картонка.

– Хороший, – сказала Грейс и в качестве доказательства откусила кусочек.

– Кажется, тебя нелегко испугать. Я права?

– Наверное. – Взгляд девочки переместился на мужчину в ковбойской шляпе.

– Как ты думаешь, кто это? – спросила Стейдж.

– Ваш муж?

Глаза Рамоны сверкнули. Грейс впервые обратила внимание на их цвет. Карие, почти черные.

– Умная девочка. Хотя я думаю, что это логический вывод из того, что его фотографии развешаны по всему дому, а я слишком стара для подростковой влюбленности.

Снова послышался молодой смех. Потом Рамона моргнула, а ее нижняя губа задрожала. Она улыбнулась, сверкнув белыми зубами, словно хотела показать, что счастлива.

– Он был ковбоем? – спросила Грейс.

– Ему нравилось так думать. Он также воображал себя актером и снялся в нескольких малобюджетных ковбойских фильмах – то есть не слишком известных вестернах, в те времена, когда они были популярными. Ты когда-нибудь видела вестерн?

Девочка покачала головой.

– Он снялся в четырнадцати, – сказала хозяйка дома, глядя на фотографию. – Но до Гэри Купера ему было далеко, поэтому он в конечном счете взялся за ум, купил это ранчо и стал сдавать его в аренду знаменитым режиссерам, на чем мы отлично зарабатывали. Его сценический псевдоним был Стив Стейдж. Думаешь, это его настоящее имя?

Грейс снова покачала головой.

– Верно, – кивнула Рамона. – Однако к тому времени, как я познакомилась со Стивом Стейджем, он уже официально взял себе это имя, и поэтому я была миссис Стейдж. На самом деле он сказал мне правду, только когда мы ехали в Лас-Вегас, чтобы пожениться, – все произошло быстро. – Она улыбнулась. – За пятьдесят миль до Лас-Вегаса он уже подарил мне кольцо, и я сказала, что согласна, так что он, наверное, решил, что может рискнуть и признаться.

Пожилая женщина показала Грейс свою руку. В оправе из белого металла сверкал маленький камень. На сухой, сморщенной коже кольцо казалось ярким и гладким.

– Красивое, – сказала девочка.

– Из ломбарда, – ответила Рамона. – Того, что рядом со студией «Парамаунт», в Голливуде. В общем, за пятьдесят миль от Лас-Вегаса он решил мне рассказать. Не только имя, но и всю биографию – откуда он и чем занимался. Угадай, откуда он родом?

– Техас.

– Хорошая попытка, милочка. И абсолютно неверная. Нью-Йорк. Выяснилось, что отчаянного парня, которого я знала как Стива

Стейджа, на самом деле звали Сидни Блюстоун. Что скажешь?

Грейс пожалала плечами.

– Он подумал – совершенно справедливо, – что Сидни Блюстоуну вряд ли дадут роль в вестерне, – продолжала старушка. – Поэтому отправился в суд и – вуаля, вот вам Стив Стейдж. Когда я хотела подшутить над ним, то называла его Сидом из Бруклина. Он не сердился, но это ему не нравилось. Воспоминания могут быть неприятными.

Она посмотрела на Грейс. Улыбаться девочке не хотелось, но она все-таки улыбнулась.

– Ладно, давай обсудим твою учебу, – сменила тему Рамона. – Уэйн Кнутсен рассказал мне, что тебя переводили из семьи в семью, но училась ты по большей части в одной школе, потому что все эти люди жили недалеко друг от друга. К сожалению, тут у нас проблема: теперь до той школы слишком далеко. И до любой другой тоже, потому что городской автобус сюда не ходит, а частный транспорт округ не оплачивает. Я могла бы отвозить и забирать тебя, но нас только двое, я и Мария-Луиза, женщина, которая убирает, и мы нужны здесь. В довершение ко всему, она не водит машину – ее привозит и забирать муж. В «Грезах пустыни», стоянке для трейлеров, есть детский сад, куда ходят два мальчика, но там за ними просто присматривает женщина, никакого обучения. Так что у нас проблема. Тебе нравится в школе?

Если никто ко мне не пристает и я могу учиться.

Не желая обидеть Рамону, Грейс ответила:

– Терпимо.

– Хотя неважно. Судя по твоему ай-кью, ты, наверное, на класс впереди своих ровесников. Кроме того, основную часть знаний ты приобрела сама. Я права?

Грейс улыбнулась, неожиданно для самой себя.

– Да, мэм.

– Поэтому мне кажется, что тебе подойдет домашнее обучение. Я уже записалась – там все просто. Мы получаем книги, программу занятий и проходим ее самостоятельно. Я училась в колледже, и у меня диплом Университета штата Калифорния. Так что я справлюсь с материалом для четвертого и пятого классов, даже с математикой, хотя никогда не была сильна в алгебре. Что скажешь?

Книги и одиночество – настоящий рай. Не решаясь в это поверить, Грейс спросила:

– Я просто буду читать?

– В основном читать, но тебе также придется выполнять упражнения и писать контрольные, как в настоящей школе, а я должна буду ставить оценки. И я не собираюсь жульничать – получишь то, что заслужила. Согласна?

– Да, мэ.м.

– Думаю, это будет легко, когда я узнаю твой уровень. Для этого я приглашу специалиста, который тебя проверит. Нечто вроде врача, но не того, что делает уколы, ощупывает тебя и все такое, – он просто будет задавать тебе вопросы.

– Психолог.

Белые брови Рамоны взлетели вверх, словно облака, гонимые ветром.

– Ты знаешь о психологах?

Грейс кивнула.

– Могу я спросить откуда?

– Иногда у детей были проблемы – в других приемных семьях, – и тогда их направляли к психологу.

– В твоих устах это звучит как наказание.

Дети, которые об этом рассказывали, думали так же.

Девочка промолчала.

– Другие дети, – сказала миссис Стейдж.

Грейс поняла, куда она клонит.

– Меня ни разу не отправляли.

– А еще что-нибудь ты знаешь о психологах?

– Нет.

– Ну этот не страшный. Я не вру, потому что знаю его как человека, а не только как врача. Он – младший брат моего мужа, но я выбрала его по другой причине. Он профессор, Грейс. Это означает, что он учит людей, которые хотят стать психологами. Мы будем иметь дело с самым лучшим специалистом.

Рамона замолчала, дожидаясь ответа.

Грейс кивнула.

– Его зовут Малкольм Блюстоун, он доктор философии, и, позвольте вам доложить, он умный. – Стейдж снова улыбнулась. –

Может, даже не глупее вас, юная леди.

* * *

Расправившись с тостом, Грейс познакомилась с двумя мальчиками, делившими одну комнату. Оба были чернокожими, и обоим было по пять лет – об этом говорила Рамона.

– Они похожи, но не родные братья, а двоюродные. У них была тяжелая жизнь, хотя тебе об этом лучше не знать, и, я надеюсь, их скоро усыновят.

Грейс не видела никакого сходства между этими ребятами. Ролло был гораздо выше, чем Дешон, и кожа у него была светлее. Оба выглядели сонными. Ролло держал в руках рваное синее одеяло, и у Дешона был такой вид, словно ему тоже хочется что-то схватить.

– Проснитесь и пойте, солдаты, – сказала Рамона и представила их новой воспитаннице. Двоюродные братья рассеянно кивнули и уселись на стулья у стола. Дешон выдавил из себя робкую улыбку, но Грейс сделала вид, что ничего не заметила.

Мальчики разложили салфетки на коленях, и хозяйка дома поставила перед ними омлет, булочки с сосиской и колбаски. Они ели молча, постепенно просыпаясь.

– Вы втроем посидите здесь, ладно? – сказала миссис Стейдж. – Пора проверить, как поживает Бобби.

При упоминании о Бобби Ролли и Дешон обменялись быстрыми, беспокойными взглядами. Рамона ушла, и в кухне стало тихо. Грейс ничего не оставалось делать, как просто сидеть. Мальчики не обращали на нее внимания и продолжали есть, медленно, но без остановки, будто роботы. Яичница выглядела плотной, похожей на резину, а каков на вкус приготовленный хозяйкой тост, девочка уже знала. Но все это не останавливало кузенов, и Грейс подумала, что чувство голода останется с ними на всю жизнь.

Она уже довольно давно не голодала, но такое не забывается.

Отвернувшись от ребят, девочка посмотрела в окно над раковиной. В нескольких футах от дома росло одно из тех округлых деревьев с маленькими листьями.

Грейс встала, чтобы как следует рассмотреть его.

– Калифорнийский дуб. Если слишком много поливать, он погибнет, – слышался сзади голос Рамоны.

Девочка не слышала, как она вошла, и смутилась, словно ее застали за чем-то недозволенным.

Повернувшись, Грейс увидела миссис Стейдж, которая держала за руку странного мальчика. Маленький... не выше Дешона... но лицо у него явно старше, может, как у подростка, с прыщами, тяжелой челюстью и выпуклым лбом, нависавшим над криво посаженными глазами-щелочками, один из которых на добрую четверть дюйма выше другого. На рыжей кудрявой голове виднелись проплешины, как у старика. Рот был приоткрыт в подобие улыбки, но Грейс сомневалась, что эта гримаса передает радость. Тело – вялое и скрюченное – покачивалось, словно мальчику требовалась поддержка, чтобы не упасть. Несмотря на то что Рамона крепко держала его за руку.

Грейс поняла, что смотрит на него во все глаза. В отличие от двух других мальчишек.

И тоже отвела взгляд.

Новый мальчик – Бобби – хрипло рассмеялся. И снова было трудно понять, счастлив ли он.

– Бобби, это Грейс, – сказала Рамона Стейдж. – Ей восемь с половиной лет, так что ты по-прежнему старший. – Она погладила ребенка по голове. Тот снова улыбнулся, сильно покачнулся и громко кашлянул – всего один раз, но потом согнулся пополам, как будто кашель отнял у него все силы.

Ролло и Дешон сидели, уткнувшись взглядами в тарелки.

– У бедного Бобби выдалась тяжелая ночь, даже с кислородом, – объяснила Рамона.

Ролло произнес что-то невнятное.

– Что, милый?

– Мне жаль.

– Что...

– Что он болеет.

– Ты такой добрый мальчик, Ролло. И настоящий джентльмен. Я горжусь тобой.

Тот кивнул.

Грейс вспомнила о шипении, которое слышала вчера, когда хозяйка дома заглядывала к Бобби. Кислород. Значит, у него какая-то

проблема с дыханием, хотя, похоже, не единственная.

Девочка пристально посмотрела в глаза Бобби. Они были необычного желто-коричневого цвета и казались затуманенными.

Грейс улыбнулась.

Он улыбнулся ей в ответ. На этот раз, похоже, радостно.

Глава 15

Через семьдесят три минуты после телефонного звонка детективу Элин Хенке в кабинете зажглась зеленая лампочка.

Грейс подождала пару минут, а затем приоткрыла дверь в приемную. На стеллаже у стены она держала подборку журналов на разные темы, от моды до ремонта в доме – ей было интересно, а иногда и полезно взглянуть на выбор пациента.

Дама в кресле в углу комнаты выбрала «Автомобиль и водитель». Новые «Корветы».

– Доктор? Я Элин Хенке. – Женщина встала и положила журнал на полку. У нее было крепкое рукопожатие.

Лет сорок пять или около того. Небольшого роста, но широкая и плотная, похожая на бывшую гимнастку, вступившую в средний возраст. Чистая кожа – розовый фон для ничем не примечательных черт лица. Короткие пепельные волосы выгодно подчеркивали выступающие скулы, что придавало округлому лицу детектива некую решительность. Бежевый брючный костюм, черные туфли и сумочка из лоскутов кожи обоих этих цветов.

К нагрудному карману жакета прицеплен золотистый значок. Костюм свободного покроя, чтобы скрыть выпуклость пистолета у левой груди. Хорошая попытка, но не вполне удачная. А может, копы как раз любят напоминать, что они вооружены...

Слишком внимательные карие, почти ореховые глаза. Пытается делать вид, что не оценивает собеседника, но Грейс чувствовала, когда ее «просвечивают».

– Прошу вас, детектив, – поприветствовала она Хенке.

– Можете называть меня Элин.

Только если б мы были приятельницами. Но у меня нет приятелей.

* * *

– Никогда не была в кабинете психотерапевта, – сказала Хенке.

Она устроилась в кресле перед письменным столом Грейс и разглядывала дипломы и сертификаты.

– Все бывает в первый раз, детектив, – заметила хозяйка кабинета.

Элин усмехнулась.

– Спасибо, что сразу согласились встретиться со мной.

– Ну что вы! Это ужасно. У вас есть предположения, кто убил мистера Тонера?

– К сожалению, нет, доктор. И возможно, Эндрю Тонер – не настоящее его имя.

Очень быстро.

– Неужели?

– Понимаете, – сказала Хенке, – он сообщил вам, что приехал из Сан-Антонио, но мы не смогли найти в Сан-Антонио человека с таким именем. Мы отыскиали несколько Эндрю Тонеров в других техасских городах, но к нему они не имеют никакого отношения.

– Я не знаю, почему он назвался чужим именем, – сказала Грейс.

– Но по поводу Сан-Антонио вы уверены.

– Он связался со мной через телефонную службу, а они, как правило, не ошибаются. Кроме того, он оставил номер телефона для связи. – Доктор протянула собеседнице листок с десятью цифрами, которые набирала три четверти часа назад.

– Код двести десять, – прочла Хенке.

– Да, это Сан-Антонио, – сказала Грейс. – К сожалению, номер не обслуживается.

– Вы пытались позвонить?

– Мне стало любопытно.

Взгляд Элин скользнул по бесстрастному лицу Блейдс. Она достала сотовый телефон, набрала номер, нахмурилась и прервала связь.

– Все равно спасибо, доктор. Возможно, мне удастся извлечь из этого что-то полезное. – Она спрятала листок бумаги в карман жакета. – Хорошо, давайте вернемся к тому, о чем я уже вас спрашивала. Дальняя поездка, чтобы посетить психотерапевта, – это не кажется вам странным?

– Необычно, но не странно. В моей практике встречается такое, что вы и представить себе не можете.

– Почему, доктор?

– Я работаю с жертвами травм и их близкими. Это может привлечь людей издалека.

Хенке улыбнулась.

– Потому что вы лучшая?

– Мне приятно было бы так думать, но причина, наверное, в том, что я на этом специализируюсь. Многие случаи требуют короткого курса, и поэтому приехать – не проблема.

– Вы быстро выводите их из кризиса.

– Стараюсь как могу.

– Травма, – сказала Элин. – Речь идет о посттравматическом стрессе?

– В том числе и о нем, детектив.

– А остальное?

– Естественно, я не могу рассказывать о конкретных пациентах, но зачастую это жертвы преступлений или их родственники, а также люди, ставшие жертвами несчастных случаев или потерявшие близких в результате болезней.

– Похоже, тяжелая у вас работа, – сказала Хенке.

– Думаю, у вас тоже, детектив.

– Верно. Итак, мистер Тонер – будем называть его так, пока не выясним настоящее имя, – был жертвой ужасного несчастья или близко знал такую жертву и прилетел из Техаса за помощью. Хорошо бы знать, что у него была за травма.

– Наверное, тут я могу вам немного помочь. Несколько лет назад я опубликовала статью о психологических проблемах, с которыми сталкиваются родственники убийцы. Основой для материала стал один пациент. Эндрю Тонер упоминал эту статью в нашем разговоре. К сожалению, когда я попыталась узнать подробности, он прервал сеанс.

– Прервал?

– Разволновался и ушел.

– Из-за чего разволновался, доктор?

– Я сама хотела бы это знать.

Хенке забарабанила пальцами по подлокотнику.

– Прилетел, расстроился и был таков.

– Расстроился – это слишком сильно сказано. Просто почувствовал себя некомфортно.

– Такое часто случается с пациентами? Когда люди меняют решение?

– В моем деле может случиться все что угодно.

Детектив задумалась.

– Сколько он здесь пробыл?

– Всего лишь несколько минут – думаю, десять или пятнадцать.

– Достаточно долго, чтобы вы запомнили, во что он был одет.

– Пытаюсь быть наблюдательной.

– Это хорошо. Что еще вы заметили?

Элин сползла чуть ниже. Она устраивалась поудобнее, будто готовилась к длинному разговору.

– Есть идеи, почему он держал вашу визитную карточку в туфле?

– Нет. Похоже, как будто он скрывал факт, что обращался к психотерапевту.

– Например, от того, с кем он приехал? Он упоминал о спутнике?

Грейс покачала головой.

– Вы не догадываетесь, что именно его так взволновало? – продолжила детектив.

Когда он узнал во мне ту цыпочку, которую...

– Нет. Мне жаль.

– Занял оборонительную позицию и слинял, – сказала Хенке.

Настойчивая женщина. Хорошее качество для детектива. И неприятное, когда он сует нос в твои дела.

– Жаль, но я больше ничего не могу добавить, – ответила психотерапевт.

Ее собеседница раскрыла свою разноцветную сумочку и достала блокнот. Перелистнула страницу, потом другую.

– Не хотелось бы отнимать у вас слишком много времени, но если мы упустим какие-то детали, я буду вынуждена вернуться.

– Понимаю.

Хенке еще раз просмотрела свои записи, а потом закрыла блокнот.

– Мне не дает покоя визитная карточка в туфле. Никогда с таким не сталкивалась – то есть я хочу сказать, что это похоже на шпионский роман, правда?

– Да.

– А теперь вы говорите, что этот парень может быть родственником какого-то убийцы... Кстати, у вас есть та статья?

Звучит интересно.

– Под рукой нет, но могу дать ссылку, – сказала Грейс и продиктовала интернет-адрес, по которому можно было прочитать ее работу.

Элин записала его.

– Могу я задать вопрос об убийстве? – спросила Блейдс.

Хенке пристально посмотрела на нее.

– Задавайте, я отвечу, если смогу.

– На фотографии, которую вы мне прислали, не видно ран.

– Вы хотите спросить, как он умер? Множественные ножевые ранения туловища. Это одна из причин, почему ваши слова меня заинтересовали – о преступнике, который приходится ему родственником. Такие случаи мы называем превышением необходимости. Больше ран, чем нужно для того, чтобы убить.

– Нечто личное, – сказала Грейс.

– Совершенно верно, доктор. – Взгляд Элин стал жестким, и ее собеседница подумала, что, возможно, сказала лишнее. – Если мистер Тонер действительно был родственником опасного преступника, то превышение необходимости имеет смысл. Особенно если мистер Тонер собирался сдать его.

Пытался дистанцироваться от объекта своих страхов. Уважительная причина, чтобы прилететь из другого города.

– Бедняга, – сказала врач.

Хенке переложила блокнот в другую руку и пролистала еще несколько страниц.

– Или я иду по ложному следу, а несчастный мистер Тонер просто оказался не в то время не в том месте... Вы говорили, что уедете на пару недель.

– Отпуск.

– Планировали заранее?

– Никаких особенных планов – просто пытаюсь отвлечься, чтобы подзарядить аккумулятор.

– И где собираетесь заряжаться?

– Готова выслушать предложения, – улыбнулась Грейс.

– Хм, – сказала Элин. – Мне нравятся Гавайи.

– Я подумаю.

– Значит, планов пока нет, но офис будет закрыт.

– Да.
– Мистер Тонер это знал, но все равно записался на прием?
– Его проинформировали, но он все-таки захотел приехать.
– Из этого я делаю вывод, что он, скорее всего, рассчитывал на один сеанс.

– Логично.
– Вы можете еще что-нибудь вспомнить о нем, доктор? Любые мелочи.

Грейс сделала вид, что думает. Покачала головой.

– Мне очень жаль.
– Странно все это, – сказала Хенке. – Бездомный парень, который его нашел, чуть не съехал с катушек... Кстати, вы не видели, на чем приехал мистер Тонер?

– Я не провожала его на улицу.

– Ну да, зачем? – Детектив спрятала блокнот в сумку и встала. – Я просто пытаюсь понять, доктор. Еще раз спасибо, что уделили мне время. Если у вас появятся какие-то мысли, любые, пожалуйста, позвоните мне.

Уже появились, и довольно много. Например, «ищущий искупления». Догадается ли Элин? Грейс представила реакцию детектива, поделись она с Хенке своим открытием.

Действительно, доктор. И как вы догадались? Впечатляет.

Женщина, которой платят за то, чтобы она видела в людях худшее, с подозрением отнесется к любому подарку.

Блейдс проводила Хенке до приемной и остановилась, позволив ей самой дойти до двери.

– Удачи, детектив... Элин.

– Мне она понадобится, доктор.

Глава 16

Сквозь щелочку между шторами Грейс проследила за отъезжающим белым «Таурусом» Хенке, а потом вернулась в кабинет. Комната будто стала другой – ей уже нельзя было доверять, словно код системы защиты был взломан.

В каком-то смысле так и было: впервые Блейдс сидела за своим столом в окружении дипломов и сертификатов, и ее воспринимали не как специалиста.

Более того, она понятия не имела, избавила ли ее встреча с Хенке от этих... неприятностей. Или детектив по-прежнему считает ее «подозреваемой»?

Плохо то, что доктор лишь ухудшила свое положение. Запланированный отпуск неизвестно куда? Следует признать, это звучит странно. Может ли кто-нибудь, не говоря уже о копе, понять, как она живет?

Еще одна опасность заключалась в том, что Элин каким-либо образом узнает, что темноволосый мужчина в твидовом пиджаке и брюках цвета хаки покинул холл «Опуса» под руку со стройной женщиной с каштановыми волосами.

Шансы на это невелики, но все же не нулевые. В отсутствие реальной ниточки такой человек, как Хенке – возможно, компетентный, но не блестящий, выбравший работу в полиции из любви к структурированной системе, – может сузить диапазон поиска и сосредоточиться на том, что имеет.

Но есть и плюс: никто не узнает подробности того, что произошло на парковке.

Если Эндрю никому не рассказал...

Для данного предположения нет никаких причин, но если Элин каким-то образом сможет связать его с отелем... Если лицо Тонера появится в телевизионных новостях, в газетной статье с фотографией... то Грейс придется учитывать, что кто-то... цыпочка или один из посетителей бара... может стать источником проблем.

Сам факт, что врач не рассказала следователю о предыдущей встрече с жертвой, будет убийственным.

Худший сценарий: кошмар в стиле Кафки.

Лучший сценарий: конец карьеры.

Не была ли она слишком самоуверенной?

Грейс опять почувствовала неприятную пустоту в животе. Сигнал раннего предупреждения, вроде предвестника эпилепсии. Она сделала несколько глубоких вдохов, дважды выполнила упражнение для релаксации – результатом этого стала в лучшем случае стимуляция парасимпатической системы.

Забудь обо всей этой ерунде, о связи разума и тела. Займи мозг.

Сосредоточься.

Помогли две чашки крепкого чая и суэта, связанная с их приготовлением. А еще было полезно представить, что Блейдс вернула себе статус эксперта. Сидит в своем кресле за своим столом.

В своем кабинете.

Это ее мир: помогать другим.

Одна дурацкая ошибка не может его разрушить.

Поэтому *думай*. Как минимизировать риск?

Грейс вымыла чашку, вернулась за стол, закрыла глаза и составила мысленный список стратегий. Потом отбросила все, кроме одной. Единственное, что имело смысл – отвлечь Хенке от «Опуса» с помощью альтернативы – настоящего места проживания Эндрю.

В этом может помочь микроанализ его поведения.

Тонер не жил в «Опусе», но выбрал его для того, чтобы перекусить и выпить в баре. Потому что в его отеле не было подходящей атмосферы? Он сноб?

Может, выпивка в его гостинице ограничивалась дешевыми напитками в автоматическом мини-баре?

Или он жил в приличном месте, но просто хотел сменить обстановку?

В любом случае погода была хорошей, а у молодого здорового мужчины из другого города, возможно, только что сошедшего с трапа самолета, могло возникнуть желание прогуляться.

Кроме того, его зарезали в центре города. Значит ли это, что его отель расположен именно там?

Прогулка через весь город имеет смысл в том случае, если ты пытаешься расслабиться. Так что, возможно, бедного парня привезли туда и выбросили именно для того, чтобы запутать следы.

Убийца не предполагал, что в тужурке окажется визитная карточка.
Зачем Эндрю это сделал?

Он искал помощи у Грейс, зная, что это опасно.

Блейдс отбросила эти мысли и сосредоточилась на первостепенной задаче: установить место, где остановился Тонер, начав с ближайших отелей.

Используя «Опус» в качестве центра поисков, она стала расширять круг, выявляя места, где можно остановиться на ночлег. Интернет выдал перечень кандидатов в радиусе четырех миль от отеля. Заполнив пробелы с помощью «желтых страниц», Грейс составила из них алфавитный список, стараясь на обращать внимания на череду назойливых вопросов.

Что, если он поселился не в отеле, а у приятеля или родственника?

Что, если предположение о приятной прогулке неверное и он не устал от долгого перелета, потому что жил в Лос-Анджелесе?

Ищущий искупления.

Роджер. В ответ на имя Хелен, которым назвалась Грейс.

Прежде чем пустится во все тяжкие, она выбрала имя последнего человека, с которым говорила. Тогда это была маленькая милая шутка, понятная только ей. Теперь эта шутка казалась пошлой. А что, если Эндрю использовал тот же прием? Тогда это поможет идентифицировать его.

Неужели он такой искусный обманщик? Доктор Блейдс умела чувствовать ложь, но ничего не заметила. Может, она теряет навык? Или Эндрю просто был приличным человеком, которому требовалась помощь?

Сын или брат убийцы, которого вдохновила история о дочери убийцы...

Гадать нет смысла. Нужно заняться делом.

* * *

Притворяясь дурочкой, как во время разговора с портье «Опуса», Блейдс начала обзванивать отели.

В «Аластер», «шестизвездочном гостевом доме» на Бертон-уэй, ей ответил приятный мужской голос. К сожалению, у них не останавливался ни Эндрю Тонер, ни кто-либо по имени Роджер.

То же самое ей сказали в «Бeverли Карлтон», «Бeverли Карлайл», «Бeverли Дюмон» и еще в четырнадцати отелях.

Однако через восемьдесят минут мужчина, говоривший с центральноевропейским акцентом, из гостиницы «Сен-Жермен» – 400-й квартал Норт-Мэйпл-драйв – усмехнулся в ответ на ее вопрос.

– Забавно, что вы спрашиваете, мисс. Ваш мистер Тонер заплатил за два дня, а потом попросил продлить еще на день. А когда сегодня утром горничная пришла убирать его номер, он уже съехал, вместе с вещами. Мы сделали ему одолжение – взяли наличные. Где его можно найти, мисс?

– Я надеялась, вы мне скажете.

– Хм... В таком случае, если увидите его, передайте, что так не делают.

* * *

Грейс оставила «Астон Мартин» в гараже и взяла «Тойоту», потому что хотела быть как можно незаметнее, и поехала на юг от Дохени-драйв.

Между Сивик-Сентер и Олден на Мэйпл нельзя было проехать с севера из-за огороженной, давно неиспользуемой зоны, принадлежащей Южной Тихоокеанской железной дороге. 3-я стрит привела Блейдс в темный, тихий район, западная часть которого была занята жилыми домами. На противоположной же стороне этой улицы выстроились массивные офисные здания.

Не слишком подходящее место для гостиницы, да и похожих на гостиницу зданий не было видно, но Грейс вдруг осенило: отсюда недалеко до ее офиса. Легко добраться пешком, если знаешь, как обогнуть сортировочную станцию и выйти к дурацкой развязке, соединяющей Мелроуз-авеню и бульвар Санта-Моника.

GPS любого превратит в штурмана.

Психотерапевт медленно поехала по кварталу, нашла адрес, написанный на бордюрном камне, и дважды сверилась со своими

записями. Проехав вперед, она развернулась и вернулась назад, остановившись на противоположной стороне улицы, чуть дальше.

Здание в стиле георгианского Возрождения, построенное в двадцатых годах. Обычный двухэтажный дом в квартале из похожих домов – ничто не указывало на его коммерческое использование. Когда Грейс припарковала машину и вышла на тротуар, она увидела, что желтый свет в окне первого этажа пробивается сквозь слегка покосившиеся планки старомодных жалюзи.

Один вход: покрашенная в темный цвет дверь. Но из задней части дома должен быть выход в сад. Табличка в виде геральдического герба, установленная посередине изогнутой бетонной дорожки, была почти незаметна:

Сен-Жермен.

Ниже висела еще одна табличка, поменьше?

Сдается.

Женщина рискнула приблизиться еще на пару шагов. Над дверью была третья надпись:

Ресепшн. Звоните.

Не слишком дружелюбно и гостеприимно, но идеально, если вы хотите остаться незамеченным.

Отзывы, которые Блейдс прочла в Интернете, были неоднозначными: приличные, чистые комнаты, но без ресторана, холла и обслуживания номеров. В точности как она предполагала: парень захотел выпить, поесть и ему было одиноко. Он отправился на поиски.

Психотерапевт вернулась к машине и поехала назад, пытаясь представить маршрут Эндрю в тот вечер. На севере он уткнулся бы в забор из сетки-рабицы, а вот на юге его ждал деловой центр Беверли-Хиллз, где нельзя было не заметить соблазнительный «Опус».

Тыходишь, устраиваешься в удобном кресле, заказываешь выпивку.

Видишь женщину.

Она видит тебя.

Все меняется.

Глава 17

Одним успехом сыт не будешь. Грейс наконец проголодалась и поехала в индийский ресторан в Западном Голливуде. Она знала, что в обед там многолюдно, но вечером посетителей немного.

Сегодня клиентура состояла из трех татуированных хипстеров, которые ели молча, и прилично одетой пары постарше, державшейся за руки. Хозяин заведения, сикх с тюрбаном на голове, ласково улыбнулся новой посетительнице и провел ее в тихий угол, где она взмахом руки отказалась от меню и попросила принести креветки и чай с молоком и специями. В ожидании заказа Блейдс принялась грызть соленое печенье *намак пари* и размышлять, когда уместнее подарить Хенке свое открытие.

Двойной подарок. Она не только узнала, где останавливался Эндрю, но также выяснила, что он приехал два дня назад, и этот факт, возможно, поможет детективу, если та захочет выяснить его маршрут.

Хозяин ресторана принес Грейс чай с молоком и заверил, что ее блюдо скоро будет готово – у них подают только свежее.

Нужно ли сообщать детективу о гостинице? Если да, то не сегодня. Возможно, завтра утром. Позже, чтобы продемонстрировать, что это было просто любопытство, а не одержимость, заставившая посвятить поискам всю ночь.

Блейдс сочинила версию о том, что собиралась поехать в отпуск, но очень расстроилась из-за смерти Эндрю и решила заняться поисками, поскольку ей нужно было хоть *что-нибудь* сделать.

Слишком сентиментально? Может, облечь все это в форму абстрактного любопытства, смягчив сочувствием? Нужно подумать.

Проявите благодарность, детектив Хенке. Скажите «спасибо», забыв обо мне.

Потом Грейс подумала о возможном осложнении. Элин обязательно поедет в «Сен-Жермен», где сердитый ночной портье, скорее всего, расскажет ей о том, что Грейс притворялась встревоженной кузиной. Не усилит ли это подозрения детектива?

Так что нужно честно признаться – возможно, Хенке посмеется над тем, как эксцентричный мозгоправ разыгрывает из себя

детектива... Хотя все психотерапевты немного детективы.

Лучшая стратегия – это выборочная честность.

Принесли еду. Вкусно. Похоже, аппетит восстановился. Дела идут на лад.

* * *

Грейс вернулась в офис, чтобы пересесть в «Астон Мартин», и – раз уж она все равно здесь – проверила, нет ли для нее сообщений в телефонной службе. Как ответственный профессионал.

– Только одно, доктор Блейдс, – ответил оператор. – Элин Хенке. Сказала звонить ей в любое время – она ложится поздно.

* * *

Тридцать три минуты одиннадцатого вечера, а женщина еще за рабочим столом.

– Вспомнили еще что-нибудь, доктор Блейдс?

– На самом деле, – сказала Грейс, – не вспомнила, а сделала. Но это может вам пригодиться.

Хенке внимательно выслушала ее.

– Ничего себе! Впечатляет, доктор. Мне понравился трюк с кузиной – возможно, я когда-нибудь воспользуюсь им.

– Дарю, – рассмеялась психотерапевт.

– «Сен-Жермен», – сказала Элин. – Никогда о нем не слышала.

– Я тоже.

– Фальшивое имя, расплатился наличными... Он не показался вам подозрительным типом?

– Вовсе нет. – Грейс почему-то обиделась за Эндрю.

– Думаю, после такой краткой... О, я забыла вам рассказать, доктор! Я сама кое до чего додумалась. Мне не давало покоя его имя – что-то в нем казалось странным, но я не могла понять что. Потом поняла. Когда случайно написала инициал – букву А – вместо имени. *A. Toner*. Понимаете?

– Не совсем.

– *A. Toner. Atoner.* Ищущий искупления. В таком случае не удивительно, что мы не нашли его под этим именем.

– Но вы сказали, что нашли других.

– Верно. – В голосе Хенке послышалась нотка разочарования. – Возможно, вы правы... Тем не менее они живы, а его убили. Плюс вы говорили, что он упоминал ту статью – то есть, возможно, состоит в родственной связи с преступником. И еще: телефонный номер, который не обслуживается... Наводит на мысль об одноразовых сотовых телефонах, которые так любят наркочилеры. Все это кажется мне подозрительным.

– Похоже на то.

– Обычное дело, доктор. Люди делают ошибки и расплачиваются за них. В любом случае спасибо, что нашли отель. Теперь мне есть над чем поработать.

– Не за что.

– Вы говорили, он разволновался и ушел, – продолжила детектив. – Наркотики делают людей нервными. Кокаин, амфетамины... Вы, случайно, не обратили внимание на его зрачки?

Конечно, обратила, накануне вечером. Расширенные, дальше некуда, заинтересованные.

– Нет, – ответила Грейс. – Никаких видимых признаков интоксикации.

– Да, вы бы заметили, – сказала Хенке. – Еще раз спасибо. Я первым делом наведуось в тот отель. Вы заслужили отпуск... Уже решили, куда поедете?

Ложь далась врачу легко.

– Попробуйте Гавайи, – посоветовала Элин. – Когда я была замужем, мы с мужем регулярно туда ездили.

Что это, просто женская болтовня?

– Что-нибудь порекомендуете? – спросила Блейдс.

– Мне нравится Большой остров... Кстати, еще одна вещь. Вы не заметили, что мистер Тонер покрасил волосы?

– Нет. – Удивление Грейс было искренним.

– Коронер подтвердил – он обратил внимание на светлые корни. Похоже, он был светлым шатеном. Что скажете?

– Некоторые мужчины красятся.

– Будь он стариком, скрывающим седину, я предположила бы тщеславие. Но просто сделать волосы темнее – какой в этом смысл, если только не пытаешься замаскироваться? Этот парень вызывает все больше подозрений... Ладно, алоха!^[5]

Глава 18

Грейс сидела за письменным столом и размышляла о поступках Эндрю, которые Хенке считала подозрительными. Хотя все это можно истолковать совсем иначе: он отправился в рискованное путешествие – в поисках искупления – и пытался обезопасить себя.

А если учесть визитную карточку в туфле, то не только себя, но и Грейс?

Другой причины она придумать не могла.

Мой герой?

Врач почувствовала тупую боль в глазах. Все суставы в ее теле как будто утратили гибкость. Внезапно ей захотелось сбежать – из кабинета, из города. От своих мыслей. От всего.

Может, попробовать Большой остров, снова? Или джунгли Коста-Рики – тоже интересно...

Заперев двери, Блейдс поспешила в гараж и села в «Астон Мартин». Она поедет по бульвару Сансет в Малибу, немного удлинив маршрут, чтобы развеяться.

Машина вела себя с ней, как опытный любовник, проходя повороты на слишком большой скорости. Сохранять контроль на грани своих возможностей – лучшего отвлечения и придумать нельзя. Добравшись до побережья, Грейс почувствовала, что возвращается в норму.

И не сразу – только когда проезжала Лас-Тунас-Бич – заметила, что ее преследуют.

* * *

Обычно Грейс старалась быть внимательной, когда ехала одна. Но не сегодня.

Серьезный прокол?

Или ей просто кажется? Пара подпрыгивающих фар – у машины проблемы с подвеской – болтались сзади последние несколько миль.

Блейдс посмотрела в зеркало заднего вида. Фары были на месте – две мерцающие янтарные луны.

Затем они потускнели – между ними вклинилась машина, а потом еще одна.

Просто совпадение? Или доктор только что наблюдала прием, которому обучала ее Шошана Ярослав, – скрытое преследование? Если преследователь хотел остаться незамеченным, то добился прямо противоположного – теперь Грейс все время наблюдала за ним.

Она ускорила, и машина с подпрыгивающими фарами тоже поехала быстрее. А потом отстала. Второй раз за пять миль. Слишком много суеты, учитывая редкий ночной трафик на прибрежном шоссе.

Блейдс вспомнила приземистый седан, который заметила в тот вечер, когда к ней приходил Эндрю. При его приближении у нее сработал внутренний сигнал тревоги, но машина развернулась и уехала прочь. Если ее действительно преследуют, то охота, наверное, началась после того, как она покинула Западный Голливуд.

Может, это та же машина? Единственное, что могла сказать Грейс, – расстояние между фарами у этой такое же.

Психотерапевт переместилась на крайнюю правую полосу.

Через девяносто секунд автомобиль с подпрыгивающими фарами последовал ее примеру, и теперь между ними не было других машин.

Явно не малолитражка и не грузовик, так что возможно... Грейс резко сбросила скорость, застав преследователя врасплох, и сумела рассмотреть его.

Седан. Приземистый? Возможно.

Первый раз она увидела его стоящим недалеко от ее офиса, когда прошло уже много времени после ухода Эндрю. В ту же ночь того зарезали, бросив его безжизненное тело в холодном, темном месте.

По времени не сходится. Так что, возможно, она просто позволила себе увлечься... Или их было двое.

Один занимался Тонером, а другой уничтожал оставленные им следы.

Если за ним следили и довели до ее офиса – причину этого будет выяснить непросто, – то увидели на двери табличку с ее именем. Маленькую, бронзовую, незаметную... Значит, разговор с психотерапевтом – смертный грех? Сначала наказали Эндрю, а теперь решили позаботиться о Грейс?

Седан полз за ней, а когда она увеличила скорость, преследователь не стал ее догонять. Было слишком темно, и она не могла различить ни марку, ни модель... А теперь он еще и пропустил вперед один маленький автомобиль.

Врач снова сменила полосу.

На этот раз седан выдержал паузу, а потом пристроился за ней, гораздо ближе, чем прежде. Грейс сбросила скорость, заставив его нажать на тормоз. Седан замедлился и пропустил вперед пикап.

Блейдс подозревала, что пикап тоже принадлежит ее преследователям.

Она не могла позволить страху взять верх и поэтому изо всех сил старалась разбудить в себе злость. Нужно заставить этих ублюдков понервничать... Приближался Ла-Коста-Бич, и пора было что-то придумывать.

О возвращении домой не могло быть и речи. Как только она войдет в дверь, то станет такой же уязвимой, как мишень в тире. Но съехать с прибрежного шоссе можно только на темные, извилистые дороги, ведущие в каньон и заканчивающиеся тупиком...

Единственный вариант – продолжать движение. Но это временное решение, потому что, когда она минует Колони и невысокие холмы перед Университетом Пеппердайна, поток машин станет совсем редким, фонари исчезнут, и ее будет легко столкнуть с дороги.

Пистолет, выглядывающий из окна...

А может, она ошибается. Грейс надеялась на это, но, когда седан вновь приблизился и ей пришлось превысить разрешенную скорость, надежда умерла.

Сомнений уже не осталось.

Почему она потеряла бдительность? Блейдс пыталась проанализировать это – но не для того, чтобы выругать себя, а чтобы больше не делать глупостей.

Ответ очевиден: состояние, которое британцы называют нервно-психическим истощением. Моторные нейроны в ее мозгу были заняты Эндрю. И думала она *только* об Эндрю. На это расходовалось столько психической энергии, что нервные цепи оказались перегруженными, и она забыла о первой заповеди Шошаны Ярослав: *Какой бы крутой и эмансипированной ты себя ни считала, ты женщина и,*

следовательно, уязвима. Поэтому всегда следи за окружающей обстановкой.

Вторая заповедь звучала так: *Делай все возможное. Разве что ты веришь в реинкарнацию и тебя привлекает мысль возродиться в виде жука.*

В восьми остальных не было нужды.

Слегка сместившись вправо, чтобы лучше видеть крайний ряд, Грейс увидела, что он пуст. После этого она резко нажала на газ, за несколько секунд увеличив скорость до восьмидесяти, а потом до девяноста и ста миль в час. Пикап, машина с подпрыгивающими фарами и все остальные остались далеко позади.

Даже на этой скорости число оборотов двигателя почти не увеличилось. Столбы за окном мелькали, словно полосы на занавеске. Двенадцать цилиндров довольно гудели – *наконец-то ты дала мне размяться!* – и Грейс улыбнулась. Такая скорость казалась естественной, и кроме того, она ездил по этой дороге с закрытыми – в буквальном смысле – глазами и знала все ямки, ухабы и повороты. А если ее остановит дорожный патруль, то тем лучше: она изобразит покорность, будет внимательно слушать дурацкую лекцию полицейского, украдкой наблюдая, как мимо проезжает машина с прыгающими фарами.

Блейдс промчалась мимо Ла-Коста-Бич, где в окне на долю секунды промелькнул ее дом, и уже приближалась к пирсу Малибу и пляжу для серфинга, а полиция все не появлялась.

Теперь в зеркале заднего вида были видны только одни фары – совсем близко, метрах в тридцати. Блейдс они уже казались похожими не на луну, а на глаза. Пристальные, оранжевые глаза.

* * *

Она снизила скорость до семидесяти, и фары преследовавшего ее автомобиля подпрыгнули, указывая на то, что его водитель тоже резко затормозил. Снова ускорившись до восьмидесяти миль в час, Грейс воспользовалась резвостью «Астон Мартин», вспомнив трюк, который Шошана показала ей в тот утомительный день на треке Лагуна Сека в

Монтерее. Тогда ее наставница объяснила, что управляемость теряют не машины, а водители.

Старайся использовать тормоза только при крайней необходимости, потому что при торможении и ускорении машина начинает раскачиваться, словно колыбель, а на больших скоростях это грозит серьезной потерей сцепления с дорогой, и если без торможения не обойтись, оно должно быть коротким, на вершине дуги, а потом ускоряйся.

Тогда это казалось забавным. Теперь пригодилось. Грейс мчалась мимо пляжей западной части Малибу, все еще надеясь на копов, но довольная тем, что прыгающие фары исчезли.

Затем она выехала на прямой участок вдоль забора общественного пляжа в Зуме, и фары вдруг появились снова.

Преследователь догонял, он мчался прямо *на* нее.

Психотерапевт резко свернула на обочину, морщась от громкого скрежета и надеясь, что днище «Астон Мартин» не пострадало.

Сбросив газ, она выключила фары и убрала ногу с тормоза, чтобы погасить стоп-сигналы, надеясь, что ручной тормоз удержит фыркающего железного зверя. Темная ночь, черная машина – Грейс была уверена, что стала незаметной.

Ее автомобиль вздрагивал, но оставался на месте, и женщина приготовилась увидеть проезжающий мимо седан.

Но этого не случилось. Что ее выдало – блик на отполированной поверхности, хромированные диски колес или светящееся окно?

Хотя это не имело значения. Важен был только результат: преследователь быстро приближался, направляясь прямо к ней.

Отпустив ручной тормоз, Блейдс смотрела в зеркало заднего вида и дожидалась подходящего момента, а затем резко вывернула руль и развернула «Астон Мартин», так что взвизгнули шины, и ее занесло.

Машина быстро выровнялась, но едва доктор успела пересечь разделительную линию и выехать на противоположную сторону шоссе, как с севера надвинулась массивная тень.

Грейс набрала скорость, освобождая путь полуприцепу, который с ревом промчался мимо нее, отчаянно сигналив.

Автопоезд, и если верить веселой надписи на его боку – доставка продуктов в рестораны. У психотерапевта было меньше секунды, чтобы прочесть все это, но она как-то справилась.

Кроме того, ей удалось получше рассмотреть подпрыгивающую машину: темный, скорее всего, серый приземистый седан, возможно, «Крайслер 300».

Его колеса буксовали на обочине в попытке высвободить застрявший бампер. Было слишком темно, чтобы рассмотреть номерной знак.

Тонированные стекла.

Стандартные колеса.

Седан не сдвинулся с места. Колеса перестали вращаться. Из машины вышел мужчина – массивный, широкий.

Рука его стискивала что-то на поясе.

Грейс умчалась прочь.

* * *

Не превышая разрешенной скорости, она быстро доехала до Кэнэн-Дам-роуд и свернула с шоссе. Дорога привела ее в горы, а потом в Вэлли, где она повернула на восток, на шоссе 101. Даже в этот час автострада не была пустой – не слишком плотный, но непрерывный поток и, конечно, стражи порядка в виде черно-белой машины калифорнийского дорожного патруля на разделительной полосе, собирающего деньги с налогоплательщиков. Где, черт возьми, они были, когда Блейдс в них нуждалась?

Проехав несколько миль, она заметила еще одну патрульную машину, притаившуюся в темноте на северной обочине.

Попробуй теперь достать меня, парень из седана.

Грейс пересекла Вэлли, не съезжая с шоссе 101, которое перешло в шоссе 134. Потом миновала Бербанк и выехала на Сентрал-авеню в Глендейле, поскольку никому в голову не пришло бы искать ее в этом спальном пригороде Лос-Анджелеса. Через несколько секунд она увидела высокое здание, украшенное лепниной и зеленым стеклом, – новое здание отеля «Эмбасси Сьютс». Оставив машину на подземной стоянке, Грейс поднялась в фойе отеля, подошла к суровой женщине за стойкой портье и сняла номер.

Две комнаты. Отель оправдывал свое название – площадь номера была больше, чем дом Блейдс на пляже. Милое стерильное убежище:

приятный запах химически очищенного воздуха, проспект, хвастающийся высокоскоростным доступом в Интернет, плоский жидкокристаллический телевизор и «завтраки в нашем роскошном атриуме на открытом воздухе».

Врач поставила на зарядку свой ноутбук, разделась и забралась под одеяло.

Спала она крепко.

* * *

Проснувшись в шесть утра, бодрая, но не голодная, она воспользовалась высокоскоростным доступом в Интернет, чтобы найти круглосуточную аптеку – в миле с небольшим от отеля, на Глендейл-авеню. Энергичная прогулка была полезна по разным причинам, и Грейс шла быстрым шагом, внимательно следя за окружающей обстановкой, хотя и не чувствовала угрозы. Купив все необходимое, она другой дорогой вернулась в отель и поднялась к себе в номер.

В девять часов хорошенькая женщина с густым загаром, мальчишеской стрижкой темно-каштановых волос и слегка избыточным макияжем вошла в роскошный открытый атриум и попросила проводить ее к угловому столику, откуда открывался вид на всю обеденную залу.

Устроившись, она прочла две газеты и плотно позавтракала.

Единственным, что отвлекало ее во время самостоятельной стрижки и окраски волос, были мысли о том, как Эндрю красил свои густые волосы.

Снова они оказались связаны.

И еще кое-что: когда Блейдс представляла его с более светлыми волосами, что-то шевельнулось в ее памяти. Как будто она его уже видела. Хотя, разумеется, это было не так.

Цель Эндрю – из-за чего и заварилась вся эта каша – заключалась в том, чтобы найти незнакомку, которая его не осудит.

Глава 19

В десять часов Грейс выехала на шоссе и покинула Глендейл – на этот раз она ехала на запад. Свернув на юг, на шоссе 405, направилась к крытой автостоянке, где можно было надолго оставить машину. Поставив «Астон Мартин» в угол, женщина оглянулась в поисках камер слежения или чьих-то любопытных глаз, а затем достала коробку патронов калибра 22 из спрятанного под приборной панелью отделения – раньше там был проигрыватель компакт-дисков. Патроны переключали в сумочку, заняв место рядом с маленьким пистолетом, дистанционным пультом от гаража, фонариком, старой картой «Американской автомобильной ассоциации», в которую Блейдс не заглядывала много лет, солнцезащитными очками «Рэй Бэн» и черной бейсболкой без эмблемы, которой она пользовалась во время пробежек по пляжу.

Доехав на трамвае до фирмы проката автомобилей, доктор зашла на стоянку «Энтерпрайз» и выбрала «Джип Гранд Чероки» с пробегом тысячу миль.

Следующей остановкой стал универмаг «Макис» в Калвер-Сити, где Грейс купила кроссовки, туфли без каблука на резиновой подошве, белье, черные брюки свободного покроя с накладными карманами, джинсы стретч того же цвета, черные футболки, хлопковые блузки с круглым вырезом и очки в черепаховой оправе с простыми стеклами. Тонкая нейлоновая куртка была немного великовата, но зато могла похвастаться четырьмя вместительными карманами. И в довершение всего – дешевый, но прочный портфель коричневого цвета.

В продовольственном магазине, предлагавшем товары со скидкой, Грейс купила леденцы с кофеином, упаковку бутылок с водой и два дешевых сотовых телефона. Третий мобильник был приобретен в магазинчике подержанной электроники, который держал какой-то перс, а в кулинарии рядом с бульваром Вашингтон Блейдс взяла нарезку говядины и индейки, кукурузные чипсы и копченую салями.

Теперь она была готова сражаться или бежать.

В десять вечера Грейс вернулась в Западный Голливуд и в темноте курсировала по улицам вокруг своего офиса. Через час она окончательно убедилась, что приземистого седана нигде не видно. Однако психотерапевт почти убедила себя в возможности существования второго врага. Еще полчаса кругов и поворотов не выявили ничего и никого подозрительного.

Ее преследователь – мистер Здоровяк, – вероятно, не думал, что она сюда вернется, особенно с наступлением темноты. Таким образом, это место могло быть самым безопасным в городе.

Женщина оставила машину в квартале от офиса, надела легкую куртку и бейсболку и опустила «Беретту» в правый внешний карман.

Обойдя дом, она подошла к двери в сад, оглянулась, прежде чем войти, и подождала, пока ворота со щелчком закроются.

Сигнализация включена. Никаких признаков вторжения.

Не зажигая свет в доме, Грейс включила фонарик и, ориентируясь с помощью узкого конуса света, прошла в свой кабинет. Там она отперла массивный картотечный шкаф с пятью ящиками.

В дальнем конце нижнего ящика, под личными документами, находился сейф, из которого Блейдс достала «Глок», коробку девятимиллиметровых патронов и все наличные деньги, которые она там хранила, – чуть больше тридцати восьми тысяч долларов. Заскочив в туалет, доктор вышла из парадной двери, другой дорогой добралась до «Джипа», покаталась полчаса, вернулась и поставила машину так, чтобы видеть обе двери дома.

Теперь она ждала.

* * *

Ничего не произошло, и Грейс уехала, чтобы отдохнуть. Ночью у нее было много времени для размышлений – она просто сидела и жевала мясную нарезку и конфеты с кофеином, запивая все это водой.

Нет никаких сомнений, что визит Эндрю, каким бы кратким он ни был, привел ее к людям, тайна которых настолько серьезна, что они не останавливаются перед убийством.

Ищущий искупления. Нечто ужасное в его прошлом. В большинстве случаев кровь проливают мужчины, так что, скорее

всего, это брат или кузен. Или даже отец.

Что же делать?

Отпуск – любое бегство – не решил бы проблемы. Наоборот, он изолировал бы Блейдс, и по возвращении она была бы неподготовленной и уязвимой.

Преследователь знает, где она работает. Возможно, знает, где ее дом, – совершенно очевидно, что даже пятиклассник, умеющий обращаться с компьютером, способен найти официальный адрес человека.

Неприятная ситуация.

Грейс попыталась найти что-нибудь позитивное – и наконец нашла одно обстоятельство. Телефонная служба сообщит всем абонентам, что две недели доктора Блейдс не будет в офисе.

Значит, у нее есть четырнадцать дней, чтобы что-то предпринять.

Другой на ее месте, вероятно, обратился бы в полицию – в данном случае к копу, с которым она только что познакомилась.

Детектив, это Грейс Блейдс. Вчера вечером меня кто-то преследовал.

Что вы говорите, доктор? Кто?

Машина, как мне кажется, «Крайслер-триста». Толком рассмотреть не удалось.

Вы запомнили номер?

Нет.

Где это произошло?

Прибрежное шоссе, Малибу.

Это юрисдикция шерифа. Могу я спросить, что вы там делали?

Ехала домой. Боюсь, они знают, где я живу.

Они... Вы думаете, их несколько?

Они или он... Я не знаю.

Вы звонили в офис шерифа?

Нет...

Каждое слово, произнесенное Грейс, вызовет у Хенке подозрения, что это либо ложь, либо отсутствие логики. Или того хуже, психическая неуравновешенность – психотерапевты, что с них возьмешь?

Звонок Элин перечеркнет все, чего Блейдс добила, покинув круг подозреваемых.

В лучшем случае детектив поверит ей, но ничего не сможет предложить, разве что краткий курс по обеспечению безопасности.

У вас есть сигнализация, доктор? Как насчет собаки?

Что же делать? Мудрый совет могла бы дать Шошана Ярослав, но два года назад она вышла замуж за компьютерного гения из Израиля и переехала в Тель-Авив.

Делавэр мог свести ее со своим знакомым из полиции, но тот парень работает в отделе по расследованию убийств в Западном Лос-Анджелесе, и ему вряд ли понравится, что его донимают тем, что случилось вне пределов его юрисдикции.

Главный вопрос: кто ей поможет?

Ответ: такой же, что и всегда.

Она может рассчитывать только на себя. Что ее устраивало.

Так было до тех пор, пока в ее жизни не появился Малкольм.

Так называемый период формирования личности.

Глава 20

Через два месяца после переезда Грейс на ранчо Рамона сказала:

– Сегодня он приезжает.

– Кто?

– Профессор Блюстоун.

Они как раз приступили к завтраку. Как обычно, за столом сидели только Грейс и миссис Стейдж, потому что они вставали раньше остальных.

Ролло и Дешон уже несколько дней как уехали – их согласилась усыновить одна из родных теток. У хозяйки ранчо появилась новая подопечная, пятилетняя девочка по имени Эмбер, но она все время плакала и не хотела вылезать из постели. Бобби не мог спуститься на кухню без помощи Рамоны, и иногда ему весь день требовался кислород, так что Блейдс редко его видела.

Она принялась намазывать клубничный джем на безвкусный тост, и Рамона повторила:

– Профессор Блюстоун.

Как будто ждала от воспитанницы реакции.

Грейс молча ела.

– Помнишь? Психолог, о котором я тебе рассказывала? – не отставала старушка. – Да, с тех пор прошло довольно много времени, но он был в Европе, читал лекции. Учил других профессоров.

Девочка взяла банку с джемом, нашла целую ягоду клубники, сочную и, вероятно, сладкую, и подцепила ее ножом.

– В общем, сегодня он приезжает, – сказала Рамона. – Надеюсь, поможет в твоём обучении.

Два месяца Грейс осваивала материалы по программе средней школы, конверты с которыми Стейдж привозила каждую неделю. Все было очень легко и довольно скучно, но девочке нравилось, что она может быстро закончить занятия и бродить по ранчо, погрузившись в свое любимое состояние, то есть быть предоставленной сама себе.

Такого большого участка вокруг дома, как на ранчо, Грейс никогда не видела, а если прищуриться, чтобы не видеть проволочного забора, можно было представить, что владеешь всей землей до самых гор.

Забор нисколько не мешал мелким животным, и кроме того, повсюду было полно насекомых, в том числе мошкары и пауков, а в комнату Грейс иногда залетали комары. Насекомые не исчезали даже после того, как приходил Эд, который распылял какую-то противно пахнущую жидкость. Но Блейдс думала, что отравка отпугивает больших животных, вроде койотов и злобных бродячих собак – их она видела только издалека, на закате солнца.

Однажды Рамона вышла из дома и увидела, как девочка наблюдает за большим самцом койота. Они стояли рядом и смотрели, как крадется животное, то появляясь, то пропадая среди кустов, а потом исчезает в черных остроконечных тенях, отбрасываемых горами.

– Знаешь, чем он занят, Грейс? – спросила старушка.

– Ищет еду.

– Верно, теперь у койотов время ужина – у них все по расписанию, как у нас, только им не нужны часы. Никто их не обслуживает, и они вынуждены есть все, что попадется. Поэтому они такие умные.

– Знаю, – сказала Грейс.

Она отодвинулась на несколько футов от шевелящихся губ Рамоны и попыталась снова погрузиться в свои мысли.

* * *

Иногда Грейс читала книги из шкафа в гостиной, по большей части в мягкой обложке – о преступлениях и следователях и о людях, которые влюблялись, потом расставались, а потом снова влюблялись. О значении большинства новых слов, которые ей попадались, она догадывалась сама, а если ей это не удавалось, то заглядывала в большой словарь Уэбстера. Бывало, что девочка читала словарь и просто так, находя там абсолютно новые слова. В доме был и телевизор. Она могла включать его, предварительно получив разрешение, но делала это редко, потому что телевизионные передачи были такими же скучными, как и школьная программа.

Снаружи, слева от дома, имелась ровная площадка с разными качелями и детской горкой. На земле были расстелены резиновые

маты, а сверху нависало огромное дерево, с которого все время падали листья.

Часто Грейс подолгу качалась на качелях, воображая, что умеет летать, – до тех пор, пока Рамона не звала ее к столу или еще за чем-нибудь. Иногда ей приходила мысль спрыгнуть в самой верхней точке и посмотреть, что она будет чувствовать во время полета, а затем удара о землю, но девочка понимала, что это глупо, и заставляла себя выбросить из головы подобные мысли.

За игровой площадкой, позади бывшего загона для коз, находился большой прямоугольный бассейн, который менял цвет, покрываясь зеленой слизью, как только температура воздуха повышалась, – независимо от того, сколько химикатов выливали туда рассерженная хозяйка.

Зеленый цвет означал, что вода теплая, и в один из дней, когда пустыня раскалилась и сверкала, словно металл, Грейс спросила Рамону, можно ли ей искупаться.

– В этом гороховом супе? – удивилась та. – Ты шутишь?

– Нет.

– Понятно. Если я тебе разрешу, власти округа решат, что я подвергла опасности твое здоровье.

– Там микробы?

– Ну, – сказала Стейдж, – пожалуй, нет. Только эта склизкая штука, водоросли, и кто знает, что там водится...

– Водоросли – это растение, мэм.

– И что?

– Если оно не ядовитое, то никакой опасности нет.

– Оно может быть ядовитым.

– Ядовитые водоросли водятся в океане, они плохо пахнут, и они красные.

Рамона пристально посмотрела на воспитанницу.

– Ты разбираешься в водорослях?

– Эта тема была две недели назад. Одноклеточные организмы.

Глаза старушки округлились.

– Господи, девочка!..

– Значит, можно?

– Что?

– Искупаться?

– Ни в коем случае, даже не думай. Посмотри на эту пленку на поверхности. Непонятно, что там, на глубине, и если с тобой что-то случится, я попросту не увижу этого.

Грейс пошла прочь от бассейна.

– Ты на меня сердишься? – крикнула ей вслед Рамона. – Я просто выполняю свои обязанности, забочусь о тебе.

Девочка остановилась и повернулась к ней, понимая, что должна радовать ее, потому что это самый лучший дом из всех, где она была. Никто ее не беспокоит, и она много времени может проводить одна.

– Конечно, нет, миссис Стейдж. Я понимаю.

Рамона, прищурившись, смотрела на нее, а потом заставила себя улыбнуться.

– Я ценю ваше понимание, мисс Блейдс.

* * *

На следующий день Рамона окликнула Грейс, когда та выходила из дому после занятий.

– Все еще хочешь искупаться? Я тут кое-что разузнала... Ты права – опасности нет, просто неприятно, но если это тебя не беспокоит и ты не пойдешь на глубину, а я буду рядом...

– Не беспокоит.

– Не тешь себя надеждами, Грейс, – я буду наблюдать за тобой, как ястреб, а ты должна все время оставаться на поверхности. Я не шучу. Не нырять, не опускать голову, даже ни на секунду, хорошо?

– Хорошо.

Стейдж пожала плечами.

– Отлично. Я не понимаю, зачем тебе это нужно, но это твой выбор. Кроме того, ты возьмешь старое грубое полотенце с дырками, потому что я не хочу, чтобы эта гадость испортила мне новые полотенца.

– Серое?

– Прошу прощения?

– Серое полотенце, которое вы держите в шкафу для белья, но никогда не используете?

– Совершенно верно, – сказала Рамона. – Ты все замечаешь, да?

– Нет.

– А чего ты не замечаешь?

– Если я не замечаю, то не могу этого знать.

Некоторое время хозяйка ранчо пристально рассматривала ребенка, теребя свои длинные седые волосы.

– Железная логика, – сказала она. – Это становится интересно.

Профессор не приехал ни в этот день, ни на следующий. И еще двадцать дней.

– Прости, напрасно пробудила в тебе надежды, но его пригласили в еще одну поездку, – рассказала миссис Стейдж.

– Ладно, – сказала Грейс.

Ее волновало не так уж много вещей. И все они не были связаны с другими людьми.

* * *

Однажды утром, спустившись к завтраку, Грейс увидела, что рядом с Рамоной за кухонным столом сидит и пьет кофе огромный человек. Таких великанов она в жизни не видела. Он был довольно старым, но моложе миссис Стейдж. Пальцы, которыми он держал кружку, были такими толстыми, что полностью закрывали ручку. Большими у него были даже волосы – высокая копна темно-серых прядей, торчавших во все стороны. Когда он встал, то заслонил собой почти всю комнату, и Грейс подумала, что его голова может стукнуться о потолок. Но потом она поняла, что ошибалась, – до потолка гость не доставал. Однако все равно был огромным.

– Проснись и пой, Грейс! Это профессор Блюстоун, – сказала Рамона.

– Привет, – поздоровалась девочка тихим, милым голосом, который научилась использовать при разговоре с незнакомыми людьми.

– Привет, Грейс. Я Малкольм. Извини, что без предупреждения, – ответил мужчина.

И улыбнулся.

Блейдс посмотрела на стол. Рядом с привычным тостом, джемом и «резиновыми» яйцами располагалась стопка блинчиков и бутылка

кленового сиропа в форме медведя. Увидев сироп, девочка подумала, что этот огромный человек похож на медведя – крупное круглое лицо, большие карие глаза, длинные толстые руки, свисавшие по бокам... Его одежда еще больше усиливала сходство с медведем: мешковатый пушистый свитер коричневого цвета, очень широкие серые штаны и коричневые туфли, носки которых вытерлись и стали рыжими.

С медвежьим обликом не вязались только очки – круглые, слишком маленькие для широкого лица, в оправе, похожей на панцирь черепахи. Грейс поймала себя на глупой мысли: это единственное отличие. Он носил одежду, он разговаривал, он был человеком.

Но все равно напоминал медведя.

– Позавтракайте, юная леди, – сказала Рамона.

Малкольм Блюстоун вернулся на свой стул, зацепив туфлей за ножку стола, словно этот мир был для него слишком тесен. Грейс села и потянулась за тостом и джемом, а гость все еще улыбался ей. Когда она замерла и посмотрела на него, он подцепил вилкой два блинчика, обмакнул их в сироп и стал есть, причем очень быстро. Совсем как медведь – даже сироп гармонировал с его внешним видом, так как был похож на мед, за которым охотятся медведи, когда выходят из спячки.

Урок двадцать восемь: «Теплокровные млекопитающие и температурная адаптация».

Какое-то время все молчали. Потом Малкольм Блюстоун указал на блинчики:

– Кто-нибудь хочет?

Грейс покачала головой.

– Они все твои, мальчик, – сказала Рамона.

Смешно называть так старого человека. Но потом Блейдс вспомнила, что он младший брат умершего мужа миссис Стейдж, и для нее он, наверное, всегда был ребенком.

Малкольм Блюстоун разделался с блинчиками, вытер губы и налил себе еще кофе. Хозяйка дома встала.

– Мне нужно посмотреть, как там Бобби и эта бедная малышка Эмбер – я о ней тебе говорила, Мал. Конечно, ты специалист, но она выглядит какой-то... пришибленной.

– Я потом взгляну на нее, – сказал гость.

– Спасибо, – поблагодарила его старая женщина и вышла.

– Я знаю, Рамона говорила тебе обо мне, но если у тебя есть вопросы, я с радостью на них отвечу, – сказал Малкольм.

Грейс покачала головой.

– Значит, никаких вопросов? – уточнил мужчина.

– Нет.

– Ты понимаешь, зачем я здесь?

– Вы – брат Стива Стейджа и психолог, и вы приехали, чтобы провести со мной тесты.

Гость рассмеялся.

– Исчерпывающий ответ. Значит, ты знаешь, кто такой психолог.

– Врач, с которым ты говоришь, если тебя что-то беспокоит, – ответила Грейс. – И который проводит тесты.

Блюстоун вытер губы салфеткой. На коже над его верхней губой осталась блестящая капелька сиропа.

– Ты когда-нибудь посещала психолога? – спросил он.

– Нет.

– Ты не возражаешь против тестов?

– Нет.

– Ты понимаешь, зачем тебя будут тестировать?

– Да.

– Не хочу показаться назойливым, но не могла бы ты объяснить, что именно понимаешь? Просто чтобы я убедился.

Девочка вздохнула и отложила тост.

– Я тебя достаю, – сказал Малкольм Блюстоун. – Прости.

Еще никогда ни один взрослый не извинялся перед Грейс. Сначала она была потрясена, но затем решила не обращать на это внимания.

– Школьные домашние задания слишком легкие, и поэтому Рамона хочет выяснить, чему еще я должна учиться, – сказала она.

Блюстоун кивнул:

– Превосходно, Грейс. Но эти тесты не похожи на контрольные в школе. Тебе не будут ставить оценок, а вопросы составлены определенным образом – так, что никто не сможет ответить на все. Тебя это не смущает?

– Нет.

– Ты не боишься ошибиться?

– Все ошибаются.

Малкольм моргнул и поправил очки.

– Это уж точно. Ладно, Грейс, когда будешь готова, мы пойдем в гостиную и начнем. Миссис Стейдж обещает, что нам не будут мешать.

– Я готова, – ответила девочка.

Мебель в гостиной переставили так, чтобы стол, обычно стоявший рядом с диваном, оказался в центре комнаты, и с каждой стороны от него располагались два складных стула. На полу стоял портфель – темно-зеленый, с ручкой, больше похожий на маленький чемодан. На нем были выгравированы золотые буквы: WISC-R.

Малкольм Блюстоун закрыл дверь и сказал:

– Садись, куда хочешь, Грейс.

Сам он устроился на стуле напротив девочки. Даже сидя, мужчина загромождал собой всю комнату.

– Вот так, – сказал Малкольм. – Тест разбит на разделы. В некоторых я буду засекал время с помощью вот этого. – Подняв портфель двумя пальцами, словно тот был не легче перышка, психолог достал оттуда круглые серебряные часы. – Это секундомер. В некоторых тестах я буду говорить тебе, что время вышло. Не стоит волноваться, если ты не закончишь. Я буду предупреждать тебя, когда нужно будет засекал время, ладно?

– Ладно, – согласилась Блейдс.

– Ладно... И еще одно. Если ты устанешь, или тебе понадобится в туалет, или ты захочешь пить... Воду я захватил. – Мужчина указал на несколько бутылок в углу. – Обязательно скажи мне.

– У меня все хорошо.

– Знаю, но если... Хотя неважно, Грейс, мне кажется, что ты умеешь позаботиться о себе.

* * *

Одни тесты оказались интересными, другие – скучными. Некоторые вопросы были такими легкими, что Грейс не могла поверить, что кто-то может не знать ответов. На трудные вопросы она, как ей казалось, ответила правильно. Один тест был на знание слов, как в школе, в другом нужно было складывать пазл. Девочка решала задачи по математике, как в школьных заданиях, рассказывала истории

по картинкам, составляла разные фигуры из цветных пластмассовых деталей...

Малкольм Блюстоун, как и обещал, всегда предупреждал ее, что должен включить секундомер. Грейс не обращала на это внимания – времени почти для всего было более чем достаточно, а когда она чего-то не знала, то не переживала – ведь профессор сказал, что может быть и такое. Кроме того, ей действительно было все равно.

– Отлично, вот и всё, – сказал Блюстоун, и Блейдс решила, что это относится ко времени выполнения очередного задания.

Но он выглядел усталым, а когда предложил ей воды, она отказалась.

– А я умираю от жажды, – сказал психолог и быстро выпил две бутылки.

Прикончив вторую бутылку, он прикрыл ладонью рот, чтобы спрятать отрыжку, но все равно издал тихий каркающий звук, и Грейс с трудом удержалась от улыбки.

Малкольм рассмеялся.

– Прошу прощения... У тебя есть вопросы?

– Нет, сэр.

– Совсем никаких, а? Послушай, я могу проверить все это за несколько минут и сказать тебе результат – то, что у тебя особенно хорошо получилось. Тебе интересно?

– Это поможет мне улучшить учебный план.

– Точно, – сказал мужчина. – Готов поспорить, тебе невероятно скучно.

– Иногда.

– Готов поспорить, почти все время. – Его большие медвежьи глаза выжидающе смотрели на Грейс, как будто он хотел, чтобы она с ним согласилась.

– Да, сэр, почти все время.

– Хорошо. Ты можешь пойти на улицу, подышать свежим воздухом, а я потом тебя позову.

* * *

Грейс его не послушалась – ей не нравилось выполнять чьи-либо указания, – а пошла на кухню, где Бобби, скособочившись, сидел в своем специальном кресле с ремнями, а Рамона пыталась скормить Эмбер кусочки яйца. Девочка мотала головой и ныла:

– Нет, нет, нет...

– Что, Грейс? – спросила хозяйка ранчо, увидев свою старшую воспитанницу.

– Можно мне сок, миссис Стейдж? – попросила та.

– Налей сама.

Бобби издал какой-то звук и снова стал пить молочный коктейль, который Рамона наливала ему в маленькие чашки, потому что у него не хватало сил удержать большую.

– Молодец, – сказала ему пожилая женщина, как маленькому ребенку. – Это вкусно.

Мальчик пил, причмокивая. А Эмбер все повторяла:

– Нет, нет, нет...

Грейс налила себе сок, подошла к мойке и посмотрела на пустыню, хотя мысли ее были далеко.

В тысячный раз она думала: *Особые потребности – она такая же, как остальные, но получает за это деньги.*

И задала вопрос, который беспокоил ее: *Какие у меня особые потребности?*

Бобби поперхнулся, закашлялся – Рамона бросилась к нему и тихонько похлопывала по спине, пока кашель не прошел. Эмбер заплакала, и Стейдж сказала:

– Секунду, милая.

Блейдс уже давно задумывалась, почему Бобби такой слабый и откуда у него проблемы с дыханием, но знала, что не стоит спрашивать Рамону о том, что ее не касается. Просто в один из дней, когда хозяйка дома на кухне пыталась напоить Бобби молочным коктейлем, она пробралась в его комнату и посмотрела, какие лекарства дают этому мальчику. Слова на этикетках ни о чем ей не сказали, а о кислородном баллоне рядом с кроватью она уже знала, как и о том, что кровать Бобби была с боковым ограждением, чтобы он не упал. Но Грейс заметила листок бумаги на комод с эмблемой в виде змеи, которую используют врачи, и поэтому решила посмотреть, что на нем написано.

Первая строка гласила: *Отчет о состоянии здоровья иждивенца: Роберт Эван Канова.*

Вторая строка начиналась со слов: *Белый, двенадцати лет, со множественными врожденными аномалиями...*

Девочка услышала, что Рамона поднимается по ступеням, и шмыгнула в свою комнату. Вечером того же дня она открыла большой словарь, нашла слова «врожденный» и «аномалии» и выяснила: Бобби родился с проблемами. Не очень понятно, но она предположила, что больше ничего узнать не сможет.

* * *

Малкольм вошел на кухню.

– Вот ты где... Готова?

Рамона посмотрела на него, и ее брови поползли вверх, как будто она тоже хотела быть посвященной в тайну.

Доктор Блюстоун ничего не заметил – он смотрел только на Грейс и своей огромной рукой указывал на дверь гостиной.

Допив сок, она вымыла и вытерла стакан, а потом последовала за ним.

– Витамин С, тебе полезно, – одобрил психолог.

* * *

Сев за стол, Малкольм сказал:

– Прежде всего я хочу сказать, что у тебя прекрасный результат – просто поразительный. – Он немного подождал и добавил: – Потрясающий.

– Хорошо, – сказала девочка.

– Посмотри на это так, Грейс: если б мы тестировали тысячу детей, ты, вероятно, была бы лучшей.

Мужчина снова замолчал, ожидая реакции.

Блейдс кивнула.

– Можно тебя спросить, что ты об этом думаешь? – поинтересовался ее собеседник.

– Прекрасно.

– Так и должно быть. У тебя потрясающий результат – более того, твои способности равномерны. Это значит, что ты превосходно справились со всем. Иногда люди отлично выполняют один раздел теста, но неважно справляются с другим. И это нормально, так и должно быть. Но ты везде показала великолепные результаты. Надеюсь, ты этим гордишься.

Грейс знала смысл слова «гордиться». Но для нее оно ничего не значило.

– Конечно, – сказала она.

Малкольм прищурил свои ласковые карие глаза.

– Позволь мне сформулировать это иначе. Тебе нет девяти, но в некоторых областях – на самом деле в большинстве – ты знаешь столько же, сколько четырнадцати- и пятнадцатилетние. В некоторых случаях даже семнадцатилетние. Я имею в виду, что у тебя невероятный словарный запас. – Психолог улыбнулся. – У меня есть склонность слишком много объяснять, потому что большинству детей, с которыми я имею дело, это нужно. Поэтому я постараюсь следить за собой в твоём присутствии. Например, не буду объяснять, что такое равномерный, когда ты точно знаешь, что означает это слово.

Слова сами выскочили из Грейс:

– Одинаковой формы, сорта или степени.

– Ты читаешь словарь, – улыбнулся Блюстоун.

У девочки все внутри похолодело. Почему он так быстро ее раскусил? Теперь психолог подумает, что она странная, и напишет это в своём отчете.

Или этот статус поможет ей, и ее зачислят в категорию подопечных со специальными потребностями, так что у миссис Стейдж будут дополнительные деньги, и Блейдс сможет остаться тут...

– Это *фантастика*, Грейс, – сказал Малкольм Блюстоун. – Потрясающий способ пополнить словарный запас, познакомиться со структурой языка, филологией, этимологией – откуда взялись слова, как они сконструированы... Я сам этим увлекался. В детстве, когда *мне* было скучно. А скучно мне было, должен признаться, почти всегда, потому что для таких людей, как мы – хотя мне до тебя далеко, – жизнь может стать жутко занудной, когда нас тормозят.

Именно с *этим* я намерен тебе помочь. Ты – гоночный автомобиль, а не велосипед.

Девочка расслабилась.

– Я серьезно, Грейс. Ты заслуживаешь особого отношения.

* * *

Через неделю Малкольм привез новые учебные материалы. Еще через неделю он спросил:

– Тебе понравилось?

– Хорошие, – ответила его подопечная.

– Послушай, если ты не возражаешь, я тебя еще раз протестирую – всего лишь несколько вопросов по этому материалу. Чтобы я знал, на каком этапе мы находимся.

– Ладно.

Задав десять вопросов, психолог улыбнулся:

– Ну что ж, явно пора двигаться дальше.

Пять дней спустя Рамона принесла в комнату Грейс посылку.

– От профессора, – сказала старушка. – Похоже, он думает, что ты очень умная. – Она достала из посылки учебник. – Это для колледжа, юная леди. Откуда ты столько узнала, чтобы добраться до такого уровня?

– Я читаю, – ответила Грейс.

Стейдж пожала плечами:

– Что ж, будем считать это объяснением.

* * *

Профессор прислал еще три посылки, а потом появился сам и спросил:

– Как дела?

Блейдс стояла у ограды вокруг зеленого бассейна и размышляла, не искупаться ли ей – потом ведь придется смывать слизь.

– Нормально, – сказала она.

– Я не собираюсь устраивать тебе экзамен, Грейс, – пока. Если ты скажешь, что знаешь весь материал, этого будет достаточно.

– Всего я не знаю.

Низкий, раскатистый смех шел у Блюстоуна откуда-то из глубины.

– Всего не знает никто. Худшего и представить себе нельзя, правда?

– Когда все знаешь? – Девочке казалось, что это было бы замечательно.

– Когда больше нечему учиться, Грейс. Я хочу сказать, что для таких людей, как мы, нет ничего важнее возможности учиться.

Малкольм повторял эти слова почти каждый раз. *Как мы*. Как будто они с Грейс были членами какого-то клуба. Как будто у него тоже были особые потребности.

– Да, сэр, – согласилась девочка.

Судя по его взгляду, Блюстоун знал, что она говорит это из вежливости. Но он не рассердился, а глаза его стали еще ласковее.

– Послушай, я хочу попросить у тебя об одолжении. Еще несколько тестов. Не по учебному материалу, другие.

– Ладно.

– И ты не хочешь спросить, что это будут за тесты?

– Вы не делаете уколов, – сказала Блейдс. – Вы не можете причинить мне боль.

Профессор раскатисто рассмеялся, откинув голову назад.

– Да уж, это совсем не больно, – сказал он, успокоившись. – Но эти тесты другие, у них нет правильных или неправильных ответов. Я покажу тебе картинки, а ты будешь сочинять по ним истории. Не возражаешь?

– Какие истории?

– Какие хочешь.

Глупость какая-то, подумала девочка и непроизвольно нахмурилась.

– Ладно, не проблема, – сказал Малкольм Блюстоун. – Забудем. Честно говоря, я не могу дать гарантию, что тебе это поможет.

Тогда зачем впускать тратить время?

– Это ради меня, Грейс. Я любопытен и пытаюсь понять людей, а эти тесты иногда помогают.

– Когда кто-то сочиняет истории?

– Верится с трудом, но это так, Грейс. Но если не хочешь, не нужно, это ничего не изменит в наших... Я по-прежнему буду привозить тебе учебные материалы.

– Я согласна.

– Это очень мило с твоей стороны, но лучше подумай немного, а в следующий раз скажешь.

– Я готова прямо сейчас, сэр.

– Знаешь, Грейс, не нужно называть меня «сэр». Разве что ты хочешь, чтобы я называл тебя мадемуазель, сеньорита или что-то в этом роде.

– Фройляйн, – слово само выскочило изо рта Блейдс.

– Ты знаешь немецкий?

– Оно было в материалах, которые вы прислали на прошлой неделе. «Приветствия на разных языках».

– Ага, – сказал психолог. – Похоже, мне стоит самому читать эти материалы. В любом случае в следующий раз...

– Я готова прямо сейчас, профессор Блюстоун.

– Тесты с картинками? Ты уверена?

Грейс посмотрела на зеленый бассейн. Водорослей было еще больше. После того как Малкольм уедет, ей не останется ничего другого, как приступить к новому учебнику.

– Конечно, – сказала она.

* * *

Профессор был прав – тесты с картинками действительно оказались странными. Это были не фотографии, а черно-белые рисунки от руки, по которым нужно было составлять рассказы. За ними последовали другие, со странными пятнами, похожими на летучих мышей или кошек. Пока Грейс рассказывала, Блюстоун что-то записывал в маленьком блокноте.

Когда она закончила, он сказал:

– Если ты не устала, мы можем заняться кое-чем другим. Будем проходить лабиринты – возможно, тебе это понравится.

– Ладно.

Малкольм принес еще тесты из своего коричневого универсала. Особого удовольствия Грейс они не доставили, но заполнили время, и когда профессор уехал, она заскучала.

Глава 21

Когда Грейс впервые приехала к Шошане Ярослав, то увидела, как маленькая хрупкая женщина, миловидная и выглядевшая невинно и молодо, гораздо моложе своих сорока, расправляется с мужчиной по имени Мак, раза в два более крупным, чем она. Он был одним из учеников Шошаны, вызвавшимся сыграть роль грабителя, – бывший военный врач с большими руками, мощным торсом и уверенностью парня, который может за себя постоять.

Ярослав двигалась с молниеносной быстротой, и было невозможно понять, что она сделала. Мак, лежа на мате, пытался восстановить дыхание.

– Какого черта я продолжаю это делать? – с улыбкой спросил он.

– Потому что ты джентльмен, – сказала Шошана.

Следующие несколько месяцев она знакомила Грейс со своими принципами самообороны и безжалостно гоняла ее, пока реакция ученицы не стала почти рефлексорной. Почти, но не полностью, подчеркивала наставница, потому что рефлекс «для низших животных, а ты должна все время думать».

Обладательница черных поясов в нескольких видах боевых искусств, Шошана выработала подход, который был очень прост – целиться в уязвимые места врага, – но требовал безумного объема тренировок. К боевым искусствам она относилась точно так же, как Делавэр: великолепная тренировка – это гораздо лучше, чем вообще не тренироваться, но вряд ли она позволит противостоять человеку с пистолетом, ножом или кастетом.

Во время второй тренировки Ярослав посмотрела на руки Грейс.

– У тебя прочные ногти?

– Думаю, да.

– Глупый ответ. Они слишком короткие, чтобы делать выводы. Отрасти их немного и посмотри, не будут ли они ломаться. Если всё в порядке, немного заостри их. Ничего слишком заметного – не стоит превращать себя в «женщину руки-ножницы». Просто заостри кончики, чтобы получились маленькие лезвия. А пока мы потренируемся с тем, что есть.

Шошана вышла в боковую дверь и вернулась со странного вида деревянной доской, площадью в три квадратных фута, с круглыми отверстиями. Второй рукой она прижимала к груди банку с мутной коричневатой жидкостью. Когда наставница открыла крышку банки, по залу распространился отвратительный запах: сточные воды и... протухшее барбекю?

Грейс передернуло от отвращения, когда маленькая рука каратистки погрузилась в мутную жидкость и выловила что-то круглое, серое и блестящее. Несколько зловонных капель упало на деревянный пол.

– Овечий глаз, – объяснила Шошана и, перевернув доску, продемонстрировала ряд металлических лунок на петлях позади каждого отверстия. Откинув одну лунку, она опустила в нее овечий глаз, плотно приладила его, а потом вернула лунку на место. Процедура повторилась еще шесть раз, и на доске оказались семь глаз, расположенных в произвольном порядке. Ярослав повернула доску к Грейс:

– Вперед.

– Что я должна...

Перехватив доску одной рукой, Шошана сделала неувимое движение другой. Казалось, овечьи глаза находятся вне поля ее зрения, но один из них лопнул.

– Ты проиграла, – сказала она своей ученице. – Пока ты задавала вопрос, тебе уже перерезали горло.

Рука Шошаны без предупреждения метнулась вперед, остановившись у шеи Грейс, перед ямочкой над грудиной. Указательный палец коснулся шеи в этом месте. Блейдс отшатнулась, но Ярослав подалась вперед, не прерывая неприятный контакт. Ученица попыталась отбросить ее руку, но через мгновение Шошана уже была у нее за спиной, касаясь сосцевидного отростка позади ее левого уха.

Грейс резко повернулась.

Наставница отступила, оказавшись вне пределов досягаемости: расслабленные руки в карманах широких штанов, беспечная, как туристка.

– Ладно, я поняла, – сказала Блейдс.

– Сомневаюсь, доктор. Не произносите слов, чтобы понравиться мне или кому-либо другому.

Грейс с трудом сдержала улыбку. *Возможно, ты очень крута, но ты меня не понимаешь.*

Она сделала выпад к доске. Промахнулась, попала в дерево, подавила резкую боль в пальцах и повторила попытку, вложив в удар весь свой вес.

Проклятье, в эти маленькие штуковины не так-то просто попасть! Ученица сразу поняла, что промахнулась. Выбрала другой глаз и снова ударила.

В этот раз ее палец преодолел тонкий барьер похожей на пластик оболочки, которая лопнула от удара, и до первого сустава погрузился в холодное желе. Слизь потекла по руке, и Грейс выдернула палец. Зловоние в комнате усилилось.

Шошана Ярослав укрепила доску в подставке на столе. Сохраняя бесстрастный вид, она разделалась с остальными глазами быстрее, чем Грейс с одним.

– Это полезно, давайте продолжим, – сказала ее ученица.

– Правила здесь устанавливаю я, – возразила Ярослав. – А вы просто ждете, пока я покажу, что делаю с яичками.

* * *

Грейс давно не вспоминала Шошану, но теперь, когда она под покровом темноты отъезжала от офиса, в ее голове звучал звонкий, почти детский голос:

Если ты не сделаешь кое-что с самого начала, то потеряешь время. Если тебе кто-то угрожает, нападай первой.

Доктор Блейдс поехала в Малибу другой дорогой – Уилшир, Сан-Висенте, Ченнел-роуд и прибрежное шоссе, – внимательно следя за всеми и за всем до самого Ла-Коста-Бич. Она так сосредоточилась, что у нее начала болеть голова, – и это было хорошо.

На всем пути ничего необычного не произошло, а когда она мчалась мимо своего дома, то не заметила никаких признаков проникновения. Это не значило, что кто-то не мог взломать замок и

войти. Но и в этом случае они не узнали бы ничего такого, что могло ей повредить.

Развернувшись у Транкас-Бич, психотерапевт поехала назад, в город, и через семьдесят минут была уже около своего офиса. Она ездила кругами, держась подальше от коттеджа, и наблюдала.

Солнце проглядывало сквозь пушистые серые облака. Модные жители Западного Голливуда выгуливали модных собак или бегали трусцой. Никто не проявлял интереса ни к чему, кроме физических упражнений и собачьего дерьма, а «Крайслера 300» нигде не было видно. Хотя машина, преследуя Грейс, врезалась в откос у дороги, и если повреждения оказались серьезными, мистер Здоровяк мог сменить «тачку».

Интересная игра: анализ, исключение переменных.

Еще два круга – и Блейдс убедилась, что все чисто. Она миновала бульвар Сансет, свернула на север на Лорел-Кэньон и к девяти утра оказалась в Вэлли.

* * *

Позавтракала Грейс блинчиками и яйцами в кофейне в Энсино. Иногда ей хотелось испытать чувство насыщения, и она позволяла себе сахар и крахмал.

Или – эта мысль впервые пришла ей в голову – она предпочитала блинчики потому, что их ел Малкольм, когда они познакомились...

Сразу же вспомнились цвета – зеленая вода, красные комнаты, потом коричневый, похожий на медведя Малкольм Блюстоун, – и в глазах у Блейдс защипало.

Аппетит пропал. Она оставила деньги на столе и ушла.

Проверив парковку у кофейни – скорее ради тренировки, а не из-за беспокойства, – Грейс поехала на запад по бульвару Вентура, выехала на шоссе 101 на пересечении с бульваром Резеда, добралась до Калабасаса и сняла номер в отеле «Хилтон Гарденс», воспользовавшись скидкой на номера с большими двухспальными кроватями.

Четырнадцать миль от побережья – вполне достаточное расстояние, чтобы не волноваться.

Посетив тренажерный зал отеля, психотерапевт приняла душ у себя в номере, надела один из двух халатов, висевших в туалете, включила ноутбук и подключилась к вай-фаю «Хилтона».

Попытка установить личность Эндрю с помощью фальшивого имени, скорее всего, будет пустой тратой времени. Но жизнь постоянно преподносит уроки, демонстрируя, что самонадеянность до добра не доводит, так что попытаться она обязана.

Поиск по «эндрю тонер» вылился в полчаса тщетных попыток – результатом стала та же бесполезная информация, о которой ей говорила Элин Хенке.

Следующий шаг. Попробовать «роджер», имя, которым этот человек назвался в «Опусе», в сочетании с «инженер-строитель» и разными городами в Техасе, начиная с Сан-Антонио. Получился список из восемнадцати имен. Одиннадцать имели аккаунты в «Фейсбуке» и «МайСпейс», с фотографиями – их можно было исключить. Час спустя Грейс узнала на сайтах деловых знакомств телефонные номера остальных семи. Воспользовавшись одним из трех купленных телефонов, она обзвонила всех. Четыре человека ответили сами. Три секретаря ответили примерно одно и то же: «Подождите, я посмотрю, свободен ли мистер [заполните пробел]».

Тупик.

Блейдс попробовала составить пары из имени Роджер и слов «убийство», «убийца» и «изнасилование». Невероятное количество Роджеров совершили тяжкие преступления, и Грейс потребовалось два часа, чтобы исключить их.

Последней итерацией стало сочетание этого имени со словами «брат» и «убийца». Это привело к католическому священнику, который зарезал монашку – двадцать лет назад, в Кливленде.

С предварительными исследованиями покончено. Лучший вариант – выследить своих преследователей. Если они снова придут за ней, то, скорее всего, в офис, и, вероятно, под покровом темноты. Заперев дверь на два оборота, Грейс надела повязку на глаза и мгновенно заснула. Проснувшись в пять вечера, она оделась, вышла из отеля через черный ход, ведущий на парковку, и внимательно изучила окрестности.

Торговые кварталы вперемежку с технопарками. Соседний стрип-молл предлагал достойное восхищения разнообразие еды, но Грейс

зашла в ничем не примечательное тайское кафе, окна которого выходили на улицу, и заказала холодный чай и воду.

Вернувшись в номер, она подождала, пока пройдет час после захода солнца, а затем взяла из гаража «Джип» и повторила тот же самый путь из Малибу в Западный Голливуд, которым следовала двенадцать часов назад. Проехав по кольцевому шестидесятимильному маршруту четыре раза, она остановилась на заправке.

Блейдс старалась по возможности разнообразить маршрут, но заканчивался он всегда на прибрежном шоссе.

Она сделала еще один круг.

Ни намека на странности.

Плохо. Это могло продолжаться до бесконечности.

Глава 22

Потом все изменилось.

На пятом круге она заметила его, знакомый приземистый силуэт седана – это действительно был «Крайслер 300», темно-серый, с тонированными стеклами. Машина стояла за полквартила к востоку от офиса Грейс.

Передний бампер погнут, но в остальном целехонек.

Использовать ту же машину – потрясающая беспечность.

Или самоуверенность. Тем лучше.

Женщина проехала мимо, внутренне напрягшись. Она только что миновала коттедж – свет в нем не горел, а на обеих дверях не было заметно следов взлома. Какой у преследователя план на сегодняшнюю ночь? Проникнуть внутрь, изъять записи и уйти? Или затаиться и ждать хозяйку?

А может, и то и другое?

Предположив худшее, Грейс проехала дальше на восток и оставила машину в двух кварталах позади «Крайслера». Забрав все необходимое из «Джипа», она вылезла наружу и потянулась, а потом пошла к коттеджу, стараясь неслышно ступать резиновыми подошвами кроссовок и по возможности держаться в тени.

Через двадцать три минуты из седана кто-то вышел. Дверца захлопнулась. Громко. Никакой маскировки. Блейдс явно недооценивают, но она не повторит этой ошибки.

Врач смотрела, как к коттеджу небрежной походкой идет мужчина. Чуть выше среднего роста, но не массивный и не особенно широкий.

Их явно было двое.

Этот мужчина тоже старался держаться в тени.

Грейс кралась за ним.

* * *

Мужчина подошел к той стороне участка, где находился гараж, быстро оглянулся, извлек что-то из кармана и шагнул к гаражной двери, после чего опустился на колени и принялся за дело.

Это происходило совсем не так, как в кино. Ему потребовалось какое-то время, чтобы справиться с замком, но в конечном итоге он вошел.

Ворота беззвучно закрылись. Теперь он был осторожен.

Сработал инстинкт охотника, приближающегося к жертве?

Убедившись, что за ней не следят, Грейс подошла к воротам и остановилась в нескольких футах от них. С другой стороны кедровых планок не доносилось ни звука. Вероятно, ее преследователь в доме – но как ему удалось отключить сигнализацию? Опытный человек...

Некоторое время Блейдс стояла, прислушиваясь и следя за улицей, а потом достала ключ и приоткрыла ворота. Подождала. Распахнула их чуть шире. Подождала еще.

Ни звука, ни шороха травы.

Он явно внутри. Она стала ждать, когда зажжется свет или послышится какой-нибудь звук.

Ничего. Тишина. Возможно, он крадется в темноте, включив фонарик, – как и она сама.

Грейс открыла ворота еще шире и скользнула во двор.

Слева появилась рука, обтянутая полиэстером и твердая, как сталь, – она обхватила женщину за шею.

Блейдс с размаху опустила пятку на то место, где должен был находиться подъем ноги нападавшего.

Мужчина, пытавшийся схватить ее за шею, зарычал и на мгновение замер. Но резиновые подошвы кроссовок, в отличие от острых каблуков, не годились в качестве оружия.

– Тупая сучка, – прошипел незнакомец.

Грейс почувствовала, как его вторая рука отпустила ее поясицу, а потом услышала *щелчок*. Он собирался пырнуть ее ножом.

Подняв руки, она согнула пальцы и попыталась достать его глаза, но это у нее не получилось. Тем не менее сам факт атаки ошеломил мужчину – он зарычал и покачнулся. Со второй попытки Грейс дотянулась до его лица, глубоко вонзила в него ногти и изо всех сил рванула пальцы вниз, стараясь содрать кожу. Почувствовала теплую кровь.

Он вскрикнул от боли, ослабил хватку, и Блейдс высвободилась из его рук. Теперь они смотрели друг на друга.

Его лицо было плохо различимо в слабом свете звезд. Лет сорока, угловатое лицо, искаженные болью и яростью грубые черты; левая рука прижата к кровавым полосам, которые Грейс оставила на его правой щеке.

В правой руке нож, обоюдоострый, вероятно, с выкидывающимся лезвием.

– Проклятая сука! – зарычал мужчина и бросился на нее.

Сад – маленький, скрытый от глаз соседей, – должно быть, казался ему идеальным местом для убийства. Улыбаясь сквозь боль, он продолжал наступать. Движения его были медленными и уверенными.

Блейдс специально старалась делать то, чего он от нее ждал.

– Не трогайте меня, пожалуйста, – прошептала она и попятилась.

Это придало ее противнику смелости. Размахивая ножом, он вынудил ее отступить к дальней стене сада. Теперь женщина оказалась в западне – она была беззащитна перед ножом, как ростбиф. Уверенность сделала движения мужчины небрежными.

Грейс удивила его, бросившись вперед.

Она направила свое тело прямо на лезвие ножа, и это – как она и рассчитывала – застало его врасплох. Незнакомец посмотрел на свое оружие, словно не мог понять, почему оно больше не пугает ее.

Блейдс отклонилась вправо. Теперь ножа перед ней не было, а в руке она сжимала любимую маленькую «Беретту» 22-го калибра, одиннадцать с половиной унций смерти – оружие было у нее в руке с тех пор, как она вошла в сад.

Пистолет, который высмеивала Шошана. *С таким же успехом ты можешь дать плохому парню пощечину.*

Но для миниатюрного оружия всегда есть свое место и время – и полагаться на чужое мнение нельзя.

Тот, кто собирался ее убить, был лишен воображения. Не глядя на ее руку, он зарычал и бросился вперед. Грейс уклонилась, и лезвие со свистом рассекло воздух.

Прежде чем мужчина успел восстановить равновесие, врач шагнула к нему и прижала короткий ствол «Беретты» к его груди. Зная, что нашла место, где находится сердце, она спустила курок и отпрыгнула назад.

Одежда и тело заглушили звук выстрела, но резкий хлопок все же был хорошо слышен в тишине раннего утра. Блейдс надеялась, что стрелять больше не придется.

Мужчина замер. На его лице отразилось удивление. Руки безвольно опустились. Нож упал на траву.

Потом он наклонился вперед и упал ничком. Лицо его все еще кровоточило.

Психотерапевт подождала немного и, увидев, что он не шевелится, подошла и надавила ногой ему на спину.

Никакой реакции. Готов – как и должно было быть. Грейс проверила пульс. Отсутствует. Она с силой пнула убитого.

Явно мертв.

Стоя над трупом, женщина оценивала ситуацию. Рана на щеке и пулевое отверстие располагались на ее ухоженной лужайке.

Нужно найти способ очистить траву.

Помимо всего прочего.

Глава 23

Один готов. Остался еще один?

Оставив мертвого мужчину в саду и прижимая к боку пистолет, Грейс выскользнула за ворота. На этот раз она была готова к неприятному сюрпризу.

Улица была пуста.

Блейдс пошла на запад – в противоположную от «Крайслера» сторону, – свернула за угол, прошла мимо коттеджа и убедилась, что там никого нет, а затем на ближайшем перекрестке повернула направо. Через какое-то время заняла позицию за полквартила позади приземистого седана.

Грейс чувствовала себя целеустремленной, сильной и беспощадной – такого с ней раньше никогда не было.

Возможно, тяжесть того, что она совершила – лишила человека жизни, – вскоре навалится на нее, но в данный момент ей было плевать на ублюдка, который, скорее всего, лишил жизни Эндрю.

Вместе со своим жирным другом.

Она была жива.

Теперь я не только дочь убийцы.

Грейс подобралась ближе к «Крайслеру» и, понимая, что через тонированные стекла не сможет ничего увидеть, все равно подошла к машине и остановилась у заднего бампера. Сжимая в руке пистолет, она пнула бампер.

Никакой реакции.

Второй удар был сильнее. Машина осталась таким же бесстрастным, неодушевленным предметом, как и прежде.

Низко пригнувшись, доктор подкралась к переднему пассажирскому окну, направила «Беретту» в стекло и постучала костяшками пальцев.

Тишина.

Она попыталась открыть дверцу. Заперта. Со стороны водителя тоже.

Если Здоровяк внутри, он проявил бы себя. Тем не менее Грейс отошла от машины и стала ждать. Десять минут, двадцать, тридцать,

сорок...

Значит, сегодня на дело отправился один человек. Возможно, Здоровяк получил травму, когда врезался в откос.

Или с ним все в порядке – просто они считали Блейдс легкой добычей. Проникнуть в ее дом, изъять записи, а если мистеру Средневесу повезет и он найдет ее, то перерезать ей горло и выбросить тело в грязном, убогом районе.

Отличный план.

Теперь один из них – мертвец.

Глава 24

Вернувшись в сад, Грейс обогнула труп и зашла в дом через заднюю дверь. Отперев замок и выключив сигнализацию – напавший на нее мужчина не заходил внутрь, – она направилась в туалет для пациентов и достала из-под раковины коробку с резиновыми перчатками. Ими пользовалась Эсмеральда, женщина, которая раз в неделю приходила убирать в этом доме.

Это будет через три дня, подсчитала психотерапевт.

Куча времени.

Вернувшись в сад, она надела перчатки и посветила фонариком на труп. Выходного отверстия нет – как и предполагалось. Тем не менее Грейс ощупала его спину, но не нашла даже вздутия. Переместив луч на лужайку, она стала высматривать гильзу и в конечном счете нашла ее в траве, в нескольких футах от тела.

Спрятав находку в карман, Блейдс опустилась на колени рядом с трупом, осторожно перевернула его на спину и посветила ему в лицо.

Первое впечатление подтвердилось: около сорока лет, нечем не примечательное, немного грубоватое лицо, двух- или трехдневная щетина, короткая стрижка ежиком, волосы темные на макушке и седеющие на висках.

Раны от ногтей Блейдс были глубокими, но на удивление бледными и кровоточили не очень сильно. Ей казалось, что ущерб должен быть больше. Потом она поняла: остановившееся сердце не доставляло кровь к коже.

Куртка из полиэстера – обычная, если не считать дыры на левой груди. Неровные края ткани испачканы кровью, но не слишком сильно.

На мужчине были темные брюки с накладными карманами, как и на Грейс, – возможно, по тем же причинам. На ногах тоже кроссовки.

Рабочая одежда... Мистер Нож встречается с доктором Лезвие^[6]

...

Кстати, о ноже. Женщина нашла его, вытерла, положила на траву и расстегнула куртку на трупе. Под курткой была светлая футболка с треугольным вырезом. Карманов у куртки не имелось. Зато в карманах брюк обнаружили сотовый телефон, стальное кольцо с десятком

тонких отмычек, короткая цепочка с четырьмя ключами, а также брелок автомобильной сигнализации с эмблемой «Крайслера».

Грейс снова посмотрела на нож. Маленький, с выкидным лезвием – какая мерзость!

И отогнала мысль: *А могло быть и наоборот – он смотрел бы на меня сверху вниз.*

Она снова выскользнула на улицу, внимательно огляделась и, не заметив ничего подозрительного, пошла к «Крайслеру». Открыла машину с помощью брелока и немного подождала.

Ничего.

Пора взглянуть.

Внутри было чисто, но в отделении для перчаток Грейс нашла толстый бумажник и большой сложенный конверт из коричневой бумаги, скрепленный шнурком, пропущенным через ушко. В багажнике оказалось оружие в черных нейлоновых чехлах: дробовик, винтовка и пистолет стального цвета, больше и тяжелее, чем ее «Глок».

Он приехал с целым арсеналом, но оставил огнестрельное оружие в машине.

Предпочел нож, а не пистолет...

Самоуверенность или желание избежать лишнего шума?

В любом случае ей повезло, решила Грейс. За два раза она перенесла оружие и другие находки из «Крайслера» к себе в сад, а потом протерла машину.

Теперь вид мертвого тела успокаивал Блейдс. Когда-нибудь она подумает, как это ее характеризует. Теперь же самоанализ – враг. До рассвета осталось три часа, и это время нужно использовать с толком.

* * *

Еще одна прогулка по безмолвной улице привела Грейс к арендованному «Джипу». Не включая фар, она медленно подъехала к гаражу, открыла пультом ворота, задом заехала на то место, где раньше стоял «Астон Мартин», и еще одним нажатием кнопки скрыла себя от посторонних взглядов.

Быстрый осмотр тела не выявил кровотечения, но когда женщина приподняла плечи трупа, то увидела темное влажное пятно на траве напротив груди. И еще одно пятно, поменьше, в том месте, где кровь текла из ран на щеке.

Красная роса.

Вернувшись в дом, психотерапевт взяла несколько прочных черных мешков для мусора, которые принесла Эсмеральда, и рулон клейкой ленты, которой она пользовалась несколько лет назад, когда в ожидании водопроводчика на скорую руку устранила протечку в кухонной раковине.

Надев два мешка на голову мистера Ножа, она соорудила импровизированный капюшон, а затем плотно перевязала его лентой. Мешки были слишком маленькими, и все тело в них не помещалось, поэтому Грейс разрежала один мешок на три прямоугольника, так что получилась трехслойная повязка, которую она плотно обмотала вокруг раны на груди убитого. Еще два мешка, надежно закрепленные на запястьях и бицепсах, скрыли его руки.

После этого Блейдс встала, оценивая свою работу. Лежащая на земле фигура напоминала персонаж из фильма ужасов. Если прорезать два отверстия для глаз, он превратится в безумного убийцу. А пока он – несчастная жертва, и Грейс это устраивало.

Теперь – самое трудное. Она была сильной для своей комплекции, но труп все равно оказался слишком тяжелым. Разрезав еще один мешок, Блейдс довольно долго возилась, просовывая его под тело. Потом сделала из клейкой ленты, намотав ее в четыре слоя, петли на уровне груди и коленей – ручки для переноски.

Блейдс надеялась, что пластик уменьшит трение и она без труда протащит тело двадцать футов до гаража. Но петли соскальзывали, и ей пришлось потрудиться. Дотащив свой груз до задней дверцы «Джипа», она вернулась за оружием и остальными вещами, принесенными из «Крайслера», и положила их на пол за передним сиденьем. Потом опустила заднее сиденье, преследуя две цели – освободить пространство для груза и скрыть его от любопытных глаз.

Задыхаясь от напряжения, Грейс погрузила труп в машину. После чего остановилась, чтобы перевести дух, и с мрачной гордостью посмотрела на изготовленную ею мумию. Проверила коврик – не

протекла ли на него кровь, – но ничего не увидела. Хотя не стоило себя обманывать: при анализе ДНК следы найдутся.

Вернувшись в сад, Грейс с помощью шланга смыла темные пятна с травы – напор воды она сделала слабым, чтобы не шуметь. Наконец вся кровь была смыта в клумбы у восточной стены дома. Доктор вернулась в гараж за лопатой и аккуратно взрыхлила землю на клумбах, пока та не приняла прежний вид. Тщательный осмотр лужайки на четвереньках выявил несколько капель крови, засохшей на травинках. Вооружившись фонариком, маникюрными ножницами и пакетом для сэндвичей, Блейдс постригла траву, сложила срезанные стебли в пакет, а потом – в два мешка для мусора и запечатала эти мешки клейкой лентой. Невесомый пакет поместился в карман ее брюк. Туда же отправился нож, чуть не убивший ее, – со спрятанным лезвием он представлял собой короткий черный прямоугольник.

Грейс потратила еще несколько минут, внимательно осматривая двор, но не нашла никаких признаков беспорядка.

Столкновение с мистером Ножом длилось несколько секунд – даже не минут.

Они исполнили смертельный танец, причем каждый думал, что ведет он.

Вернувшись в гараж, Блейдс закрыла заднюю дверцу «Джипа», села на водительское сиденье и уехала.

* * *

Возвратившись в Вэлли, на этот раз на Бенедикт-Кэньон, она выехала на шоссе 101 еще до отеля «Хилтон» в Калабасасе, а затем свернула на бульвар Топанга-Кэньон. На севере находились пригороды, а на юге – опасный каньон, конечная цель ее путешествия.

Извилистая дорога, соединявшая старую и новую части района, была опасна, если не знать, куда едешь. Грейс сотни раз проезжала здесь ночью, на большой скорости проходя крутые повороты и давая мотору «Астон Мартин» показать себя.

Слева тянулся склон холма. Справа – тоже, но в некоторых местах он неожиданно обрывался в пропасть глубиной до тысячи футов.

Не впишешься в поворот – и ты труп.

Несколько раз Блейдс, доверяя своей интуиции и памяти, закрывала глаза и мчалась по краю обрыва.

Теперь она внимательно следила за дорогой.

* * *

На всем пути ей не встретилось ни одной машины, но она видела нескольких оленей, в том числе самца с ветвистыми рогами, который как будто фыркал на нее. Когда Блейдс была уже недалеко от цели, над обрывом промелькнул похожий на собаку силуэт – либо детеныш койота, либо лиса.

Сбросив скорость, Грейс высматривала съезд. Увидев то, что ей было нужно, она промчалась чуть дальше, свернула на обочину, с трудом развернулась, проехала назад около мили и затормозила на узкой полоске земли, тянувшейся параллельно обрыву.

Там Блейдс остановила машину в нескольких дюймах от зияющей пропасти и, не глуша двигатель и не включая фары, вышла, открыла заднюю дверцу и выгрузила на землю завернутое в полиэтилен тело. Потом, тяжело дыша, с помощью ног и обтянутых перчатками рук подкатила труп к обрыву.

Место было выбрано правильно: хороший обзор в обоих направлениях и крутой обрыв, увеличивавший шансы на долгое, беспрепятственное падение.

Она подождала немного и, убедившись в отсутствии приближающихся фар, собралась с духом и столкнула тело. Послышался удар, за ним шелест, а потом удары стали чаще, как ускоряющаяся барабанная дробь.

Наконец все стихло.

Если повезет, его найдут не скоро. Или никогда не найдут. В любом случае Блейдс не видела, как этот труп можно связать с ней.

Отъехав на несколько ярдов, она остановилась, пешком вернулась назад и фонариком осветила место, куда опустила тело. Отпечатков подошв не осталось – почва была слишком плотной, – а следы от шин на земле она затерла.

Вернувшись к «Джипу», Грейс снова развернулась, проехала несколько миль на юг, остановилась и выбросила из окна винтовку.

Через несколько минут за винтовкой последовал пистолет.

Еще пять минут – и в пропасть полетела испачканная кровью трава.

Продолжая ехать на юг, психотерапевт добралась до пересечения бульвара Топанга-Кэньон с прибрежным шоссе.

Очевидно, ей никуда не деться от этого места.

Возможно, по сути своей она просто обычная калифорнийская девчонка.

* * *

Грейс проехала пятьдесят миль на север, до Окснарда, и промчалась по темным сельскохозяйственным окраинам города, расположенного в песчаной бухте. Нож полетел через забор из рабицы на клубничное поле. Может быть, какой-нибудь сборщик ягод найдет его и использует для самозащиты.

Новым домом для дробовика стал один из шести контейнеров для мусора перед зданием импортера электроники в индустриальном парке у Стёрджис-роуд. В парке никого не было, и Блейдс забралась на контейнер, чтобы перевернуть его содержимое. Она спрятала оружие, набросав сверху картон, бумагу и упаковочную пленку, похожую на салат из целлулоида.

Потом направилась к Камино-дель-Сол, а бульвар Дель-Норт вновь вывел ее на шоссе 101.

В пять сорок восемь утра Грейс вернулась в свой номер в «Хилтоне».

Глава 25

Подкрепившись бутылкой воды, четырьмя конфетами с кофеином и тремя кусочками индейки, Грейс разложила вещи врага на маленьком столике напротив широкой кровати.

Первым делом – бумажник. Дешевая черная кожа, потрескавшаяся по краям. Обыкновенный, туго набитый. Во внутреннем отделении – действующие водительские права штата Калифорния на имя Белдрима Артура Бенна; спрятаны, но не слишком тщательно. Черты лица и возраст – как у мужчины, которого она застрелила. Более длинные волосы и усы не мешали опознанию: это был он.

Белдрим. Неподходящее имя для убийцы.

Прикончи суку, Белдрим.

А может, его звали Белл? Дрим? Билл?

Грейс решила мысленно называть его Биллом.

Билл Бенн, любитель развлечений.

Уже нет.

Внезапно женщину охватила злость. А потом это чувство постепенно ослабло, уступив место другому – панической незащитности.

Наконец к ней пришло осознание, что она была на волосок от смерти. Мерзкий маленький нож вонзается в нее, проворачивается, рвет внутренности... Просто так, без причины.

Блейдс стало холодно. Руки у нее задрожали, голова закружилась, и волна тошноты разлилась по всему телу, так что она ухватилась за подлокотники стула и начала медленно дышать, пытаясь привести в равновесие вегетативную нервную систему.

Сначала тело, потом разум... Вот так, уже лучше... Нет, не лучше.

Наверное, рвота принесла бы облегчение, но Грейс подавила приступ тошноты.

Прошло довольно много времени, прежде чем она почувствовала себя почти нормально.

Помогла маленькая импровизированная мантра, повторенная шесть раз подряд.

Билл Бенн больше не любит развлечений.

Гори в аду.

* * *

На водительском удостоверении Бенна вместо адреса был указан почтовый ящик в Сан-Франциско.

В бумажнике не оказалось ни кредитных карт, ни каких-либо документов, зато он был туго набит деньгами.

Грейс насчитала девятьсот сорок долларов двадцатками и пятидесятками, прибавила купюры к своим денежным запасам – победитель получает все – и передвинула ставший тонким бумажник в правую часть стола.

Затем она занялась сотовым телефоном Белдрима, но ее надежды растаяли, когда Блейдс увидела, что это дешевая одноразовая модель, точно такая же, как купила себе она сама, и в памяти там не записано ни одного звонка.

В памяти цифровой камеры тоже не было ни одной фотографии.

Убийца Билл пришел на встречу с девственно чистым снаряжением. Насколько доктор могла судить, водительские права были фальшивыми – настоящая фотография в сочетании с ложной информацией.

Она набрала в поисковике «белдрим артур белл» и получила одну-единственную ссылку на семидесятишестилетнего мужчину, который умер два года назад в Коллинсвилле, в штате Иллинойс. Краткий некролог в «Коллинсвилл геральд». Покойный Белдрим был плотником. У него остались дочь Мона и сын, Белдрим А. младший.

Возраст подходил.

Вдова или жена не упоминалась. Вероятно, этот плотник развелся с матерью Белдрима-младшего.

Возможно, это твое настоящее имя. Или ты украл документы у какого-то бедняги.

Добавив «младший» к ключевым словам поиска, Грейс нашла две ссылки, причем в обеих указывалась должность Белдрима Бенна-младшего, управляющий производством в «Аламо Эджастментс» в Беркли, штат Калифорния. Ни одного указания, чем занимается компания.

Что-то секретное?

Аламо, как будто в память о... прошлых обидах?

Потом психотерапевт поняла, что искать нужно в Сан-Антонио. Интересно, Эндрю просто брал ассоциации из своей памяти или действительно жил там?

Грейс ввела «аламо эджастментс», ожидая ссылок на сайт, социальную сеть, контакты в «ЛинкдИн» или что-то подобное.

Ничего.

Зарегистрировавшись на сайте, предоставлявшем платный доступ к старым телефонным справочникам, она нашла пятилетней давности адрес компании на Сентер-стрит в Беркли. Значит, компания действительно существовала.

Аламо. Крепость. Благие намерения, безнадежное дело. Катастрофа^[7].

Эджастментс... Коррекция... чего? Единственная ассоциация, возникшая у Блейдс, была связана с хиропрактикой, но двадцать минут поиска в этом направлении не принесли результата.

Вернемся к самому Бенну. Что-то тайное, секретное... хай-тек... биотехнологии? Опасность отравления, о которой узнал и собирался рассказать Эндрю?

Беркли, средоточие колледжей, концентрация хай-тека... Но Грейс не могла избавиться от ощущения, что Эндрю Тонер пришел к ней из-за проблем с родственником. Близким родственником.

Какое-то время она размышляла об этом.

Эндрю убили. Возможно, Билл. Или его сообщник, здоровяк, который преследовал ее на прибрежном шоссе.

Билл мертв.

Преимущество того, что ублюдок путешествовал тайно и налегке: скорее всего, оружие у него незарегистрированное, и его сложно проследить.

Женщина изучила ключи на короткой цепочке. Три от обычных замков и один от «Крайслера». Никаких бирок.

В мусор.

Теперь конверт.

Пакет был тонким. Когда врач открыла его и встряхнула, из него выпал листок бумаги.

Белый лист с текстом, распечатанным с компьютера. Краткое досье на Грейс: имя, адрес и телефон офиса, профессиональная квалификация и зернистая черно-белая фотография, загруженная с главной страницы сайта факультета психологии Университета Южной Калифорнии.

Снимок семилетней давности, сделанный сразу после того, как она окончила аспирантуру и ей предложили остаться в качестве преподавателя. Самый молодой выпускник в истории факультета, удостоенный такой чести, как сообщил ей Малкольм.

Они втроем – Малкольм, Софи и она – отмечали окончание учебы роскошным обедом в «Спаго» в Беверли-Хиллз, когда он объявил об этом. Софи тихо улыбалась, а Малкольм приканчивал третий «Манхэттен» со льдом и сиял от удовольствия.

Грейс ковыряла креветочный коктейль и удивлялась, что не чувствует ничего особенного, но радовалась, наблюдая за ними.

Она заслужила это предложение работы, хотя наука ее не привлекала – у нее был практический склад ума.

Как бы то ни было, Малкольм и Софи были счастливы, и Блейдс с удовольствием вспоминала о том дне... Не отвлекайся, девочка. Грейс стиснула зубы, и ее мозг подчинился телу. Снова почувствовав тошноту, она решила вернуться «к основам» и внимательно изучила снимок, которым пользовался Билл для ее идентификации.

В то время она носила длинные волосы, до пояса, прямые и слегка распушенные на концах. По требованию фотографа Блейдс собрала их в «хвост», чтобы «показать нам ваше милое лицо, доктор».

Между снимком семилетней давности и ее теперешней внешностью разница была не слишком велика – старела Грейс медленно. Что облегчило задачу Биллу Бенну-младшему. И тому, кто придет ему на смену.

Разорвав листок на полоски, а потом каждую еще пополам, Блейдс присоединила клочки к куче мусора. Затем еще раз встряхнула конверт, и хотя из него ничего не выпало, она все равно заглянула внутрь. И заметила маленький бумажный квадратик, застрявший в нижнем углу.

Энергичное встряхивание не помогло, и доктор, сунув руку в конверт, ухватила этот клочок двумя пальцами. И извлекла наружу неровно вырезанный из газеты квадратик шириной около полутора дюймов.

Бумага была пожелтевшей и хрупкой – когда Грейс взяла ее, на стол посыпались золотистые чешуйки. Положив квадратик на стол, она стала внимательно его изучать.

Кусок черно-белой фотографии, очевидно, вырезанный из большего по размеру снимка.

На нем синими чернилами было обведено лицо мальчика лет десяти-одиннадцати. Круглое лицо с приятными симметричными чертами и широко расставленными светлыми глазами. Огромная грива белокурых волос спадала на лоб, закрывая брови. Густые вьющиеся пряди спускались на грудь.

Мальчик, утонувший в волосах.

Он смотрел прямо перед собой, но не в фотоаппарат. Глубоко посаженные, запавшие глаза, как будто принадлежавшие старику, были расширены от страха.

Вид у него был жалкий. Дикий.

Знакомый.

Теперь Грейс поняла, где она впервые увидела мужчину, который назвал себя «ищущим искупления».

Глава 26

Девятый и десятый дни рождения Грейс были отмечены воздушным, но безвкусным бисквитом и чудесным шоколадно-мятным мороженым, которое подавали на ярких бумажных тарелках на кухне ранчо.

Она знала, что миссис Стейдж старалась устроить ей праздник, но каждый год в доме жили разные дети, причем одни были слишком малы и не понимали, что происходит, а другие много плакали и были не в настроении веселиться.

В первый раз, за неделю до девятого дня рождения Грейс, Рамона спросила, какой торт она предпочитает.

– Бисквитный, пожалуйста, – ответила девочка, потому что хозяйка ранчо всегда пекла бисквиты, и хотя вкус у них был не очень, Блейдс знала, что она справится с ним без труда.

– Конечно, Грейс, я испеку. А как насчет глазури? Шоколадная, ванильная? Любая, на твой вкус – если скажешь «Пина колада», я постараюсь ее найти.

Вкус не имеет значения. Дни рождения не имеют значения.

– Шоколад подойдет, – сказала будущая именинница.

* * *

Подопечные приезжали и уезжали, как автомобили на стоянке у торгового центра. Многих забирали быстро, еще испуганных и растерянных. Если новые дети о чем-то спрашивали Грейс, она старалась им помочь – когда у тебя есть знания, тебя считают старше. Она также кормила и переодевала малышей, когда их было слишком много, а Рамона не справлялась, а кроме того, научилась агукать и напевать, успокаивая их.

Все эти обязанности Блейдс взвалила на себя сама. Знакомиться с кем-то не было никакого смысла: чем больше времени она была предоставлена сама себе, тем лучше.

В основном Грейс читала и гуляла. Когда солнце начинало садиться, пустыня расцветивалась самыми разными красками. Ей больше всего нравился ярко-красный. В таблице цветов учебника он назвался пурпурным.

Единственным, кто никуда не уезжал, был Бобби Канова. Он не мог есть торт или мороженое, и поэтому во время «гулянок», как называла их миссис Стейдж, она ставила его стул к столу, пристегивала его и готовила ему питательный коктейль. Мальчик улыбался своей загадочной улыбкой, закидывал голову и издавал какие-то звуки, а Рамона говорила:

– Он любит дни рождения.

Несмотря на то что Грейс была именинницей, она поила Бобби через соломинку. Потому что дни рождения на самом деле устраивались для миссис Стейдж, а не для нее.

Была еще одна причина, по которой девочке хотелось помочь хозяйке дома. Между своими девятым и десятым днями рождения она заметила, что миссис Стейдж начала говорить и двигаться медленнее, а кроме того, сгорбилась и стала больше спать. Иногда по утрам Грейс спускалась в кухню и обнаруживала, что там никого нет. Тогда она сидела одна, наслаждалась тишиной, пила молоко или сок и ждала.

Создавалось впечатление, что Рамона внезапно состарилась. Блейдс надеялась, что если ей удастся уберечь ее от полного износа, словно ржавый механизм, то ранчо какое-то время останется таким же, как теперь. Она стала убирать не только свою комнату, но и другие, помогала со стиркой и даже звонила новому дезинфектору, Джорджу, когда видела слишком много больших пауков, жуков или белых муравьев.

– Грейс, тебе не обязательно трудиться, как пчелка. Ты слишком быстро растешь, – сказала ей Рамона.

Но она никогда не запрещала девочке заниматься домашним хозяйством.

* * *

Когда приближался ее одиннадцатый день рождения, Грейс заметила, что ее помощи уже недостаточно: миссис Стейдж стала

ходить еще медленнее и иногда прижимала руку к груди, как будто ей было больно дышать.

Наблюдая за ней, Блейдс перестала считать ранчо своим домом. Теперь она смотрела на него как на очередной приют. И знала, что однажды приедет социальный работник и скажет: пора собирать вещи.

А пока она гуляла, читала и старалась узнать как можно больше.

* * *

Во время «гулянок» Рамона устраивала целое представление: выносила к столу торт с горящими свечами и объявляла, что Грейс должна встать, а все остальные петь «С днем рождения», потому что Грейс – «виновница торжества».

Подопечных, которые были достаточно взрослыми, просили присоединиться к скрипучему пению хозяйки и ее пожеланиям «Многая лета!». Их реакция по большей части состояла из невнятного бормотания и смущенных взглядов, которые не слишком помогали фальшивому пению миссис Стейдж.

За несколько дней до десятого дня рождения Грейс Рамона спросила:

– Как насчет лимонной глазури вместо шоколадной?

Девочка сделала вид, что задумалась.

– Конечно. Спасибо.

Открыв шкаф, старушка извлекла оттуда коробку со смесью для глазури, которую она уже купила. Средиземноморский лимон.

– В этом году он, наверное, сможет приехать... профессор Блюстоун, – сообщила она. – Было бы здорово, правда?

– Да.

– Он считает тебя гением.

Грейс кивнула.

– Он говорил тебе, что ты умна? – спросила Рамона.

Много раз.

– Вроде бы говорил, – ответила девочка.

– Так вот... Я его пригласила, и если он сможет, то приедет.

Он не смог. Не приехал.

Время от времени воспитанников привозил или увозил Уэйн Кнутсен. Увидев Грейс, он отводил взгляд, смущался, и девочка поначалу не могла понять почему. Потом она догадалась: он сказал ей, что увольняется из социальной службы, чтобы учиться на юриста, но не сдержал слово – и не хотел, чтобы ему напоминали о неудаче.

Вот чем чревато знание чужих секретов: люди могут тебя невзлюбить.

Но однажды вечером Уэйн, который привез испуганную чернокожую девочку по имени Саракина, направился прямо к Блейдс, в тот момент приглядывающей за десертом и делающей вид, что не знает о приезде новенькой.

– Привет, – поздоровался мужчина. – Помнишь меня?

– Вы меня привезли.

– Точно, – улыбнулся соцработник. – Я Уэйн. Мне сказали, что ты осваиваешь программу повышенной сложности. Значит, все хорошо?

– Да, сэр.

– Тебе нравится читать книги... и учиться, да?

– Да.

– Вот и хорошо. – Кнутсен принялся теревить свой «хвост». – Тогда я буду называть тебя Великолепная Грейс. – Он захлопал глазами и протянул руку, словно хотел погладить девочку по голове, а потом быстро отдернул. – Да, это здорово. Я имею в виду, что ты любишь учиться. Вероятно, я могу обратиться к тебе за помощью.

– В чем?

Уэйн рассмеялся.

– Я просто шучу.

– Юридический факультет? – спросила Блейдс.

Мужчина посмотрел на пустыню, и его лицо стало серьезным. Потом он пожал плечами:

– Ты сообразительная... Да, юридический факультет, хотя это очень непросто. Я целый день работаю, вечером иду на занятия, а книги не такие интересные, как те, по которым учишься ты. – Он вздохнул. – В твоём возрасте я был таким же. Любил учиться. Но теперь... Если б я мог посвящать все время занятиям, то, наверное, добился бы большего. Но я учусь по вечерам, и мне приходится

довольствоваться неаккредитованным учебным заведением. Это означает, что оно не самое лучшее, и мне очень повезет, если я преодолею барьер – экзамен на адвоката. – Соцработник не отрывал взгляда от пурпурного песка. – Мне потребуется время, чтобы закончить учебу. Если я вообще ее закончу.

– Закончите.

Уэйн потер нос, повернулся и задумчиво посмотрел на Грейс.

– Значит, таково твое предсказание?

– Да.

– Почему?

– Вы этого хотите.

– Хм. Знаешь, иногда я в этом не уверен... В любом случае продолжайте удивлять нас, мисс Грейс. У тебя есть ресурсы – я имею в виду мозги. Это дает тебе преимущества в этом безумном мире, даже несмотря... – Кнутсен покачал головой. – В общем, ты в хорошей форме, детка.

Блейдс промолчала.

– Это называется комплиментом, – сказал Уэйн.

– Спасибо.

– Ну да... Тебе действительно здесь нравится?

– Да.

– Рамона... Она хороший человек. Не может отказать несчастному ребенку. Таких, как она, немного. Вот почему я подумал, что здесь тебе будет хорошо.

– Спасибо.

– Мне кажется, ты это заслужила. После всего, через что тебе пришлось пройти.

Такой вещи, как «заслужила», не существует.

– Спасибо, – снова поблагодарила Грейс.

– В общем, – сказал Уэйн, – я рад, что мы смогли поболтать... Послушай, вот моя визитная карточка, и если когда-нибудь тебе что-то понадобится... Хотя вряд ли – Рамона говорит, что ты чертовски самодостаточна и умеешь позаботиться о себе.

Он по-прежнему объяснял фразы, которые Блейдс уже понимала, как большинство взрослых. Единственным, кто не считал ее тупой, был Малкольм Блюстоун. Разве что в самом начале, когда тоже

слишком много объяснял. Но потом он каким-то образом вычислил, что понимает Грейс.

Толстые пальцы Кнутсена протягивали ей визитную карточку. Девочка взяла ее и в третий раз поблагодарила соцработника, надеясь, что разговор закончится и она может пойти в дом и вернуться к книге о бабочках и мотыльках.

Danaus plexippus. Монарх. Картинка, где облако оранжево-черных насекомых кружилось над крышей, побудила Грейс посмотреть в словаре слово «монарх».

Суверенный правитель. Король или королева.

Блейдс не видела в бабочках ничего королевского. Она назвала бы их «тыквенными мотыльками». Или «огненными бабочками» – что-то вроде этого. Может, ученый, который дал им название, чувствовал себя большой шишкой, когда...

– Не нужно благодарить, я просто делаю свою работу, – сказал Уэйн.

Тем не менее он улыбался и выглядел довольным.

Если сделать так, чтобы люди были довольны собой, они не будут тебя беспокоить.

Грейс улыбнулась в ответ. Подмигнув ей, Кнутсен повернулся и зашагал к машине.

Когда он уехал, девочка посмотрела на его визитку.

*Уэйн Дж. Кнутсен, бакалавр искусств
Координатор социальной службы.*

Первая корзина для мусора попала Грейс в углу гостиной – именно туда и отправилась карточка.

* * *

Визиты Малкольма Блюстоуна были нерегулярными, но Грейс с нетерпением ждала их, потому что он привозил новые учебные материалы, книги, а самое главное, старые журналы. Больше всего девочку привлекала реклама, все эти фотографии и рисунки, которые объясняли ей, как устроен мир.

Журналы попадались самые разные. Малкольм тоже был ненасытным читателем – возможно, именно поэтому он ее и понимал.

Журнал «Реалите», похоже, предназначался для людей, которым нравилось жить во Франции, у которых было много денег и которые ели странные блюда.

«Дом и сад» рассказывал о том, как сделать красивым свой дом, чтобы люди тебя полюбили.

«Популярная механика» и «Популярная наука» учили делать устройства, которые, вероятно, тебе никогда не понадобятся, и рассказывали о фантастических вещах, которые когда-нибудь появятся, но пока не появились, – летающих автомобилях и кинотеатрах, в которых через отверстия в стенах в зрительный зал проникают запахи.

Однажды, когда Грейс прочла от корки до корки четыре номера «Популярной науки», ночью ей снились чудесные сны о том, как она летала в машине над пустыней.

В «Сатердей ивнинг пост» были яркие, цветные картинки: улыбающиеся люди с блестящими волосами, большие семьи, дни рождения, вечеринки на Рождество и День благодарения, такие многолюдные, что гости едва помещались в комнате. И индейка – на них всегда была большая жареная индейка, которую разрезал благородного вида мужчина с большим ножом. Иногда ветчина, из которой торчали какие-то черные штуки, а наверху лежали ломтики ананаса.

Улыбающиеся люди казались инопланетянами. Грейс наслаждалась этими рисунками точно так же, как книгами по астрономии.

«Тайм» и «Ньюсуик» писали о печальных, неприятных и скучных вещах и помещали рецензии на книги и фильмы. Блейдс не видела особой разницы между двумя этими журналами и не понимала, зачем нужно читать чужое мнение, если можно иметь свое.

Самым интересным изданием был журнал «Психология сегодня». Малкольм начал привозить его, когда Грейс исполнилось десять, как будто она наконец что-то заслужила. Девочка сразу же заинтересовалась экспериментами, которые можно проводить с людьми, выясняя, что заставляет их совершать умные или глупые поступки, ненавидеть, любить или игнорировать друг друга.

Особенно ей нравились те, где люди вели себя по-разному, одни или в группах.

И еще эксперименты, которые показывали, как направлять людей туда, куда тебе нужно, делая их по-настоящему счастливыми или несчастными.

Однажды, появившись после долгого перерыва, Блюстоун попросил разрешения провести еще несколько тестов – «это недолго, опять истории по картинкам».

– Конечно, – сказала его подопечная и помахала экземпляром «Психология сегодня». – У вас еще есть такие?

– Я гадал, как ты к ним отнесешься. Заинтересовало?

– Да.

– Конечно, Грейс, ты получишь все экземпляры, которые мне удастся отыскать... Кажется, в машине есть еще.

Девочка вышла вслед за психологом из дома и пошла к его коричневому «Бьюику». На переднем пассажирском сиденье сидела женщина с худым лицом и волосами, которые казались снежно-белыми. Блейдс даже в голову не приходило, что Малкольм может ездить не один.

Потом она обозвала себя душой. Он дружелюбный человек, и у него, наверное, много разных друзей. Целый мир за пределами ранчо, журналов и психологических тестов для воспитанников из приемных семей.

По какой-то причине эта мысль вызвала у Грейс острую боль. В верхней части ее живота, прямо под грудной клеткой, в центре. Она отвела взгляд от женщины.

Стекло на месте пассажира опустилось. Тихий, ласковый голос произнес:

– Привет.

Девочка заставила себя повернуться к женщине, и первым, что она заметила, были брови. Маленькие полукружья идеальной формы. Улыбавшиеся ей губы были накрашены бордовой помадой.

Ровные белые зубы. Острый подбородок. Ямочка на левой щеке. Очень привлекательная женщина. Она как будто сошла с картинки в «Реалите» – носила одежду *haute couture*, ела *escargos* и пила *Bordeaux* в Париже, в Каннах или в *grand château* в долине Луары^[8].

– Привет. – Голос Грейс был таким тихим, что она себя почти не слышала.

Дама с белыми волосами вышла из автомобиля. Она была примерно одного возраста с Малкольмом и тоже оказалась высокой – конечно, не такой громадиной, как он, но одной из самых высоких женщин, которых Блейдс когда-либо видела, – и худой, как журавль. На ней были серый свитер, черные брюки и серебристые туфли без каблуков, украшенные золотыми пряжками. Волосы у нее оказались не белыми – просто солнечный свет осветлил их, сделал одновременно золотистыми и серебристыми.

В «Реалите» такие волосы называли «пепельными».

Челка спутницы Блюстоуна, выглядевшая так, словно ее стригли по линейке, доходила до середины гладкого, бледного лба. Из-под челки смотрели слегка прищуренные глаза, широко расставленные, с крошечными морщинками в углах. Взгляд ярко-синих глаз был ласковым, и хотя женщина улыбалась, девочка почувствовала в ней глубоко спрятанную печаль.

– Мисс Грейс Блейдс, это профессор София Мюллер. Профессор, Грейс, – представил их Малкольм.

Светловолосая женщина протянула руку:

– Не обращай внимания на все эти глупости. Я – его жена. Называй меня Софи.

Пальцы у нее были длинными, гладкими и прохладными, с ногтями жемчужного цвета, которые блестели, как хромированные детали автомобиля. Она была похожа на королеву из книжки с картинками. На *монарха*.

Блюстоун был большим, но на монарха он совсем не походил. Скорее на Маленького Джона из «Робин Гуда». Добрый великан. Не такой, как в истории про бобовое дерево...

– Грейс – красивое имя, – сказала профессор София Мюллер, и ее улыбка стала еще шире. – Для красивой девочки.

Блейдс почувствовала, что краснеет.

София же поняла, что допустила оплошность, потому что бросила короткий взгляд на мужа.

Она его жена, будь с ней повежливей.

– Спасибо за комплимент, – сказала Грейс. – Рада с вами познакомиться, профессор Мюллер.

Она его жена, но не взяла его фамилию?

На секунду все умолкли.

– Ах да, «Психология сегодня»! – воскликнул Малкольм, после чего открыл заднюю дверцу машины и вытащил кипу журналов.

– Значит, он нашел способ избавиться от своей коллекции. Грейс, я у тебя в долгу – ты облегчила мне весеннюю уборку, – сказала Мюллер.

Девочка знала, что от нее ожидают улыбки, и улыбнулась.

– Я отнесу их тебе в комнату, – сказал Блюстоун.

– Я сама, – возразила Блейдс.

– Они тяжелые.

– Давайте все вместе, – предложила София. – Втроем мы быстро справимся.

* * *

Разделив кипу журналов, они направились к дому: Грейс впереди, а Малкольм и София за ней. Супругам пришлось укоротить шаг, чтобы не наступать девочке на пятки.

Блейдс понятия не имела, о чем они думают. Ей не давали покоя такие мысли:

Он нас познакомил. Значит, она не знала, как меня зовут.

Он никогда не рассказывал ей обо мне.

Потому что он не обсуждает приемных детей?

Или потому что Грейс для него не важна?

* * *

Малкольм как будто прочел ее мысли, потому что во время следующего визита, неделю спустя, он спросил:

– Нравится психология?

– Да.

– Софи была рада с тобой познакомиться.

– Я тоже, – солгала Грейс. Она ничего не имела против новых людей, но не особенно думала о них.

Когда они с Блюстоуном устроились в гостиной, чтобы закончить вторую часть теста с картинками, он сказал:

– Наверное, ты уже догадалась, что я не говорил Софи о тебе – дело в конфиденциальности, в твоём праве на частную жизнь. Кроме того, я серьёзно отношусь к тому, что мы делаем, и это не тема для светской беседы. В любом случае речь не обо мне, потому что звезда – ты.

– Звезда чего? – спросила Блейдс, хотя прекрасно знала, что психолог имеет в виду. По какой-то причине ей хотелось услышать, что он скажет.

– Того, что мы делаем вместе, Грейс. Моя цель – оптимизировать твоё образование.

Малкольм стал объяснять слово «оптимизировать». *Единственный* человек, который не обращается с ней, как с тупой.

– Я объяснил... почему не обсуждал тебя, потому что не хочу, чтобы ты подумала, что ты для меня не важна. Наоборот, очень важна, и именно поэтому я обязан охранять твою частную жизнь. Несмотря на то что по закону у тебя нет права на конфиденциальность. Знаешь, почему?

– Потому что я в приемной семье?

Тёмные пушистые брови профессора печально поникли.

– Нет, но это логичный ответ. Настоящая причина в том, что *все* дети до восемнадцати лет лишены права на конфиденциальность – даже относительно того, что они говорят психологам. Я считаю, что это абсурдно и ужасно неправильно, Грейс. Думаю, нам следует гораздо больше уважать детей. Поэтому я нарушаю правила и на сто процентов храню секреты, не пишу о том, чего дети не хотели бы.

Блюстоун говорил быстро, будто захлебываясь. Его огромные щеки покрылись румянцем, а одна рука сжалась в кулак размером с бейсбольную перчатку.

– Уважайте старших, но уважайте и младших, – сказала его собеседница.

Малкольм удивленно посмотрел на нее. А потом расхохотался, ударив кулаком по столу.

– *Блестяще*, Грейс! Можно позаимствовать у тебя эту фразу, чтобы я тоже мог блеснуть?

– Конечно.

– Ты абсолютно права. Мы должны ко всем людям относиться так, как будто они умны и заслуживают уважения. Даже к младенцам. Был такой психолог... знаменитый, его звали Уильям Джемс, он жил давно... Его уважали и к его мнению прислушивались. Он считал, что маленькие дети живут в «большой, цветущей, жужжащей путанице». Как будто они насекомые, как будто их чувства, мысли или действия не подчиняются никакой закономерности. Во времена Уильяма Джемса это звучало вполне логично. Знаешь, почему?

– Люди не понимали.

– Совершенно верно, Грейс, а причина их непонимания заключалась в том, что они не представляли, как *измерить*, что чувствует или думает маленький ребенок. Потом психологи поумнели, придумали тесты – и бац! – Мужчина щелкнул пальцами. – Дети поумнели. И эта тенденция продолжается, Грейс. Именно это делает психологию интересной – по крайней мере, для меня. Мы все время узнаем что-то новое. Не только о человеческих существах, но также о высших животных – китах, дельфинах, обезьянах и даже птицах... Выясняется, например, что воробьи очень умные. Чем лучше мы учимся их понимать, тем умнее они становятся. Так что, возможно, скоро мы всех будем считать умными.

Блюстоун всегда любил поговорить, но даже для него это была длинная речь.

– Возможно, – сказала Грейс.

Малкольм скрестил ноги, толстые, как стволы деревьев.

– Вероятно, я занудствую. В общем, вот почему я не рассказывал Софи о тебе. *Именно* потому, что ты важна для меня.

У его подопечной опять схватило живот. Как тогда, когда профессор Мюллер назвала ее красивой. Она прикрыла рот ладошкой, боясь сказать какую-нибудь глупость.

– Вот новый журнал. Возможно, он тебя заинтересует. – Ее собеседник извлек из портфеля объемистый том в оранжевой бумажной обложке, на которой не было картинок – только слова. В верхней части значилось название: «Журнал консультативной и клинической психологии».

– Спасибо, – сказала девочка.

Психолог рассмеялся.

– Не спеши благодарить, Грейс. Может, тебе не понравится. Это не «Психология сегодня», которая предназначена для людей, серьезно не занимавшихся наукой. Он для настоящих психологов и, честно говоря, довольно сложен для понимания. Я сам не всегда все понимаю. Может, тебе станет скучно.

Блейдс перевернула несколько страниц. Много слов, мелкие буквы, диаграмма внизу...

Малкольм достал новый тест с картинками.

– Ладно. Давай займемся делом. И спасибо, что помогаешь мне.

– С чем?

– С тестами.

– Мне не трудно.

– Знаю, Грейс. Для тебя тесты – разминка для ума. Но ты все равно мне помогла. Я лучше понял чрезвычайно одаренных детей, узнал от них то, чего не знал до встречи с тобой.

Девочка снова не нашлась, что ответить.

Ее собеседник провел пальцем под высоким горлом своего свитера.

– Жарко здесь... Понимаешь, Грейс, ты уникальна, но в то же время можешь многое рассказать о том, как очень умные дети справляются с вызовами.

Слово «вызов» было словно раскаленное клеймо в одном из вестернов Стива Стейджа – боль в животе Блейдс вспыхнула огнем. Она убрала ладонь от рта, но с ее губ все равно слетело что-то немыслимое:

– Вы меня жалеете.

А еще хуже этих слов была злость, проступавшая в ее голосе. Словно это говорила не она, а другая, плохая девочка, какой-то демон.

Малкольм поднял руки, как будто не знал, что с ними делать.

Как будто защищался от удара.

Девочка заплакала.

– Простите, профессор Блюстоун.

– За что?

– За мои слова.

– Грейс, ты можешь говорить все, что хочешь.

Мужчина протянул ей салфетку. Блейдс схватила ее и вытерла глаза, злясь на себя за то, что вела себя, как капризный ребенок.

Теперь все изменится.

Слезы опять потекли у нее из глаз, и она резко смахнула их.

Малкольм подождал немного, прежде чем заговорить снова.

– Мне кажется, я понял, почему ты расстроилась. Не хочешь, чтобы я или кто-то еще считали тебя беззащитной. Я прав, Грейс?

Девочка шмыгнула носом и промокнула слезы. А затем кивнула.

– Я не считаю тебя беззащитной, Грейс. Как раз наоборот. Ты стойкая, – заверил ее психолог. – Так что прости, если я не сумел тебе это объяснить.

Он подождал еще немного. Блейдс молчала, крепко сжимая салфетку в руке.

– Первый раз я приехал сюда по просьбе Рамоны, – продолжал ее собеседник. – Она сказала, что ты умная и что она беспокоится, что стандартная учебная программа не принесет тебе пользы. Она также рассказала мне о тебе. Я сам попросил ее – я всегда так делаю, чтобы ничего не упустить. Чем больше я узнавал о тебе, тем лучше понимал, какая ты развитая. Не буду обманывать – я не думал, что ты не сталкивалась с вызовами. Мы все с ними сталкиваемся. Но жалеть тебя? Никогда.

Грейс опустила голову. Ей хотелось, чтобы этот день скорее закончился.

– О, боже! – воскликнул Малкольм. – Я залезаю в дебри... Ладно, дашь мне еще один шанс объяснить?

Молчание.

– Можно? – снова попросил Блюстоун.

Кивок.

– Я привык считать себя милосердным человеком, но жалость – это не мое, потому что жалось унижает людей. Однако... – Профессор покашлял, прочищая горло. – Мне интересны люди, которые умеют справляться с трудностями. Мне интересно, как они осмысливают ситуацию, когда попадают в передрыгу. Поскольку я считаю, что психология должна быть более позитивной. Изучать не только слабые, но и сильные стороны человека. Возможно, все дело в Софи, в том, что пережили ее родители. Они прошли через ужасы того, что называют Холокостом. Не помню, есть ли это в учебной программе...

– История, модуль семнадцатый, – сказала Грейс. – Вторая мировая война и ее последствия. Гитлер, Гиммлер, нацисты,

штурмовики, Аушвиц, Берген-Бельзен, Треб... линко?

– Треблинка. Родители Софи оказались в лагере, который назывался Бухенвальд. Они остались живы, приехали в Америку, у них родилась Софи, и они прожили замечательную жизнь. Когда я с ними познакомился, то очень удивился, как они умеют радоваться жизни, потому что когда ты учишься на психолога, то узнаешь в основном о людских слабостях, а знакомство с родителями Софи помогло мне понять, что я многое пропустил. Потом они умерли – это никак не связано с Бухенвальдом; просто они состарились, заболели и умерли. И мне еще больше захотелось понять людей, которые умеют хорошо приспособливаться, адаптироваться. Я называю их чемпионами выживания.

– У нее другая фамилия, – сказала Блейдс.

– Прошу прощения?

– Вы – Блюстоун, она – Мюллер. Потому что хочет сохранить память о родителях?

Малкольм заморгал.

– Грейс, знакомство с тобой – честь для меня.

И снова как раскаленное железо. Почему она не может принять хорошее?

Девочка опустила глаза и стала рассматривать оранжевую обложку «Журнала консультативной и клинической психологии». Здесь были перечислены все статьи, и первая из них рассказывала о сокращении переменного интервала стимулирования в выборке неврологически улучшенных капюшонных крыс.

Похоже, это действительно очень скучно.

– Да, знаю, – с улыбкой сказал Блюстоун. – Тем не менее ты, вероятно, извлечешь из этого больше пользы, чем мои аспиранты.

* * *

Через два месяца после одиннадцатого дня рождения Грейс на ранчо прибыли трое новых подопечных – причем не так, как все остальные.

Первая странность заключалась в том, что они приехали ночью, когда все, кроме Рамоны и Грейс, уже спали. Вероятно, миссис Стейдж

тоже спала – она ложилась все раньше и раньше, держала лекарство в кармане фартука и постоянно говорила о том, что ей нужно прилечь. Блейдс наблюдала за ней, пытаясь вычислить, когда ранчо закроют, а ее саму отправят в другое место, которое ей не понравится.

Грейс не спала потому, что в последнее время просыпалась посреди ночи и читала, чтобы опять заснуть. Именно этим она и занималась, когда услышала, что Рамона спускается по лестнице.

Девочка вышла, чтобы посмотреть, в чем дело, и увидела хозяйку дома, стоящую у входной двери. Старушка явно нервничала и все время поглядывала на большие мужские часы «Гамильтон», которые никогда не снимала с руки, – их носил Стив Стейдж, когда был жив.

Оглянувшись, Рамона увидела Грейс.

– Приезжают новенькие. Ложись спать.

– Я могу помочь, – предложила девочка.

– Нет, иди к себе в комнату. – Слова Стейдж прозвучали резче, чем обычно.

Ее воспитанница подчинилась и поднялась по лестнице. В спальне она открыла окно и взобралась на кровать, откуда было прекрасно видно все, что происходит внизу.

Перед домом стояли две машины – одна темно-зеленая, а вторая черно-белая, полицейская.

Из черно-белой вышли двое полицейских в желто-коричневой форме. Из зеленой – мужчина в костюме и со значком, прицепленным к нагрудному карману. Все трое – высокие, с усами. Они остановились перед Рамоной, образовав полукруг. Какое-то время они разговаривали – Грейс не слышала о чем, – и лица их были серьезными. Потом один из полицейских в форме открыл заднюю дверцу полицейской машины и махнул рукой.

Из машины вылезли трое детей, два мальчика и девочка.

Мальчик поменьше был примерно такого же возраста, как Блейдс, а более высокий – старше, лет тринадцати или четырнадцати. Девочка была самой младшей, лет восьми или девяти. Она горбилась и казалась меньше, чем на самом деле.

Все трое были блондинами, почти такими же светлыми, как София Мюллер. Их волосы торчали в разные стороны, как разворошенная ветром солома.

Длинные волосы, до пояса, даже у мальчиков.

Одежда детей выглядела странно: слишком большие, свободные рубашки черного цвета без воротников и мешковатые черные брюки, такие длинные, что внизу собирались гармошкой, как мехи у аккордеона.

Создавалось впечатление, что все трое состояли в клубе, требовавшем от своих членов носить форму, только та была им велика.

Девочка жалась к младшему мальчику, который грыз ногти и притопывал ногой. У этих двоих были круглые, нежные лица, и брата с сестрой можно было бы принять за близнецов, не будь девочка явно младше. Брат повел плечом, так что оно коснулось плеча сестры, и та принялась сосать палец. Его нога задвигалась быстрее.

У старшего мальчика было удлиненное лицо. Он держался отдельно от остальных и вроде бы не волновался: осматривался, сгорбившись и согнув одну ногу. Его взгляд скользнул по дому и по пустыне, на секунду задержался на Рамоне...

Потом он поднял голову и посмотрел прямо на Грейс. Девочка сообразила, что не выключила свет и теперь была видна как на картине.

Старший мальчик встретился с ней взглядом и улыбнулся. Он был красив – твердый подбородок и кривая улыбка. Словно хотел сказать, что у них с Блейдс есть общий секрет. Но его улыбку нельзя было назвать дружелюбной.

Совсем наоборот. Это была плотоядная улыбка. Как будто он – койот, а она – его добыча.

Грейс отпрянула от окна и задернула занавески.

Ей показалось – хотя она не была уверена, – что снизу донесся смех.

* * *

На следующее утро Грейс, как всегда, встала первой, и когда Рамона спустилась на кухню, она наливала себе второй стакан сока.

– Доброе утро, мисс Блейдс, – поздоровалась хозяйка ранчо и принялась возиться с кофеваркой.

– Кто они? – спросила ее воспитанница.

Руки миссис Стейдж замерли.

– Я знала, что ты будешь спрашивать. Поверь мне, Грейс, не стоит. – Она не поворачивалась к девочке, как будто они не были так хорошо знакомы.

Рамона насыпала кофе в кофеварку.

– Я скажу тебе их имена, потому что, совершенно очевидно, тебе нужно как-то к ним обращаться. Но на этом всё, хорошо?

Вовсе не хорошо – это просто глупо.

– Конечно, – ответила Блейдс.

– Все равно они скоро уедут. Я делаю социальной службе одолжение, потому что им требуется... – Старушка покачала головой. – Это все, что вам нужно знать, юная леди.

Стейдж подошла к холодильнику и достала яйца и масло.

– Их зовут... – сказала Грейс.

– Что... ах да. Значит, старшего зовут Сэм, его брата – Тай, а младшую сестру – Лили. Запомнила?

– Да.

– Сэм, Тай, Лили, – повторила Рамона. Как будто Блейдс учила уроки.

Сэм. Его улыбка осталась в ее памяти, как неприятный запах. Тай и Лили были похожи на испуганных детей, и с ними она тоже не хотела иметь никаких дел.

Хозяйка принялась жарить свою безвкусную яичницу. Забулькала кофеварка. Рамона посмотрела на мужские часы на своей руке.

– Ого, пора проверить, как там Бобби.

Она пошла наверх и вернулась на кухню вместе с больным мальчиком. Вид у нее был усталый. Бобби шел, опираясь на две трости, которые обхватывали его локти, – медленно, с рывками и остановками. На полпути к столу он остановился и улыбнулся Грейс своей загадочной улыбкой. А может, она предназначалась и не Грейс... просто ему нравилось быть здесь. Но это все же было лучше, чем улыбка Сэма. Блейдс улыбнулась Бобби в ответ, помогла Рамоне усадить и пристегнуть его и налила в специальную чашку питательную смесь из консервной банки, которая стояла в холодильнике.

Пока миссис Стейдж отсутствовала, сверху доносились какой-то шум и стук. Трое новеньких проснулись, но не спустились на кухню.

Грейс поила Бобби. Тот булькал и вскидывал голову, изо всех сил стараясь втянуть в себя смесь. Наконец у него получилось.

Рамона жарила яичницу. Ее отношение к тому, что старшая воспитанница помогает ей ухаживать за Бобби, изменилось. Сначала она возражала, говорила, что Грейс – ребенок, а не нянька. Но девочка все равно выполняла добровольно взятые на себя обязанности, и старушка стала благодарить ее.

Но теперь и это прекратилось. Теперь миссис Стейдж ничего не говорила, принимая помощь как должное.

Когда она поставила тарелку с яичницей перед Грейс, стук наверху стал громче и через несколько секунд превратился в ритмичное *бам-бам-бам* – звук шагов на лестнице. Всего шесть футов, а столько шума! Блейдс подумала, что так топали лошади в старых фильмах Стива Стейджа.

Первым появился Сэм. Он небрежно вошел на кухню, словно всегда жил здесь. Его внимательный взгляд скользнул по комнате и остановился на сковороде.

– Спасибо большое, мэм, но я не ем яиц. Никто из нас не ест. Это животная пища, – заявил он.

Тай и Лили прятались за его спиной, зевая и протирая глаза. При ближайшем рассмотрении Тай оказался еще нежнее – мальчик, а не мужчина. В отличие от Сэма. У старшего брата были мускулистые руки, а на лице уже пробивалась растительность – желтоватый пушок на подбородке и над верхней губой.

На всех троих была та же странная черная одежда, в которой они приехали. Теперь Грейс увидела, что их костюмы были сшиты вручную: неровные стежки, торчащие нитки и грубая ткань, больше подходящая для картофельных мешков, чем для одежды.

Она заметила еще одну странную вещь – сережку в ухе Сэма, маленькое золотое колечко, проткнувшее его левую мочку.

Блейдс решила не обращать на них внимания и принялась за еду, но почувствовала, как от ее шеи по спине распространяется неприятный холодок. Подняв глаза от тарелки, она обнаружила, что Сэм смотрит на нее. Такие губы подошли бы девочке, но на его лице они выглядели... маской.

Грейс снова опустила взгляд в тарелку. Старший из братьев усмехнулся.

– Значит, вы вегетарианцы? – спросила Рамона.

– Вегетарианцы едят молоко и яйца, – ответил Сэм. – Мы – веганы.

– Могли бы меня предупредить. Что вы обычно едите на завтрак?

– Зелень, – сказал подросток.

– Овощи?

– Зеленые овощи, мэм. Манна земная.

– А разве это не перепелки или что-то в этом роде?

– Нет, мэм, перепела сыпались на грешных евреев. А манна была небесным овощем.

Миссис Стейдж усмехнулась.

– Зелень... – Она принялась рыться в холодильнике. – У меня есть салат и огурцы, оставленные на ужин, но их, наверное, можно будет чем-нибудь заменить. Садитесь, я вымою вам зелень.

Пожилая женщина говорила с этим парнем не так, как с другими подопечными. Она как будто не хотела, чтобы эти дети были здесь.

– Куда? – спросил Сэм.

– Что значит – куда?

– Куда нам садиться, мэм?

– Куда? – удивилась Рамона. – За стол.

– Я понимаю, мэм, но куда именно? Пожалуйста, покажите нам наши места.

Стейдж подбоченилась. Голова Бобби в этот момент свесилась набок. Сэм засмеялся. Над Бобби.

Тай и Лили не произнесли ни слова. Они стояли, прижимаясь друг к другу, как прошлой ночью.

– Значит, места? – переспросила Рамона. – Ладно, ты – старший брат – сядешь вот здесь. – Она указала на самый дальний от Бобби стул. – Теперь ты, младший брат, сядешь рядом с этим джентльменом, Бобби, а ты, милочка – Лили, – между Таем и этой юной леди, которую зовут Грейс. Она очень умна и предпочитает уединение.

Это заявление было предназначено Сэму. Возможно, миссис Стейдж тоже видела его хищную улыбку.

Старший из новых воспитанников ухмыльнулся. Обычно Грейс не нравилось, когда ее защищают, но в то утро она не возражала.

Сэм направился к ней, но потом повернул и пошел не к тому месту, которое указала Рамона.

– Идите, – сказал он брату и сестре.
Они подчинились.
Их старший брат сел, и колечко в его ухе блеснуло.
– Уединение – иллюзия, – заявил он.
Хозяйка дома пристально посмотрела на него.
– В таком случае ты будешь уважать иллюзию мисс Блейдс.
– Блейдс, – произнес Сэм, как будто фамилия его рассмешила. – Конечно, мэ. От нас здесь ждут уважения. И благодарности. – Он хихикнул. – И мы будем само совершенство.

* * *

В тот день, в десять утра, Грейс испытала новое чувство.
Малкольм Блюстоун приехал на ферму в своем коричневом универсале и принес новые тесты, но, когда она подошла к нему, он сказал:
– Привет. Думаю, мы сможем побеседовать после обеда.
Девочка посмотрела на тесты.
– А, это, – сказал Малкольм. – Я намерен уделить немного времени новым подопечным Рамоны.
Намерен. Не должен. Значит, это *его* выбор. Он предпочел быть с этими странными детьми в странных одеждах.
Грейс отвернулась.
– Давай в час дня? – крикнул ей вслед психолог. – Хочу послушать, как тебе понравились материалы по антропологии.
Блейдс не ответила. В глазах у нее щипало, а грудь словно сжимало тисками.
Она читала об этом, а теперь почувствовала сама. Ревность.
И постаралась в час дня оказаться где-нибудь подальше от дома.

* * *

Малкольм разыскал ее в половине третьего. Она читала, укрывшись за старыми дубами у дальней стороны заросшего зелеными склизкими водорослями бассейна и прислонившись спиной к

шершавой коре. Какое-то время компанию ей составлял Бобби. Он сидел, сгорбившись, на площадке перед бассейном, болтал ногой в воде и смеялся, а Рамона держала его за локоть, чтобы он не упал.

Последним увлечением Грейс была толстая книга о пауках, написанная биологом из Оксфордского университета в Англии. Она читала о тарантуле, у которого имелись клыки и который подстерегал свою добычу в засаде. Самки тарантула к тому же носили яйца – своих детей – на животе. Они много убивали для того, чтобы оставаться здоровыми, и значит, были хорошими матерями...

Блейдс не заметила, когда ушли Рамона и Бобби, потому что погрузилась в рассказ о размножении тарантулов.

В половине третьего ей захотелось пить. Предполагая, что Малкольм уже уехал, она направилась к дому, чтобы взять сок. Но психолог вышел из парадной двери и с улыбкой повернулся к ней:

– Вот ты где! Есть время для антропологии?

– Я устала, – сказала Грейс и вошла в дом.

* * *

На следующий день Блюстоун приехал раньше обычного, когда все еще сидели в кухне. Грейс ковыряла безвкусную яичницу, Бобби сражался со своим напитком, а новенькие, так и ходившие в своих странных одеждах, уничтожали огромные порции салата.

Сэм перестал смотреть на Блейдс с плотоядной улыбкой, поскольку она не обращала на него внимания. Когда их взгляды встречались, он зевал и хихикал. Тай и Лили все так же смотрели на всех испуганными глазами и жались друг к другу. Эти двое, казалось, считали, что только они являются братом и сестрой, исключив Сэма из своего круга.

Когда Малкольм вошел на кухню, помещение как будто уменьшилось в размерах.

– Опять? – хныкающим голосом протянул Сэм.

– Только если ты не против, – сказал психолог. – Но теперь мне нужно посоветоваться с Грейс.

– Посоветоваться, – повторил за ним подросток.

– Это значит...

Сэм рассмеялся.

– Я знаю, что это значит. Только не понимаю, о чем можно советоваться *с ней*.

Профессор выпрямился, став еще выше. Его губы шевелились, словно он пытался придумать ответ. Но затем он повернулся к Грейс:

– Если у вас есть время, мисс Блейдс.

– *Мисс* Блейдс, – повторил Сэм.

Лили тихонько захныкала. Сэм резко повернул голову и посмотрел на нее. Маленькая девочка тут же умолкла. Широко раскрытые глаза Тая наполнились слезами, и Грейс захотелось сказать ему, что все будет хорошо. Но она подумала: «Наверное, это будет неправдой», – и снова принялась за яичницу.

– Грейс? – снова обратился к ней Малкольм.

– Да, сэр.

– Если ты свободна...

– Конечно. – Блейдс кивнула и вышла из кухни.

– Кое-кто у нас очень важный, – сказал Сэм и засмеялся. Смеялся он один.

* * *

Устроившись в гостиной, психолог сказал:

– Скоро они уедут.

– Кто?

Слабую улыбку Малкольма нельзя было назвать радостной.

– Точно. Ладно, тогда перейдем к так называемым первобытным племенам Борнео и Суматры. Что ты думаешь об их...

Следующий час Грейс слушала, комментировала и говорила Блюстоуну то, что, по ее мнению, он хотел услышать. Ревность ее ослабла, но теперь ей наскучили его пространные тирады и хотелось побыть одной.

Тем не менее Блейдс не уходила. Профессор сделал для нее много хорошего, и, похоже, скоро он снова станет ей интересным.

Следующим утром Грейс проснулась очень рано, в шесть часов, немного почитала, а потом спустилась на кухню. Проходя мимо комнаты новых воспитанников, она услышала детский плач – это была

девочка, Лили, – а затем более грубый голос, приказывающий ей заткнуться.

Грейс налила себе молока и стала ждать Рамону. Когда в семь часов хозяйка дома не появилась, она заволновалась, не случилось ли чего – в последнее время миссис Стейдж выглядела усталой и принимала больше таблеток. В семь пятнадцать Блейдс решила, что нужно постучать в дверь Рамоны. Конечно, это против правил, но...

Ее размышления прервал ужасный шум на втором этаже. Она вскочила.

Снова плач. Но уже не Лили.

* * *

Дверь в комнату Бобби была распахнута. Рамона стояла у его кровати, все еще в ночной рубашке. Рот у нее ввалился и выглядел как-то не так – Грейс поняла, что она не вставила зубы. Старая женщина была босиком. Цепочка с очками для чтения свисала на ее плоскую грудь. Она стонала, дергала себя за волосы и смотрела на Бобби диким, испуганным взглядом.

Мальчик лежал на спине. Рот у него был открыт еще шире, чем всегда, а глаза полузакрыты и подернуты пленкой, словно по ним проползла улитка. Что-то блестящее стекало по его подбородку, а лицо у него было странного цвета, серое с зеленоватым оттенком. Как поросший мхом камень, а не человеческая кожа.

– О нет! – простонала Рамона, указывая на Бобби. Как будто Грейс сама не видела.

Верх пижамы у Бобби был разорван, и через дыру просвечивала серая кожа. Он не дышал. И не шевелился.

Трубка, через которую к нему ночью поступал воздух, лежала на полу рядом с кроватью и шипела. В последнее время Бобби беспокоился во сне, кричал, издавал звуки, которые могли испугать непривычного человека. Он никогда не вырывал трубку изо рта, но Стейдж опасалась, что такое может произойти, и прикрепляла желтую резину к его пижаме клейкой лентой. Грейс знала, что та держала крепко, потому что иногда ей приходилось отсоединять трубку, и это требовало усилий.

Клейкая лента по-прежнему была на трубке, которая шипела на полу, словно желтая змея.

Блейдс замерла на пороге. Рамона бегом промчалась мимо нее и спустилась по лестнице. Хлопнула дверь кухни.

Грейс осталась с Бобби – просто так. Она смотрела на него. Смотрела на смерть. Она уже видела смерть, но этот мальчик выглядел не так, как чужие люди в красной комнате. Ни крови, ни конвульсий – ничего такого.

Наоборот. Он выглядел... умиротворенным.

Только его кожа странного цвета как будто зеленела все больше.

Девочка спустилась на кухню. Из-за двери, где спали трое новых воспитанников, слышалось шиканье.

А потом смех.

* * *

Рамоны в доме не было, и Грейс не сразу удалось ее найти. Старушка была у дальнего конца зеленого бассейна – она дергала себя за волосы, расхаживая взад-вперед.

Девочка медленно приблизилась к ней. Когда люди так взволнованы, может произойти все что угодно.

Заметив ее, миссис Стейдж принялась мотать головой. Резко, как будто хотела стряхнуть что-то болезненное, засевшее у нее в мозгу.

Грейс остановилась.

– Уйди! – крикнула Рамона.

Ее воспитанница не двигалась.

– Ты оглохла? Иди в дом!

Блейдс повернулась, чтобы уйти. Но не успела – боковым зрением она заметила какое-то движение и оглянулась.

И как раз вовремя. Лицо хозяйки ранчо исказилось страданием – теперь оно было странного цвета, слишком бледным, – рука метнулась к груди, а беззубый рот округлился от боли и страха. Рамона потеряла равновесие и повалилась ничком.

Глаза у нее закатились, и она упала в мутную зеленую воду.

Грейс бросилась к ней.

Рамона быстро опускалась на дно, но девочка успела схватить ее за руку и стала тянуть вверх. Скользя от водорослей рука вырвалась из пальцев Грейс, и старая женщина стала тонуть. Распластавшись на бетонной площадке, Блейдс снова схватила ее, теперь двумя руками, и потянула изо всех сил. Резкая боль пронзила ее спину, плечи и шею.

Плывать – она ни за что не отпустит.

Задыхаясь от напряжения, Грейс сумела приподнять тело Рамоны, так что ее лицо показалось над водой.

Увидев миссис Стейдж, всю в пятнах водорослей, с открытым ртом и невидящими глазами, как у Бобби, она сразу поняла, что все бесполезно – второй раз за это утро Блейдс видела смерть. Но она не отпустила руку женщины, а сумела сесть на корточки и еще немного приподнять тело из воды. Потом ей стало легче, потому что часть тела плавала в воде, а остальное было безжизненным и не сопротивлялось. Скрючившись и перемещаясь на корточках, словно краб, Грейс потащила Рамону к мелкому концу бассейна, где тело оказалось над ступеньками, и его можно было полностью вытянуть из воды.

Девочка стояла у бассейна, мокрая и задыхающаяся. Смерть Стейдж выглядела хуже, чем смерть Бобби. Лицо пожилой женщины было искажено, словно она умерла расстроенной.

Но красная комната была хуже.

Дотронувшись до груди Рамоны, а потом до покрытой зеленой слизью шеи, Грейс окончательно убедилась в своих подозрениях.

Мертва.

Оставив миссис Стейдж – старую, усталую, мертвую и мокрую – на площадке у бассейна под лучами утреннего солнца, Грейс побежала в дом, к телефону.

Оператор службы 911 сказал, чтобы она не вешала трубку. Пока Блейдс ждала, по лестнице спустились трое новых воспитанников. На этот раз первым шел Тай, потом Лили, а замыкал шествие Сэм.

Тай встретился взглядом с Блейдс. Он качал головой и хмурился, как будто был ужасно разочарован. Лили терла глаза и беззвучно плакала. Лицо Сэма ничего не выражало.

Но когда старший из новичков отвернулся и посмотрел в окно кухни, откуда было хорошо видно тело Рамоны, Грейс увидела тень улыбки в уголках его слишком красивых губ.

Первой приехала «Скорая помощь», и Блейдс направила санитаров к Рамоне. Через несколько секунд появились три полицейские машины, а потом – еще одна, зеленая, похожая на ту, которая сопровождала новых воспитанников. За ней примчались еще две, синяя и черная. Четверо мужчин и две женщины, все со значками, посмотрели на миссис Стейдж, поговорили с санитарями и, наконец, направились к Грейс.

Она сказала им:

– Там еще один мертвый человек, наверху.

Всех воспитанников собрали в кухне под присмотром одной из женщин в форме, которая стояла, скрестив руки на груди.

Потом пришли четыре детектива, двое мужчин и две женщины. По одному на каждого ребенка.

Грейс достался маленький, худой мужчина, который назвался Реем, но на значке у него было написано: «Р. Дж. Балланс». Они прошли в небольшую буфетную рядом с кухней. Рей был самым старым из четырех детективов, с седыми волосами и морщинами. Одежда на Блейдс была мокрой, вся в пятнах и полосах зеленой слизи.

Следователь подвинул ей стул.

– Садись, милая, – сказал он, но сам остался на ногах. – Может, принести тебе воды... – он заглянул в блокнот, – Грейс?

– Нет, спасибо.

– Точно?

– Да, сэр.

– Тебе нужен свитер? Может, сначала переоденешься в сухое?

– Все нормально, сэр.

– Уверена?

– Уже почти высохло.

– Хм... Тогда ладно. Мне не хотелось бы заставлять тебя делать то, что тебе неприятно, Грейс. Но если сможешь рассказать, что ты видела – если что-нибудь видела, – это будет полезно.

Девочка рассказала.

О Бобби в кровати и о трубке для воздуха на полу, о Рамоне, которая стояла там, очень расстроенная, а потом побежала вниз.

О том, как Грейс ждала, давая ей время успокоиться. А потом отправилась на поиски.

О том, как Рамона закричала, чтобы та шла в дом, что не было на нее похоже, потому что она никогда не кричала.

О том, как Грейс повернулась, чтобы уйти, а Рамона схватилась за грудь и упала.

Наконец Блейдс дошла до той части, когда она схватила Рамону за руку и дотащила ее до мелкого конца бассейна. На этом сокращенная версия для Р. Дж. Балланса завершилась.

– Да, ты явно заслуживаешь похвалы, – сказал детектив. – Это значит, что ты поступила правильно.

– Но это не помогло.

– Ну... да. Боюсь, что нет. Тем не менее ты сделала все, что могла. Сколько тебе лет?

– Одиннадцать.

– Почти двенадцать?

– Мой день рождения был месяц назад. *У нас в третий раз был бисквит и шоколадно-мятное мороженое, а четвертого раза не будет.*

– Всего одиннадцать, – сказал Рей. – Да. Маленьким девочкам не стоит видеть такое. Но ты сделала все, что могла, и это самое главное, Грейс.

В мозгу Блейдс сверкали молнии и гремел гром. Голос в ее голове кричал: *Лжец, лжец, лжец! Это не главное! Все изменится!*

– Спасибо, сэр, – сказала она.

– Ну, по-моему, тут все ясно... Думаю, у миссис Стейдж случился сердечный приступ. Похоже, причиной послужил шок, когда она увидела того мальчика в кровати.

– Бобби, – сказала Грейс. – Его звали Роберт Канова.

– Роберт Канова... Что с ним было такое?

– Он родился с проблемами.

– Похоже... – Мистер Р. Дж. Балланс закрыл блокнот. – Наверное, ты хочешь знать, что будет дальше. Совершенно очевидно, что ты не можешь здесь остаться, но мы о тебе позаботимся, не волнуйся.

– Спасибо.

– Не за что, Грейс. Ты больше ничего не хочешь мне сообщить?

Девочка подумала о трех вещах, которые могла бы ему рассказать:

1. Трубка для подачи воздуха Бобби, которую на ночь надежно прикрепляли, лежала на полу и шипела, как змея. Очень странно.

2. Выражение лица Тая, когда тот спускался на кухню: печальное и какое-то разочарованное. Но не удивленное. Как будто он ожидал чего-то плохого, и это случилось.

3. Улыбка, тронувшая губы Сэма, когда он смотрел на тело Рамоны.

– Нет, больше ничего, – сказала Блейдс.

* * *

Час спустя трех новых воспитанников увезли в синей машине, а Грейс посадили на заднее сиденье черной.

За руль села одна из женщин-детективов, с каштановыми волосами и веснушками. В отличие от Р. Дж. Балланса, она не представилась. Заводя двигатель, эта дама энергично жевала жвачку.

Какое-то время они ехали молча. Потом женщина заговорила:

– Меня зовут Нэнси, и я детектив, понятно? Я отвезу тебя в такое место, которое может тебя немного испугать. Оно называется детской колонией и предназначено в основном для детей, у которых неприятности. Но там есть отделение для таких, как ты, которые ждут, пока ситуация не прояснится. Понятно?

– Понятно.

– Как я уже сказала, это может показаться немного... вроде тюрьмы. Понятно? Но я прослежу, чтобы тебя поместили туда, где безопасно. Конечно, там все равно не сахар... В любом случае ты не успеешь оглянуться, как тебя оттуда заберут. Понятно?

– Понятно.

– Не переживай, – сказала Нэнси. – Все будет хорошо.

Глава 27

В номере отеля «Хилтон Гарден Инн» Грейс смотрела на старую фотографию белокурого мальчика.

Тай.

Эндрю.

Ищущий искупления.

Глядя на фотографию, можно было без труда превратить этого мальчика в мужчину. Он покрасил волосы, сделал их темнее, как и Блейдс, а его повзрослевшее лицо стало жестче. Но черты этого лица остались теми же.

Может быть, он покрасил свои белокурые волосы из опасения, что их вид может пробудить воспоминания Грейс? Знал, кто она, и искал встречи с ней вовсе не из-за статьи?

И даже если причиной была статья, вспомнил ли он девочку, которая жила на ранчо «Дилижанс»?

Которая была там, когда произошли плохие вещи...

Потом психотерапевт вспомнила, что Малкольм тестировал двух братьев и сестру – возможно, Тай/Эндрю искал именно *его*?

В любом случае он вышел на Грейс. Намеревался раскрыть старые, страшные тайны.

О смерти Бобби Кановы? О плохом брате с плотоядной улыбкой?

Попытка рассказать о смертях, случившихся больше двадцати лет назад, – недостаточный мотив для убийства. Должно быть что-то еще.

Взрослый Сэм делает взрослые плохие вещи.

Размышляя, доктор Блейдс наткнулась на одну возможность, которая испугала ее: имя Грейс пробудило воспоминания Эндрю, и он разыскал ее фотографию на сайте факультета.

В холле «Опуса» он уже знал, кто она.

Нет, это невозможно. В таком случае он не смог бы...

Стоп. Переверни страницу, двигайся дальше.

Найди врага раньше, чем он найдет тебя.

Вспомнить, когда белокурые дети прибыли на ранчо, было нетрудно: через два месяца после дня рождения Грейс.

Она нашла в сети оцифрованный архив «Лос-Анджелес таймс» и ввела «сэм тай лили». Ничего. Потом девочка четырнадцать раз меняла дату – проверила неделю до того дня и неделю после. Результат тот же.

Веганы, цитаты из Библии, сшитая вручную одежда – все это предполагало какую-то секту или, по крайней мере, необычное домашнее воспитание. Трое детей приехали ночью с полицейским эскортом из двух машин – там были полицейские в форме и детективы в штатском, – и это указывало на серьезное преступление.

Но комбинация слов «культ» и «секта» с пятнадцатью датами тоже ничего не дала, и Грейс подумала, что может до бесконечности перебирать ключевые слова, но так и не найти нужного. Лучше посмотреть, о чем писала пресса в тот период, – а это означало, что предстоит тщательный просмотр газетных заголовков.

К счастью, в архивах были и микрофильмы, а «Таймс» предоставляла бесплатный доступ к материалам газеты начиная с 1980 года. А вот более давние материалы были платными. Блейдс уже собиралась ввести номер своей кредитной карты, когда вдруг поняла, что может получить эту информацию бесплатно, воспользовавшись аккаунтом своего факультета психологии в библиотеке.

В любом случае ее поиск оставит следы, но она не представляла, как этого можно избежать. Как и возможности установить ее связь с Белдримом Бенном, даже если его труп найдут.

Ей вспомнился звук, когда его тело ударилось о склон и катилось в пропасть.

А потом она воспользовалась факультетским аккаунтом.

* * *

Просмотр микрофильмов с газетными номерами за несколько месяцев был медленным и занял несколько часов. Пришлось пролистать материалы за три четверти года, отсчитывая время назад с момента прибытия детей на ранчо, прежде чем врач нашла то, что искала.

Поселение последователей культа посреди пустыни раскрывает мрачные тайны

Лидер, застреленный полицией, возможно, был серийным убийцей

Осмотр судебно-медицинскими экспертами остатков Культа Крепости, названного так потому, что его лидер построил огражденное стеной поселение, состоящее из старых домов-автофургонов и пещер, в труднодоступной пустыне Мохаве, выявил свидетельства того, что на этом месте были совершены убийства.

Четыре месяца назад самозванный «Великий Вождь» Арундел Рой, урожденный Роальд Лерой Арундел, погиб в перестрелке с полицией округа после того, как сообщения о насилии над детьми привели социальных работников в заброшенное место, где жили, как считают власти, последователи апокалиптического культа, основанного на библейских пророчествах, расистской «религии идентичности» и колдовстве и возглавляемого одним человеком.

Визит закончился смертью социального работника Брэдли Гейнсборо, которого без предупреждения застрелили вскоре после того, как тот вошел в поселок. Второй следователь, Кэндис Миллер, также была ранена, но сумела выбраться оттуда и позвонить властям. Ожесточенная схватка закончилась смертью вышеупомянутого Арундела Роя и трех его гражданских жен.

Полагают, что женщины, каждая из которых имела криминальное прошлое, были рекрутированы 67-летним Роем в тот период, когда он служил охранником в женской тюрьме Сибил Бранд. У всех последователей культа в руках были скорострельные винтовки, а у женщин также неразорвавшиеся ручные гранаты.

При осмотре поселения были обнаружены два бункера – один со взрывчаткой и огнестрельным оружием, а второй с разнообразными мачете, топорами и ножами, а также

возбуждающая ненависть литература и порнография. Остатки крови, тканей и волос на холодном оружии стали причиной коронерского расследования, результаты которого были только что опубликованы.

Основную часть органического материала на лезвиях идентифицировать не удалось, но среди них были найдены ДНК, совпадающие с ДНК трех пропавших человек. Все жертвы были бездомными, и их имена не раскрываются. Всех видели в обществе Арундела Роя или одной из его жен в баре в Согасе. По всей видимости, мотивом была материальная выгода, поскольку чеки социального пособия на имя пропавших были отправлены на адрес почтового ящика, принадлежавшего Рою.

Будут проведены дополнительные исследования почвы и других образцов из поселения, расположенного в отдаленном уголке федерального природного парка, редко посещаемого публикой из-за его труднодоступности и слухах о загрязнении окружающей среды, поскольку во время Корейской войны это место служило полигоном для отработки бомбометания.

Селвин Родриго, штатный корреспондент «Таймс»

Грейс составила список: «арундел рой, жены, жертвы, селвин родриго».

Потом она перечитала статью, проверяя, не упустила ли что-нибудь. Родриго упомянул о насилии над детьми, но не назвал детей.

Просмотрев материалы еще за четыре предшествующих месяца, женщина нашла описание самого инцидента. В статье указывался возраст Кэндис Миллер – сорок девять лет, а это значит, что теперь ей семьдесят три. Упоминание о таких особенностях культа, как «странная диета, самообеспечение и отсутствие контактов с обществом», убедило психотерапевта, что она на правильном пути.

А вот и ключевая деталь: на Рое и его женах была «грубая самодельная одежда черного цвета».

И по-прежнему ни одного имени, за исключением Роя. Потому что это Лос-Анджелес, и всех интересует только главный герой.

Старая история, подумала Блейдс. Харизматичный фрик привлекает безмозглых последователей. Разумеется, заводит детей, потому что мегаломаны жаждут продолжить себя в них.

В первой статье имелась фотография: снимок Роя, когда ему было чуть за пятьдесят, он работал в исправительном учреждении и звался Роальдом Лероем Арунделом.

Вероятно, в молодости гуру Культа Крепости был привлекательным парнем: квадратный подбородок, широкие плечи, изящные уши... Но в среднем возрасте он расплылся и перестал следить за собой – дряблая кожа на лице и шее, мешки под глазами, набрякшие веки, высокомерный взгляд...

Расчесанные усы, говорящие о самодовольстве.

Плотоядная улыбка, уже знакомая Грейс.

Она представила, как Рой идет мимо камер женской тюрьмы, опьяненный властью, распадом личности и тестостероном.

Лиса в курятнике.

Еще несколько часов поиска какой-либо информации о Культе Крепости истощили ресурсы трех телеграфных агентств и четырех газет.

Силы были потрачены впустую: по всей видимости, журналистика состоит из пересказа чужих статей. Хотя в данном случае предполагаемых корреспондентов следовало простить за скудость материала: власти не сообщали почти никаких фактов.

Доктор Блейдс просмотрела материалы всего следующего года. Никаких новых сведений о расследовании, ни слова о женах, о бездомных жертвах и о детях, росших среди грязи и безумия.

Попытавшись найти информацию о корреспонденте, Селвине Родриго, женщина наткнулась в «Таймс» на некролог шестилетней давности. Журналист умер в возрасте шестидесяти восьми лет после «продолжительной болезни».

В некрологе описывалась карьера Родриго. Вскоре после статьи о Культе Крепости он переехал в Вашингтон и стал писать о финансах и бизнесе. Вне всякого сомнения, это был шаг вперед, но Грейс предположила, что Селвин просто сбежал, что он хотел сменить бурбон на жидкий чай.

У него остались жена Марианна и дочь Ингрид. Жена умерла три года спустя. А об Ингрид не было никаких сведений – а также никаких

оснований предполагать, что отец поделился с ней подробностями своей работы.

Переключившись на раненого социального работника, Кэндис Миллер, Грейс нашла множество женщин с таким именем, но по возрасту никто из них не подходил.

Что дальше?

Сосредоточиться на детях.

Но если информация об отпрысках последователей культа и существовала, она была погребена в недоступных архивах социальной службы. Психотерапевт задумалась, не воспользоваться ли связями Делавэра в полиции, чтобы выяснить, существуют ли другие официальные отчеты, но быстро отбросила эту мысль. Она убила человека, и самое последнее, что ей нужно, – это привлекать к себе внимание полиции.

Что же делать?.. Давным-давно, когда она сталкивалась с трудными вопросами, у нее срабатывал рефлекс: *спросить Малкольма*. В какой-то момент – вскоре после вступления в подростковый возраст – Грейс решила, что уже взрослая и должна отделиться от него, и стала сознательно его избегать. Тем не менее сам факт его присутствия действовал успокаивающе.

Теперь же... Натянутые нервы производили настоящую какофонию нестройных звуков.

Блейдс подошла к мини-бару, достала маленькую бутылку водки и сделала глоток. Но потом решила, что пить не стоит, и вернула бутылку на место.

Как поступил бы Малкольм?

В голове у женщины зазвучал его низкий, обволакивающий бас: «Когда все запутывается, Грейс, иногда полезно вернуться к началу».

Сделав глубокий вдох, она расслабила мышцы и сосредоточилась на том, чтобы извлечь из памяти подробности о трех детях в черном. Ничего нового не вспомнила, и разочарование отправило ее мысли в свободное плавание.

Она вспоминала свою жизнь на ранчо.

Ту ночь, когда ее привезли, свой страх, когда машина ехала по пустынной местности. Мимо дорожных указателей к тому месту, где красная комната... окружила ее.

Это было так не похоже на другие переезды. Безразличные водители появлялись без предупреждения и приказывали собирать ее скудный багаж. Увозили ее, ничего не объясняя, а иногда и не представившись.

Социальный работник, который привез ее на ранчо, был не таким.

Уэйн Кнутсен. Толстый, с волосами, собранными в «хвост», мечтающий стать юристом. Во время их последнего разговора он вручил Грейс свою визитную карточку. Которую она тут же выбросила. Заносчивая девчонка...

Сейчас ему должно быть не меньше семидесяти, как и Кэндис Миллер. Тогда парень выглядел не очень здоровым, и маловероятно, что в таком возрасте он ведет активную жизнь.

Не питая особых надежд, Блейдс набрала его имя в поисковике.

Сюрприз, сюрприз!

*Кнутсен, Дипримо, Бэнкс и Ливайн
Юридические услуги*

Солидная контора в центре города, на Саут-Флауэр-стрит. Уэйн Дж. Кнутсен, основатель и старший партнер, два десятка адвокатов... Бывший социальный работник занимается «контрактами, недвижимостью и ведением судебных дел». Возможно ли это?

Грейс зашла на сайт фирмы и нашла фотографии и биографии сотрудников.

Старший партнер был пожилым, очень упитанным, абсолютно лысым и с маленькой седой бородкой на одном из его двух с половиной подбородков. На нем были синий костюм в тонкую полоску, белоснежная рубашка с воротником на пуговицах и голубой галстук с крупным узлом из блестящего шелка.

Улыбка говорила о его довольстве собой. Адвокат Кнутсен уже не ездил в дребезжащей малолитражке – Блейдс представила его в большом «Мерседесе».

Когда-то он жаловался, что вынужден довольствоваться неаккредитованной юридической школой, но в итоге окончил Гастингский колледж права Калифорнийского университета, а потом специализировался на налогах и недвижимости и был членом различных коллегий адвокатов.

Если когда-нибудь тебе что-то понадобится...
Пора проверить его искренность.

Глава 28

Доступ к преуспевающему адвокату обычно преграждают многочисленные помощники, и поэтому Грейс решила явиться лично. Поиск информации в номере отеля затянулся до шести вечера, и добраться до центра города будет непросто, но что ей оставалось? Она проглотила горсть орехов, а потом сжевала пластинку говяжьей нарезки и запила все маленькой бутылочкой воды.

После этого Блейдс вышла из номера и, стараясь не терять бдительности, спустилась в гараж, завела «Джип» и уехала. Через час и двадцать минут она была у серого каменного здания, где находилась юридическая фирма Кнутсена, Дипримо, Бэнкса и Ливайна. Вероятно, уже поздно и там никого нет.

Семиэтажное здание, величественное и в безукоризненном состоянии, было одним из старых элегантных строений на престижной улице довольно унылого центра города. Оставив машину на платной парковке за квартал от здания, доктор Блейдс пошла пешком. Обитая латунью дверь оказалась открытой, и она поднялась на лифте на шестой этаж. Адвокатское бюро «Кнутсен, Дипримо, Бэнкс и Ливайн» занимало половину этажа, а на второй половине располагалась бухгалтерская фирма. Вход в обе конторы пролегал через большие, ярко освещенные приемные со стеклянными стенами, расположенными друг напротив друга в просторном холле с ковровым покрытием цвета спелой голубики.

Женщина за конторкой «КДБЛ» (большие латунные буквы) была молодой, хорошенькой, энергичной – и уже собиралась уходить.

Грейс улыбнулась ей.

– Мистера Кнутсена, пожалуйста.

– Офис закрыт.

– Если мистер Кнутсен здесь, он захочет со мной увидеться. Я – доктор Грейс Блейдс.

– Доктор, – произнесла секретарь. – Он занят.

– Ничего, я могу подождать.

Психотерапевт села на стул, взяла со стеллажа у стены экземпляр проспекта «Дом мечты в Беверли-Хиллз» – объемистый, с большими

блестящими буквами – и сделала вид, что увлечена этим вульгарным «раем». В этом году кухни были размером с деревенский дом, а для демонстрации богатства служили домашние кинотеатры IMAX на сорок мест.

Секретарь набрала внутренний номер, произнесла имя Грейс и повесила трубку. Вид у нее был теперь удивленный.

– Вам все равно нужно подождать, а через пять минут я уйду, – сказала она.

Через полторы минуты ее телефон зазвонил. Она встала и, стараясь скрыть недовольство, тихо произнесла:

– Сюда, пожалуйста.

* * *

Кабинет, как и следовало ожидать, был угловым, с двумя окнами на всю стену, выходящими на север и восток. Полукруглый письменный стол – десять футов осветленного клена, со встроенными отделениями для компьютера и телефона. Дипломы и другие придающие солидность документы в серебристых рамках висели на задней стене, обтянутой бежевой тканью из волокна рами и увенчанной сияющим бронзовым карнизом.

На низком кленовом шкафу под цвет стола примостились две огромные фотографии, не меньше квадратного фута каждая. На одной из них, той, что находилась ближе к столу, был запечатлен Кнутсен вместе с другим мужчиной, моложе, но ненамного, лет шестидесяти или около того, стройным и седым. У обоих были подозрительно красные носы, оба были в бейсболках и солнцезащитных очках, и оба улыбались. Незнакомый мужчина держал удочку, а в мясистых руках Уэйна Кнутсена был довольно большой палтус.

На втором снимке была та же пара – счастливые, в одинаковых смокингах, держатся за руки. Они стояли перед женщиной в одежде священника, с распятием на шее. На ковре вокруг них были рассыпаны рис и конфетти.

Грейс показалось, что в кабинете никого нет, но голос за ее спиной произнес:

– Спасибо, Шейла. Иди домой, ты слишком много работаешь.

Не отрывая взгляда от посетительницы, Уэйн Кнутсен, эсквайр, подошел к столу, наклонился над сверкающей поверхностью и протянул мясистую руку. Лицо у него было розовым, а тело напоминало кое-как скрепленные воздушные шары, подскакивающие при каждом движении. Однако крошечная борода была аккуратно подстрижена, а щеки безупречно выбриты. Санта-Клаус после посещения дорогого парикмахерского салона.

Если б он улыбался, Грейс ожидала бы удивленного восклицания.

Но Кнутсен был абсолютно серьезен и даже немного встревожен.

Пожимая ему руку, доктор заметила широкое платиновое кольцо на безымянном пальце левой руки. Рука была теплой и сухой.

Дела, которыми занимался бывший соцработник, не требовали формальностей: на нем была ярко-желтая рубашка поло и брюки из легкой ткани в полоску, причем и то и другое подчеркивало его полноту. Узкие штанины едва доставали до мягких замшевых туфель синего цвета, а носки отсутствовали. На загорелом лысом черепе виднелись коричневые пятна. А на абажуре лампы висела бейсболка, та же самая, что и на фотографии.

– Я как будто перенесся в прошлое, – сказал Уэйн. – *Доктор* Грейс Блейдс. Я не удивлен. – Взгляд его стал внимательным, но голос звучал неуверенно.

– Я тоже не удивлена.

Адвокат моргнул, а потом опустил свое массивное тело в похожее на трон кресло и жестом предложил гостье выбрать один из трех стульев напротив.

– Грейс Блейдс... Это *огромный* сюрприз. В какой области у тебя докторская степень?

– Клиническая психология.

– Ага. – Юрист кивнул, словно это был единственный логичный выбор.

Он думает, это компенсация.

– Когда ты защитилась? – продолжил расспросы Кнутсен.

– Восемь лет назад.

– Тебе было... – Мужчина сделал паузу, мысленно подсчитывая.

– Двадцать пять, почти двадцать шесть.

– Молодая. – Мягкая улыбка. – И по-прежнему молодая. Поздравляю. Это большое достижение. Что привело тебя сюда?

– Я хочу вас нанять.

– Для...

Грейс открыла сумочку и достала кошелек.

– Какой у вас предварительный гонорар?

– Ого! – выдохнул Уэйн Кнутсен. – Не могу точно сказать, пока ты не сообщила, что тебе нужно.

– Для начала – конфиденциальность.

– Ну... за это не нужно платить, доктор... Можно я буду называть тебя Грейс?

– Конечно, – улыбнулась женщина. – Я хочу вам заплатить.

– Но в этом нет необходимости. Даже намерение нанять адвоката требует конфиденциальности.

– Я знаю.

Мягкий живот Кнутсена приподнялся.

– Ладно, тогда давай... десять долларов.

– Я серьезно.

– И я серьезен, Грейс. Мне до сих пор трудно поверить, что ты сидишь здесь. Должен признаться, что когда я услышал твое имя, то немного... испугался.

– Простите, что свалилась как снег на голову; но что вас испугало?

Юрист клацнул зубами и посмотрел на потолок, а потом снова на Блейдс.

– Мне показалось, что ты могла затаить какую-то обиду. За то, что я мог сделать много лет назад. Хотя, черт возьми, не представлял, что бы это могло быть.

Тем не менее Уэйн пригласил ее войти. Любопытство пересилило тревогу. Грейс почувствовала, что в ней пробуждается надежда.

– Наоборот, – сказала она. – Вы были единственным, кто чего-то стоил. Вот почему я здесь. – Она вытасила из кошелька пять двадцаток и положила их на стол.

– Интересная версия десяти долларов, – заметил Кнутсен. – Забавно, а я помню, что тебе хорошо давалась математика... Впрочем, все остальное тоже. Ты была самым умным ребенком из всех, с кем сводила меня работа.

– Тогда будем называть это вычислениями высшего порядка.
Бывший социальный работник вздохнул.

– Ладно, остальное я отдам на благотворительность. Есть идеи?

– Выбор за вами.

– Мы держим лхасских апсо... С партнером... То есть с мужем, никак к этому не привыкну. Может, приют для лхасских апсо?

– Звучит неплохо, – одобрила Блейдс.

– Отлично, доктор Грейс, ты меня наняла, и твои секреты будут строго охраняться. Теперь расскажи, в чем они состоят.

– Мне бы хотелось начать с благодарности. За то, что позаботились обо мне и привезли на ранчо «Дилижанс».

Уэйн Кнутсен протестующе взмахнул рукой, и лицо его из розового стало малиновым.

– Я просто делал свою работу.

– Не просто. И это все изменило. Мне следовало поблагодарить вас еще много лет назад.

Губы мужчины дернулись.

– Рад слышать, что все сложилось удачно. Да, она была потрясающей женщиной... Сколько ты пробыла на ранчо?

– До одиннадцати лет. Пока не умерла Рамона.

– О... Очень жаль... Она болела?

– Сердце, – сказала Грейс. – Она ничего не говорила детям, но выглядела усталой, принимала таблетки, а однажды потеряла сознание и упала в бассейн.

– Господи, какой ужас! – Уэйн Кнутсен покачал головой. – И для тебя, и для нее. Печально. Она была исключительным человеком.

– Да.

– Бедная Рамона... Если б я остался в социальной службе, то знал бы. Но в конечном итоге я уволился.

– Юридическая школа, очная.

– Я посещал неаккредитованное учебное заведение, и это была пустая трата времени – они просто зарабатывали деньги. Однако настоящая причина моего увольнения заключалась в том, что я был сыт по горло. Всей системой, которая относилась к детям, как к собственности, швыряла их с места на место, почти не контролировала и уж точно не делала попыток получше узнать их. И еще эти случаи

насилия – не правило, а исключения, но все же... Я больше не хотел в этом участвовать.

Юрист потер глаз.

– Я не вывожу себя за пределы критики, Грейс, – добавил он. – Я был частью системы, подчинялся инструкциям. При таком количестве подопечных просто невозможно должным образом делать свою работу. Думаю, это оправдание не хуже других.

– Но вы смогли подняться над системой, – сказала Блейдс.

Ее собеседник удивился. Некоторое время он всматривался в ее лицо, подозревая сарказм, и она постаралась показать, что говорит серьезно.

– Ты очень добра, но это случалось реже, чем должно было. В твоём случае это было легко. И это *твоя* заслуга. Потому что ты была настоящим бриллиантом, черт возьми, и я думал, что есть надежда... – Адвокат улыбнулся. – Я надеялся. Когда я последний раз позвонил Рамоне... спросить, как у тебя дела... за день до того, как подал заявление об увольнении... Рамона сказала, что все отлично, только ты робкая, нелюдимая и полностью погруженная в учебу. Мои мысли были далеко, психологически я уже давно уволился и поэтому сказал, что ничем не могу помочь. Рамона ответила, что в таком случае сама займется этим, и повесила трубку. Очевидно, она прекрасно справилась. – У него снова дрогнула губа. – Гораздо лучше, чем смог бы я.

– Это была работа, а не пожизненное заключение, Уэйн. То, как вы помогли мне, свидетельствует о том, что вы, вероятно, помогли большему количеству детей, чем то, что значит в вашей статистике.

Улыбка Кнутсена была широкой и слегка удивленной.

– Теперь я вижу, что вы превосходный психотерапевт, доктор Блейдс... Черт, потрясающе звучит: *доктор*. Я очень рад!.. Итак, что привело тебя ко мне?

– Вы дали мне свою визитную карточку, сказав, чтобы я связалась с вами, если мне что-то понадобится.

Мужчина поморщился.

– Неужели?.. Вероятно, ты застала меня в момент слабости. Поверь, тогда я был в полном раздрае. Не знал, как буду сводить концы с концами. Я хотел начать все с чистого листа, поступить в Гастингский колледж права, переехать на север, заняться семейным

правом... Изменить систему изнутри и все такое, понимаешь? Но в первом семестре я так радовался свободе от системы, что передумал, развернулся на сто восемьдесят градусов и занялся скучными вещами. – Он рассмеялся. – Скучными, прибыльными и аморальными вещами. Теперь у меня «Ягуар», Грейс. Иногда я еду в машине и сам над собой смеюсь.

– У меня «Астон Мартин».

– Ничего себе! – Бывший соцработник присвистнул. – Клиническая психология пошла тебе на пользу, да? Так в чем дело? Неприятности у пациента?

– Неприятности у психотерапевта.

Юрист откинулся назад и сложил руки на животе.

Грейс рассказала все, что ему нужно было знать.

Трое светловолосых ребяташек в сшитой вручную черной одежде. Старший брат, по всей видимости, убил ребенка, что стало причиной еще одной смерти.

Через двадцать лет – появление младшего брата, все еще изнемогающего под грузом мрачных секретов и ищущего искупления.

И погибшего, вероятно, из-за этих секретов.

Закончила Блейдс двумя аспектами, которые, как она надеялась, затронут чувства адвоката – точно так же, как много лет назад, когда он был добр к ней.

Ни слова об убийце в ее саду, о летящем в пропасть теле, о выброшенном огнестрельном оружии и о ноже. О том, что она вынуждена скрываться.

Уэйн Кнутсен слушал не перебивая, а потом задумался.

– Ну, Грейс, это просто... Не знаю, что сказать, но похоже на кино.

– Мне бы тоже хотелось так думать, Уэйн. Но это реальность. И я напугана.

– Понимаю... Двадцать три года назад...

– И несколько месяцев.

Мужчина пристально посмотрел на собеседницу, как врач на пациента.

– Это основная часть твоей жизни, Грейс. И приличный кусок моей... Я в некоторой растерянности. Ты действительно думаешь, что старший брат убил того больного мальчика... Бобби?

– Я уверена. У него были все ранние признаки психопатии, и кроме того, кислородная трубка никак не могла отсоединиться сама.

– А что, если у Бобби случился припадок и он сильно дернул за трубку... Я просто рассуждаю, как юрист.

– Бобби не мог ходить, и у него не хватило бы сил, чтобы это сделать. Рамона соблюдала осторожность и прочно фиксировала трубку. Я знаю это, потому что иногда отсоединяла ее по утрам.

– Рамона использовала тебя в качестве помощника?

– Я сама настояла – так я чувствовала себя сильной и независимой. А у нее сил становилось все меньше.

– Понятно... Вопрос прозвучит ужасно, но я адвокат и должен спросить. – Кнутсен поерзал в своем кресле. – С учетом того, что здоровье Рамоны ухудшалось, а забот с этим Бобби становилось все больше, существует ли малейшая вероятность, что она могла...

– Сама убить ребенка? Ни за что. Увидев, что Бобби мертв, она пришла в ужас. Я уверена, что этот шок ее и убил.

– Боже мой! Какой кошмар... Бедная Рамона. Бедный ребенок... А кто-нибудь еще не мог...

– Уэйн, это был он.

– Да-да, тебе лучше знать. Говоришь, его звали Сэм? Не слишком много информации... Сколько ему было лет?

– Тринадцать или четырнадцать, около того.

– Думаю, достаточно взрослый, – сказал Уэйн. – Когда постоянно слышишь все эти безумные речи... Ладно, как ни ужасно в этом признаваться, но я склонен согласиться с твоим мнением. Что произошло после закрытия ранчо? Хотя я не уверен, что хочу это слышать. – Кнутсен покачал головой, его щеки задрожали. Неловким движением он закрыл ладонью глаза.

Грейс подалась вперед и взяла его за руку, успокаивая, как успокаивала своих пациентов.

– На самом деле, – сказала она, – все обернулось к лучшему.

Глава 29

Детектив Нэнси быстро ехала в детскую колонию, и Грейс понимала, что она торопится закончить свою работу. Они миновали несколько запертых ворот, а потом детектив исчезла, и дальше девочку сопровождала огромная чернокожая женщина, которая называла ее «голубушкой» и заверяла, что все будет хорошо.

Эта женщина успокаивала новую подопечную, но голос у нее был усталым и безразличным, как будто она проглотила магнитофон, предварительно нажав кнопку «Воспроизведение».

* * *

У Грейс забрали одежду, а вместо нее выдали ярко-оранжевые штаны и такую же рубашку. На худом запястье закрепили пластиковую полоску с ее именем, причем написанным с ошибкой: «Блэнд». Помещение было маленьким, в нем пахло мочой и калом, одна стена была испещрена неприличными рисунками, а вместо другой была решетка. Единственное окно, под самым потолком, было черным – за окном царилась ночь. Мебель состояла из койки, шкафчика и металлического унитаза без крышки.

Большая чернокожая женщина сказала:

– Извини, голубушка, пришлось поместить тебя в одиночную камеру, но это для твоей же пользы, потому что нет смысла отводить тебя в общую спальню, ничего хорошего тебя там не ждет. Ты не такая, как некоторые другие дети, они и вправду плохие, но тебе не нужно об этом знать, просто прими это как факт, ладно?

– Ладно, – ответила Блейдс.

– Вот почему я тебя запра, голубушка. Ради твоего же блага. Постарайся выспаться, а утром можешь задавать вопросы. Утром люди ответят на твои утренние вопросы.

– Ладно.

– Я хочу сказать, голубушка, что ты все равно здесь ненадолго, пока суд не вынесет решение. Это значит, что все уладится.

Я знаю, что это значит. Нажми «Стоп» на своем магнитофоне.

– Ладно? – повторила женщина.

И Грейс вошла в свою камеру.

* * *

На следующее утро другая чернокожая женщина принесла поднос с завтраком и сказала:

– Подъем, труба зовет! Вам что-нибудь нужно, мисс?

– Книги, – ответила Грейс.

Ее слова произвели такое впечатление, словно она попросила лунный грунт.

– Сколько тебе лет?

– Одиннадцать.

– Хм, посмотрим, что тут можно сделать...

– Я читаю взрослые книги.

Женщина нахмурилась.

– Ты имеешь в виду эти, неприличные?

– Нет, – сказала девочка. – Взрослые книги – психология, биология...

Собеседница скептически уставилась на нее.

– Ты вроде как гений?

– Я любопытная.

– Здесь это до добра не доведет, мисс.

* * *

Шесть часов спустя к ней в камеру принесли потрепанные школьные учебники для пятого класса. Детская математика, детский английский, детская наука.

Это наказание, решила Грейс, за то, что она оказалась в неподходящем месте в неподходящее время. Она размышляла, куда отправили Сэма, Тая и Лили. Может, они тоже здесь, в других тюремных камерах. Может, когда ее выпустят, она их увидит. Девочка надеялась, что нет.

Позже выяснилось, что беспокоиться ей не о чем. Три дня ее никуда не выпускали, и по большей части персонал, похоже, просто забывал о ней. Она вела себя тихо, спала, размышляла и чувствовала, что постепенно тупеет, как будто ее мозг разлагается и она тонет в образовавшейся пустоте.

Но ведь она не сделала ничего плохого. Точно так же как и тогда, с красной комнатой.

Сохранять спокойствие было не всегда легко – для этого требовалось отвлечься от криков и воплей других заключенных, среди которых были и мужчины, которые ходили под присмотром охранников, не мешавших им глазеть на Грейс, тереть себя между ног и говорить гадости. Пару раз они и вправду доставали пенис и тербели его, ухмыляясь при этом.

В первый раз Блейдс была так удивлена, что никак не отреагировала. Во второй раз она рассмеялась.

Парень, над которым она смеялась, был высоким и широким, с черным пушком на прыщавом лице. Когда девочка засмеялась, его пенис сморщился, и парень поспешно застегнул штаны. Судя по его лицу, ему хотелось вырвать прутья решетки и прикончить Грейс.

После этого она свернулась калачиком на своей койке, отвернувшись от этого убогого мира.

* * *

В конце четвертого дня еще одна чернокожая женщина – похоже, весь персонал здесь был черным – отперла камеру и сказала:

– Вас выпускают, мисс... – Она заглянула в планшет с бумагами. – Мисс Блейдс. Вот твоя одежда. Одевайся, я подожду. Потом отведу тебя.

– Куда? – спросила девочка.

– Тебя переводят в новое место.

– Где это, мэм?

– Мне не сказали, я только должна тебя привести.

Грейс сбросила оранжевый костюм, не заботясь о том, что мимо может пройти какой-нибудь мальчишка с грязными мыслями и увидеть ее в одних трусиках. Надев то, в чем ее сюда привезли, она прошла

вслед за надзирательницей через несколько запертых дверей, ведущих в этот ад, и оказалась в маленькой приемной.

Там был Малкольм.

– Боже... – сказал он. – Прости, что так долго не мог тебя найти.

В одной руке психолог держал вещи Блейдс, а вторую протягивал ей произвольным жестом, предлагая утешение. Девочка не хотела, чтобы до нее дотрагивались, – она никогда этого не любила, и в этот момент отвращение победило здравый смысл.

Он пришел, чтобы спасти тебя; делай все, что он хочет.

Но Грейс не хотела, чтобы он обнимал ее – три дня в тюрьме усилили ее неприязнь к физическому контакту. Она не двинулась с места.

Глупо. Ладно. Попробуй.

Она нерешительно шагнула вперед.

Психолог опустил руку.

Теперь он сердится. Почему я такая дура?

Малкольм нагнулся к ней и прошептал:

– Мне очень жаль, Грейс, этого не должно было случиться. Я хочу забрать тебя – ты согласна?

– Да.

– Отлично. Машина на улице. Мой универсал в ремонте, так что я взял машину Софи; в ней всего два места, но нам хватит.

Блюстоун прошел к выходу и открыл перед девочкой дверь, не переставая быстро и безостановочно говорить. Как будто нажал свою клавишу «Воспроизведения».

Но этот голос Грейс хотелось слушать.

* * *

Машиной Софи оказался старый, но сияющий черный «Тандерберд» с открытым верхом и салоном из безупречно чистой белой кожи. В старых журналах Грейс видела рекламу с такими автомобилями. Красивые богатые люди в кабриолетах, на скачках или на прекрасных пляжах.

Она богата, а он – нет? Может, поэтому она не поменяла фамилию? Чтобы он помнил, что они – отдельные люди, что у нее

есть деньги?

– Довольно щегольская, да? – Блюстоун кивнул на машину. – София у меня щеголь.

Он сунул вещи Блейдс в багажник, открыл для нее пассажирскую дверцу и сел за руль. Даже отодвинув сиденье назад до конца, этот человек все равно был вынужден сгорбиться и выглядел как взрослый, втиснувшийся в детский автомобильчик. Он вставил ключ зажигания, но двигатель не заводил.

– Мне вправду очень жаль, Грейс, – сказал психолог, оглядываясь на серую громадину детской колонии. – Наверное, это было ужасно.

– Нормально.

– Ты очень храбрая, если так говоришь. Проблема в том, что я потратил уйму времени на выяснение, что случилось. В голове не укладывается. Рамона... была... моей невесткой, и я как единственный родственник обязан уладить все дела. Мне ее очень не хватает... Мне ничего не сообщили, Грейс. Я приехал на ранчо, увидел, что оно пустое, начал звонить властям, но всюду натыкался на глухую стену. Наконец помощник шерифа рассказал мне, что случилось. Когда шок прошел, я спросил, что с детьми. Тогда он сообщил мне о Бобби. Когда прошел и *этот* шок, я стал выяснять, где остальные дети, и он ответил, что не знает. Похоже, люди, которые привезли тебя сюда, – идиоты. Это невысказано, Грейс. Тупые бюрократы обращались с тобой, как с преступницей.

Девочка пожала плечами, сама не зная почему. Ей хотелось просто уехать отсюда.

– Бедняжка, – сказал Малкольм и снова протянул руку, чтобы утешить ее, но быстро опомнился. Он повернул ключ зажигания, а когда мотор ожил, начал выезжать с парковки. Медленно, как будто боялся скорости. Но такая робость не подходила для этой машины. Возможно, Софи обращается с ней должным образом.

Когда они выезжали на улицу, Грейс спросила:

– Куда мы едем?

Малкольм затормозил и хлопнул себя по лбу.

– Ну конечно, откуда тебе знать? Прости еще раз, у меня временное рассеяние внимания из-за... Мы едем ко мне домой. В наш дом, мой и Софи. Если, конечно, ты согласна. Я не буду тебя

уговаривать, но, честно говоря, Грейс, в данный момент лучшей альтернативы...

– Я согласна. Пожалуйста, езжайте быстрее.

* * *

Блейдс предполагала, что путешествие будет долгим, думая, что уродливый район с детской колонией должен быть далеко от красивого дома Малкольма и *богатой* Софии Мюллер.

Она оказалась права, но только наполовину. Дом был огромным и красивым – и соседние тоже. Все они были с просторными зелеными лужайками, старыми деревьями и яркими цветами. Но дорога туда заняла совсем немного времени. Блюстоун проехал всего одну улицу, которая называлась Шестой и тянулась мимо каких-то серых, неприглядных строений.

– Вуаля, – объявил он, сворачивая на подъездную дорожку.

Дом был двухэтажным, с высокой остроконечной крышей, крытой каким-то материалом, похожим на серый камень. Фасад кирпичный, с многочисленными деревянными балками. Грейс знала этот архитектурный стиль по книгам – Тюдор, в честь династии английских королей. Но она даже не подозревала, что такие дома есть и в Америке.

– Тебе для ориентировки, – сказал Малкольм. – Этот район называется Хэнкок-Парк, а улица – Джун-стрит. Больше подходит для банкиров и юристов, чем для профессоров, но здесь жили родители Софи. Они были в числе первых евреев, которым разрешили купить... Извини, тебе об этом знать не обязательно.

Последовала короткая пауза.

– Дело в том, что мы с Софи – евреи.

– Знаю.

– Ага, – кивнул Блюстоун. – Догадалась по фамилиям?

– Холокост.

– Ну конечно... логично. В любом случае мы не религиозны, и тебе не придется учить обряды, молитвы и все такое.

Грейс подумала, что обряды и молитвы – это интересно. Среди материалов, которые привозил ей Малкольм, были статьи о всевозможных религиозных обычаях.

– Ну вот, – сказал профессор, после чего вылез из «Тандерберда» и достал из багажника вещи девочки. К тому времени, как он обогнул машину, чтобы открыть дверцу для пассажирки, она уже стояла на земле. – Мы приехали.

Затем Блюстоун открыл ключом массивную деревянную дверь с бронзовой ручкой в форме льва. Грейс прошла вслед за ним в пустое помещение с мраморным полом в черно-белую клетку – похоже, это была просто прихожая перед комнатой гораздо большего размера. В ней располагались старинные диваны и стулья с множеством подушек, столы из темного дерева с гнутыми ножками и красивые книжные шкафы, тоже из темного дерева, забитые книгами. Стопки книг лежали и на полу, а в одном углу стояли напольные часы – высокие, выше Малкольма. Слева наверх вела лестница с резными балясинами и широкими ступенями, а в центре комнаты лежал ковер с сине-красно-белым узором.

Несколько стеклянных дверей в задней стене комнаты выходили в сад.

Участок вокруг этого дома был меньше, чем на ранчо, но все равно большой. Бассейн с ярко-синей и чистой водой, деревья со свисающими ветками, клумбы с красными, розовыми и белыми цветами, а также лужайка – такой зеленой травы Грейс никогда не видела. У нее перехватило дыхание.

Словно по волшебству, в комнате возникла профессор София Мюллер, одетая в синий джемпер с расстегнутой верхней пуговицей, футболку того же цвета, рыжие слаксы и коричневые туфли без каблуков. Ее пепельные волосы были собраны в пучок, а на шее висела цепочка с очками.

Она улыбнулась и протянула девочке руку. Немного смущенно, как будто не привыкла принимать гостей.

На этот раз Блейдс справилась с собой и тоже протянула руку.

– Рада видеть тебя, Грейс, – сказала Мюллер.

Она взяла у Малкольма вещи девочки и сказала, что его универсал починили; если он хочет, то может вызвать такси и забрать машину, пока мастерская не закрылась.

– Ты уверена? – спросил Блюстоун.

– Да, дорогой. «Тандерберд» мне завтра понадобится, – ответила его жена.

Мужчина кивнул, пересек большую комнату и исчез за дверью справа.

– Пойдем, твоя комната готова, – поманила Софи девочку.

Они поднялись по лестнице.

– Вуаля, – объявила хозяйка дома.

Очевидно, это было их семейное словечко. Грейс решила, что нужно как можно быстрее найти словарь.

Комната, куда привела ее София, была раза в три больше, чем детские спальни на ранчо, а два ее окна выходили в красивый сад. Но милой эту комнату назвать было сложно – скорее наоборот. Кровать для взрослых, но с простым белым покрывалом, обои желто-коричневые, похоже, старые, без картин или других украшений. Полы деревянные. Больше никакой мебели.

– Все случилось так быстро, что мы не успели ее обставить, – сказала Мюллер. В отличие от Малкольма, она объясняла, но не извинялась. Может, потому что богатая?

– Мне нравится, – заверила ее Блейдс.

– Ты очень любезна, но мы обе знаем, что дело еще не закончено. Потерпи немного. Скоро мы с тобой поедem по магазинам и обставим твою комнату так, чтобы она подходила для девушки твоего возраста и ума.

Грейс промолчала.

– Ты согласна? – спросила Софи.

– Да.

– Должно быть, ты голодная. Можно не сомневаться, что в том ужасном месте тебя кормили всякой дрянью... Пойдем на кухню и поищем тебе приличную еду.

Девочка стала спускаться по лестнице вслед за Софией. Та шла быстро, не оглядываясь.

Она считает, что у меня все нормально. Это новая разновидность людей.

Так начался счастливый период в жизни Грейс Блейдс.

Глава 30

Рассказ Грейс о том времени Уэйну Кнутсену, эсквайру, был кратким и сухим.

– Слава богу, что есть такие люди, – сказал тот, и Блейдс уловила в его тоне нотки сожаления, словно он пропустил что-то важное.

Она решила воспользоваться этим:

– Как бы то ни было, мне нужна ваша помощь.

– Гм... У меня неплохие связи в полиции.

– Я предпочла бы не обращаться к ним, – сказала Блейдс. – Полиция не воспримет меня всерьез.

– Почему?

– Дела давно минувших дней, сплошные предположения и ни одного доказательства.

Уэйн с усилием встал, сделал несколько шагов, а потом вернулся к своему трону у стола. Вид у него теперь был деловой.

– Ты права. Объективно тут нет ничего, о чем я мог бы сообщить начальнику... – Лицо его заливал румянец, от подбородка ко лбу. – Извини за претенциозность, просто мы с ним посещаем одни и те же благотворительные мероприятия. Собственно, именно поэтому я так одет. Приятный день за гольфом в так называемом загородном клубе. Больше никаких имен, обещаю.

– Мне нужны как раз имена, Уэйн. Их настоящие имена – Сэма, Тая, Лили. Чтобы я смогла выяснить, что с ними случилось.

Адвокат смерил ее долгим, испытующим взглядом.

– Мне надо знать своего врага, Уэйн. Я не могу так жить, подозревая, что он прячется за каждым углом, – объяснила Грейс.

Теперь Кнутсен быстро перебирал пальцами.

– Это потому, что ты считаешь его убийцей брата.

– Брата несколько дней назад – и Бобби Кановы двадцать три года назад. И еще бог знает скольких людей в промежутке.

И я сама едва не стала его жертвой.

– Почему должны быть другие? – спросил юрист.

– Потому что люди, испорченные уже в таком возрасте, не посвящают свою жизнь добрым делам.

Уэйн не ответил.

– Ни в чем я еще не была так уверена, – прибавила Грейс.

– Тот больной мальчик...

– Бобби Канова. Его смерть, должно быть, признали несчастным случаем. Но Сэм выдернул трубку с кислородом – другого варианта быть не может. Я видела его в то утро, Уэйн. Он гордился собой. И у него была та же улыбка, когда он заметил тело Рамоны. Причем он позаботился, чтобы я видела, как он улыбается. Хотел, чтобы я знала: он приписывает себе и ее смерть.

Кнутсен поморщился. Ранимый, заботливый человек... Блейдс решила сыграть на этом.

– Сэм наслаждался. Такого рода потребность не исчезает, Уэйн, – продолжила она убеждать его. – Я уверена, что он еще убивал.

– Такая расчетливость в этом возрасте...

– Именно об этом я и говорю, Уэйн. Речь идет о выраженной психопатии. Мне нужна ваша помощь, чтобы его найти.

– А когда найдешь...

– После того как я соберу достаточно фактов, вы можете поговорить с полицией, с начальником или с какой-нибудь другой шишкой из ваших контактов. А до тех пор, не имея убедительных фактов, я просто подвергну себя еще большей опасности.

Кнутсен задумался – теперь этот человек был рационален и скрупулезен, каким и должен быть хороший юрист. Потом он достал из ящика письменного стола авторучку – позолоченный «Монблан» стоимостью больше тысячи долларов.

– И каким образом я должен выяснить настоящее имя этого маленького чудовища?

– Не знаю, – сказала Грейс. – Но мне больше не к кому обратиться.

На самом деле я могу предложить много вариантов. Вы работали в этой проклятой системе, так что используйте ее, извлеките из потраченных лет какую-то пользу.

Ей вспомнилась старая шутка о психотерапевтах: «Сколько нужно психотерапевтов, чтобы сменить лампочку? – Всего один, но только если лампочка согласна меняться».

Лучше б Уэйн пришел к этому выводу сам.

А если нет, хоть это и маловероятно, то Блейдс сделает все, чтобы подтолкнуть его мысль в нужном направлении.

Трон повернулся. Уэйн откинулся назад. Скрестил ноги. Повертел авторучку в пухлых пальцах.

– Двадцать три года назад, – произнес он. – Материалы социальной службы тогда были конфиденциальны, как и сейчас.

– Официально, – сказала Грейс. – Мы оба знаем, как это устроено. Кнутсен не ответил.

– Официально приемные семьи – это наполненные любовью дома из комедийных телесериалов для детей, в которых живут заботливые и участливые ангелы-хранители, – продолжила женщина. – И официально конец всегда счастливый.

Юрист опустил голову. Некоторое время он изучал кожаную крышку стола.

– Кроме того, Уэйн, в век Интернета уже нет такого понятия, как «приватность», – добавила психотерапевт.

Еще несколько секунд безмолвных размышлений.

– Хорошо, Грейс. Я ничего не обещаю, но попробую что-нибудь добыть. Думаю, это меньшее, что я могу сделать в качестве искупления, – сказал наконец мужчина.

Ему нечего искупать. Но пусть думает, что есть.

* * *

Кнутсен проводил посетительницу до двери и спросил, не нуждается ли она еще в чем-нибудь.

– Для начала хорошо бы узнать имена, – отозвалась та.

– В том маловероятном случае, когда я что-то найду, как мне с тобой связаться?

Блейдс подготовилась к такому вопросу, записав номер одного из своих одноразовых телефонов на маленьком розовом стикере.

– Твой офис? – уточнил адвокат.

– Мой офис закрыт до особого уведомления.

Лицо мужчины вытянулось.

– Это действительно серьезно...

– В противном случае я бы не пришла, Уэйн.

– Да-да, конечно... Хорошо, я сделаю все, что смогу. В любом случае позвоню – скажем, через два или три дня. К тому времени я буду знать, возможно ли это.

– Спасибо, Уэйн. – Грейс поцеловала юриста в щеку.

Он благоговейно прикоснулся к этому месту.

– Тебе спасибо. За то, что стала такой.

* * *

Стараясь не терять бдительности, доктор Блейдс покинула офис фирмы, а потом и здание, где эта фирма находилась, села в «Джип» и поехала в Вэлли. Она радовалась пробкам, потому что они давали ей время подумать.

В свой номер в «Хилтоне» психотерапевт вошла усталая и голодная. У нее еще оставалось много мясной нарезки, а сухую салями она даже не начинала. Но поход в ресторан выглядел не слишком рискованным предприятием, и Грейс спустилась в холл.

Выбрав угловой столик, с которого открывался вид на весь зал, она заказала суп, антрекот средней прожарки и чай со льдом.

– Сегодня мы предлагаем гостям пассифлору. Фрукт страсти, – посоветовал ей официант.

– Страсть – это прекрасно, – согласилась Грейс.

* * *

Еда оказалась вполне приличной, но большой зал ресторана был почти пустым. Там сидели по большей части бизнесмены, собравшиеся по трое или четверо и делавшие вид, что разговаривают друг с другом, а на самом деле погруженные в свои телефоны, планшеты и мысли.

В соседней кабинке сидел одинокий мужчина, с редкими волосами и слегка полноватый, но симпатичный, в темно-синей рубашке и серых слаксах. Он прихлебывал пиво и читал «Таймс». Этот человек был достаточно красивым, чтобы вызвать заискивающую

улыбку официантки. Он вежливо улыбнулся в ответ и снова уткнулся в спортивный раздел газеты.

Между супом и салатом их с Блейдс взгляды встретились. Короткий обмен улыбками. Взгляд доброжелательный и немного заговорщицкий. Грейс знала этот взгляд.

Идеальное место. Отель, предназначенный для иногородних.

Не сегодня, дорогая.

Через несколько секунд все гипотезы доктора были опровергнуты появлением красивой блондинки с большим бриллиантом на безымянном пальце левой руки.

Поцелуи и улыбки. Муженек допил свое пиво, и пара удалилась, причем ладонь женщины пару раз хлопнула его по ягодицам.

Может, Грейс ошиблась... Нет, мужчина явно положил на нее глаз. Блондинка не догадывается, что ее ждет.

Блейдс быстро съела мясо, не чувствуя вкуса, вернулась в номер и заперла дверь на два оборота.

Заснула она почти мгновенно, едва успев сформулировать себе установку.

Сегодня никаких снов.

* * *

Выспавшись и явно отдохнув, она проснулась в шесть часов, готовая действовать.

Сообщений от Уэйна не было, что неудивительно – слишком рано, чтобы он успел добраться до архивов социальной службы. Если только он не передумал... Мягкосердечный, как называла его Рамона. Грейс надеялась, что его сердечная мышца осталась мягкой. Но возможно, он не захочет копать в грязи. Или просто передумает. Так что нужно учитывать и эту возможность.

С ним или без него, она продолжит начатое.

Так было всегда, и так будет.

Воспользовавшись другим одноразовым мобильником, Грейс позвонила в телефонную службу, где для нее оставляли сообщения.

Три потенциальных пациента. Им придется подождать, пока доктор Блейдс наведет порядок у себя в доме. За исключением крика о

помощи от бывшей пациентки, женщины по имени Леона, которая потеряла руку пять лет назад после того, как ее поджег безумный приятель, требовавший немедленного внимания.

Грейс позвонила на домашний телефон той женщины в Сан-Диего. Кризис был вызван рецидивом, первым за три года, и не требовалось быть опытным психотерапевтом, чтобы увидеть его причину. Леона познакомилась с новым мужчиной и позволила себе надежду, но он напился и принялся оскорблять ее.

– Я думала, он на меня набросится, доктор Грейс, – рассказала она. – Он клянется, что никогда бы этого не сделал, но я не знаю...

Конечно, не знаешь, черт возьми!

– Вы правильно сделали, что позвонили, – сказала Блейдс.

– Правда? Мне... немного стыдно. Я не хотела вас беспокоить. Не хотела, чтобы вы думали, что я расклеилась.

– Как раз наоборот, Леона. Просить о помощи – это признак силы.

– Да. Конечно. Я знаю, вы это уже говорили, но до сих пор помощь мне была не нужна.

Все меняется, милая.

– Совершенно верно, – сказала Грейс. – Теперь помощь понадобилась, а я готова помочь, и вы поступили правильно. Это называется гибкостью, Леона. Вот почему вы так хорошо адаптировались и продолжаете адаптироваться. Давайте начнем сначала...

* * *

Нужно быть действительно опытным психотерапевтом, чтобы погасить кризис дистанционно, сидя в номере роскошного отеля и опасаясь за свою жизнь.

Грейс проговорила по телефону восемьдесят минут, и в конце разговора Леона казалась успокоенной. До такой степени, что не попросила о личной встрече. Доктору Блейдс не хотелось бы ей отказывать.

Покончив с профессиональными обязанностями, Грейс долго лежала в горячей ванне, а потом вытерлась и понюхала свою одежду.

Никакого неприятного запаха – она мало потела. Можно поносить еще один день.

Блейдс нашла в Интернете то, что хотела, после чего собрала вещи и выписалась из отеля. Заправив «Джип» на ближайшей бензоколонке, она проверила уровень масла и давление в шинах и протерла стекла скребком с резиновой насадкой.

В ближайшем магазине канцтоваров Блейдс направилась к автоматам самообслуживания. Продавец с татуировкой на шее, стоявший за прилавком, даже не посмотрел на нее, когда она расплатилась наличными.

Вернувшись в «Джип», Грейс достала из стопки пять карточек и положила их в сумочку, а остальные сунула в отделение для перчаток.

Плотная и блестящая бумага бежевого цвета была приятной на ощупь. Большие тисненые буквы демонстрировали солидность.

М. С. Блюстоун-Мюллер

Промышленная и коммерческая безопасность

Оценка рисков

В нижнем левом углу визитной карточки был указан номер почтового ящика, якобы расположенного во Фресно. В нижнем правом – номер городского телефона в подвале психологической лаборатории в Гарварде: трубку там брали редко. Аспиранты сунули телефонный аппарат в шкаф, чтобы можно было без помех выспаться после вечеринки.

Грейс завела двигатель и поймала сигнал станции спутникового радио, передающей популярную классику – начало сюиты для виолончели Баха, Йо-Йо Ма^[9] во всей своей красе.

В дороге нет ничего лучше, чем компания гения.

Глава 31

Триста восемьдесят миль между Лос-Анджелесом и Беркли при желании можно преодолеть за день. Но Грейс, вынужденная соблюдать ограничения скорости и останавливаться, чтобы перекусить и зайти в туалет, поняла, что приедет в конце дня или ранним вечером.

Слишком поздно, чтобы узнавать что-то об «Аламо эджастментс».

Следовало учитывать и фактор усталости: взбудораженная симпатическая нервная система сведет на нет естественную склонность ее организма сохранять спокойствие. Она будет не в лучшей форме.

Так что это будет двухдневное путешествие – в глубь континента с ночевкой примерно на полпути, во Фресно или его окрестностях. Она встанет рано утром, приедет в университетский городок задолго до полудня, и у нее будет много времени, чтобы сориентироваться.

Грейс подъехала к супермаркету «Севен-Илевен», пополнила запас легких закусок и некоторое время сидела в машине на парковке, просматривая виртуальный гроссбух, который уже дважды тщательно изучала, решив отправиться в это путешествие.

Если мистер Здоровяк по-прежнему ищет ее – что вполне вероятно, – то отъезд делает ее беззащитной перед проникновением в дом и офис.

С другой стороны, ни там, ни там нет ничего, что могло бы представлять ценность для врага или чего нельзя было бы заменить.

Кроме нее самой.

Дальше шел вопрос соотношения выгоды и риска: просто визит в район, где когда-то находилась несуществующая фирма, может оказаться бесполезным. Более того, она отправилась в путешествие, не имея никакой информации об «Аламо эджастментс», и, если враг где-то поблизости, может выдать себя.

Враг. Пора составить портрет своей цели.

Женщина представила его: высокий, вероятно, все еще привлекательный мужчина с непринужденными манерами, тридцати семи или тридцати восьми лет. Очаровашка со смертельно опасными

тайнами, и, если он не так умен, как она думала, с криминальным прошлым.

Если же он умен, то таился два десятка лет – возможно, жил внешне уважаемой жизнью и тайком сеял вокруг себя хаос.

Если он притворялся добропорядочным членом общества, то разглашение его секретов действительно грозит смертью.

* * *

Грейс проехала Санта-Барбару и приближалась к Солвангу, а вестей от Уэйна все не было. Он попросил два или три дня, но доктор думала, что адвокат просто перестраховывался, и теперь ее вера в успех слабела с каждой милей. Потому что – если быть откровенным – на самом деле все предельно просто: позвонить нужному человеку. Он смог или не смог, захотел или не захотел.

Блейдс включила музыку и проверила маршрут. Позади шестьдесят пять миль, осталось двести девяносто. Ее нога уже стала нажимать на педаль газа, когда на шоссе появились патрульные машины. Все равно Грейс ощутила прилив энергии – возможно, она доедет до цели за день. Найдет ничем не примечательный приличный отель в центре Окленда, который граничит с Беркли, спокойно выпится, а утром отправится на охоту.

Когда она подъезжала к Ломпоку, позвонил Уэйн.

– Нашли что-нибудь? – спросила Грейс.

– Вроде того.

– Я слушаю.

– Привет. – Тон юриста вдруг стал шутливым. – Я так рад слышать свою любимую племянницу... Весь день занята? Да, сочувствую, дорогая... Конечно, это было бы здорово... Дай запишу... «Рыжая телка»... Санта-Моника... шесть вечера тебя устроит?

Кто-то неожиданно вошел в его кабинет? Быстро же среагировал Кнутсен! Грейс была рада, что он ей помогает.

Обратная дорога займет не меньше двух с половиной часов – даже больше, если в час пик начнутся пробки. Но все равно времени более чем достаточно.

– До встречи, дядя Уэйн, – сказала Блейдс.

Ее собеседник повесил трубку, не рассмеявшись.

* * *

Ресторан был старомодным: просторная зала со сводчатым потолком, тисненные обои зеленого цвета, неяркий свет, кабинки, обитые оливковой кожей, а на полу фальшивый персидский ковер, заглушавший шаги. Репродукции фламандских натюрмортов, сценки из глупых комиксов о вине, а слева от бара – схема разделки туши бедного бычка на стейки, ребрышки и антрекоты.

Грейс приехала на десять минут раньше, но Уэйн был уже здесь – одна половина его пухлого тела была видна, а другая скрывалась в тени угловой кабинки. Несмотря на обилие посетителей, кабинка рядом была свободна. На столе перед ним стоял martini с тремя оливками, похоже, нетронутый. Адвокат грыз хлеб и почти не отреагировал на севшую рядом с ним доктора Блейдс.

Сегодня его одежда должна была впечатлять: желто-коричневый костюм с мягкими плечами, бледно-оранжевая рубашка и тот же яркий синий галстук, как на официальном снимке. Он не сдвинулся с места, но взял Грейс за руку и на секунду сжал ее.

– Дядя, – сказала она. – Спасибо, что нашли время.

Уэйн слабо улыбнулся.

– Семья прежде всего.

Подошел официант в белой куртке.

– По-прежнему ничего не хотите, мистер Кнутсен?

– Нет, только напитки, Хавьер. – Юрист повернулся к Грейс: – Кэти?

– Кока-колу, дядя Уэйн.

– Уже несу, – сказал официант. Адвокат вложил в его руку купюру, и его глаза округлились. – Вы уже расплатились, сэр.

– Считай это бонусом, Хавьер.

– Большое спасибо. – Официант удалился.

– Бонус за пустую соседнюю кабинку? – спросила психотерапевт.

Уэйн пристально посмотрел на нее, вздохнул, отвернулся и сделал вид, что рассматривает картину, на которой был изображен мертвый кролик, подвешенный среди фруктов, цветов и трав.

Хавьер прибежал с бутылкой колы. Грейс пригубила напиток, а Кнутсен так и не притронулся к своему мартини. Женщина ждала, пока он расправится с целой корзинкой хлеба. Жуя и стряхивая крошки с рукава, Уэйн пробормотал:

– Только углеводов мне и не хватало.

Официант принес новую корзинку хлеба, наполнил бокалы водой и спросил, все ли хорошо.

– Превосходно, – ответил юрист.

– Постоянный клиент, – заметила Блейдс, когда они снова остались одни.

– Стараюсь заглядывать сюда, когда бываю в западных районах. Я живу в Сан-Марино^[10], – ответил адвокат.

Он ехал через весь город, по пробкам, чтобы оказаться как можно дальше от дома. Но не боялся показать свою «племянницу» официанту. Значит, сюда он приходил ради удовольствия, а не по делу.

– Я ценю, что вы нашли для меня время... – сказала Грейс.

– Конечно, ты же мой клиент. – Уэйн взял свой мартини, сделал большой глоток и съел одну оливку. Он слишком долго жевал, а потом окинул взглядом помещение, еще полминуты просидел неподвижно и, наконец, достал из внутреннего кармана пиджака конверт. Маленький, какой обычно прикладывают к приглашению, для письменного ответа. Блейдс постаралась скрыть свое разочарование. Она надеялась на толстый пакет служебных документов.

Кнутсен опустил руку и под столом передал ей конверт. Тот оказался очень легким, словно пустым.

Сто тридцать миль ради...

– Спрячь его, посмотришь потом, – сказал Уэйн.

– Конечно. Вы быстро. Впечатляет, спасибо.

– Хотел бы я приписать это своим добродетелям, но скорее вышло наоборот.

Грейс озадаченно посмотрела на собеседника.

– Я получил его благодаря отсутствию добродетели, дорогая, – сообщил тот. – Более того, благодаря греху. Смертному.

Психотерапевт мысленно просмотрела список из семи смертных грехов.

– Жадность, – догадалась она.

Уэйн потер указательный и средний пальцы друг о друга.

– Вы всегда быстро соображали, доктор Блейдс. Да, все та же мерзость и корысть. Кстати, о беззаконии: я ничего не смог найти об этих чокнутых из Крепости. В том числе и судебных протоколов.

– Суда не было, потому что все погибли в перестрелке, – сказала Грейс.

Юрист выловил еще одну оливку.

– И ты это знаешь, потому что...

Врач поняла, что не знает. Ей вспомнилась одна из старых шуток Софии: «Предполагая, ты ставишь в глупое положение и себя, и меня».

Грейс нахмурилась.

– Я говорю об этом потому, что один маньяк в качестве гуру и три последователя – это еще не культ, – продолжил Кнутсен.

Блейдс пожала плечами, все еще испытывая стыд за свои поспешные выводы.

– С другой стороны, это мог быть мини-культ, – сказал Уэйн.

Грейс пила воду. Адвокат допил свой martini и махнул рукой, чтобы ему принесли еще один. Когда Хавьер удалился, доктор сказала:

– Если были и другие, почему их не арестовали? Почему в статье больше ни о ком не упоминалось?

– Действительно, Грейс. Вероятно, ты права. Тем не менее меня это удивило – молчание в средствах массовой информации. Обычно пресса любит такие сюжеты – психологическая аутопсия и все такое. – Кнутсен снова потер палец о палец.

– Кто-то заплатил, чтобы все замять?

– Я не исключаю такую возможность.

Блейдс задумалась.

– В этом есть смысл – например, снять с крючка кого-то из родственников, – начала рассуждать она. – Но не Роя. Охранник в тюрьме, без всяких связей... Значит, одна или несколько женщин.

– Ты читаешь мои мысли. – Уэйн кивнул. – Могу предположить богатую, глупую девушку, возможно, наркоманку. Я имею дело с завещаниями и трастами, и мне постоянно приходится видеть нечто подобное. – Еще один большой глоток martini. – Естественно, это всего лишь предположения, Грейс.

– Значит, придется поработать.

Мужчина повернулся и пристально посмотрел на нее. Блейдс пожала плечами:

– С другой стороны, не исключено, что их было всего четверо, и после Мэнсона и Джима Джонса^[11] они не представляли особого интереса для прессы.

– Все возможно, – согласился Уэйн. – Беда в том, что мы просто не знаем, правда, дорогая?

Грейс не ответила.

Адвокат снова занялся своим коктейлем – помешивал его, вглядываясь в крошечные кубики льда...

– Ты опять вошла в мою жизнь, и я волнуюсь больше, чем за все последние годы.

– Мне очень жаль...

– Это не твоя вина, просто факт... Извини, я не должен был этого говорить.

Врач дотронулась до руки своего собеседника.

– Уэйн, я очень ценю все, что вы делаете, но для волнения нет никаких причин. Мне нужна лишь информация.

– Ну конечно. – Кнутсен рассмеялся. – Я должен поверить, что ты не будешь никого разыскивать.

– То, что я обратилась к вам, доказывает, что со мной все будет в порядке.

– Что ты имеешь в виду? – нахмурился юрист.

– Я умею не только защищать себя, но и просить о помощи.

Мужчина сделал еще один глоток.

– Я ценю это.

– Что именно?

– Что ты пришла ко мне. Потому что, бог свидетель, я мог бы сделать гораздо больше, когда ты была ребенком.

– Уэйн, из всех людей вы...

Кнутсен махнул рукой.

– Что я сделал для тебя, кроме того, что переложил ответственность на других?

– Рамона была...

– Лучшим вариантом, никто не спорит. Но как только я поставил на нее, то сразу же умыл руки. Бросил все – тебя, остальных, систему... Конечно, можно сказать, что я перегорел, но что это говорит о моем характере?

– Мне кажется, ваш характер не...

– Когда Рамона позвонила мне и сказала, что, по ее мнению, твой коэффициент интеллекта зашкаливает, я от нее отмахнулся. Откуда мне было знать, что она сумеет о тебе позаботиться? Что помешало мне потратить немного времени на знакомство с учебными программами? И пожалуйста, не говори мне, что все закончилось хорошо. Речь не о результате, Грейс, а о процессе.

Доктор Блейдс ласково сжала руку адвоката. Его кожа казалась наэлектризованной.

– Пожалуйста, Уэйн, не мучайте себя. Вы с Рамоной единственные люди в системе, которые мне помогли.

– Неважно... И на что я это променял? На другую систему, такую же аморальную – хуже, чем аморальную, Грейс... Продажную. Я очень хорошо оплачиваемый сторожевой пес. – Кнутсен допил вторую порцию мартини и улыбнулся. – Разумеется, я стал носить Бриони.

Из дальнего конца зала к ним направился Хавьер. Юрист махнул рукой, останавливая его.

– Грейс, откажись от этих поисков, – попросил он. – Должен быть другой путь, получше.

Женщина снова сжала его пальцы.

– Я не мученица, Уэйн, но у меня нет выбора. Мы оба знаем, что информация – это власть.

Опустив руку в сумочку, она провела кончиком пальца по маленькому конверту. Звук – как будто ногти куклы скребут по игрушечной школьной доске – заставил Кнутсена вздрогнуть. Он вырвал свою руку у Грейс.

– Посмотришь, когда я уйду. И пожалуйста, не здесь.

– Конечно, Уэйн. Клянусь, вас никогда не смогут с этим связать.

– Значит... – Не закончив предложение, мужчина неуклюже вылез из кабинки. – В восемь у меня важная неофициальная встреча в Пасадине, и я уверен, что... Вместо бесполезной болтовни со старым хрычом тебе лучше заняться делом.

Он вытащил несколько купюр из золотого зажима для денег, аккуратно положил их на стол и вышел.

Грейс вышла вслед за Кнутсеном на парковку ресторана и увидела, как он уезжает на серебристом седане «Ягуар». Служащий парковки считал деньги – похоже, щедрые чаевые.

Блейдс проехала два квартала на юг, остановилась в тихом жилом районе и ногтем вскрыла маленький конверт.

Внутри оказался сложенный вдвое тонкий квадратик бумаги. Вроде листка из дешевого блокнота какого-то клерка, находящегося на низших ступенях корпоративной иерархии. Вероятно, он был подобран в отсеке мальчика на побегушках.

Грейс развернула листок и прочла три машинописные строчки:

Самаэль Койот Рой

Тифон Дагон Рой

Лилит Ламия Рой

И на другой стороне:

*Лилит: Хауэл и Рутанн Маккой, Белл-Гарденс,
Калифорния*

*Тифон: Теодор и Джейн ван Кортландт, Санта-
Моника, Калифорния*

*Самаэль: Роджер и Агнес Уэттер, Окленд,
Калифорния.*

Дата усыновления во всех трех случаях отсутствовала. Несмотря на корысть и жадность, источник Уэйна не решился передать ксерокопию.

Но Кнутсен дважды перечислил три имени. На внешней стороне, которую увидят первой, *только* имена. Первое и второе.

Он хотел привлечь внимание Грейс к именам.

Она еще раз прочла их. Странные, похожие на прозвища. Любопытно, что порядок имен в двух списках разный. На внешней стороне – от старшего к младшему ребенку, но когда речь шла об усыновлении, Уэйн изменил порядок.

Сделал его хронологическим? Безобидная, молчаливая, плаксивая малышка «Лили» первой нашла семью?

Следующим стал скромный, тихий Тифон.

А первенец Самаэль, несмотря на веру в свое обаяние, был вынужден подождать. Может быть, в том же заведении для малолетних преступников, куда попала Блейдс...

Удивительнее всего, подумала Блейдс, что его вообще усыновили – в таком-то возрасте... Большинство приемных родителей предпочитают милых и покладистых малышей, а не подростков с сильной волей.

Интересные люди эти Роджер и Агнес Уэттер.

Из Окленда, штат Калифорния.

Рядом с Беркли.

* * *

Грейс поехала в интернет-кафе, расположенное в нескольких кварталах к западу. Пара кликов – и она уже знала, что скрывается за детскими именами.

Самаэль, в переводе с древнееврейского «Яд Бога», любимое имя мрачных сатанистов. *Койот* – кто знает? – вызывал ассоциации со злыми духами американских индейцев.

Тифон – чудовище из древнегреческой мифологии. *Дагон* – злой морской бог у филистимлян.

Лилит, согласно мифу, была первой женой Адама – похотливая, своевольная девица, которую заменили на покорную любительницу фруктов Еву. Несмотря на то что перед ней давно уже преклонялись в феминистских кругах, Лилит тоже входила в пантеон сатанистов.

Что же касается *Ламии*, то она тоже была персонажем древнегреческих мифов и охотилась на детей.

Очаровательно.

Итак, безумный, одержимый властью Арундел Рой выбрал сторону зла. Что еще нового узнала Блейдс?

Должно быть еще что-то... Возможно, привлекая ее внимание к именам, Уэйн хотел сказать, чтобы она не тратила время зря, потому что их изменили.

Или сильно нервничал сам и пытался напугать ее.

В таком случае – извини, дядюшка.

Грейс поехала на юг по шоссе 405 и в отделении «Энтерпрайз» сменила «Джип» на «Форд Эскейп» («Побег», очень подходящее название). Ложь, которую она приготовила – хочется чего-то более компактного, – осталась произнесенной. Служащий, занятый оформлением документов и торопившийся вернуться к общению в соцсетях, ни о чем ее не спросил.

Редондо был приятным прибрежным городом, но малоэтажным и открытым, и доктор не решилась в нем остановиться. Она поехала на восток, в удобный соседний Торранс и сняла номер в отеле «Кортъярд» сети «Марриотт», почти точную копию ее пристанища в «Хилтон Гарден». Комфорт и знакомая обстановка. Скольким пациентам Блейдс давала этот совет?

Открыв ноутбук и подключившись к высокоскоростному вай-фаю – да здравствуют дорогие отели! – она напомнила себе, что не стоит ни к чему привыкать.

Для таких, как она, в этом нет смысла. Ничто не вечно.

Глава 32

Грейс начала поиск с «роджер агнес уэттер».

Результат не заставил себя ждать: 1993 год, статья в «Сан-Франциско экзаминар» о землетрясении Лома-Приета в 1989 году.

Землетрясение силой 6,9 балла обрушилось на Калифорнию от Лос-Анджелеса до Санта-Крус. Оно уничтожило дома, промышленные предприятия и дороги и серьезно повредило мост между Сан-Франциско и Оклендом. Шестьдесят три жертвы, почти четыре тысячи раненых, более десяти тысяч остались без крова, несколько миллионов – без электричества.

Шесть миллиардов долларов страховых выплат – настоящая катастрофа для страховых компаний, обещавших позаботиться о держателях полисов.

Четыре года спустя основная часть финансовых обязательств была исполнена, хотя нередко после долгой волокиты и юридической казуистики. В статье же описывались случаи, оставшиеся неурегулированными. Зачастую виновными были фирмы-однодневки, которые объявляли о банкротстве вместо того, чтобы выплачивать страховку, а в некоторых случаях с выплатами тянули действующие компании.

Тупиковые ситуации, длящиеся почти пять лет, были созданы сменяющимися друг друга внештатными оценщиками, которые теряли документы, составленные их предшественниками, выдвигали дополнительные условия или без необходимости требовали заполнить новые, запутанные бланки, причем в нереальные сроки. У фирм-однодневок также имелась привычка не являться на встречи или заявлять, что держатели страховых полисов лично не общались с инспекторами, настаивая, что уклонение от встречи ведет к аннулированию полиса, что не соответствовало действительности. Даже если документы преодолевали бюрократическое болото, ущерб значительно преуменьшали. В некоторых случаях оказывалось психологическое давление – угрозами и уговорами держателей полисов заставляли согласиться на уменьшенные компенсации.

«Они говорили мне, – рассказывала одна из пострадавших, восьмидесятилетняя женщина, просившая не называть ее имени, – что если я не возьму шестьдесят тысяч за все, то они подадут на меня в суд и я лишусь пенсии».

Одной из таких фирм была «Аламо эджастментс» из Беркли, название которой часто упоминалось в самых бедных и сильно пострадавших районах Залива. У представителей «Аламо», которых многие держатели страховых полисов называли «просто детьми», была наибольшая доля отказов в выплатах – почти 80 процентов. Такие же обвинения против этой компании выдвигались в то время, когда она работала в Сан-Антонио в штате Техас. Президент «Аламо», Роджер Ф. Уэттер, не отвечал на запросы.

Самаэль, последний из сирот Роя, ждал усыновления. Пока не встретился с идеальным кандидатом – законченным психопатом, который пожелал стать отцом.

Может, усыновление было связано с желанием воспитать последователя, а не с заботой о сироте? Может, Роджер Уэттер, поднаторевший в использовании молодых бандитов, посчитал, что мистер Яд Бога послужит превосходным дополнением к его семье?

Роджер и Сын...

Роджер. Этим именем назвался Эндрю, когда болтал с «Хелен» в холле «Опуса».

И Грейс, и Эндрю скрыли свои настоящие имена, но выбор Грейс был случайным – имя женщины, с которой она беседовала незадолго до этого. Может, его мотивы были более серьезными, и в тот вечер он превратился в «Роджера», потому что его мысли были заняты Роджером?

Потому что брат, которого он знал как Самаэля – чудовище, внушавшее страх, – теперь был Роджером-младшим?

Блейдс продолжила поиск и обнаружила некролог семилетней давности в «Лос-Анджелес дейли ньюс», посвященный Роджеру и Агнес Уэттер из Энсино. Супружеская пара, которую называли «пожилой», пропала во время прогулки на яхте у острова Санта-Каталина. Их дрейфующий сорокаметровый катамаран был найден пустым. Аквалангистам не удалось отыскать тела.

Никаких упоминаний о неприглядном бизнесе – только то, что Уэттер был «независимым инвестором», а его жена – «матерью

семейства и преподавателем университета».

Значит, «Аламо» не имел отношения к Культуре Крепости – просто повторное использование названия компании, основанной в Сан-Антонио. Эндрю назвал этот город своим домом, потому что думал и о нем тоже?

Он изучал прошлое, потому что узнал о грехах настоящего. Не только грехи брата, которого знал как Самаэля, но и преступную деятельность всей семьи?

Может быть, братья, усыновленные разными семьями, смогли восстановить контакт? Из Беркли в Энсино. Приемная семья Эндрю жила за холмом, в Санта-Монике. Грейс предполагала, что они могли столкнуться друг с другом на футбольном матче. И еще для этого была масса других возможностей. Кроме того, контакт не обязательно восстанавливался – они могли поддерживать связь все эти годы.

Психотерапевт еще раз прочла некролог Уэттеров. За год до несчастного случая компания «Аламо эджастментс» еще работала в Беркли. Службой безопасности заведовал Белдрим Бенн-младший. Такому бизнесу требовались громилы, и Грейс без труда представила, как Бенн, бывший в ту пору гораздо моложе, запугивает бедных и бесправных держателей страховых полисов.

Но вскоре семья переехала. Скандалов стало слишком много? Или, на что намекал статус «независимого инвестора», Уэттер-старший просто отошел от дел, чтобы насладиться плодами греха. Красивый дом, красивая яхта, жена-преподаватель – все признаки спокойной, обеспеченной жизни...

И взрослый сын, которого супруги усыновили подростком?

Единственный наследник?

* * *

Большинство округов Калифорнии предоставляли доступ к отчетам коронеров – если вы готовы заплатить пошлину, заполнить документы и ждать несколько недель или даже месяцев. Онлайн-сервисы были дешевле и быстрее, и через несколько секунд Грейс получила свидетельства о смерти Роджера Уэттера, семидесяти пяти лет, и Агнес Уэттер, семидесяти двух лет. Причина смерти: неизвестна,

предположительно утопление. Обстоятельства смерти: несчастный случай.

Ближайший родственник: Роджер Уэттер-младший. Сентер-стрит, Беркли. Тот же адрес, что и у штаб-квартиры компании «Аламо».

Самаэль действительно превратился в Роджера-младшего. Семь лет назад ему было тридцать или около того. Решил, что пора извлечь из этого факта прибыль? А Эндрю узнал и... все еще испытывая чувство вины... *ищущий искупления*... хотел рассказать о преступлении брата, убившего родителей?

Ему самому было почти тридцать, и он нуждался в поддержке, чтобы поступить правильно, потому что испытывал противоречивые чувства к порочному брату.

Обратившись за советом к великому оратору по имени Интернет, он наткнулся на исследования Малкольма о вине выживших, узнал, что тот умер, но обратил внимание, что в последние годы карьеры его соавтором часто выступала Грейс. Переключился на нее – и обнаружил единственную статью, в которой описывался его случай.

Теперь он нашел своего специалиста.

Доктору Блейдс не давал покоя все тот же вопрос: подозревал ли Эндрю, что она была не только автором, но и объектом исследования? Никто другой об этом не догадывался. Но ведь никто другой и не знал о девочке, жившей на ранчо «Дилижанс» в ночь смерти Бобби Кановы.

Она порылась в памяти – разговаривали ли они друг с другом, когда были детьми? Вряд ли. Называла ли Рамона ее фамилию или обращалась к ней только по имени?

Стоп. Перезагрузка.

Важные факты: Эндрю нашел ее, все сорвалось, и он умер ужасной смертью через несколько часов после того, как вышел из ее кабинета.

Попытка найти его приемных родителей, ван Кортландтов, дала неожиданный результат.

Платный некролог шестилетней давности в «Лос-Анджелес таймс».

Доктор Теодор ван Кортландт, вышедший на пенсию эндодонтолог, семидесяти девяти лет, и Джейн Бергер ван Кортландт, бывший гигиенист, семидесяти пяти лет, погибли шесть лет назад во время прогулки в горах Санта-Моники. Они стали жертвами оползня.

Грейс поспешила вернуться на сайт со свидетелями о смерти.

Причина: травмы, нанесенные тупыми предметами.

Обстоятельства: несчастный случай.

Единственный наследник, сын: Эндрю Майкл ван Кортландт, живущий по тому же адресу на Десятой улице. Инженер.

Он использовал свое новое имя. Простодушие или самоуверенность?

Сходство между смертями вытеснило из головы женщины образ Эндрю, сражавшегося с нравственной дилеммой, заменив его другим, гораздо более страшным сценарием.

Две пары пожилых состоятельных родителей, два приличных наследства.

Старший брат подает пример, младший присоединяется к нему годом позже.

Вернулись к своим дьявольским корням как Самаэль Койот и Тифон Дагон?

Но если Эндрю замешан в убийстве родителей, зачем ему приходить в кабинет Грейс?

Ищущий искупления.

Он пришел по тем же причинам, что и большинство заговорщиков: чувство вины, опасения за собственную шкуру, а может, и то и другое.

Или волновался... нет, был в ужасе... потому что почувствовал новую угрозу со стороны брата.

А если Роджер Уэттер-младший, серийный убийца, обнаружил, что его слабый брат собрался все рассказать психотерапевту, он, вне всякого сомнения, действовал решительно.

Обратившись к Грейс, Эндрю словно повесил мишень себе на спину.

Блейдс заставила себя вспомнить тот вечер, который предпочла бы вычеркнуть из памяти, перебирая подробности тех минут, которые они вместе провели в холле «Опуса».

Его рассказ был смесью правды и лжи.

Не Роджер, но инженер.

Не из Сан-Антонио, но в Лос-Анджелесе по делу. Которое никак не связано с его профессией. Дело – спасение себя.

Считая себя режиссером, а не актером, Грейс верила каждому его слову.

Неужели он был так хорош? Или это она слишком увлеклась своим сценарием? Той чудесной ложью, которую она скармливала множеству мужчин, соблазненных ею и желавших ее?

Грейс заплакала. Не было смысла сдерживать себя.

* * *

Слезы высохли, но женщина никак не могла успокоиться: с ее губ по-прежнему срывались стоны, переходящие в жалобное мяуканье. Ненавидя себя за слабость, она отвесила себе две пощечины – и наконец умолкла. Выпитая залпом маленькая бутылка водки из минибара вызвала жажду и нервное возбуждение. Грейс осушила две бутылки воды и долгое время глубоко дышала, прежде чем смогла вернуться к ноутбуку.

Работа еще не закончена. В ту ночь на ранчо «Дилижанс» приехали *трое* детей Арундела Роя.

Глава 33

Еще до того, как пальцы Блейдс коснулись клавиш, она была почти уверена, что именно выяснится о Хауэле и Рутанн Маккой из Белл-Гарденс.

Престарелая пара погибла в результате имитации несчастного случая. Семь лет назад или чуть меньше, с младшей сестры началась эта извращенная игра.

Главный наследник Культа Крепости вознаграждал людей, которые взяли его самого, а также брата и сестру, убийством из корыстных побуждений.

Но когда из Сети пришел ответ, в голове Грейс прозвучал спокойный, уверенный голос Софии Мюллер.

Предполагая...

Не семь лет назад, а десять.

И не в Калифорнии.

Этот некролог был напечатан в «Инид (Оклахома) ньюс энд игл».

Семья из Уокомиса погибла во время пожара в доме

Этим утром на пепелище дома на Рид-роуд были найдены тела трех человек, принадлежащие, как полагают, членам семьи из Уокомиса. Предварительное расследование указывает, что при пожаре погибли мужчина и две женщины – Хауэл Маккой, 48 лет, его жена Рутанн, 47 лет, и их единственный ребенок, дочь Саманта, 21 года. Подозревая применение горючего вещества, полиция Уокомиса вызвала пожарных экспертов из Инида.

Все три жертвы были найдены в кроватях без каких-либо признаков борьбы. По словам следователей из Уокомиса, муж и жена Маккой, а также их дочь были глухими и поэтому могли спать и не слышать проникновения. Дом расположен на участке площадью в четыре акра в глухом районе города, что позволило преступникам остаться незамеченными. Пропаж

четырёхлетнего пикапа «Форд» указывает на ограбление как возможный мотив.

Семья Маккой переехала в Оклахому из Калифорнии четыре года назад и поселилась в доме, которым владели три поколения семьи Рутанн Маккой. Соседи отзываются о них как о приятных, но необщительных людях – возможно, из-за их глухоты. Социальных связей в городе у них было мало. Ни родители, ни дочь не работали, и, судя по официальным документам, все трое получали пособие по инвалидности.

«Это ужасно, – сказал один из соседей. – У нас такого никогда не было, мы даже не запираем двери».

Следующая статья, опубликованная две недели спустя, подтвердила, что это был поджог с помощью бензина. Пикап нашли через неделю после пожара в шестистах милях от дома, неподалеку от национального парка Скалистые Горы в Колорадо.

Грейс достала карту. От Уокомиса в парк вела прямая дорога, совпадавшая с обратным маршрутом в Калифорнию.

Самаэль или – доктор была вынуждена признать такую возможность – Самаэль и Тифон отправились в далекий путь, чтобы совершить первое семейное убийство?

Пособие по инвалидности опровергало мотив обогащения. Зачем преодолевать несколько тысяч миль, чтобы убить скромную, безобидную и бедную семью?

Глухие люди спят и не слышат ночного вторжения.

Блейдс не заметила, что Лили была глухой. Она вообще не обращала внимания на тех детей.

Хотя если вспомнить, та девочка и вправду не произнесла ни слова. Но ведь и Тай тоже. Обычное дело для новичков, которых привозили на ранчо, – дети были напуганы процессом переезда в приемную семью или ошеломлены незнакомой обстановкой.

Лили не слышала. А Тай решил молчать? Или обоих запугал старший брат?

Та же покорность, что помешала им рассказать о Бобби Канове?

Самаэль/Роджер еще подростком был безжалостным убийцей, и в его распоряжении имелось два десятка лет, чтобы отточить свои

навыки. По какой-то причине Тифон/Эндрю решил что-то с этим сделать, и его зарезали.

Психотерапевт стала искать адрес на Сентер-стрит, который Роджер Уэттер-младший указал в качестве домашнего. Этот дом удостоился язвительной статьи в местной газете из-за переделки под коммерческое использование и нужды муниципалитета, которая финансировалась в основном из федеральных грантов.

На фотографии было изображено массивное шестиэтажное здание, похожее на старинную фабрику. Совсем не похоже на жилой дом. Может, лофт? Или Роджер просто солгал и он живет в другом месте?

Врач еще раз набрала в поисковике его имя. Безрезультатно.

Однако запрос «эндрю ван кортландт инженер» дал пять ссылок – все связанные с проектами мостов и плотин в Азии, возведенных компанией «Шульц-Маккифен», международной строительной фирмой. В каждом случае имя Эндрю упоминалось вскользь: он входил в состав команды из почти ста специалистов, один из четырнадцати инженеров-строителей.

Ни персональных данных, ни фотографий. Штаб-квартира компании «Шульц-Маккифен» находилась в Вашингтоне, а ее отделения – в Лондоне, Дюссельдорфе и Сингапуре. В одной из ссылок говорилось о присутствии Эндрю на совещании в Германии.

Официально он жил со своими родителями, но путешествовал по миру.

Грейс заставила себя вспомнить каждую секунду, проведенную с ним. Ей было трудно заменить образ искреннего, встревоженного молодого мужчины на хладнокровного убийцу, даже если им руководил брат-психопат.

Но обмануть можно любого, и факты предупреждали, чтобы она не доверяла своей интуиции. Его сестру сожгли заживо десять лет назад, а ему позволили жить, избавившись от него лишь несколько дней назад, что предполагало привилегированный статус в глазах брата. Привилегия, обусловленная общей тайной.

Введя адрес ван Кортландтов на Десятой улице, Грейс посмотрела несколько участков и с третьей попытки нашла то, что ей было нужно.

Дом был продан за 2,7 миллиона долларов семейному трасту, представлявшему интересы Уильяма и Бриджит Чанг. Уильям был

директором стартапа – компании, офис которой находился в Венис.

Продав дом через два года после смерти родителей, Эндрю получил приличную сумму.

Вряд ли семья Чанг что-то знает о причинах продажи дома, но, возможно, они... или кто-то из соседей... вспомнят что-нибудь полезное для Грейс.

Завтра: Беркли. Сегодня: здесь.

* * *

При идеальных условиях дорога из Торранса до Санта-Моники заняла бы полчаса. Но в Лос-Анджелесе не осталось ничего идеального, и Грейс потребовался один час и восемнадцать минут, чтобы добраться до серовато-зеленого особняка в стиле крафтсман, где Эндрю ван Кортландт провел свою привилегированную юность.

Милый, ухоженный дом с террасой во всю длину фасада и с аккуратной квадратной лужайкой с двумя старыми магнолиями по бокам, ровные клумбы с цветами по периметру. Благородный, пропорциональный узкому участку, маленький по сравнению с вычурными соседями, новыми оштукатуренными громадинами в испанском и средиземноморском стиле, заменившими несколько старых домов.

На подъездной дорожке стоял универсал «Вольво» со стикером «Спасти Залив» на бампере. Доктор Блейдс проехала еще шесть домов, остановилась и заглушила двигатель. Через восемь минут появилась стройная блондинка лет тридцати с собранными в «хвост» волосами, в синем кашемировом свитере с открытыми плечами, обтягивающих джинсах и туфлях на высоких каблуках – она стала укладывать в «Вольво» младенца с миндалевидными глазами, похожего на куклу, и сумку с подгузниками.

Эта женщина – вероятно, Бриджит Чанг – довольно долго возилась, устраивая ребенка в детском кресле на заднем сиденье и демонстрируя Десятой улице свои соблазнительные ягодички. Потом, не обращая внимания на проезжающие машины, она на полной скорости задом выехала с подъездной дорожки. «Вольво» едва не столкнулась с белым «Лексусом», ехавшим по улице в южном

направлении. Громкие гудки, потом приглушенные стеклом проклятия пожилой женщины за рулем «Лексуса».

Никакой реакции со стороны Мамочки Бриджит. Ее глаза и рука не отрывались от телефона.

Она улыбалась и набирала текст.

Грейс подождала в машине еще десять минут. Мимо проехали еще несколько автомобилей, все роскошных моделей. Двухминутное затишье было прервано стройной женщиной среднего возраста, годящейся Бриджит Чанг в матери, которая вышла из дома в испанском стиле – небольшого, одноэтажного, из старых – и принялась поливать растения в горшках у парадного входа.

Тогда психотерапевт вышла из машины, подошла к зеленому особняку и принялась разглядывать его фасад.

Женщина перестала поливать цветы.

– Я могу вам чем-то помочь?

Глаза прищурены, губы плотно сжаты. Из категории бдительных соседей.

Тем лучше.

Блейдс улыбнулась и подошла к ней.

Хозяйка дома смотрела на нее настороженно, и ее пальцы крепко сжимали рукоятку лейки. Шевеля губами, она прочла фальшивую визитную карточку Грейс.

– Промышленная и коммерческая безопасность... Нечто вроде охранной сигнализации?

– Мы консультируем частных лиц и корпорации относительно транзакций с недвижимостью, – ответила доктор.

– Консультируете по каким вопросам?

– Соседи, содержание, вопросы окружающей среды и юридические проблемы, которые могут возникнуть.

– Когда возникнут?

– В случае транзакции. – Грейс кивком головы указала на зеленый особняк.

– Они продают? Компании?

– Этого я не могу сказать, мэм. Я получаю список адресов, выезжаю на места и собираю данные.

– В таком случае могу вас заверить, что это великолепный район.

– Нисколько не сомневаюсь, мисс...

– *Миссис* Дана Крофт. – Местная жительница посмотрела на зеленый дом. – Если хотите знать мое мнение, я была бы рада, если бы они уехали завтра.

– Беспокойные соседи?

– Шумные, – сказала Дана. – Постоянные вечеринки, кричат через бассейн и, похоже, много пьют. Он – какой-то компьютерный гений, азиат, денег куры не клюют. Она – дурочка.

Неприязнь – благодатная почва для взаимопонимания.

– Очевидно, это из-за ее манеры вождения, – предположила Блейдс. – Я видела, как она выскочила с подъездной дорожки и едва не врезалась в другую машину. И это с ребенком!

– Совершенно верно, – согласилась Крофт и вернула Грейс визитную карточку. – Мы тут живем тридцать два года. Превосходный был район, пока не начали появляться Н.В.

– Н.В.?

– Нувориши, – пояснила Дана. – Азиаты, персы, кто угодно и откуда угодно. Они сносили красивые дома, с помощью своих связей получали разрешения и строили уродцев, которые занимают весь участок. Если вы хотите дом без сада, почему бы просто не купить квартиру в кондоминиуме?

– Действительно, – согласилась психотерапевт.

– До *них* в квартале жили преимущественно врачи, лучшие специалисты больницы Святого Иоанна. Мой муж работает там радиологом. Питер Крофт.

Как будто Грейс была обязана знать его имя.

– Отличная больница, – кивнула она.

– Лучшая в городе, – сказала миссис Крофт. – Я надеялась, что *он* сохранит дом. Сын тех людей, которые тут жили.

– Тоже врач?

– Какой-то инженер. – Дана подалась вперед и понизила голос: – Приемный, но по виду не скажешь. Они отдали его в школу Гарвард-Уэстлейк. – Она внимательно посмотрела на Грейс. – Вы учились не в Бакли? Похожи на одну девочку из класса моей дочери...

– Нет, мэм, мне жаль. То есть невозможно было догадаться, что он приемный...

– Это вроде как прийти в собачий приют и выбрать себе пса – ни за что не угадаешь, что из него получится. Но Тедди и Джейн повезло

с Энди. Очень скромный мальчик, тихий, никаких безобразий.

– Похоже, идеальный сосед.

– Идеальной была бы тихая *семья*, – возразила Крофт. – Но конечно, тихий молодой человек лучше, чем такие, как *они*. Красивый дом, хотя и темноват. Должна признаться, я немного разочарована, что Энди оказался таким несентиментальным. Хотя он все равно тут не жил. И в конце концов продал свой дом.

– Может, он считал, что дом слишком велик для одного человека?

– К этому привыкаешь. Но он почти всегда отсутствовал. На Востоке – вот там он проводил много времени. Его здесь не было, когда с Тедди и Джейн произошел несчастный случай – они упали с горы во время похода. Они всегда ходили в походы, были фанатами здорового образа жизни – вы понимаете...

– Должно быть, он очень переживал, – сказала Грейс. – Что был в отъезде.

– Энди? Я уверена. Он появился два дня спустя. Помню, как он вышел из такси со своими сумками, и вид у него был ужасный, подавленный. Наверное, его нельзя винить за то, что он не хочет быть связанным с этим домом, но лучше б он исполнил свой гражданский долг и продал его кому-нибудь достойному... Скажите мне правду, юная леди: вы из этих, которые проверяют кредитоспособность, да? – Она ткнула пальцем в зеленый дом. – У них неприятности? Все эти компьютерные деньги – надувательство, и они лишатся дома?

– Кто знает, миссис Крофт, – улыбнулась Блейдс.

Дана Крофт рассмеялась.

– Все возвращается на круги своя.

Глава 34

Прежде чем вернуться в Торранс, Грейс поужинала в тихом ресторанчике в Хантингтон-Бич. В девять вечера она была у себя в номере.

Прикинув, что Эндрю примерно одного возраста с ней, Блейдс попыталась получить сведения о его учебе в школе Гарвард-Уэстлейк. Частная школа защищала приватность своих выпускников, а поиск в Интернете требовал предоставить слишком много личной информации, чтобы оправдать интерес к его внеклассным занятиям.

Один любопытный факт: он поступил в элитную школу, поставлявшую студентов для Лиги Плюща^[12], после детства, проведенного в пустыне среди сектантов. И он был свидетелем кровопролития.

Мы оба, Энди.

Предположив, что успехи Эндрю в учебе продолжились, Грейс стала вводить в строку поиска комбинацию его имени с названиями университетов Лиги Плюща. Возможно, они оба учились в Гарварде.

Ничего. Ни в Кембридже, ни в Нью-Хейвене, ни в Принстоне, ни в Филадельфии^[13]...

Инженер, подумала женщина, и попробовала МТИ^[14] и Калифорнийский технологический. Ноль.

Не беда. Выбор престижных университетов довольно велик, начиная с местных. Университет Южной Калифорнии, где преподавал Малкольм и защитила докторскую диссертацию Грейс. Колледж Помона, Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе. Если в них тоже ничего нет, то другие учебные заведения Калифорнии, например *Беркли*.

Самый уважаемый университет штата был главной достопримечательностью города, где жил и познакомился с темной стороной страхового бизнеса брат Эндрю. Единственной разновидностью бизнеса, который процветал, не предоставляя никаких услуг, подумала Грейс. Мечта психопата.

Может, воссоединение братьев началось со случайной встречи на Телеграф-авеню или Юниверсити-авеню?

Комбинация «Эндрю ван Кортландт» с «Беркли» и другими университетами Калифорнии тоже не дала результата. Во время учебы большинство студентов не привлекали к себе внимания, поняла Блейдс, и все эти поиски – пустая трата времени.

Тем не менее она сделала еще одну попытку: Стэнфорд. Да, могла бы и догадаться.

* * *

Семь лет назад Эндрю ван Кортландт, двадцати семи лет, получил премию инженерного факультета за докторскую диссертацию, в которой исследовались повреждения конструкции моста между Сан-Франциско и Оклендом в результате землетрясения Лома-Приета.

Самаэль помогает отцу мучить жертв катастрофы, Тифон ищет научную истину.

Пало-Альто, город, к которому Стэнфорд относился пренебрежительно, находился в пятидесяти милях от Беркли. Университеты соперничали как в науке, так и в спорте. Стэнфорд был основан богачом, раздраженным, что его сына не приняли в Беркли.

Это делало встречу братьев, случайную или запланированную, в высшей степени вероятной.

Грейс представила эту картину: две искалеченные в юности души встречаются уже взрослыми людьми. Узнать друг друга не составляет труда. Как в доброе старое время.

Они выпили по паре пива и решили возобновить отношения. Но время ничего не поменяло в первоначальном раскладе: самоуверенный, властный Самаэль и тихий, покорный Тифон.

Перетянул ли мистер Яд младшего брата на темную сторону? Убедил ли принять участие в реализации своего гнусного плана?

Пора избавиться от дураков, которые нас усыновили, и получить серьезные деньги.

Проблема: не согласуется с убийством семьи Маккой десять лет назад. Возможно, Роджер тогда действовал один. Ради удовольствия – нечто вроде извращенной, мрачной шутки. Точно так же как он убил Бобби Канову.

Или: репетиция будущих преступлений.

Или: Роджер сначала нашел младшую сестру, попытался заставить *ее* вернуться в лоно семьи, но она отказалась. Возможно, угрожала рассказать о Бобби.

Неудачный ход, Лили.

Все еще ощущая приятное послевкусие убийства, старший брат несколько лет спустя воссоединяется с Эндрю и разрабатывает план.

Возможно, это был обмен: *Я убиваю твоих, ты убиваешь моих.*

Очень удобно: два явно не связанных друг с другом несчастных случая, а если возникнут подозрения, то у единственных наследников железное алиби. Но подозрений не возникло: обстоятельства гибели были такими убедительными, что обманули коронеров.

Если Дана Крофт не ошибается, в тот день, когда приемные родители Эндрю упали со скалы, сам он был в Азии. А по тем сведениям, которые удалось найти Грейс, Роджер Уэттер-младший занимался серфингом на Мауи, когда его родители утонули в океане.

Все чисто и аккуратно, не подкопаешься.

Несчастные случаи непредсказуемы и неуправляемы. Смерть машет своей косой, не принимая в расчет чьи-либо желания или намерения. Доктор Блейдс знала, что такое неопределенность. Каждое утро она напоминала себе, что с кем угодно может случиться все что угодно. И все же почувствовала, как сдавило ее грудь, а в памяти всплыли мысли и образы, которые, как ей казалось, должны были давно исчезнуть.

Выключив свет в своем безликом номере отеля, она забралась в кровать и накрылась с головой. Сосала палец и приказывала себе не спать.

* * *

На этот раз сила воли не помогла, и Грейс ничего не оставалось, кроме как погрузиться в сон. Ей снились приключения женщины, похожей на нее, но в черных колготках и плаще, которая могла творить чудеса со временем, пространством и материей.

Врач проснулась с ощущением всемогущества. Которое ослабло, когда пришло осознание, что она по-прежнему земное существо.

Блейдс вышла из «Марриотта» в девять пятнадцать утра, выбросила грязную одежду в контейнер для мусора и поехала в Редондо-Бич, в магазин париков, который заметила по дороге в отель. Жизнерадостная полная женщина, хозяйка салона – в нем преобладали розовый цвет и кружева, – одобрительно захихикала, когда Грейс сообщила ей, что хочет изменить внешность, чтобы порадовать бойфренда. А когда покупательница добавила, что деньги не проблема, они стали лучшими подругами.

Доктору требовался товар из категории «дорого», потому что быстрый взгляд на образцы, красовавшиеся на розовых пенопластовых манекенах, не принес ей ничего, кроме разочарования. Почти все парики, даже с ценой, выражавшейся четырехзначными числами, выглядели жесткими и неестественными.

Исключение составляла коллекция из пяти париков, выставленная в высокой запертой витрине позади прилавка. Они могли бы обмануть Грейс даже с близкого расстояния.

Через несколько секунд «привет, я Труди» и «привет, я Синди» уже рассказывали ей о конструкции «самых лучших шедевров, какие только есть на рынке».

Волосы европейской расы, специально отобранные, с естественной шелковистостью, были связаны в крошечные пучки в престижном французском «ателье». Ручное плетение, тканая изнанка, гипоаллергенные накладки в критических «местах скольжения» и естественная линия волос – все это «результат многолетнего опыта и большого таланта, «настоящего Рембранта своего дела».

Грейс примерила два парика с витрины и купила оба: светлый с медовым оттенком, на три дюйма ниже плеч, и черный, на фут короче, с искусно уложенными локонами. Каждый стоил двадцать пять сотен долларов, но она сторговалась с Синди и Труди на тридцать восемь за пару. Затем, сделав вид, что снова обводит взглядом магазин, она указала на ярко-синий парик с прической «паж» у самого входа.

– Не стоит, это дешевка, – сказала Труди.

– Вульгарный, просто для смеха, – прибавила Синди. – Мы держим их для молодежных вечеринок.

Покупательница подмигнула им:

- Тодду иногда нравится вульгарное. Сколько?
- Ага! – Синди захихикала и проверила цену. – Шестьдесят три.
- Вы можете включить его в качестве бонуса?

Продавщицы переглянулись.

- Конечно.

Когда Грейс уходила, нагруженная коробками, Синди сказала ей вслед:

- Тодду очень повезло.

– Можете в нем сфотографироваться, но, поверьте, публиковать эти снимки не стоит. Ха, ха, ха! – рассмеялась Труди.

Следующей остановкой стал маленький салон оптики, где психотерапевт озадачила владельца, спросив оправы с простыми стеклами.

– У нас их всего три или четыре. Мы используем их в качестве образцов, – сказал он.

- Я их беру.
- Они ни для чего не пригодны.
- Это для фильма.
- Какого?

Грейс улыбнулась и прижала палец к губам.

Мужчина улыбнулся ей в ответ.

– Ага, ладно. – Наличные, которые выложила Блейдс, еще больше развеселили его. – Буду рад видеть вас снова. Люблю снимать кино.

* * *

Одиннадцать часов, чудесное калифорнийское утро.

Блейдс отправилась в путь позже, чем планировала, но у нее было вполне достаточно времени, чтобы добраться до места назначения и найти приличное место для ночевки – со сновидениями или без них.

За завтраком она передумала и отказалась от выбранного прежде маршрута. Прибрежное шоссе поможет избежать депрессии. Проезжая по Малибу мимо Ла-Коста-Бич, женщина позволила себе взглянуть на свой дом, борясь с желанием заехать туда, постоять на террасе, послушать океан и очистить перила от помета чаек.

Когда-нибудь она вернется. Будет слушать убаюкивающие звуки прибоя и плыть по волнам одиночества.

* * *

Через полтора часа после начала второй вылазки на север, в районе Санта-Барбары, Грейс почувствовала себя взвинченной. На восточных склонах холмов осталось несколько черных пятен – следы пожара, который случился прошлой весной и уничтожил пару тысяч акров леса, прежде чем сменился ветер. Никто ничего не поджигал – из-под контроля вышел абсолютно легальный костер на туристической стоянке.

В отличие от поджога, убившего семью Маккой.

Их смерть была за гранью добра и зла. Если исключить корыстный мотив, то зачем?

Допустим, Самаэль был одержим идеей избавиться от своей семьи, но тогда почему он убил Лили и оставил в живых Эндрю?

Потом Блейдс вспомнила: не оставил.

Тем не менее такой промежуток времени озадачивал. Десять лет между Лили и Эндрю. Сестра первая... почему она?

Врач вспомнила, как маленькая дрожащая девочка жалась к мальчику, которого знала под именем Тифон. К брату, который был ласков с ней.

В отличие от Сэма, старавшегося держаться отдельно от младших брата и сестры.

Отсутствие привязанности: еще одна характерная черта психопата.

Все трое были вскормлены густой смесью из мании величия и изоляции. Хотя только один из них демонстрировал явную жестокость.

В случае Тифона – как раз наоборот. Грейс видела, что он относился к Лили... с нежностью. И все, что она узнала о мужчине, в которого превратился Тифон... что она видела собственными глазами... свидетельствовало, что он не был хладнокровным убийцей.

Тем не менее его приемные родители умерли необычной смертью.

Доктор Блейдс проехала еще несколько миль, прежде чем до нее дошла любопытная ирония ситуации.

Сыновьям Арундела Роя пришлось ждать усыновления дольше, чем их симпатичной маленькой сестренке, но после переезда в приемные семьи, о которых можно было только мечтать и которые редко предоставлялись социальной службой, они росли, как дети богачей.

Лили же осталась в среде рабочего класса – в лучшем случае.

Грейс снова задумалась об усыновлении мальчиков. Почему ван Кортландты и Уэттеры, семьи достаточно состоятельные, чтобы пользоваться услугами частных фирм, вообще обратились в социальную службу?

Такие люди обычно не выбирают мальчиков подросткового возраста с непростым прошлым.

Психотерапевт ничего не знала о семействе ван Кортландт, но что касается Роджера Уэттера-старшего, то альтруизм ему был нужен, как змее – кружевные трусики. Человек, зарабатывающий обманом бедных людей, вдруг проникся сочувствием к сироте? Невозможно.

С другой стороны, такого человека, как Уэттер-старший, мог поколебать конкретный стимул в виде звонкой монеты. И это совпадало с предположением Уэйна о том, что пресса молчала о Культе Крепости из-за чьих-то связей в высокопоставленных кругах.

Неужели одна из трех жен Роя была богатой наследницей семьи, достаточно влиятельной, чтобы относиться к людям как к пешкам в шахматной игре?

Пара внуков, зачатых безумцем и распутной шлюхой? Ерунда – нет таких проблем, которые невозможно уладить деньгами.

Потребовалась приличная сумма, чтобы такие стяжатели, как Роджер и Агнес Уэттер, согласились стать родителями. Что же касается ван Кортландтов... кто знает?

Для такого негодяя, как Роджер Уэттер, сделка должна была выглядеть заманчивой: серьезные деньги за недолгое опеку, потому что Роджер-младший, бывший Самаэль, через несколько лет должен был достигнуть совершеннолетия.

А вскоре после него и Эндрю, бывший Тифон.

Но ни один из мальчиков в восемнадцать лет не перерезал пуповину. Роджер в качестве домашнего указывал адрес «Аламо» и, по всей видимости, участвовал в аферах отца. Эндрю – умный, послушный, внешне мягкий, легко приспособился к жизни

старшеклассника из Санта-Моники. Возможно, Тед и Джейн полюбили его. Или достаточно хорошо притворялись. Грейс представила родительскую гордость ван Кортландтов, когда их мальчик поступил в Гарвард-Уэстлейк, не слишком известный, но первокурсный колледж, а затем – в магистратуру Стэнфорда.

Научная премия в двадцать семь. Докторская степень по инженерному делу.

Будучи финансово независимым, Эндрю выбрал работу в другой части света, уехал как можно дальше от родного очага. Так что, возможно, его любовь к новым родителям была не столь глубока.

Возьми от них все, что тебе нужно, добейся независимости и иди дальше.

Что же произошло много лет спустя: он помогал сбросить их со скалы? Вдохновил старшего брата, но с радостью уехал?

Блейдс снова переключилась на Роджера Уэттера-младшего. У нее до сих пор не было никаких свидетельств его успехов в учебе. Но в доме Уэттеров вовсе не обязательно было получать высшие баллы. Там ценились другие качества.

Старший принимает Младшего в семейный бизнес, учит его тонкостям. Потом объявляет, что отходит от дел, и вместе с Мамочкой переезжает в Лос-Анджелес – подставляет Младшего?

Теперь ты сам себе хозяин, сынок.

Вскоре Мамочка и Папочка испытали на себе холодный поцелуй океана...

Голова у Грейс шла кругом, и она остановилась на ближайшей придорожной площадке для отдыха.

Унылый маленький перекресток с двумя заправками, ресторанами «Арбис» и «Пицца Хат». Вай-фая нигде нет. Блейдс проехала чуть дальше на восток и заметила еще более обшарпанный торговый квартал – витрины там были по большей части закрыты ставнями, но имелся мотель «Дикий Билл» с убогой вывеской, на которой был нарисован вышеназванный бандит на вздыбленном мустанге, и табличками поменьше, обещающими спутниковое телевидение, кровати с массажем и подключение к Интернету.

Блейдс заплатила за номер сорок три доллара наличностью и нацарапала что-то неразборчивое в регистрационной книге, проигнорировав самоуверенную ухмылку кретина за стойкой портье.

Припарковав машину перед мотелем, она принесла дорожную сумку и ноутбук в номер, пропахший лизолом и вареными яйцами. Там раздвинула занавески, чтобы держать «Эскейп» в поле зрения, села на матрас, словно набитый орехами разной величины, и попыталась подключиться к Интернету, но не смогла. Она повторила попытку – и снова безрезультатно.

С четвертой попытки сеть объявила о своем появлении слабым писком.

На запрос «роджер агнес уэттер теодор джейн ван кортландт» поисковик сразу же выдал три ссылки.

А если точнее, то одну, повторенную трижды.

Обе супружеские пары были членами оргкомитета мероприятия по сбору средств. Почти пятнадцать лет назад, отель «Балтимор», центр города, роскошный банкет в пользу переизбрания члена сената штата Селин Маккинни. Сведения из архива на сайте компании, специализировавшейся на организации мероприятий.

Маккинни представляла богатую западную часть города, в которую входил и дорогой район Санта-Моника, где жили ван Кортландты. В ее избирательный округ не входил дом Уэттеров в Энсино, но тогда супруги жили в Северной Калифорнии, и поэтому дело было в чем-то другом.

Из симпатий политика извлекают пользу не только жители его округа.

Грейс ввела в строку поиска сенатора Маккинни и получила ссылку на биографию в «Википедии». Законодатель, получивший прозвище Госпожа Умеренность, выиграла те выборы, но восемнадцать месяцев спустя умерла от сердечного приступа.

Родившаяся в богатой семье, Селин за несколько десятилетий на службе у народа приобрела влияние и высокие должности. В момент смерти она уже довольно долго возглавляла постоянную сенатскую комиссию по страхованию. В ее сферу ответственности входили «страховые договоры, соглашения о возмещении убытков и гарантийные обязательства».

Эту женщину стоило поддерживать таким, как Роджер Уэттер-старший. Кроме того, она была членом комитета по лицензированию дантистов, что могло связать ее с доктором ван Кортландтом.

Психотерапевт продолжила поиск в Интернете, время от времени поглядывая на арендованный внедорожник за окном. Один раз ей пришлось выйти – двое подростков, лет пятнадцати, с дорогими десятискоростными велосипедами, начали слоняться у машины, поглядывая на торцевую дверь. Дешевый мотель, непрестижный район, но эти двое были хорошо одетыми, упитанными и ухоженными. Пара богатеньких деток, приехавших на велосипедах из крикливых особняков на склоне холма к востоку от мотеля? Пристальный взгляд Грейс заставил их ретироваться. Слабаки.

Блейдс вернулась к своему ноутбуку и попыталась комбинировать «селин маккинни» с «роджер уэттер», «агнес уэттер», «аламо эджастментс», «афера со страховками». Когда это не принесло результата, она добавила к списку другие преступления: «подкуп», «вымогательство», «жульничество», «обман», «мошенничество».

Тоже безрезультатно.

Тогда Грейс позвонила Уэйну Кнутсену.

* * *

Записанная на автоответчик фраза была краткой, почти враждебной – неожиданно для человека, который дважды помог ей.

– *Это я. У Селин Маккинни была дочь?*

Собирая вещи, Грейс краем глаза заметила движение за окном. Парочка подозрительных подростков вернулась, и один из них стоял, небрежно прислонившись к правой фаре внедорожника.

Как будто это его машина.

Доктор выскочила из номера, быстрым шагом подошла к двери водителя, бросила свои вещи в машину, завела двигатель, нажала на педаль газа и задом рванула с места, так что парень потерял равновесие и вскрикнул.

Она выехала с парковки у мотеля, поглядывая в зеркало заднего вида. Подросток удержался на ногах, но был явно шокирован – рот открыт, руки вскинута вверх, словно он апеллировал к небесам.

Не в силах поверить, что кто-то способен на *такое*.

Потрясенный, что есть люди, которым *наплевать* на него.

Привыкай к реальности, испорченный маленький ублюдок.

Глава 35

Двенадцатилетняя Грейс жила с двумя чужими людьми в большом, красивом доме в Хэнкок-Парк.

Прекрасно. До поры до времени. Когда-нибудь это закончится – девочка знала жизнь. Несколько лет в одном месте, несколько в другом... никогда не знаешь, что будет завтра.

Но Блейдс прекрасно понимала, что попасть к Малкольму и Софи было необыкновенной удачей. И была полна решимости научиться как можно большему, пока она им не надоела.

* * *

Помимо того что дом был большим и красивым, чистым и приятно пахнувшим, что под ее спальню отвели огромную, удобную, а теперь уже изящно обставленную комнату, Малкольм и Софи были лучше всех, кого ей когда-либо приходилось видеть.

Они не мешали ей иметь свое мнение, не досаждали своими желаниями. Возможно, потому, что Малкольм был психологом и специализировался на детях. Хотя своих у него не было.

А может, дело было не только в этом. Примерно через месяц Грейс начала думать, что они с Софией действительно заботятся о ее комфорте, питании и общем благополучии. Однако они никогда не притворялись родителями, не просили, чтобы их называли мамой и папой. Девочка не могла сказать, как бы она отреагировала на такую просьбу. Она никогда никого не называла этими словами.

Поразмыслив над этим, Грейс решила соглашаться на все, что они хотят, если это не принесет ей вреда.

Все что угодно, лишь бы остаться в этом раю.

* * *

Прошло несколько месяцев, и она по-прежнему называла их Малкольмом и Софи, а Софи обычно обращалась к ней «дорогая». Малкольм же лишь иногда называл ее Грейс, а по большей части – никак. Словно их разговор никогда не прерывался и в формальностях не было нужды.

Девочка начала воспринимать приемных родителей как двух новых друзей. Или скорее компаньонов – ей нравилось это слово, звучавшее немного необычно и похожее на французское.

Как слово «соотечественник». Или «коллега», хотя это было более официально.

Итак, теперь у нее были *компаньоны*, гораздо старше и умнее, у которых можно многому научиться. И вдобавок богатые.

Однажды Блюстоун спросил, не думала ли она о том, чтобы пойти в школу.

Вопрос испугал и немного рассердил ее, как будто она наконец наскучила Малкольму и он решил куда-нибудь ее сплавить.

– Никогда, – ответила Грейс, и голос выдал ее чувства. Ей пришлось крепко сжать руки, чтобы они не дрожали.

Приемный отец кивнул и потер свой большой подбородок – признак того, что он столкнулся с чем-то загадочным.

– Вполне логично, все равно тебе не подберешь класс... с такими же блестящими способностями. Ладно, тогда продолжим домашнее обучение. Должен признаться, мне самому нравится... искать материал, который станет для тебя серьезным вызовом. Просто хотел убедиться, что тебе не одиноко.

Моя лучшая подруга – я сама. Я не знаю, что такое одиночество.

– Я готова к следующему уроку, – сказала девочка.

* * *

Прожив на этой земле почти тринадцать лет, Грейс усвоила, что доверие ничего не значит и доверять можно только себе. Но вот что странно: Малкольм и Софи как будто доверяли ей. Не заставляли ее есть то, что она не любит, не указывали, когда ей ложиться спать и когда вставать. Хотя, если честно, в этом не было необходимости. Блейдс просыпалась раньше них и читала в постели, а когда уставала,

то просто говорила им об этом, шла в свою комнату и читала, пока не заснет.

В первую ночь Софи спросила, хочет ли Грейс, чтобы ее укладывали спать. Рамона тоже спросила об этом один раз, после чего просто приходила каждый вечер, а Софи, вероятно, имела в виду, что не хочет этого делать, а просто соблюдает вежливость.

Поэтому Грейс, не желая доставлять ей неудобства, ответила:

– Нет, спасибо, все отлично.

Она не кривила душой. Девочка наслаждалась тихой, роскошной комнатой, в которой ей позволили жить. Хотя иногда она и не возражала бы, если б ей подоткнули одеяло и пожелали спокойной ночи.

– Как хочешь, дорогая, – сказала Софи, и Грейс легла спать сама.

* * *

Судя по всему, профессор – легкая работа. Малкольм ездил в университет, но не слишком рано, а иногда возвращался домой засветло. Бывали дни, когда он оставался дома, работал в своем обшитом деревянными панелями кабинете, читал и писал.

«И я бы хотела такую работу», – думала Грейс.

Софи тоже была профессором, но никуда не ездила, а просто возилась в доме, готовила для себя и для приемной дочери и руководила Аделиной, милой, но не говорящей по-английски женщиной, которая приходила убирать два раза в неделю, работая молча и усердно. Кроме того, она ездила на «экскурсии» по магазинам, и это могло означать все что угодно, от покупки продуктов до возвращения домой с коробками и пакетами одежды для себя и для Грейс.

Вероятно, Софи делала какую-то работу, потому что у нее был свой кабинет – маленькая комната рядом с их с Малкольмом спальней, без панелей на стенах, лишь с письменным столом и компьютером. На его белых стенах не было никаких украшений, если не считать картин с цветами. Когда Софи уходила туда, то оставляла дверь открытой, но сидела там часами, читала и писала, обычно с фоном из тихой классической музыки. Если ей приходили письма, на них значилось:

«Профессору Софии Мюллер» или «Софии Мюллер, доктору философии».

Но Блейдс тоже читала и писала – неужели профессорская работа действительно такая легкая? Она приходила к выводу, что ей тоже следует выучиться на *настоящего* профессора.

Через три месяца после появления в доме Грейс Софи раскрыла ей свою тайну.

– Вероятно, ты удивляешься, почему я все время дома, – сказала она.

Девочка пожала плечами.

– В следующем году я вернусь в университет и буду, как Малкольм, преподавать, руководить аспирантами. А пока у меня творческий отпуск – такая особая привилегия для профессоров. Вместе с постоянной должностью – когда университет хочет нас удержать, – мы получаем право на годичный отпуск один раз в семь лет.

– Как суббота, – сказала Грейс.

– Что?

– Шесть дней работаешь, седьмой отдыхаешь^[15].

– Совершенно верно, – улыбнулась Софи. – Идея та же. Конечно, предполагается, что я буду не бездельничать, а заниматься самостоятельными исследованиями. Это мой второй творческий отпуск. Во время первого мы с Малкольмом болтались по Европе, и я сочиняла статьи, которые никто не читал. Но теперь я стала старше и предпочитаю в основном сидеть дома и получать за это деньги. Ты меня не выдашь, правда? – Она засмеялась.

– Я сохраню тайну, – поклялась Грейс. – Но вы читаете и пишете.

– Я пишу книгу. Якобы.

– О чем?

– Вряд ли она войдет в список бестселлеров, дорогая. Как тебе такое запоминающееся название: «Закономерности группового взаимодействия и флуктуации занятости у молодых женщин, вступающих во взрослую жизнь»?

Как будто на иностранном языке, подумала девочка, – такую книгу она никогда не купила бы.

– Довольно длинное, – сказала она вслух.

– Слишком длинное. Может, нужно было назвать ее «Цыпочки и тусовки».

Теперь пришла очередь Грейс рассмеяться.

– Меньше всего меня беспокоит название, – сказала Софи. – Для меня это настоящая мука. Я не обладаю литературным талантом, как Малкольм... Что ты хочешь на ужин, дорогая?

* * *

Задания, которые приносил Блюстоун, все время усложнялись. С началами математического анализа Грейс понадобилась помощь, и он сумел все понятно объяснить. «Его студентам повезло», – подумала она.

Почти весь остальной материал был легким, и мозг притягивал его, как магнит – железо.

* * *

Жизнь в большом красивом доме была по большей части тихой и мирной: все читали, писали, ели и спали. К Малкольму и Софи никогда не приходили гости, и сами они тоже никуда не ходили и не оставляли Грейс одну. Время от времени приезжал худой седовласый мужчина в костюме, который садился на кухне вместе с хозяевами дома и изучал какие-то бумаги.

– Наш юрист, – объяснил Блюстоун. – Его зовут Рэнсом Гарденер. Вопреки своей фамилии – «садовник» – он выращивает только гонорары.

Время от времени Гарденер появлялся с молодым человеком, которого звали Майк Либер. В отличие от юриста, строгого на вид и в неизменном костюме, у Либера были длинные густые волосы и борода, одевался он в джинсы и рубашки с расстегнутыми верхними пуговицами, и почти всегда молчал. Но когда он говорил, все его внимательно слушали.

Малкольм и Софи так и не объяснили, кто он такой, но после его визитов они становились необычно серьезными и в то же время

расслабленными. Как будто только что успешно сдали сложный экзамен.

* * *

Примерно два раза в месяц Блюстоун и его жена водили Грейс в шикарные рестораны, и девочка надевала одежду, которую покупала для нее Софи и которую она сама ни разу не выбирала.

Грейс соглашалась попробовать новую еду, которую предлагали ей приемные родители. Даже если что-то выглядело неаппетитно, она не возражала, а, наоборот, с улыбкой говорила:

– Да, пожалуйста. Спасибо.

То же самое и с одеждой. Ее доставляли в тонкой оберточной бумаге с эмблемой магазинов, которые, по всей видимости, были дорогими, а некоторые из них имели французские названия, и девочка понимала, что Софи тратила много времени на их поиски.

Грейс относилась к эти нарядам как к карнавальным костюмам. Нарядиться для роли Хорошей Девочки. Время от времени она задумывалась, когда закончится этот спектакль, но от долгих размышлений на эту тему у нее начинал болеть живот. Грейс гнала из головы подобные мысли и пыталась сосредоточиться на том хорошем, что происходило с ней сейчас. Иногда от этих усилий болела голова.

Стараясь соответствовать и не доставлять хлопот, она начала усердно расчесывать волосы, пока те не стали блестеть, как у Софи, и однажды приемная мать вручила ей щетку для волос из Англии, сообщив, что та сделана из кабаньей щетины. И кто бы мог подумать – волосы девочки стали блестеть еще сильнее, так что она решила внимательно слушать все, что говорит Софи.

Также важно было соблюдать чистоту и приятно пахнуть, и поэтому Грейс принимала душ каждое утро, а иногда и вечером, перед сном. Она пользовалась зубной нитью и дважды в день чистила зубы – как Софи. Когда в подмышках у нее появились несколько волосков и Блейдс почувствовала исходящий от них слабый запах, она заглянула в свою аптечку, нашла там новенький шариковый дезодорант и начала регулярно им пользоваться.

Каким-то образом кто-то – вне всякого сомнения, Софи – знал, что нужно делать.

* * *

Вскоре после того, как Грейс поселилась в доме Малкольма и Софи, они отвезли ее к женщине-педиатру, которая осмотрела ее, сделала прививки и объявила, что она «сложена, как скрипка Амати».

Грейс также посетила очень старого дантиста, который почистил ей зубы и сказал, что она «превосходно ухаживает за полостью рта, в отличие от большинства детей».

Когда туфли стали ей жать, Мюллер отвезла ее в магазин на улице, которая называлась Ларчмонт, и продавцы обращались с ней, как со взрослой, спрашивали, какой фасон она предпочитает.

– Все равно, – отвечала Блейдс.

– Удивительно, обычно дети очень требовательны. – Это замечание предназначалось скорее Софи, чем ее дочери.

– У нее легкий характер, – сказала профессор, и от этих слов Грейс словно залила волна приятного тепла. Она сдала *свой* экзамен.

Когда они были втроем, Грейс старалась смотреть Малкольму и Софи в глаза во время разговора, делая вид, что ей интересно то, о чем они говорят. По большей части это было действительно интересно – рассуждения об истории и экономике, о том, как ведут себя люди, когда они одни или в группе.

Обычно сначала супруги вовлекали в обсуждение Грейс, но вскоре уже говорили только сами, позволяя девочке лишь слушать; впрочем, она нисколько не возражала.

Еще они говорили об искусстве и о музыке. О том, насколько плохи некоторые политические режимы, например нацизм и коммунизм, – Малкольм заявлял, что «любая разновидность коллективизма есть просто способ управлять другими». Они обсуждали, в каких обществах появлялись те или иные художники, музыканты и ученые, и сетовали на недостаток «синтеза искусства и науки».

Каждый такой разговор заставлял Блейдс бежать к словарю, и она поняла, что от новых опекунов узнаёт больше, чем из программы

домашнего обучения.

Когда спрашивали ее мнение, Грейс – если таковое имелось – излагала его кратко. Если же она чего-то не знала, то так и заявляла, и Блюстоун не раз одобрительно кивал и говорил:

– Жаль, что моим студентам не хватает ума это признать.

– Это относится ко всем. Начиная с экспертов, – заметила Софи.

Еще одно слово, которое нужно посмотреть в словаре.

– Эксперты – по большей части кретины, – заявил Малкольм.

– Любой, кто называет себя экспертом, по определению обманщик, разве не так, Мал? – Софи повернулась к Грейс: – В том числе и я сама. Громкие звания не означают, что мы знаем больше, чем все остальные.

Девочка покачала головой:

– Может, я лучше понимаю, как живет ребенок в двенадцать лет, но обо всем остальном вы знаете гораздо больше.

На противоположном конце обеденного стола раздался смех.

– На твоём месте я не была бы так уверена, дорогая, – возразила Софи.

– Похоже, мы ее обманули, – усмехнулся ее муж.

Он подался вперед, словно хотел взъерошить волосы Грейс, но потом сдержался. Он никогда не дотрагивался до нее. Девочке было уже тринадцать, и все время, которое она прожила здесь, физический контакт с Малкольмом ограничивался случайными прикосновениями.

Софи иногда дотрагивалась до ее головы, но нечасто.

Грейс это устраивало.

Теперь Софи отложила серебряную вилку для салата и сказала:

– Честно говоря, дорогая, ты себя недооцениваешь. Не стоит. Ты знаешь больше, чем тебе кажется. Опыт, конечно, важен, и ты его приобретешь. Но никакой опыт не поможет идиоту.

– Аминь, – сказал Малкольм и подцепил вилкой еще одну отбивную из ягненка.

Его жена приготовила на ужин отбивные, салат с помидорами и огурцами, жареный картофель, который Грейс ела с удовольствием, и брюссельскую капусту, запах и вкус которой напоминали ей о смерти и разложении.

– Не ешь брюссельскую капусту. Я ее испортила, – предупредила ее Софи. – Она горькая.

- А мне нормально, – отозвался ее супруг.
 - Дорогой, ты и сардины из банки считаешь деликатесом.
 - Хм...
- Блейдс положила в рот еще один ломтик вкусного картофеля.

* * *

В присутствии Софи Грейс старалась не переусердствовать с хорошими манерами, потому что та хорошо умела различать фальшь. Как в антикварных магазинах, куда она любила наведываться. Иногда Софи смотрела на какой-нибудь предмет мебели, вазу или скульптуру и одобрительно кивала. А иногда говорила:

– Кого они хотят обмануть? Если это династия Тан, то я – Чарли Чаплин.

В целом Грейс была вежливой, но ей не приходилось делать над собой усилий. Она следовала правилу, которое установила для себя много лет назад.

Если ты нравишься людям, они тебя не обидят.

* * *

Иногда, по большей части по ночам, лежа в приятно пахнущей кровати под пуховым одеялом и посасывая палец, Грейс думала о Рамоне.

Бассейн с зеленой слизью.

И сразу же Бобби в своей кровати и с шипящей на полу трубкой.

Противный Сэм. Его брат и сестра, испуганные, словно белки, удирающие от ястреба.

Когда такие мысли приходили Блейдс в голову, она изо всех сил старалась выбросить их – *изгнать*. Ей нравилось это новое слово, потому что оно звучало решительно, зло и окончательно. В конце концов она вычислила, что лучший способ прочистить мозги – думать о чем-то приятном.

О вкусном ужине.

О словах Малкольма, говорившего, что у нее блестящий ум.

Об улыбке Софи.
О том, как хорошо быть здесь.

* * *

Через несколько месяцев после того, как ей исполнилось тринадцать – это событие было отпраздновано в шикарном ресторане, в отеле под названием «Бель-Эйр», – Грейс обнаружила еще один способ успокоиться, кроме как сосать палец, – трогать себя между ног, где, словно трава, начинали пробиваться волосы. Сначала это вызывало лихорадочное возбуждение, от которого голова шла кругом, а потом – умиротворение и покой, каких она никогда не испытывала.

И это она могла делать сама!

Если использовать все возможности, у плохих мыслей не останется ни шанса.

Вскоре девочка перестала вспоминать обо всем, что происходило до ее переезда на Джун-стрит.

* * *

Софи очень хорошо готовила, но не любила готовку, о чем не раз говорила Грейс.

– Тогда зачем вы это делаете? – удивилась однажды девочка.

– Кто-то же должен, дорогая. А Малкольм на кухне – это настоящая катастрофа.

– Я могу научиться.

Софи, стоявшая у своей шестиконфорочной плиты, повернулась к девочке, которая сидела за кухонным столом и читала книгу о птицах Северной Америки.

– Ты будешь учиться готовить?

– Если вы хотите.

– Предлагаешь избавить меня от стряпни?

– Ага.

Глаза Софи стали влажными. Она отложила прихватку, подошла к Грейс, взяла ее за подбородок и наклонилась к ней. На мгновение

девочка испугалась, что Софи собирается ее поцеловать. Ее никто еще не целовал. Ни разу.

Наверное, Софи почувствовала ее смятение, потому что просто погладила ее подбородок и сказала:

– Это благородное предложение, мисс Блейдс. Возможно, когда-нибудь я поймаю тебя на слове, но, пожалуйста, не думай, что тебе нужно о нас заботиться. Это мы должны заботиться о тебе.

Впервые в жизни Грейс растрогалась от ласкового прикосновения, причем намеренного.

– Ладно? – спросила Софи.

– Ладно.

– Значит, договорилась. Сегодня мы сбросим оковы домашних дел, и выдающийся, но временами беспомощный профессор Блюстоун отвезет нас обеих на ужин. Что-нибудь дорогое и шикарное. Звучит неплохо?

– Грандиозно. – Еще одно классное словечко.

– Именно, грандиозно. Думаю, что-нибудь французское, потому что никто так не чувствует *haute cuisine*^[16], как французы.

– И *haute couture*^[17], – добавила Грейс.

– Откуда ты знаешь об *haute couture*?

– Из журналов.

– Ты знаешь, что означает слово *haute*?

– Изысканный.

– Строго говоря, это «высокий». Французы склонны делить все на высокое и низкое. У них не только рестораны – есть еще кафе, бистро, пивные и так далее.

– Куда мы идем сегодня?

– Определенно, в ресторан. Малкольм обязан обращаться с нами, как с *haute* девушками, коими мы и являемся.

* * *

В тот вечер, в заведении под названием «У Антуана», Блейдс испытывала сложные чувства. На ней было тесное платье, царапавшее кожу, и ей было немного страшно в этом темном, почти безмолвном

помещении со стремительными официантами в черных фраках, которые выглядели так, словно высматривали ее ошибки.

Она соглашалась на все. Мясо с картофелем и зелеными овощами было очень вкусным. Но когда один из сердитых официантов принес маленькие металлические судки – наверное, это... о боже, *улитки!* – она почувствовала тошноту. И словно этого было недостаточно, другой официант поставил на стол блюдо с чем-то костлявым, похожим на цыплячьи лапки. Грейс подумала, что жестоко убивать таких маленьких цыплят, но потом Малкольм объяснил, что это жареные в масле лапки *лягушек!*

Девочка старалась не смотреть, как ее приемные родители втыкают крошечные вилки в раковины улиток, извлекают большие студенистые комки, посыпанные петрушкой, жуют, улыбаются и глотают. Старалась не слышать, как хрустят лягушачьи лапки в мощных челюстях Малкольма.

Смотри-слушай-учись, смотри-слушай-учись.

Блюстоун протянул лягушачью лапку Грейс:

– Ты не обязана, но попробуй удивить себя. Тебе может понравиться.

Блейдс собралась с духом и откусила маленький кусочек. Ничего особенного, но вполне съедобно.

Надо сделать вид, что это и вправду маленькие цыплята. Нет, это слишком. Лучше представить, что это взрослые куры, которые просто не выросли из-за болезни или по другой причине.

Куры, у которых проблемы с гипофизом. Грейс узнала это из урока биологии две недели назад.

– Спасибо, Малкольм, – сказала она.

– Рад, что тебе понравилось.

В этом сне мне нравится все.

* * *

В четырнадцать с половиной лет Грейс считала этот красивый дом своим. Опасное чувство, но она ничего не могла с собой поделаться, потому что жила тут дольше, чем в любом другом месте.

За исключением самого начала, но это не считается.

Иногда она позволяла себе воображать, что принадлежит Софи и Малкольму. Не так странно, как она читала в стихах. Более... цивилизованно.

Три месяца назад Грейс рискнула и позволила своим пальцам коснуться руки Софи, когда они поехала за покупками в «Сакс» в Беверли-Хиллз. Прикосновение длилось достаточно долго, и Мюллер, наверное, поняла его значение.

Женщина ласково сжала ее руку, и несколько секунд они шли, держась за руки, пока Грейс не занервничала, и Софи отпустила ее.

Потом, когда они заканчивали легкий ланч в кафе-кондитерской «Сакс», та погладила своими длинными, изящными пальцами щеку приемной дочери. И улыбнулась, словно от гордости.

Они пришли покупать бюстгальтер для Блейдс. Софи осталась снаружи примерочной, но сначала дала совет:

– Смотри, чтобы он хорошо сидел, дорогая. От этого многое зависит: либо надежная поддержка, либо боли в спине в моем возрасте.

Девочка поняла ее. Для такой стройной женщины, как Софи, ее грудь была слишком большой. У самой Грейс пока имелись всего лишь выпуклости, хотя соски стали в два раза больше.

– Логично. Спасибо, что учите меня, Софи, – сказала Блейдс.

– А кто же еще, дорогая? Мы, девочки, должны держаться вместе.

* * *

В пятнадцать у Грейс под мышками выросли пучки мягких светлых волос, а внизу живота – рыжеватый треугольник, в который она запускала пальцы каждую ночь, чтобы возбудить себя перед мастурбацией. Светлый пушок на лодыжках был почти невидим, но Софи все равно показала, как сбривать его, не порезавшись.

– Каждый раз бери новое одноразовое лезвие, но сначала нанеси вот это. – Она протянула девушке стеклянную бутылочку с золотистым лосьоном; на этикетке было что-то написано по-французски. – В составе есть алоэ, такое колючее растение, которое выглядит невзрачно, но имеет много полезных свойств.

Грейс знала об алоэ, как и о других растениях. Теперь материалы для ее домашних занятий соответствовали уровню колледжа – как минимум, – и Малкольм объявил, что ее словарный запас «удивительно богат, как у соискателя докторской степени в хорошем университете, я не шучу». Ее мозг легко усваивал все, за исключением математики, но Блейдс очень старалась, чтобы овладеть и этим предметом.

Таков был ее мир: они трое, иногда Рэнсом Гарденер, еще реже Майк Либер.

И в основном занятия.

Однажды, в самом начале, Малкольм и Софи спросили приемную дочь, не желает ли она общаться с другими детьми. Грейс решила быть честной.

– Мне бы не хотелось, – ответила она, и когда через несколько месяцев они повторили этот вопрос, ответ был таким же. Больше к этой теме не возвращались.

Затем...

Это произошло в воскресенье. Блейдс было пятнадцать лет и два месяца.

Блюстоун собирал граблями листья на заднем дворе, а его жена просматривала стопку журналов, сидя в тени гигантской айвы в глубине сада. Грейс наслаждалась одиночеством, растянувшись в шезлонге. Она читала статью Коулмана об аномальной психологии и пыталась распределить знакомых людей по разным диагностическим категориям.

Внезапно Малкольм отложил грабли, а Софи перестала читать. Они переглянулись и подошли к ней. Слово пара великанов, собиравшихся напасть.

– Дорогая, – сказала Софи. – Уделишь нам минутку?

Грейс почувствовала, как внутри у нее все сжалось, – весь желудочно-кишечный тракт. Она изучала анатомию и могла представить себе внутренние органы.

– Конечно, – ответила девушка, удивляясь, как спокойно звучит ее голос.

А может, и не удивлялась, потому что Малкольм и Софи явно смущались, а когда у взрослых такой вид, это плохой признак.

Прекурсор.

– Пойдемте в дом, – сказала Софи, и это прозвучало подтверждением. Случится нечто ужасное. Блейдс удивлялась и в то же время не удивлялась – жизненные разочарования предсказать невозможно.

Мюллер взяла Грейс за руку, и хотя ладонь девушки была липкой от пота, не отпускала ее, пока они не пришли на кухню.

– Я бы выпила лимонаду, – не слишком убедительно объяснила Блейдс.

Малкольм шел за ними, и вид у него был смущенный. *Озабоченный* – и это пугало.

– Лимонад и имбирные пряники, – сказал он. – И к черту лишний вес.

Хозяйка дома выставила на стол лимонад и три вида пряников. Блюстоун тут же умял две штуки. Жена посмотрела на него, вскинув бровь, и подвинула тарелку Грейс.

– Нет, спасибо. – Теперь голос девушки дрожал сильнее, чем внутренности.

– Что-то не так, дорогая? – спросила Софи.

– Нет, – отозвалась Блейдс.

– У нас чувствительные антенны, Грейс. – Приемный отец назвал ее по имени, и это было *по-настоящему* плохо.

Они ее вышвыривают. Чем она провинилась? Куда ее отправят?

Девушка расплакалась.

Оба они подались к ней и схватили ее за руки.

– Что случилось, милая? – спросила Софи.

Блейдс ничего не могла поделать с потоками слез, лившихся из ее глаз. Она себя не контролировала. Как психопаты в книгах по психологии, которые приносил ей Малкольм.

– Грейс? – Софи погладила ее по руке. – Нет никакой причины расстраиваться. На самом деле...

Слезы остановились, и вместо них из девушки посыпались слова, как будто кто-то перевернул ее вверх ногами и встряхнул.

– Я не хочу уезжать!

Синие глаза Софи за стеклами очков стали огромными.

– Уезжать? Конечно, нет... О боже, ты подумала... Мал, смотри, что мы наделали... Как мы ее напугали.

А потом профессор Малкольм Блюстоун, который никогда не дотрагивался до Грейс, подошел к ней сзади, положил одну огромную мягкую ладонь ей на голову, а другую – на плечо и поцеловал ее в макушку.

Другой бы постарался говорить тихо и ласково, но только не Малкольм.

– Вы никуда не уезжаете, мисс Грейс Блейдс. Вы будете жить здесь столько, сколько захотите. Что, на мой взгляд, означает всегда.

Его дочь поплакала еще немного, пока не высохли слезы и не восстановилось дыхание. Ее облегчение смешивалось со стыдом. Не просто дура – идиотка.

Она поклялась, что больше никогда не позволит себе так расклеиться. Что бы ни случилось.

Софи набрала полную грудь воздуха, прежде чем заговорить.

– Я повторю, что сказал Малкольм. Ты здесь, и это не обсуждается. Но кое-что должно измениться, и тебе нужно об этом знать. Мой творческий отпуск – очень длинный творческий отпуск, ты ведь знаешь, что я выбила из этих гадов еще восемнадцать месяцев, отказавшись от жалованья, – подошел к концу. Ты понимаешь, что это значит?

– Вы должны вернуться на работу.

– Четыре дня в неделю, дорогая. Эти гады нагрузили меня лекциями, вероятно, из-за сокращения бюджета. – Софи криво улыбнулась. – Тот факт, что предполагаемая книга так и не материализовалась, не укрепил мое положение.

– Ты ее закончишь, когда придет время, дорогая, – вмешался ее муж. – Им просто нужно...

Софи взмахом руки остановила его:

– Психологическая поддержка, Мал, это очень мило, но давай не будем обманывать себя: я бездельничала, а теперь пришло время платить по счетам. – С этими словами женщина снова повернулась к Грейс: – Малкольму творческий отпуск положен лишь через три года. Это значит, что мы оба должны ездить на работу.

Блейдс молчала.

– Ты понимаешь? – просила ее приемная мать.

– Нет.

– Ты не можешь оставаться дома одна.

– Почему?

Софи вздохнула.

– Нужно было тебя подготовить. Но в любом случае мы столкнулись с реальностью и должны подчиняться. Почему тебя нельзя оставить без присмотра? Потому что если что-то произойдет – пожар, не дай бог, или ограбление, – а ты будешь в доме одна, это станет катастрофой, дорогая. Даже если ты не пострадаешь, мы лишимся опекуна и, возможно, предстанем перед судом по обвинению в пренебрежении обязанностями.

– Это глупость, – сказала Грейс. – И безумие.

– Возможно, дорогая, но факт остается фактом: ты слишком мала, чтобы быть весь день одна, и мы должны найти тебе школу. Давай постараемся вместе выбрать ту, которая тебе больше подойдет.

Девушка посмотрела на Малкольма. Он кивнул.

– Но ведь в университетском городке есть школа? Та, где ваши студенты изучают детей? – спросила Блейдс.

– Она для детей, у которых трудности с обучением, – покачал головой Блюстоун. – А ты – совсем другое дело, ты – настоящая суперзвезда учебы. Мы изучили вопрос и сузили выбор до двух вариантов, но ты сама должна их оценить.

– Спасибо, я ценю ваши усилия, но ничего не подойдет.

– Откуда ты знаешь, дорогая? – спросила Софи.

– Мне отвратительна сама мысль о школе.

Малкольм улыбнулся.

– Отвратительная, тошнотворная, отталкивающая и, вполне возможно, регрессивная. Но, к сожалению, необходимая.

– На самом деле выбора у нас нет, – сказала Софи. – Мы надеемся, что процесс будет не сложнее, чем это необходимо. И возможно, ты сочтешь данный опыт полезным.

– Или, по крайней мере, интересным, – прибавил ее муж.

Грейс ничего не ответила.

– Это может продлиться год или около того, – добавил он.

– Может? – переспросила девушка.

– Учитывая твой теперешний уровень знаний, в шестнадцать лет ты без труда поступишь в колледж. Фактически на чисто интеллектуальном уровне ты уже готова к колледжу. Но мы не думаем,

что после домашнего обучения сразу отправить тебя в университет – это хорошая идея, и я уверен, ты с нами согласишься.

Блейдс задумалась, осознав, что ни разу не была в Университете Южной Калифорнии, ни с Малкольмом, ни с Софи. Но она видела фотографии колледжей, читала об учебе в колледже в книгах и журналах. На фотографиях студенты, которые выглядели как взрослые, лежали на траве на фоне громадных зданий.

Как приглашение на другую планету...

– Что скажешь? Согласна? – вновь заговорил Блюстоун.

Грейс кивнула.

– Хорошо. Двигаемся дальше. Год, который ты проведешь в старших классах школы, может послужить прекрасной подготовкой к колледжу, – заверил ее Малкольм.

– Подготовительная школа, – сказала Блейдс.

– В прямом и переносном смысле, дорогая.

– Холдену Колфилду там не нравилось.

Софи и Малкольм улыбнулись.

– Не нравилось, но следует признать, что Колфилд был лицемерным, испорченным тупицей. Даже явление Мессии не произвело бы для него впечатления, – парировал Блюстоун.

Грейс невольно рассмеялась.

– С другой стороны, ты, – продолжал мужчина, – серьезная молодая женщина. Вне всякого сомнения, год или около того в обществе других одаренных подростков тебе не повредит.

– Школа для одаренных? – переспросила девушка.

– А ты предпочла бы сборище идиотов?

– Мал, – сказала Софи, а потом повернулась к Грейс: – Мы сузили круг до двух.

* * *

Они достали буклеты.

Школа Брофи находилась в сорока минутах езды в сторону Шерман-Окс в Вэлли и обещала «высокий уровень знаний в сочетании с личным ростом». Только старшие классы, сто двадцать учеников.

– Немного разбрасывается и оглядывается на стандарты, но серьезная, – начала рассказывать об этой школе Софи.

– Личный рост? – усмехнулась Грейс.

– Да, это излишне эмоционально.

– А вторая?

– Школа Мерганфилд, – сказал Малкольм. – С седьмого по двенадцатый класс, максимум семьдесят учеников.

– Маленькие классы и *очень* сложная программа, – прибавила Софи.

– И никакого личного роста, да? – спросила Блейдс.

Блюстоун улыбнулся.

– Между прочим, я спрашивал об этом доктора Мерганфилда. Он ответил, что рост определяется достижениями. Он немного прямолинеен.

– Скорее авторитарен, дорогой, – возразила Софи.

– Слишком много внимания структуре, – сказал Малкольм.

– Где она находится?

– Не очень далеко отсюда, – ответила женщина. – Одно из тех больших зданий рядом с Виндзор-сквер.

– Это дорого? – спросила Грейс.

Молчание.

– Тебе не стоит об этом беспокоиться, – сказала Софи.

– Я вам отдам, – пообещала девушка. – Когда добьюсь успеха.

Блюстоун потянулся за пряником, но потом передумал. Его жена шмыгнула носом и вытерла глаза.

– Милая девочка, – заговорила она, – мы не сомневаемся, что ты добьешься успеха. И это будет нашей наградой.

– Только не подумай, что нам нужна награда, – добавил Малкольм.

– Надеюсь, это не очень дорого, – сказала Грейс.

– Вовсе нет. – Ее отец заморгал, словно пытался что-то от нее скрыть.

– Похоже, Мерганфилд – оптимальный вариант, – решила она.

– Ты уверена? – спросила Софи. – Это очень серьезное заведение, дорогая. Может, тебе стоит посетить оба... – Внезапно она рассмеялась. – Глупо с моей стороны так думать. Сентиментальность – это не твое. Если ты одобряешь, то все будет хорошо.

– Конечно, – сказала Грейс. Все оказалось не так плохо. Протянув руку за пряником, она мысленно порылась в своем огромном словаре. – Похоже, теперь я должна демонстрировать просоциальное поведение.

* * *

Два дня спустя Блейдс сдавала вступительный экзамен в школу Мерганфилд в обшитой панелями красного дерева приемной в здании кремового цвета, которое служило главным корпусом школы. Второй корпус представлял собой гараж на три машины, превращенный в скромный спортивный зал.

Софи называла этот дом особняком, но в представлении Грейс то был дворец: три этажа с фасадом на Ирвинг-стрит, раза в два больше, чем дом Малкольма и Софи. Сам дом располагался в центре большого, похожего на парк участка, огороженного черным чугунным забором. Деревья были большими, но большинство из них выглядели неухоженными. За лужайками, зелеными изгородями и кустами тоже не слишком следили.

Архитектурный стиль этого здания Блейдс знала по книгам: средиземноморский с примесью Паладио. К северу располагались огромные дома на Виндзор-сквер, к югу – офисные здания на Уилшир.

Экзамен повторял многие тесты IQ, которые Малкольм приносил Грейс, и, за исключением нескольких задач по математике, потрудиться ей пришлось только над заданиями высшего уровня сложности.

– Старая история, – предупредил ее Блюстоун. – Сделать все без ошибок невозможно.

Неважно, сколько времени они знакомы, подумала девушка, но он всегда остается психологом.

* * *

Извещение о приеме в школу пришло через неделю. Владелец и директор заведения, доктор Эрнст К. Мерганфилд, был невысоким

стройным мужчиной, довольно сдержанным, но излучавшим уверенность. Он носил белую рубашку с короткими рукавами, клетчатые слаксы и синие матерчатые туфли на резиновой подошве. Как вскоре убедилась Грейс, это была его повседневная одежда.

Он имел две докторские степени: по истории, полученную в Йеле, и по педагогике, полученную в Гарварде. Все преподаватели здесь имели докторские степени, причем большинство были вышедшими на пенсию профессорами колледжей, за исключением престарелого преподавателя биологии доктора Мендеса, бывшего патологоанатома. Студенты трех старших классов занимались на верхнем этаже, где из некоторых окон открывался превосходный вид. По результатам экзамена Грейс направили в самый старший класс, для детей старше пятнадцати лет, однако когда она присоединилась к одноклассникам, то обнаружила, что была среди них не самой младшей. Рядом с ней сидел двенадцатилетний математический гений по имени Дмитрий, а сзади – четырнадцатилетние близнецы из Нигерии, дети дипломата, свободно говорившие на шести языках.

Никто не удивился ее появлению в середине учебного года, и вскоре Блейдс поняла почему: в большинстве своем новые товарищи были застенчивыми, необщительными и одержимыми успехами в учебе. Из одиннадцати учеников в ее классе семь были девочками – четверо из них оказались довольно симпатичными, но ни одна не следила за модой.

Грейс снова подумала, что без Софи она ничего не понимала бы в одежде, макияже и безопасном бритье. Не знала бы, как ходить и как говорить. Как держать вилку для рыбы.

У всех учеников из Мерганфилда были биологические родители, которые, похоже, заботились только о том, чтобы их дети поступили в лучшие колледжи. Близнецам было гарантировано место в Колумбийском университете через два года.

Некоторая неухоженность, которую новая ученица заметила в саду, распространялась и на внутренности особняка. Туалеты были старыми, и оборудование в них все время ломалось – везде висели объявления, что смывать в унитаз можно только туалетную бумагу, и то немного.

Из четырех мальчиков в ее классе один страдал ожирением и заиканием, двое были стеснительными до потери дара речи, а еще

один, самый старший из всех, был высоким, стройным семнадцатилетним парнем по имени Шон Миллер, одаренным в области математики и физики. У него были темные вьющиеся волосы, карие глаза и красивое, но испещренное прыщами лицо.

Он тоже был стеснительным, что в Мерганфилде считалось обычным делом, однако явно проявлял интерес к Грейс – девушка заметила, что каждый раз, когда она поднимает глаза от тетради, этот парень отводит взгляд. Чтобы подтвердить свою гипотезу, она в конце занятий по риторике повернулась к нему и улыбнулась.

Шон густо покраснел и шарахнулся от нее, словно что-то скрывал.

Конечно, скрывал. Его брюки защитного цвета вспучились спереди.

Это могло быть интересным.

* * *

Через три недели после поступления в Мерганфилд, получив высшие оценки на почти всех контрольных и уверенная, что ее считают «полностью интегрировавшейся», Блейдс встретила Шона Миллера, когда тот выходил из превращенного в спортзал гаража, который почти всегда стоял пустым, потому что физкультура была необязательным предметом (несмотря на то что доктор Мерганфилд поддерживал «греческие идеи сочетания интеллектуального и физического совершенства»).

Встреча была не случайной. Грейс наблюдала за Шоном и выяснила, что он предсказуем, как хорошие часы, – каждую среду после занятий бегал и поднимал штангу. Блейдс в конце концов убедила Малкольма и Софи разрешить ей проходить пешком полторы мили до дома, пообещав не сворачивать с Шестой улицы с ее оживленным движением и хорошим обзором. Сегодня у обоих ее родителей были собрания, и домой они вернутся поздно. Софи приготовила для Грейс лапшу с тунцом, которую оставалось лишь разогреть в микроволновке.

Но девушку не привлекала паста с рыбными консервами.

Шон Миллер довольно быстро в этом убедился.

Вскоре они занимались этим каждую среду, за спортзалом. Грейс стянула в ближайшей аптеке достаточное количество презервативов, чтобы все было безопасно.

Первый раз Шон попробовал заговорить с ней, когда все закончилось, но его одноклассница прижала палец к его губам, и он больше не повторял попыток.

Глава 36

Был час дня, когда Грейс уехала от «Дикого Билла», оставив на парковке двух ошарашенных бездельников. Если у нее хватит сил, она может добраться до цели за шесть или семь часов. А если устанет, то переночует в Монтерее.

Первые пятьдесят миль Блейдс старалась ни о чем не думать, вытесняя мысли музыкой.

Ничего не вышло. Мозг перебивал Баха, ду-уоп и альтернативный рок, словно неугомонный слушатель на лекции.

Случайный шум превратился в громкий голос-напоминание.

Она убила человека.

Что она чувствует?

Грейс не знала.

Рациональное объяснение очевидно: плохой парень, явная самозащита. Тем не менее это странно. Тот факт, что она лишила человека жизни.

Необратимость.

Похожий на барабанную дробь звук, когда труп ее жертвы летел в каньон, ударяясь о склон.

Ее жертвы.

Убить другое человеческое существо – такое бывает не каждый день. Ее учили, что солдаты с трудом к этому привыкают.

Так что же она чувствует?

Грейс действительно не знала.

Сосредоточься.

Ладно, в таком случае начнем со старой доброй эмоциональной системы. Если говорить о темпераменте, то она описала бы себя как спокойную и уравновешенную. В целом нормальную.

Как это ее характеризует?

Дочь убийцы, заложница генетики? Наследница семейной традиции? Может, она быстрее адаптировалась бы в военной службе, чем большинство людей? К чему-нибудь связанному с убийством, например к профессии снайпера?

Блейдс работала с бывшими снайперами и хорошо представляла себе, что это значит.

Сидеть в засаде, задерживать дыхание, сосредотачиваться на цели, сводить живое существо к мишени.

Смогла бы она так?

Наверное. Если это нужно для выживания. Она всегда стремилась выжить. Именно поэтому она еще здесь.

Но и немного удачи не помешает. Судьба, карма, воля провидения – выбирайте, что вам больше нравится.

Хорошо быть религиозным, верить, что жизнь складывается в цельную картину, вроде огромного пазла. Оглядываясь на свою жизнь, Грейс видела, как рациональный в других отношениях человек может обнаружить закономерность, которой на самом деле не существует.

Несчастливая сирота с докторской степенью и домиком на пляже. Настоящее чудо, если подумать, – сказка для Голливуда!

Но для Блейдс это – ее жизнь.

Все же хорошо было бы во что-то верить. Верить, что ей суждено жить.

Тем не менее для выживания нужно не только верить, но и что-то делать – и это снимает проблему. Всё в порядке, она сделала то, что было необходимо.

Грейс повторяла эту мантру, удерживая ногу на педали газа, и лицо Белдрима Бенна, всплывшее из ее памяти, постепенно бледнело, превращалось в едва различимый набросок.

Потом в хаотичные линии.

В точку.

Пока не исчезло совсем.

Почему у нее стали болеть глаза? Звук... *бум-бум-бум*... Машина подпрыгивала и раскачивалась, и женщина поняла, что позволила себе разогнаться – почти до девяноста миль в час – и перегрузила подвеску.

Она поспешно сбросила скорость. Посмотрела в зеркало заднего вида – ничего, кроме асфальта.

Все будет хорошо.

Еще через двадцать миль заросшее щетиной лицо Бенна снова проникло в ее сознание, и избавиться от него было уже невозможно. Грейс перестала сопротивляться и позволила мыслям течь куда вздумается.

Была ли у него жена? Дети? Живы ли родители? Имел ли он хобби? Если не считать убийств?

Перестроившись в правый ряд, Блейдс еще больше снизила скорость. Но пульс у нее участился. Она чувствовала его на шее, запястьях и лодыжках – все эти точки были словно схвачены стальными обручами. К боли в глазах прибавилась влага...

Внедорожник теперь двигался со скоростью пятьдесят пять миль в час. Пора усмирить собственный мотор.

Достав нарезку из говядины, Грейс сжевала два кусочка. Она работала челюстями, как безумная, пока не заставила мозг освободиться от воспоминаний.

Она спокойно ехала по прибрежному шоссе, когда зазвонил телефон, использовавшийся для звонков Уэйну.

– Дядя?

– Мне приятно быть твоим дядей, но теперь в этом нет нужды, – отозвался адвокат. – Я один.

– Я тоже. Есть новости?

– Получил твое сообщение о Селин Маккинни. Хочу поговорить о сигналах из прошлого. Потребовалось какое-то время, чтобы понять, к кому нужно обратиться, но мне кажется, у меня кое-что есть.

– У нее был ребенок, – сказала Грейс. *Девочка, скажи, что это девочка.*

– Предположительно в доме Селин, довольно давно, жила девочка, но никто не подтверждает, что она была ее дочерью. Считалось, что это племянница или какая-то воспитанница, потому что Селин никогда не называла ее дочерью и, что еще важнее, никто не знает, что она когда-либо встречалась с мужчиной. Или с женщиной. Политика заменяла ей секс.

– Одинокая женщина живет с чужим ребенком?

– В то время это было не так уж редко, Грейс. Семьи поддерживали тесные отношения и все время брали к себе родственников.

– Сколько лет было девочке?

– Мой источник вспоминает, что шесть или семь, но поклясться не может, и если честно, она не очень хорошо помнит подробности. В любом случае девочка прожила у Селин недолго. Ее видели в доме пару лет, а потом она исчезала.

Блейдс мысленно произвела подсчеты. Сорок шесть или около того сегодня – значит, в то время, когда стало известно о Культe Крепости, ей было чуть за двадцать. В таком возрасте уже можно иметь троих детей.

Приятно, когда все складывается.

– У вашего источника есть какие-нибудь предположения, что случилось с девочкой? – спросила психотерапевт.

– Она говорит, что никогда об этом не задумывалась, и я ей верю. Скажем так: она не отличается любопытством. Когда я начал настаивать, она сказала, что в определенном возрасте юных леди часто отправляют в пансион, но это лишь догадка. Не забывай, что Селин родилась в богатой семье, а ее страстью была политика. Мы говорим о слоях общества, с которыми оба незнакомы, Грейс, но я кое-что знаю об очень богатых людях, потому что мой отец был шофером у клана банкиров из Брентвуда. Всех детей отсылали из дома, чтобы они «развивались». В этом не было ничего необычного. Отец шутил, что, будь у него деньги, он точно так же поступил бы со мной и моими братьями, а сам наслаждался бы жизнью. Ты не расскажешь, почему заинтересовалась Селин Маккинни через столько лет после ее смерти?

– В данный момент это всего лишь гипотеза.

– Я не боюсь гипотез, Грейс.

Доктор попыталась сформулировать ответ, но Уэйн не стал ждать.

– Ладно. В таком случае у тебя есть минутка, чтобы выслушать мою гипотезу? Ты думаешь, что девочка могла быть матерью тех детей, от безумца, погибшего в перестрелке. – Пауза. – Как вам, доктор Блейдс?

– Очень хорошо.

– Что привело тебя к этому выводу, Грейс?

– Единственное связующее звено между приемными родителями мальчиков, которое мне удалось найти, – это Селин.

– Что за звено?

– Обе супружеские пары присутствовали на благотворительном вечере, где собирались средства для ее переизбрания.

– Мальчиков, но не девочки.

– Судя по списку, который вы мне передали, девочку удочерили первой.

– Совершенно верно.

– Вы не смогли узнать точные даты...

– Это все, что мне удалось добыть.

– Конечно, – сказала Грейс. – Я очень благодарна. Как бы то ни было, Лили удочерили представители рабочего класса, а мальчики оказались в богатых семьях. Я думала, что какое-то время они находились на государственном обеспечении, поскольку их усыновление считалось рискованным, но с учетом вашей теории о пансионах вполне возможно, что их отдали в подобные заведения, с проживанием. Но в конечном счете им понадобились семьи, и Селин использовала тех, кто ей должен.

– И эти выводы, – сказал Кнутсен, – основаны на сборе средств на избирательную кампанию.

– Это гипотеза, – напомнила ему собеседница. – Но время совпадает. И подумайте: как часто сироты с проблемами оказываются в богатых семьях?

Это относилось не только к мальчикам, но и к девочкам. В памяти Грейс всплыло лицо Софи, а потом Малкольма. Оба ободряющие улыбаются. *Гордые.*

– Что с тобой? – спросил юрист.

– Все хорошо.

– Ты как будто вздохнула, а потом не ответила на мой вопрос.

Плохо, девочка.

– Извините Уэйн, у меня насморк. В любом случае это моя рабочая теория, но до ее доказательства еще очень далеко. Вы мне очень помогли. Еще раз спасибо.

Кнутсен вздохнул.

– Надеюсь, действительно помог.

– Конечно.

– Хотел бы я иметь такую же уверенность...

– Вы за меня волнуетесь? Я благодарна, но не стоит.

– Тебе легко говорить, Грейс. Я не просто волнуюсь, я напуган. Особенно если ты права. Я запомнил то, что ты говорила мне о старшем брате – Самаэле, – и все время думаю о бедной Рамоне и о том маленьком инвалиде. Не говоря уже о том, как он поступил с собственным *братом!* Ты – психолог и знаешь, что это за патология.

– Знаю, Уэйн. И поэтому осторожна.

– Со всем уважением, но сама ты не можешь судить, насколько надежны твои меры безопасности, Грейс. Не сердись на то, что я сейчас скажу, но я должен. Вне всякого сомнения, сама идея бегства оскорбляет твои чувства. Но иногда избегание – это действительно хорошая стратегия.

А ведь она еще не рассказала ему об убийцах родителей...

Внедорожник снова затрясся – Блейдс ускорила до восьмидесяти. *Сосредоточься, сосредоточься.* Она сбросила скорость.

– Я согласна, Уэйн. И ничего не имею против любой стратегии как таковой.

– Но...

– Мне нужно собрать данные, чтобы принять разумное решение.

Адвокат вздохнул.

– Обещаю быть осторожной, – добавила Грейс.

– О боже! – Голос Кнутсена дрогнул. – К нам все время возвращается прошлое... Это когда-нибудь закончится?

Казалось, он вот-вот расплчется.

Думай о нем, как о пациенте.

– Вы чудесный человек, – сказала женщина. – Вы спасли меня, и я никогда не обману ваше доверие, подвергнув себя опасности.

Кроме того, друг мой, я очень люблю себя. Следствие этого – мертвец, скатившийся в пропасть.

– Я сделал лишь то, что должен был. Будь осторожна, Грейс.

Щелчок.

Блейдс положила телефон на пассажирское сиденье, взяла бутылку воды и сделала несколько глотков. Через пару секунд она заметила свет и движение в зеркале заднего вида.

Мерцание синих и красных огней.

Краткий вскрик сирены. Черно-белая машина на хвосте.

Грейс съехала на обочину шоссе.

Глава 37

Полицейской машиной оказался агрессивный маленький «Мустанг» с форсированным двигателем. За рулем сидел коп из дорожной полиции, не старше Грейс, а может, и младше. Среднего роста, крепко сбитый, с небрежной походкой.

Подозрительный, на грани паранойи.

Когда он подошел ближе, доктор смогла его рассмотреть: латиноамериканского происхождения, темные волосы блестят от геля, красивая золотистая кожа, диагональный шрам на переносице. Имя на жетоне: *М. Лопес*.

Губы Блейдс уже сложились в подходящую для такого случая улыбку: легкую, чуть смущенную, но не тревожную.

Глаза М. Лопеса были скрыты за очками с зеркальными стеклами. Рот у него оказался маленький, почти жеманный.

– Пожалуйста, водительские права, регистрацию, страховку, – попросил он.

Грейс протянула ему документы.

– Это арендованная машина. Моя страховка вам нужна?

Полицейский не ответил, а принялся разглядывать права.

– Малибу... Вы далеко от дома.

– Путешествую, – объяснила женщина.

– Одна, мэм?

– Встречаюсь с друзьями в Кармел.

– Красивое место.

– Надеюсь, скоро увижу.

– Хм... Должно быть, вы знаете, почему я вас остановил.

– Простите, нет.

– Я заметил, что вы разговариваете по мобильному телефону.

Поехал за вами и видел, что разговор продолжался долго.

Не так уж долго, иначе ты заметил бы, что я ехала на восьмидесяти и виляла. Он видел ее лишь несколько секунд – в самом конце разговора, – но и этого было достаточно.

– Ах да. Вы правы, офицер, – сказала Грейс. *Черт.* – Я просила устройство для громкой связи в фирме проката, но у них не было.

– Это вас не оправдывает, мэ. Ваше поведение очень опасно, – сказал М. Лопес и наклонился к ней. – Отвлечение водителя – одна из самых распространенных причин смертельных аварий.

– Знаю. Я чувствую себя полной дурой. Мое единственное оправдание – срочный звонок от пациента.

– Вы врач?

– Психолог.

Полицейский пристально посмотрел на собеседницу:

– Можете это доказать?

Грейс показала ему лицензию штата.

– Ну... тем не менее это опасно, доктор. Не думаю, что ваша пациентка обрадуется, если ее психотерапевт разобьется в лепешку.

Ее. Пациентка. Он предполагает, что женщина разговаривала с женщиной.

Блейдс позволила себе улыбнуться чуть шире.

– Да, вряд ли.

Ее попытка пошутить не вызвала никакой реакции. М. Лопес молча смотрел на нее. Грейс представила, что его взгляд за стеклами очков становится мягче, и это помогало ей сохранять спокойствие.

– В этом случае для терапии я порекомендовала бы метод столкновения, – сказала она.

Губы мужчины дрогнули. Сдерживает улыбку. Он проиграл сражение – позволил себе улыбнуться.

Они всегда проигрывают.

Отношение полицейского стало более дружелюбным, и тело последовало за сознанием, отреагировав расслабленной позой. Он снял очки, скрывавшие большие карие глаза.

– Срочный звонок от пациента? И что же случилось?

– Я не могу вам сказать. Это строго конфиденциально.

Похоже, такой ответ ему понравился. С копами ты всегда сдаешь экзамен. Впрочем, как и со всеми.

– Не скажете, даже если это грозит вам повесткой в суд? – поинтересовался страж порядка.

– Нет. Если я виновата, то приму заслуженное наказание.

Маленький рот М. Лопеса изогнулся вверх, как поросычий хвостик. У него на поясе пискнула рация. Коп выслушал сообщения.

– Десять – четыре^[18], – отрывисто произнес он и повернулся к Грейс: – Мне нужно спешить, доктор. Серьезная авария в нескольких милях отсюда. Машины «Скорой помощи» и все такое. Возможно, водитель отвлекся. Для кого-то трагедия, но вам повезло.

– Спасибо, офицер.

М. Лопес помахал документами, прежде чем вернуть их психотерапевту.

– Но не стоит больше рассчитывать на удачу, ладно? Никаких разговоров по телефону, даже если звонит пациент. Вы останавливаетесь в безопасном месте, а потом говорите. Согласны, мэм?

– Обещаю.

– Хорошо. – Последнее слово должно было остаться за копом. Грейс не возражала.

М. Лопес вернулся в свою машину, вырулил на шоссе и помчался с явно чрезмерной скоростью, включив мигалку и сирену. Секунд за пятнадцать он доехал до ближайшего съезда и исчез, оставив после себя облако доплеровского шума.

Блейдс медленно выдохнула.

– Ты еще не утратила навыка, девочка, – сказала она и тронулась с места.

А может, ее очарование ни при чем и М. Лопес был прав: ее удача – это чье-то несчастье...

Если б она не считала это аморальным, то помолилась бы, чтобы удача не оставляла ее.

Глава 38

Школа Мерганфилд позволяла воспитанникам учиться в удобном для них темпе. В большинстве бедные затюканные подростки, которым всю жизнь говорили, что они гении, заставляли себя усваивать материал с невероятной скоростью. На Грейс никто не давил, но вскоре обнаружилось, что скорость обучения у нее не ниже, чем у невротических одноклассников.

К середине года она прошла всю программу Мерганфилда, получив высшие баллы по всем предметам, но старалась скрыть свои успехи от Малкольма и Софи.

Поскольку когда они узнают, что в интеллектуальном плане она готова для колледжа, возникнет другая проблема.

К концу первого года в школе представления Блейдс об окружающем мире изменились. В шестнадцать лет она почувствовала, что жаждет еще большего одиночества. Девушка терпела разговоры приемных родителей и была благодарна им – замечательным и необыкновенно интересным людям. Но втайне она желала, чтобы они как можно дольше оставляли ее в покое.

Наверное, это подростковый возраст, думала Грейс. Хотя, скорее всего, она просто становилась собой.

Книги по психологии, которые девушка брала с книжных полок Малкольма, говорили, что «взросление» связано с формированием «автономии» и «самоощущения». Одно из этих двух качеств – автономия – было полезным, так как Блейдс никогда полностью не зависела от других, а вот самоощущение оставалось для нее загадкой. По большей части она жила моментом, пытаясь делать то, что доставляло ей удовольствие. Включая тайные встречи с всегда благодарным – и избавившимся от прыщей – Шоном Миллером. (Может, именно Грейс следует благодарить за его чистую кожу? Она слышала эти бабушкины сказки, но кто может знать наверняка?)

В любом случае Шон теперь выглядел лучше, а Блейдс была довольна своим растущим сексуальным опытом. Ее одноклассник оказался податливым, как пластилин.

Грейс уже не считала трагедией необходимость уехать в колледж. Альтернативой было остаться дома и поступить в Университет Южной Калифорнии, где преподавали Малкольм и Софи

Ездить вместе с ними в университет... Нет, это казалось неправильным.

Торопить события смысла не было, и когда начались каникулы и появилась возможность посещать летнюю школу в Мерганфилде, Блейдс согласилась.

Все ее одноклассники тоже были здесь. Даже нигерийские близнецы, которые обеспечили себе места в Колумбийском университете, но прознали о Принстоне и склонялись к Нью-Джерси, чувствовали себя обязанными заниматься все лето.

Все шло своим чередом до одного утра в середине июня, когда Софи с необычной для нее нервозностью суетилась у плиты, а Малкольм нерешительно откашливался, собираясь начать разговор.

В этот раз на столе между ними стояли рогалики и маринованный лосось, приготовленный профессором Мюллер.

В этот раз Грейс была готова.

Блюстоун начала с маленькой речи о поразительных успехах дочери в учебе, отметив ее тридцатистраничный доклад о древних правителях России и ее невероятно высокие оценки и результаты тестов на проверку академических способностей, где она вошла в десять процентов лучших по всей стране.

Девушка не спорила, но на нее ее собственные успехи производили не такое уж сильное впечатление. В школе Мерганфилд все получали высшие оценки – с какой стати «чрезвычайно одаренные» будут учиться хуже, чем «превосходно»? Кроме того, среди психометрических тестов, которые Малкольм давал ей в течение нескольких лет, были разные варианты тестов на проверку академических способностей. Грейс давно поняла, что нужно авторам этих тестов, – предсказуемые словарные слова и математические задачи, якобы проверявшие абстрактное мышление.

Теперь Блейдс могла бы ответить на подобные вопросы даже во сне. И поэтому, дождавшись, когда Блюстоун перестанет жевать рогалик с маком, она сказала:

– Я знаю. Поговорим об этом в следующем году. Не волнуйтесь, я не боюсь перемен.

Челюсти Малкольма, перемалывавшие рогалик, задвигались быстрее.

Софи прижала ладонь к левой груди и улыбнулась.

– Неужели по нам все видно?

– Вы переживаете за меня. Я это ценю. Но я повзрослела, и перемены меня не пугают.

Софи заморгала.

– Да, хорошо... Мы рады. Но знаешь, кое-что может измениться... И это гораздо серьезнее, чем Мерганфилд.

– Я готова, – сказала Грейс. – Уже давно. Единственная проблема – деньги. Я больше не хочу быть нахлебником, и поэтому нужно подумать об оплате образования.

Малкольм сглотнул.

– Не говори глупостей, ты не нахлебник.

– Ни в коем случае, – добавила Софи.

Блейдс потрогала пальцем низ своего кашемирового свитера и улыбнулась.

– А как вы это назовете?

В тишине громко тикали часы. Обычно Софи первой нарушала долгое молчание. Но на сей раз это был ее муж.

– Я рассматриваю твоё образование... мы рассматриваем... как инвестицию. Человек с твоими способностями может достичь очень многого.

– Кроме того, это инвестиция в *наше* благополучие. Мы переживаем за тебя, Грейс. Мы хотим быть уверены в твоей самореализации... Нет, не так... Мы очень рады, что ты растешь. – Софи неуверенно улыбнулась.

– Ладно, раз мы все в одной лодке, больше никаких разговоров о деньгах. Но остается главная проблема... – снова начал Малкольм.

– Пожалуйста, не пойми нас неправильно, дорогая, – перебила его Софи, – но наши взаимоотношения... не эмоциональная сторона, а юридическая... остаются неопределенными.

Грейс почувствовала, как желудок у нее сжался и словно наполнился кислотой. Она была почти уверена, к чему клонят ее опекуны. И надеялась на это. Но с людьми – даже с хорошими людьми – ни в чем нельзя быть уверенным. Плюс она читала «Мифологию

Булфинча» и знала, что счастливый конец бывает только в детских сказках.

Поэтому, если она неправильно истолковала их намерения, нет смысла смущаться и ставить всех в неловкое положение. Блейдс заставила себя невозмутимо улыбнуться.

– Что ты скажешь по поводу формализации? – спросил Малкольм.

– Он имеет в виду удочерение, дорогая, – объяснила Софи. – Если ты согласна, мы хотим, чтобы ты стала законным членом нашей семьи, Грейс.

Спазмы прошли, и желудок теперь наполнился приятным теплом. Словно внутри зажегся ласковый свет – мягкий, желтоватый свет ночника.

Она была права! Именно об этом она мечтала, и внутри нее все кричало и пело от радости, но челюсти у нее словно свело судорогой.

– Если вы так хотите, – пробормотала девушка.

Как глупо!

– Да, – сказала Софи. – Но вопрос в том, чего хочешь ты.

– Да. Конечно. Я хочу. Да. Спасибо. Да, – с трудом выдавила из себя Блейдс.

– Это тебе спасибо, Грейс. Мы так рады, что ты у нас есть... – Софи встала, обняла ее и поцеловала в макушку. Малкольм тоже встал, и его огромная ладонь на мгновение легла на плечо приемной дочери.

Грейс чувствовала, как напряглось ее тело, и понимала, что должна реагировать иначе – соответственно моменту, – но что-то ее останавливало. Как будто между ее мозгом и ртом поставили барьер – *septum*, как называют его в учебниках по психологии.

– Я бы тоже этого хотела, – сказала девушка, а потом добавила: – Вы чудесные люди.

– Это здорово. – София снова поцеловала ее в макушку.

– Ну ладно, – сказал Блюстоун. – Я хочу пирог, который остался со вчерашнего вечера.

* * *

Несмотря на начало разговора в то утро, о колледже и оплате за него больше не упоминали, и Грейс подумала, что родители считают ее

недостаточно взрослой.

Через несколько дней Софи объявила за ужином, что в девять придет юрист, Рэнсом Гардинер.

– А хиппи тоже? – спросила Блейдс.

Мюллер и ее муж рассмеялись.

– Старина Майк? Нет, не сегодня, – сказала Софи.

Хорошо. В любом случае Либер не обращал внимания на Грейс. В последний раз он пришел со смартфоном «Блэкберри» и почти не отрывал взгляда от его экрана.

В отличие от него, мистер Гарденер никогда не забывал поздороваться с девушкой и улыбнуться ей. Блейдс подумала, что Майк Либер, возможно, был его воспитанником, инвалидом, о котором заботился адвокат. Инвалидом, родители которого не могли о нем позаботиться. Или не хотели – и просто избавились от обузы... Но разве юристы на такое способны? Грейс предположила, что они будут делать все, за что хорошо платят.

* * *

Рэнсом Гарденер приехал в назначенное время, в черном костюме-тройке с золотистым галстуком из плотного шелка и с двумя большими портфелями, больше похожими на дорожные сумки.

– Добрый вечер, Грейс, – поздоровался он.

– Привет, мистер Гарденер.

Гость приподнял портфели.

– Вот чем заняты юристы – делают простые вещи сложными.

Блейдс пригласила всех за большой стол в столовой, на котором расставила печенье из магазина и бутылки с водой. Появился Малкольм, и все сели.

Рэнсом достал из одного портфеля стопку бумаг.

– Мои поздравления, Грейс. Я подготовил документы для твоего удочерения. Ты несовершеннолетняя, но достаточно взрослая – не говоря уже об уме, – чтобы знать, что они затеяли. Прочти, пожалуйста.

Он протянул девушке бумаги.

– Я не сомневаюсь, что там всё в порядке, – ответила та.

– На твоём месте я бы прочёл, – сказал Блюстоун. – Может, там написано, что ты жертвуешь все свои книги и одежду обществу Сознания Кришны.

Гарденер усмехнулся. Софи улыбнулась, Грейс тоже. Все нервничали и имитировали непринужденность.

Блейдс взяла документы. Мелкий шрифт, длинные слова... Похоже, занудство.

– Да, дорогая, это скучно, но педантичность в обращении с документами – полезный навык, – заметила Мюллер.

– Наказание за успех, – прибавил Малкольм. – Если только ты не адвокат.

– Ладно, ладно, – сказал Рэнсом Гарденер. – К сожалению, ты прав, Мал.

– Как всегда, Рэн. – Хозяин дома съел печенье, потом еще одно, стряхнул крошки со своего вязаного жилета.

Грейс принялась за чтение. Документы оказались еще хуже, чем она ожидала, – повторения, многословие, скука и ничего человеческого. И все сводилось к последней странице, тому факту, что Малкольм Альберт Блюстоун и София Ребекка Мюллер (далее «Заявители») хотят удочерить Грейс Блейдс (далее «Несовершеннолетнюю»). Утверждение очевидного с одновременным убийством английского языка. Девушка поняла, что никогда не будет юристом.

– Ясно как день. Спасибо за вашу работу, мистер Гарденер, – сказала она.

Тот вздрогнул.

– Это что-то новенькое! Меня оценили.

– Нуждаешься в признании, да, Рэн? – подколот его Малкольм.

Гарденер снова усмехнулся и легонько хлопнул его по плечу. Этот жест предполагал личные отношения. У юриста были седые волосы и впалые щеки, и Грейс всегда считала его стариком. Но теперь, когда он сидел рядом с ее приемным отцом, девушка поняла, что они примерно одного возраста – возможно, давние друзья. А может, она просто наблюдала пикировку между двумя общительными людьми. Хотя Грейс ни разу не видела, чтобы они просто болтали, – она думала, что у них чисто деловые встречи, привилегия и обязанность богатых людей.

Но, с другой стороны, Малкольм и Софи тоже ни с кем не общались. Никогда.

Еще одно преимущество жизни с ними.

– Не за что, юная леди, – ответил Рэнсом. – Как я уже говорил, ты несовершеннолетняя и, к сожалению, у тебя не так уж много прав. Однако я составил один документ и хочу, чтобы ты его подписала – если, конечно, ты не против. Он не обязателен, но мне кажется, такая умная девочка его заслужила.

На стол легла еще одна страница. Тот же скучный юридический язык. В документе говорилось, что Грейс понимает, о чем речь, и согласна стать приемной дочерью Малкольма и Софи.

Блейдс подписала эту бумагу, старательно выводя буквы. «Это самый важный документ в моей жизни, – думала она, – и нужно сделать его красивым. Запоминающимся, как сказал бы Джон Хэнкок».

Моя декларация о чудесной зависимости.

* * *

В ее жизни ничего не изменилось – ни просьб называть приемных родителей мамой и папой, ни каких-либо упоминаний о новом официальном статусе. С одной стороны, Грейс это нравилось. С другой – немного разочаровывало.

А чего она ждала? Хрустальных туфельек и карету из тыквы?

По будням завтрак каждый готовил себе сам. Все вставали в разное время, а кроме того, Малкольм по утрам почти не ел. Софи старалась сидеть вместе с Грейс, пока та уминала зерновые хлопья, запивая их соком из апельсинов, которые росли в саду, прежде чем отправиться в Мерганфилд, но расписание занятий в университете часто делало это невозможным.

Через несколько дней после подписания официальных документов Блейдс спустилась в кухню и обнаружила накрытый для завтрака стол. Накрахмаленная скатерть, яйца всмятку в фарфоровых подставках, аккуратно разложенные кусочки французских сыров на дорогом фарфоре, треугольники тостов из цельносмолотого зерна в серебряной корзиночке...

Кофе и чай. Ошибиться невозможно.

Малкольм и Софи уже сидели за столом. Еще один спектакль? О боже! Грейс понимала, что подобные мысли – жестокая неблагодарность, но иногда ей хотелось, чтобы ее оставили наедине с ее мыслями и мечтами.

В то утро дело было не только в усталости. Она мало спала, мучимая то радостью, то тревогой. Все время думала: что означает ее новый статус? Может, рано или поздно они потребуют, чтобы она называла их мамой и папой – просто ждут подходящего момента?

Мама и папа.

Отец и мать.

Их светлости... Может, теперь она официально стала принцессой «Баллокс Уилшир» и «Сакс Пятой Авеню»?^[19] Или она всегда была ею, как только поселилась на Джун-стрит?

И появится ли принц – теперь, когда она приобрела социальный статус?

И останется ли он принцем или превратится в лягушку, если его поцеловать... или, еще хуже, в жабу?

В ящерицу.

В змею.

Что все это *значит*?

И самый страшный вопрос: *не сон ли это?*

Нет, невозможно. Она лежит на спине с широко раскрытыми глазами на большой роскошной кровати в большой роскошной комнате, в доме, который называли ее домом, – но так ли это на самом деле?

Может, она просто почетный гость?

И есть ли разница?

Теперь, увидев перед собой накрытый к завтраку стол, Грейс потерла глаза и села, наблюдая, как колыхнется яйцо всмятку, когда ее рука задела подставку.

– Не спалось? – спросила Софи.

Как будто все поняла.

А может, она и вправду поняла. И Малкольм тоже. Он был психологом и умел видеть чувства других, хотя, если быть честным, иногда не замечал, что происходит вокруг. А вот его жена чувствовала все. Она ходила с Блейдс по магазинам. Сначала выбирала для нее

одежду, но постепенно ослабляла контроль, позволяя дочери самой принимать решения.

Софи водила ее к врачу, дантисту и парикмахеру. Софи нашла ей зубного врача и педиатра. А теперь и гинеколога, милую молодую женщину, которая осторожно осмотрела Грейс и порекомендовала противозачаточные таблетки.

Софи с улыбкой смотрела на нее.

– Всё в порядке. Вид аппетитный.

Девушка попробовала яйцо, съела кусочек тоста и выпила почти всю чашку кофе, а потом подняла голову и улыбнулась, показывая, что терпеливо ждет, пока родители скажут, в чем дело.

Но больше никаких эмоций – пожалуйста, только не это! Да, судьба сделала ей подарок, но в какой-то момент это становится похожим на переедание: ты расплачиваешься изжогой и бессонными ночами.

– Мы счастливы, – сказал Малкольм.

– Я тоже. Спасибо, – ответила Блейдс.

– Не нужно нас благодарить, твое счастье – наша лучшая благодарность, – рассмеялся мужчина. – Черт, это звучит так сентиментально... Давайте возьмемся за руки, будем водить хоровод вокруг стола, петь «Будь с нами рядом, Господь» и благодарить всех, как во время общей молитвы.

Грейс рассмеялась вместе с ними.

– Если ты не возражаешь, нам нужно поговорить о колледже, – сказала Софи. – На мой взгляд, у тебя есть два варианта. Можно провести еще один полный год в Мерганфилде, в режиме ожидания, и если ты хочешь, мы на этом и остановимся, хотя с точки зрения учебной необходимости в этом нет. А можно попробовать поступить в колледж весной, и если тебя примут, ты проведешь в Мерганфилде лишь полгода. Тебе едва исполнится шестнадцать, так что если тебя это пугает, я... мы пойдем. Просто мы не хотим, чтобы ты скучала.

– Я могу найти работу, – предложила девушка.

– Работу? – переспросил Малкольм. – Позволь кое-что тебе сказать. Ее значительно переоценивают.

Усмехнувшись, он повернулся к жене, словно искал одобрения. Но та была абсолютно серьезна и не отрывала взгляда от Грейс.

– Какого рода работу? – поинтересовалась Софи.

– Я еще не думала. Просто предлагаю одну из возможностей.

– Может, тебе нужно время, чтобы подумать, дорогая? Хотя, честно говоря, я не вижу, чем ты могла бы заняться, кроме как пойти в ресторан быстрого питания. Не потому, что у тебя нет квалификации. Просто так уж устроено наше общество.

– Переворачивать бургеры... Хм. – Воспоминания об остатках ресторанной еды в доме на колесах поколебали решимость Грейс. – Может, и нет. А что такое весенний набор в колледж?

– Его трудно добиться, дорогая. Кроме того, будет непросто в плане общения, потому что ты попадешь в среду, где все знакомы уже несколько месяцев.

Как будто я собираюсь общаться больше, чем вы. И чем теперь.

– Почему это так трудно? – спросила она.

– Колледжи и институты привыкли строго соблюдать процедуру, основа которой – осенний набор. Исключения бывают, но их немного, и случаются они крайне редко.

– Должны оставаться свободные места после тех, кто уходит.

– Совершенно верно, – сказал Блюстоун, – однако они заполняются преимущественно теми, кто переводится из других университетов.

– Тем не менее исключения делаются. Для таких, как ты. – Софи облизнула губы. – Я хочу быть с тобой откровенна, дорогая. Мы позволили себе направить вопросы, и хотя ничего нельзя сказать наверняка, но это возможно. Тем не менее есть проблема.

– Какая?

– Твой выбор будет ограничен. На самом деле мы с Малкольмом получили положительный ответ только из двух мест: Университета Южной Калифорнии и Гарварда.

– Где вы теперь работаете и где вы учились, – заметила Грейс.

– Ну, да, – сказал Малкольм, как будто учеба в Гарварде – это сущий пустяк. Однако он читал все письма, которые ему присылали из университета, и время от времени подписывал чеки на разного рода пожертвования.

– Ну формально я училась в Рэдклиффе, поскольку женщин тогда не принимали в Гарвард, – добавила Софи, – но ты права, с этими университетами нас связывают личные отношения. Возможны также Принстон и Стэнфорд, но они отказались дать такие гарантии, при

которых я бы могла рискнуть. А это значит, что если мы отвергнем Университет Южной Калифорнии и Гарвард, то можем остаться ни с чем.

– Университет Южной Калифорнии и Гарвард, – повторила Блейдс. – Нелегкий выбор.

– Ты должна понимать, – сказал Блюстоун, – что если проведешь весь год в Мерганфилде и подашь документы осенью, то, скорее всего, поступишь куда угодно. Лига Плюща, Стэнфорд – куда пожелаешь. Черт возьми, если какой-то университет настолько туп, чтобы тебя не взять, значит, он тебя не *заслуживает!*

– Таким образом, весной ты значительно сужаешь свой выбор, – прибавила Софи.

Я живу в узком мире. Границы обеспечивают мне безопасность.

– Понимаю, – сказала Грейс. – Но поверьте, это потрясающе, и я согласна. Как вы думаете, что мне выбрать?

– Мы не можем принять это решение, дорогая. Ты должна сама.

– Тогда ладно. А как насчет некоторых параметров? – Девушка ввернула слово, которое вычитала в одной из книг Малкольма по статистике. Потрясающее слово, которое она использовала в Мерганфилде при любой возможности, даже с Шоном Миллером. *Пора попробовать новые... хм... параметры.*

– Университет Южной Калифорнии, – сказал Блюстоун, – прекрасное учебное заведение. А Гарвард... это Гарвард.

Похоже, он немного растерялся. Блейдс решила ему помочь:

– А я могу подать документы в оба университета?

– Мне очень жаль, но нет. Гарвард настаивает, что отказаться будет нельзя.

– Я готова рискнуть.

– Добро пожаловать в мир высшего образования, Грейс.

– Давайте немного вернемся назад, – сказала Софи. – Дай нам свои *параметры*. Ведь это совсем разные вещи, причем не только в смысле обучения. В одном случае ты остаешься в Лос-Анджелесе и можешь жить в общежитии или здесь. В другом тебе придется уехать в другой конец страны и привыкать к очень холодной погоде. – Женщина улыбнулась. – Хотя я полагаю, что возможность носить красивую зимнюю одежду не так уж плоха. Подумай о дубленке, дорогая.

Грейс тоже улыбнулась.

– Я получу одинаковое образование?

– И там, и там ты получишь превосходное образование. Но и в любом месте главное – студент, а не колледж. В Университете Южной Калифорнии много умных ребят, но он более... однороден. Тупицы есть и в Гарварде, но там ты с большей вероятностью встретишь людей своего уровня.

Какая разница?

– Кроме того, – прибавила Мюллер, – хоть мне и неприятно это говорить, но есть еще вопрос престижа. Диплом Гарварда очень ценится работодателями и всеми прочими.

– Гораздо больше, чем он того заслуживает, – вставил Малкольм. – Я ни черта не знал, когда закончил учебу, но консалтинговые фирмы все равно хотели меня взять.

– Вы остались, чтобы получить докторскую степень, – сказала Грейс.

– Остался. Планировал поехать в Чикаго или Оксфорд, но встретил потрясающую девушку из Рэдклиффа, которая тоже хотела защититься в Гарварде. – Блюстоун пожал плечами. – Остальное – дело семейное.

– Романтический поворот сюжета – он всем рассказывает эту историю. На самом деле он все решил еще до знакомства со мной, – заметила Софи.

– Возражаю, – тут же отозвался ее супруг.

– Дорогой, ты прекрасно знаешь, что мы уже давно все выяснили. Когда мы переезжали, во время уборки квартиры я нашла переписку между тобой и профессором Фикре.

– Письменный запрос и письмо о намерениях – это не одно и то же, – сказал Малкольм.

Софи махнула рукой, чтобы он замолчал. Их пальцы соприкоснулись. От воспоминаний о студенческих временах их щеки покраснелись.

Возможно, Гарвард – интересное место.

– А как вы отнесетесь к тому, что я останусь в Лос-Анджелесе? – спросила Блейдс.

– Мы будем рады, – заверила ее приемная мать. – Выбор за тобой.

– То же самое относится к Бостону?

Легкая заминка.

– Несомненно. Мы сможем к тебе приезжать, – ответила наконец Софи.

– Дашь нам шанс посетить знакомые места, – подхватил Малкольм.

Грейс промолчала, выжидая.

Софи поняла ее молчание.

– Обидимся ли мы, если ты уедешь? Будем ли считать тебя неблагодарной? Ни в коем случае. В твоём возрасте желание независимости – норма.

– Развивается самосознание, – сказал Блюстоун. – Я не говорю, что у тебя его нет. Но... это процесс взросления. В двадцать пять ты воспринимаешь себя не так, как в шестнадцать.

– Шестнадцать, – повторила его жена. – Должна признаться, это не дает мне покоя. Ты не только попадешь в уже полностью сложившийся коллектив, но еще и будешь младше всех.

– Зато гораздо умнее, – заметил Малкольм.

– Что я должна делать, чтобы меня приняли? В оба места? – продолжила расспросы их дочь.

– Заполнить анкету, отправить табель успеваемости и результаты теста на проверку академических способностей, пройти собеседование.

До смешного просто.

– Остается вопрос денег, – сказала Грейс.

– Опять ты о нахлебничестве? Выбрось из головы, – велел Блюстоун.

Блейдс не ответила.

– Может, будем решать проблемы по мере их поступления? – предложила Софи.

– Хорошо, – согласилась Блейдс. – Спасибо, что все узнали заранее. Могу я подумать пару дней?

– Я и не ждал от тебя ничего, кроме серьезных размышлений, – сказал Малкольм.

Грейс доела яйцо всмятку.

Она выдержит паузу. Попросит третий день, притворяясь, что серьезно размышляет.

Хотя на самом деле она уже приняла решение.

Глава 39

Грейс остановилась в Монтерее, нашла непритязательный рыбный ресторан и в окружении семей и пожилых пар подкрепилась лососем на гриле с гарниром из жареной картошки и чашкой крепкого кофе. Через тридцать пять минут она вновь выехала на шоссе, свежая и целеустремленная.

Копов видно не было, и Блейдс поехала быстрее.

* * *

В Беркли Грейс приехала около девяти вечера – тут ее ждали чистое звездное небо и оживленные улицы. Приятно возвращаться в знакомые места, хотя она не была здесь несколько лет. Но когда ей было чуть за двадцать, Блейдс приезжала сюда довольно часто – представляла статьи, написанные в соавторстве с Малкольмом, на всяких симпозиумах.

Для него в этом не было профессиональной необходимости, и он просто следовал заведенному порядку. Грейс же радовалась совместным поездкам. Теперь она с улыбкой вспоминала обязательные банкеты. Обычно девушка стояла в сторонке с бокалом белого или красного вина в руке и наблюдала, как Блюстоун развлекает скучное сборище ученых мужей историями из жизни богатых.

Он так отличался от них – цветущее дерево среди сухостоя...

В свободное время Блейдс бродила по территории университета, всегда находя что-то интересное. Беркли повезло с топографией: вокруг холмы, поросшие деревьями и кустарником, великолепный вид на океан, залив и мост, а в центре обширная изумрудно-зеленая долина знаменитого университетского городка. Изобилие шикарных ресторанов – Шаттак-авеню прозвали «гетто гурманов». В таких районах, как Беркли-Хиллз и Клермон, можно было увидеть старые величественные здания, сохранившиеся с тех времен, когда Северная Калифорния была финансовым центром штата. Тем не менее город как

будто культивировал невзрачность, подобно богатой вдове, скрывающей свой достаток.

Не помогало и обилие студентов, а также выпускников из числа хиппи, анархистов и нигилистов, оставшихся в городе. Не помогал политический климат, в котором процветали классовая зависть и политкорректность и который привлекал бездомных, не облагораживая их.

Уникальный дух Беркли лучше всего чувствовался за рулем машины. Через пять минут после въезда в город Грейс была вынуждена резко затормозить, чтобы не сбить пешехода, который выпрыгнул с тротуара прямо в вечерний поток транспорта. Совсем мальчишка, скорее всего, второкурсник, с длинными волосами, падающими на красивое, капризное лицо. Он ухмыльнулся, показал ей средний палец и прыгнул на следующий ряд автомобильного потока. Снова визг тормозов и неприличные жесты.

Через пару кварталов точно такой же маневр проделали две девушки.

Я пешеход, и поэтому я главный. Улицы принадлежат мне, и плевать я хотел на вас, «пожиратели бензина».

В Беркли даже скромный автомобиль был политическим заявлением.

Психотерапевт разглядывала город. На главных улицах, Телеграф-авеню и Университи-авеню, царило еще большее оживление. Потом Блейдс свернула в тихий район и направилась к зданию на Сентер-стрит, где много лет назад обосновались Роджер Уэттер-старший и его приемный сын.

Слишком темно, чтобы рассмотреть подробности с противоположной стороны улицы. Фасад шестиэтажного здания выходил на плоский и редкий сквер с деревьями по краям и неряшливый в центре. За лужайкой виднелась темная громадина Беркли Хай Скул.

Увидев школу, Грейс вспомнила, как Роджер Уэттер-старший нанимал юных подонков, чтобы запугивать жертв землетрясения. Может, он рекрутировал их прямо здесь?

И еще кое-что: мистер Бенн, так ловко орудовавший ножом, в то время был молод. И вполне мог участвовать в мошенничестве.

Женщина медленно ехала по улице, когда ее внимание привлекла фигура в сквере. Худой сутулый мужчина пьяно покачивался, зажав в руке какой-то предмет в бумажном пакете. Она проехала дальше, развернулась и приблизилась к зданию.

Шесть этажей с обычной, серой при ночном освещении штукатуркой. Неровные дыры на месте окон и дверей, крыша почти вся снята, и стропила торчат, как раздвоенные куриные косточки. Вход загораживала сетка-рабица. Сквозь ее отверстия Грейс разглядела землеройную машину. Белую табличку на ограждении с такого расстояния прочесть было невозможно.

Какое-то движение слева заставило доктора обернуться. Шатающийся человек приближался. Она уже собралась уезжать, но пьяный, спотыкаясь, побрел по улице в противоположную сторону.

Блейдс выскочила из машины и изучила табличку. Снос дома, какой-то проект, финансируемый властями.

Если компания «Аламо эджастментс» еще существует, ее следует искать в другом месте.

А может, не следует. Потому что ей нужен мистер Яд, и если он все еще владеет этим зданием и придет проверить, как перестраивают его собственность на деньги правительства...

Сзади послышались шаркающие звуки. Доктор осторожно повернулась, сунув руку в сумочку.

Шатающийся мужчина из парка вернулся и теперь шел к ней, протягивая руку.

Старый, сгорбленный, с запахом перегара. Она дала ему доллар.
– Благослови вас Господь, – поблагодарил он и двинулся дальше.

* * *

Грейс неспешно ехала по городу, пытаясь найти подходящее пристанище. Ее внимание привлекло неприметное здание в самом центре Университи-авеню. Над входом светились зеленые неоновые буквы:

ОТЕЛЬ ОЛД.

«Старый»? Не желает иметь ничего общего с молодежной культурой? Подъехав ближе, врач увидела негорящую последнюю букву.

Гостиница «Олдс» занимала верхние этажи здания, а на нижнем располагались магазины с витринами на уровне тротуара. Нарисованная черной краской стрелка указывала усталому путнику на грязные бетонные ступени лестничного пролета.

Грейс обогнула квартал. Сзади к зданию примыкала открытая стоянка, огороженная хлипким деревянным заборчиком и почти пустая. Попасть на нее просто: нажимаешь кнопку и проезжаешь. Чтобы выехать, нужен ключ, который выдает портье.

Блейдс вернулась к фасаду гостиницы и изучила витрины на первом этаже. Магазины винтажной одежды слева мог пригодиться. В отличие от дешевой парикмахерской за соседней дверью.

Справа от входа в отель обнаружилось как раз то, что нужно: пункт самообслуживания, предлагавший услуги копирования и печати – для диссертаций скидка. Более того, он работал круглосуточно.

Грейс остановила машину, нарушив правила, и вошла внутрь. Парень, по возрасту студент, поглощенный «Игрой престолов», не обращал на нее никакого внимания, пока она распечатывала новую стопку визитных карточек – на более дешевой бумаге, чем для М. С. Блюстоун-Мюллер, консультанта по безопасности.

*С. М. Мюллер, доктор педагогических наук
Консультант в сфере образования*

На карточке был указан номер телефона в Бостоне, давно не работающего таксофона в холле главного здания публичной библиотеки Кембриджа. В студенческие годы Грейс пользовалась этой кабинкой, чтобы звонить парню из Эмерсона, будущему театральному режиссеру, с которым она познакомилась в дешевом баре. Парень купился на историю амбициозной актрисы из Лос-Анджелеса, и она спала с ним три раза, а теперь уже не помнила его лица. Однако номер таксофона остался у нее в памяти. Забавно, за какие мелочи цепляется наше сознание...

Грейс снова села в машину, обогнула здание и заехала на стоянку, а потом взяла дорожную сумку и поднялась по ступенькам, ведущим в

гостиницу, тоже бетонным и грязным.

Наверху ее встретил пахнувший плесенью коридор с желто-зелеными стенами и дверьми и с мятым искусственным покрытием защитного цвета на полу.

У фасада здания находилась застекленная стойка. Молодой, не старше второкурсника, администратор был индусом или пакистанцем. Этот человек точно так же, как и его коллега в копировальном салоне, не обратил внимания на Грейс – он увлеченно стучал пальцами по клавиатуре компьютера.

Когда Блейдс жалобным голосом сообщила ему, что у нее украли кошелек с кредитками, и спросила, может ли он принять визитную карточку в качестве удостоверения личности и наличные в счет оплаты, он, не отрывая пальцев от клавиатуры, утвердительно промычал.

– Сколько стоит номер? – спросила Блейдс.

Клик, клик, клик, клик.

– Пятьдесят за ночь плюс пять за уборку. Свободные номера только наверху.

– Отлично, уборки не нужно, – сказала Грейс и протянула две сотенные купюры.

Только что напечатанную визитную карточку парень проигнорировал.

– Как вас зовут? – поинтересовался он.

– Сара Мюллер.

– Запишитесь здесь, ладно? – Он подвинул к ней журнал регистрации.

Грейс написала свое придуманное имя, и администратор протянул ей ключ с пластмассовым брелоком в виде маленькой бутылки молока.

– Хотите апельсиновый сок по утрам? Завтрак у нас не подают, но я могу позвонить, и вам будут оставлять сок, только не свежавыжатый, а в бутылке.

– Тоже не нужно. А кофе?

Печальные глаза парня указали на ступеньки, ведущие на улицу. Пальцы его продолжали стучать по клавишам.

– «Питс», «Один-два-три», «Кафе Герилья»... Продолжать?

– Спасибо, – сказала Блейдс. – Надеюсь, вай-фай у вас есть?

– Тут, внизу, нормальный, – ответил парень. – Наверху иногда тормозит. – Его пальцы задвигались быстрее, а потом он прервался, чтобы прочесть ответ, и громко рассмеялся.

Грейс посмотрела на молочную бутылочку: комната номер 420.

– На самом деле сорок два, – пояснил портье. – Не знаю, зачем они добавляют нолик.

– Верхний этаж? – уточнила она.

– Там только этот номер и еще один. – Молодой человек снова принялся печатать, а потом заговорил, обращаясь к экрану: – Клоун, лузер, придурок!

* * *

Номер оказался на удивление большим, пропахшим лизолом и залежавшейся пиццей, с парой двуспальных кроватей, накрытых покрывалами с ярким цветочным орнаментом и разделенных тумбочкой из древесно-стружечной плиты. В ящике тумбочки лежала Библия, большинство страниц которой были вырваны. Кроватей было две, но подушка всего одна, на правой, – комковатая и брошенная как попало.

Стены покрыты зеленой штукатуркой. Занавески с цветочным узором, как на покрывалах, слегка раздвинуты, открывая желтые потрескавшиеся жалюзи. Тем не менее в комнату не проникали ни свет, ни звук. Окно выходило на парковку за гостиницей, которая заглушала шум Университи-авеню.

Один шкаф из такой же хлипкой деревоплиты. Дохлая бабочка в верхнем ящике. Остальные ящики чистые и застелены оберточной бумагой.

Ванная комната маленькая, облицованная шестиугольной белой плиткой с трещинами, а также с серыми, желтыми и ржавыми пятнами. Маленькое белое полотенце с вышитыми буквами *ОН*. В ванну поместится разве что трехлетний малыш. Вода из душа шла сначала ржавая, но затем очистилась. Унитаз без крышки непрерывно шипел.

Превосходно.

Грейс отправилась спать.

* * *

Она проснулась в половине восьмого, чувствуя себя отдохнувшей и бодрой. Включила ноутбук и обнаружила, что вай-фай не работает – как ее и предупреждали. Приняв едва теплый душ, женщина надела джинсы, туфли без каблука на резиновой подошве и черный хлопковый джемпер. Парики остались нераспакованными, а маленькую «Беретту» и патроны Грейс сунула в дорожную сумку, завалив одеждой. От грабителей это не защитит, но случайный любитель поживиться чужим добром сразу их не найдет.

«Глок» и ноутбук отправились на дно сумки.

Пора подкрепиться.

* * *

Раннее утро, а улица уже заполнена пешеходами.

У студентов колледжей и самозванных бунтарей имеется одна общая черта: они любят поесть. От выбора национальных кухонь голова шла кругом, и в конечном итоге Блейдс остановилась на пармской ветчине, бермудском луке, омлете с острым перцем, толстых ломтях дрожжевого хлеба, привезенного с противоположного берега залива, из Сан-Франциско, стакане свежавыжатого мандаринового сока с мякотью и косточками и чашке приличного кофе. Все это ей подали в кафе, которое заявляло о приверженности местным продуктам, органической пище и защите окружающей среды, а кроме того, выступало против любой военной активности.

Подкрепившись, Грейс заглянула в комиссионный магазин рядом с гостиницей и нашла синий пиджак без неприятного запаха, стоивший всего тридцать долларов. Переместившись к корзине с головными уборами, она обнаружила, что тест на запах им пройти сложнее, но в конечном счете откопала растянутую лыжную шапочку из тонкой серой шерсти, которая каким-то образом избежала плесени. Нос психотерапевта уловил слабый аромат лака для волос – можно было надеяться, что предыдущая хозяйка была модной и аккуратной девочкой. Изучив внутреннюю поверхность шапочки на предмет гнид

или еще каких-нибудь неприятных вещей и ничего не обнаружив, Блейдс купила ее за пять долларов.

Шапочка охватывала всю ее голову, полностью скрывая короткую прическу. Без макияжа и в новой одежде Грейс превратилась в Анонима из Беркли.

* * *

Оставив машину на парковке гостиницы, она взяла бесплатные газеты на уличном стенде и пешком направилась к Сентер-стрит. При дневном свете сквер напротив полуразрушенного здания выглядел не так уж плохо – трава оказалась зеленее, чем думала Блейдс, а деревья, растущие по периметру, были большими, густыми и аккуратно постриженными. У школы толпились подростки, и с той стороны доносились вполне предсказуемые звуки.

За сеткой-рабицей не наблюдалось никакого движения. Грейс еще раз изучила табличку. Здание сносили, а земля была отдана под проект, названный «Зеленые рабочие места для города». Множество официальных печатей – города, графства и штата. Название строительной фирмы, приписанное от руки, – «ДРЛ-Эртмув». Работа должна завершиться через восемнадцать месяцев, но, судя по отсутствию прогресса, срок выдержан не будет.

Переделка включала «сейсмическое переоснащение». Не слишком удачная ирония.

Доктор Блейдс перешла улицу и углубилась в сквер. Всего три скамейки: на двух, под деревьями, дремали бездомные, а с третьей, незанятой, открывался вид на строительную площадку.

Она села, спряталась за газетами и принялась наблюдать. Безрезультатно.

Прошел почти час, и Грейс уже собралась уходить, чтобы вернуться ближе к вечеру, когда за ее спиной послышался голос:

– Поможете другу?

Врач медленно повернулась. Стоявший позади скамейки человек был бедно одет, а лицо его имело оттенок мяса с кровью – верный признак жизни на улице.

Он протягивал руку, но не просительно. Не похож на того пьяницу, который получил от нее доллар вчера вечером.

* * *

Этот попрошайка был гораздо ниже ростом, не больше метра шестидесяти, немного сутулый, с пушистыми седыми усами, редкими длинными бакенбардами, тоже седыми, и затянутым мутной пленкой левым глазом.

Грейс протянула ему доллар.

Он посмотрел на купюру.

– Премного благодарен, дочка, но этого даже не хватит, чтобы купить кофе в этом городе любителей поесть.

Психотерапевт попыталась смутить его взглядом. Он улыбнулся и исполнил танцевальное па. Подмигнул здоровым глазом. На удивление живым, цвета ясного неба над Малибу. При внимательном рассмотрении выяснилось, что его потрепанная, мешковатая одежда когда-то была качественной и дорогой: серая куртка из ткани в «елочку», коричневый жилет из шотландской шерсти, белая рубашка с тисненным узором и саржевые брюки оливкового цвета, отвороты которых волочились по земле. И никакого перегара.

Чистые руки.

Бродяга прервал танец.

– Не впечатляет? Любите танго? – Он низко поклонился и подхватил воображаемую партнершу. Грейс невольно улыбнулась. Первый человек, который ее развлек с тех пор, как... За долгое время.

Она дала ему десять долларов.

– Вот как! – воскликнул он. – За это я принесу кофе нам обоим.

– Нет, спасибо, угощайтесь сами.

Мужчина низко поклонился:

– Спасибо, дочка.

Блейдс посмотрела ему вслед и решила еще немного посидеть на скамье. Как будто старый бродяга прибавил ей сил.

Еще через тридцать пять минут, в течение которых ничего не произошло, она сложила газеты и проверила, что «Глок» в сумке лежит

удобно, но тут вернулся маленький мистер Одноглазый и что-то протянул ей.

Свежеиспеченный круассан с восхитительным запахом. Аккуратно лежащий на вощеной бумаге в картонной коробочке. Какая-то чешская кондитерская.

– Спасибо, но я вправду не голодна, – попыталась отказаться Грейс.

– Ничего, – сказал бродяга. – Потом съедите.

– Все нормально, ешьте. – Она наклонилась, собираясь встать.

– Почему вы изучаете эту дыру? – спросил старик.

– Какую дыру?

Он указал на полуразрушенное здание.

– Пустая трата денег, афера, спектакль, в котором муниципалитету отведена роль дойной коровы. Вы наблюдали за ним все время, сколько тут сидите. Или я ошибаюсь?

– Так это мошенничество, да?

– Можно? – Бездомный указал на скамью.

Грейс пожалала плечами.

– Не слишком гостеприимно, – сказал маленький старик. – Но беднякам выбирать не приходится.

Он сел на скамью как можно дальше от Блейдс и принялся за круассан, аккуратно кусая и все время смахивая крошки.

Привередливый бродяга. Туфли у него были поношенные, с перфорированным носком, много раз чиненные.

Закончив есть, он спросил:

– На чем специализировались? Учились в колледже?

– Да.

– Здесь?

– Нет.

– Что изучали?

Какой смысл лгать?

– Психологию, – ответила женщина.

– Тогда вы знаете о синапсе Хебба и Фридрихе Августе фон Хайеке.

Грейс покачала головой.

– Современная молодежь. – Одноглазый рассмеялся. – Если б я сказал тебе, что изучал экономику у Хайека^[20], ты бы мне не поверила,

так что нет смысла зря тратить слова.

– Почему я не должна вам верить?

– Так вот, именно так и было, дочка, – с улыбкой сказал бродяга. Он явно настроился на монолог. – Мне не мешал его акцент – Фридриха Великого. В отличие от остальных. Попробуй опровергнуть этот факт, дочка, и ты проиграешь, я говорю тебе чистую правду. Ты можешь юлить насчет своего предполагаемого образования, но мне скрывать нечего. Я учился среди вихря эклектики в Лос-Анджелесе, в шестидесятые, до того, как Лири и Ланг^[21] сделали безумие социально приемлемым. – Мужчина постучал себя по голове. – Я родился слишком рано; к тому времени они уже разговаривали со мной здесь, заставляя игнорировать их. Я подолгу обходился без еды и воды, целый век провел без общества женщины, ходил по кампусу с бумажными пакетами на ногах и избегал «Книги перемен». Несмотря на полный шкаф галантереи и мать-англиканку. Тем не менее я учил социологию.

Замолчав, бездомный стал ждать ответа. Грейс тоже молчала.

– Ну как же, – наконец снова заговорил ее собеседник. – *Окла. Пальмы и педагогика?*

Доктор удивленно посмотрела на него.

Одноглазый разочарованно вздохнул.

– *Окла? Второй кампус? До того как это место стало Кула.*

Блейдс не сразу догадалась, что это значит.

– Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, – предположила она.

– Наконец-то! Дебри Вествуда, до того как их захватили хиппи и вольнодумцы. До того как все начали говорить о социальной справедливости, но никто ничего не делал для ее достижения. Скорее так *называемой* справедливости. Или следует говорить о *южнокалифорнийской* справедливости, и мы будем знать, что речь идет о нравственности лицемерных киномагнатов.

Морщинистая рука бродяги вытянулась в сторону строительной площадки:

– Вот пример. «Зеленые». Ха. Как сопли, – добавил он.

– Вы не одобряете?

– Кто я такой, чтобы одобрять, дочка? Жребий брошен.

– Проект.

Мужчина подвинулся ближе к Грейс и стряхнул несуществующие крошки.

– В основе этого безобразия – лицемерие, лживость и двуличие. Прошлый владелец этой ничем не примечательной кучи мусора был злодеем, и он, слава богу, умер, но, к сожалению, оставил после себя злодея следующего поколения, который разглагольствует о социальной справедливости и подмазывает... хм... *прогрессивных* политиков. Старо как мир, правда? Калигула, Путин, Аарон Берр или любой член городского совета Чикаго.

– Политика развращает...

– Представь, дочка: ты наследуешь жалкую груду кирпичей. Что ты будешь с ней делать? Ага... Дай-ка подумать... Знаю, давай продадим ее городу по завышенной цене, а потом предложим «зеленый», как сопли, проект, чтобы построить кабинеты для бюрократов и заработать репутацию благодетеля.

Грейс насторожилась.

– Одним выстрелом – двух зайцев, да? Не похоже, чтобы работа там кипела, – заметила она.

Бродяга нахмурился.

– Были времена, когда там можно было найти убежище.

– В здании?

Три энергичных кивка.

– Были времена, – сказал старик.

Значит, здесь жили бездомные.

– Когда это прекратилось? – спросила Блейдс.

– Когда возобновилась семейная традиция.

– Какая традиция?

– Разве ты меня не слушала?

Доктор растерянно посмотрела на собеседника.

– Ладно, я приторможу и все растолкую... – сказал тот. – Где, говоришь, ты училась?

– В Бостонском университете.

– Не в Гарварде, да?.. Ладно, ты слишком молода, чтобы это помнить, но давным-давно резкое движение тектонических плит вызвало разрушения на той земле, где мы сейчас сидим. Мосты рухнули, бейсбольный матч был прерван, и если это не плевок в глаза всему патриотическому и священному, то я не знаю...

– Землетрясение Лома-Прието.

Единственный зрячий глаз старика широко раскрылся.

– Изучала историю. В Бостонском университете как минимум.

– Не такая уж и древняя эта история.

– Дочка, в наши дни все, что произошло больше пяти минут назад, – древность. В том числе послания, переданные сюда теми, кто облечен властью. – Бездомный снова похлопал себя по лбу, а потом встал, разгладил брюки и снова сел. – Так вот, плиты сместились, и тарелки разбились. Бах, бах! А потом случилась вторая катастрофа – на первой нажились злодеи, как бывает всегда, когда коллективизм и коллективное бессознательное одерживают победу над волей человека, причем под человеком я подразумеваю представителей обоих полов, так что не нужно обвинять меня в сексизме, дочка.

Грейс посмотрела на строительную площадку.

– Люди, связанные с этим проектом, нажились на землетрясении?

– Страховка, – пояснил старик. – В сущности, азартная игра с редким выигрышем. Но даже игральные автоматы в Вегасе иногда выдают деньги.

– А эти не платили.

Бродяга ткнул пальцем в здание школы:

– Молодежь в большинстве своем – несоциализированные дикари, правда? Повелители, мухи и так далее. Если кто-то и заслуживает смертной казни, так это четырнадцатилетние. Но злодеи чувствуют друг друга, и этим «повелителям мух» поручили давить на простых людей, чтобы те не требовали компенсации.

– Парень, руководящий этим проектом, нанимал школьников, чтобы запугивать...

– Они могли бы надеть и пояс смертника. Они были террористами, не больше и не меньше, и они позволили злодею выкупать поврежденные дома за бесценок и продавать сама знаешь кому.

– Властям, – сказала Грейс.

– Суп из букв, дочка. Агентство А, агентство Б, агентство Зета – то самое, что имплантировало иридиевый электрод прямо сюда и пыталось обратить меня в ислам. – Бездомный похлопал себя по правому виску. – К счастью, я понял, что к чему, и сумел его деактивировать.

Он зевнул, опустил голову и начал задремывать.

– Была рада с вами поговорить, – сказала психотерапевт.

Она успела отойти на несколько шагов, прежде чем бродяга
ответил:

– Обращайтесь.

Глава 40

Ну вот, теперь появился источник, подтвердивший ее догадки.

Конечно, он псих, но с периодами ясного сознания и предклиническим интеллектом – так что его слова можно воспринимать всерьез.

Чуть дальше по Сентер-стрит Грейс нашла относительно свободное интернет-кафе, купила кофе с молоком и булочку, которую не собиралась есть, и устроилась в угловой кабинке. Сидя среди студентов и тех, кто ими притворялся, она глотнула кофе и погрузилась в хаотичный мир информации.

Запрос «*зеленые рабочие места город*» выдал дюжину ссылок – в основном официальные документы с бюрократической демагогией. Просмотрев наугад несколько разделов, женщина уловила суть: проект строительства быстро прошел через многочисленные комитеты и подкомитеты, муниципальные и штата, получил одобрение чуть больше года назад, и контракт в результате «особой конкурсной процедуры» был отдан компании «ДРЛ-Эртмув, Инк.», из Беркли, штат Калифорния.

Судя по всему, особая конкурсная процедура заключалась в том, что конкурс вообще не проводился, а ДРЛ была признана обладателем уникальной квалификации: «внимание к экологии», «знание истории и духа города», «учет местных потребностей, в том числе обеспечение рабочими местами жителей Беркли, а также бедных районов Окленда и других экономически отсталых районов».

Грейс надеялась, что в документах всплывет имя Роджера Уэттера-младшего, но руководителем и единоличным собственником ДРЛ был Дион Р. Лару. Разочарованная, доктор ввела в строку поиска его имя, но получила только три ссылки, причем все три – репортажи о благотворительных мероприятиях.

Щедрость директора строительной фирмы распространялась на местную организацию под названием «Общество здорового питания», благотворительный фонд «Доверие», занимавшийся реабилитацией членов банд из Окленда, и экспериментальный кинофестиваль,

проводившийся в Университете Беркли четыре года назад под девизом «Освобождение народа и личности».

«Общество здорового питания» отблагодарило своих жертвователей веганским банкетом, фотографии с которого выложила на своей странице в «Фейсбуке».

Грейс принялась просматривать снимки сияющих, улыбающихся лиц на этих снимках.

Вот он.

* * *

Высокий, хорошо сложенный тридцатипятилетний мужчина в черной с золотом бархатной куртке и черных джинсах. Длинные белокурые волосы, разделенные пробором посередине, спускаются до плеч – английский вариант Иисуса. Светлая щетина, как у кинозвезды.

Дион Лару стоял в расслабленной позе: в одной руке бокал с чем-то оранжевым, другая лежит на худых обнаженных плечах брюнетки лет двадцати пяти. Не красавица, но симпатичная. Резко очерченные скулы, словно ее лицо вырезали с помощью ложечки для мороженого.

Аша Лару, жена босса. Экзотическое имя, но в чертах лица ничего кельтского.

Ее улыбка выглядела фальшивой. Его – ослепительной.

Но их чувства в тот момент не имели значения – обо всем рассказали его глаза. Пронизывающие и странно мертвые. Эти глаза Блейдс уже видела.

Она смотрела на фотографию, и годы словно отлетали прочь, обнажая реальность. Прошло двадцать три года с тех пор, как Принц Яд появился на ранчо Рамоны вместе с братом и сестрой, убил мальчика-инвалида, стал косвенной причиной смерти хозяйки ранчо и разрушил привычную жизнь Грейс.

Одетый в черное, и тогда, и теперь.

Подонки сменил имя. Хотел избавиться себя от дурной славы, оставленной в наследство приемным отцом? В таком случае он добился своего – если не учитывать хорошую память и свободные ассоциации маленького мистера Одноглазого.

Был Роджером, стал Дионом...

И тут в голове доктора Блейдс словно щелкнул переключатель, и ее мозг решил задачу, перетасовав буквы, словно карточки в игре.

Дион Р. Лару.

Арундел Рой.

Точная анаграмма^[22].

Забыть человека, который сделал его богатым, и отдать долг родному отцу. Родословная важнее всего, что случилось после стрельбы в поселении Культа Крепости.

Он не просто психопат, избавляющийся от неприятного прошлого.

Это попытка реинкарнации.

Теперь убийства трех пар приемных родителей обретают извращенный, жестокий смысл: Самаэль Рой воссоздает детство, проведенное рядом с безумцем и его наложницами. Долой старое, да здравствует новое!

Действительно, особая конкурсная процедура.

Возможно, старый шизофреник и вспомнит прошлые несчастья, когда рушились мосты и трескалась земля, а семья Уэттер наживалась на беспомощных, но больше никто в этом городе, гордившемся заботой о правах человека, не знает о них – или им все равно.

Неудивительно, подумала Грейс, в наш век бесконечных возможностей и непрерывного обновления.

И тут до нее дошла неприятная правда: «Мне это тоже на пользу».

Глядя на самодовольную улыбку Диона Лару, она невольно подумала о нем как о товарище по играм, взобравшемся на противоположный конец космических качелей.

Они двое, идеальные соперники.

Она не выбирала битву. Но теперь...

* * *

Выпив вторую чашку кофе – вместе с кофеином, попавшим в организм за завтраком, та заставила сердце учащенно биться, – Блейдс переключилась на Эндрю, бывшего Тифона Роя. Теперь она почти не сомневалась, что была права в том, что касалось причин, заставивших его обратиться за помощью.

Потребность разобраться со своими родственными связями со злом.

Но остался вопрос: творил ли зло он сам?

Конечно, Пало-Альто недалеко от Беркли, и это повышает шансы на случайную встречу братьев. Но, может быть, она ошибается, и сыновья Арундела Роя воссоединились гораздо раньше и договорились поселиться неподалеку от Залива?

Самаэль оттачивал свои психопатические навыки.

Тифон – более умный, притворявшийся таким, как все, – строил профессиональную карьеру.

Может, альянс сложился задолго до убийства приемных семей? Эта мысль была неприятна Грейс, но следовало посмотреть правде в глаза: человек, которого она знала как Эндрю, возможно, совершил ужасные вещи, но в конечном итоге чувство вины стало слишком сильным, и он уже не мог жить с ним.

И смерть сестры – та слишком привязалась к супругам Маккой, чтобы влиться в новый клан, задуманный его братом.

Может быть, Тифон/Эндрю был сообщником Самаэля/Роджера, что сохранило ему жизнь после смерти Лили? Или он был просто молчаливым свидетелем и брат верил, что он не проболтается?

В любом случае Тифон погиб из-за того, что знал, и Грейс подумала, что это не так уж важно. Как бы то ни было, пора больше узнать о милом, робком мужчине, с которым она познакомилась в холле отеля. Но сначала его брат – единственный оставшийся в живых член семьи...

Надкусив рогалик, психотерапевт стала искать все, что имело отношение к компании, недавно основанной Дионом Лару. Она не нашла никаких других проектов в Беркли, но семь лет назад фирма получила похожий, финансируемый властями контракт в окрестностях Галлапа, в Нью-Мексико, превратив квартал заброшенных магазинов в «дружественный окружающей среде» индустриальный парк, предназначенный для поддержки «местной культуры».

Партнером Лару в том проекте был Мунир «Текс» Халед, дилер, специализирующийся на индейском искусстве. Введя в строку поиска его имя, Грейс наткнулась на информацию об убийстве: Халеда застрелили в пустыне неподалеку от границы с Мексикой. Место

убийство вызвало подозрения и слухи, что в деле были замешаны наркотики.

Насколько могла судить Блейдс, это преступление осталось нераскрытым. Не нашла она никаких сведений и о реализации проекта в Галлапе. Несмотря на торжественную церемонию закладки первого камня, на которой присутствовали политики в строительных касках. И Текс Халед, тоже в каске. Бывший торговец произведениями искусства был маленьким темноволосым мужчиной лет шестидесяти, в коричневой рубашке, заправленной в слишком длинные джинсы, которые поддерживались широким ремнем с огромной серебряной пряжкой, и с узким галстуком с непропорционально большой бирюзовой булавкой. Рядом с ним стоял более молодой, но не менее жизнерадостный Дион Лару, тоже в защитной каске. На нем была белая пиратская блуза с глубоким треугольным вырезом, открывавшим гладкое, загорелое горло.

Но внимание Грейс привлекла не одежда и даже не тот факт, что Текс Халед, похоже, с удовольствием фотографировался вместе со своим убийцей. Она вглядывалась в человека, стоявшего за правым плечом Лару. Чуть за тридцать, немного выше среднего роста, грубые черты лица. Не тот бритый наголо Белдрим Артур Бенн, с которым она повстречалась в своем саду, а длинноволосый парень с лохматыми усами, как на водительском удостоверении.

На снимке почти все улыбались, но Бенн выглядел настороженным и даже мрачным. Почти все – за исключением мужчины, стоявшего рядом с ним, были примерно того же возраста, но в два раза шире.

Носорог с маленькой круглой головой, редкими светлыми волосами, квадратным лицом, глазами-щелочками и маленькими, прижатыми к черепу ушами.

Мистер Здоровяк. Типичный громила. Возможно, именно поэтому Бенна, менее заметного, отправили в Западный Голливуд, чтобы он занялся Грейс. Носорог должен был устранить Эндрю.

Интересно, подумала психотерапевт, торчит ли он еще в Лос-Анджелесе – возможно, обыскивает ее офис – или вернулся сюда, к боссу.

Зазвонил одноразовый телефон, который она использовала для связи с Уэйном. Его личный номер. Блейдс отключила телефон и

продолжила искать информацию о «ДРЛ-Эртмув».

Ничего. Пора сменить направление и углубиться в хорошо знакомую территорию.

Инженерный раздел сайта университетского рецензионного журнала выдал три статьи, написанные Эндрю ван Кортландтом за год, проведенный в должности исследователя в Стэнфорде после защиты докторской диссертации. Это были изобилующие математическими формулами трактаты, в которых исследовались структурные свойства различных металлов при всевозможных электрохимических и температурных условиях.

Все статьи были написаны в соавторстве с Эми Чен, доктором философии из Калифорнийского политехнического института.

Выяснилось, что после получения степени Чен была научным сотрудником в Стэнфорде в том же году, что и Эндрю, а затем стала преподавать в Пасадине. Но через два года она перешла в Калифорнийский университет в Беркли и теперь занимает там должность доцента на кафедре инжиниринга.

На сайте кафедры нашелся ее портрет – приятная женщина, которую можно принять за старшекурсницу, с узким лицом в обрамлении длинных черных волос и ровной челкой. Эми Чен по-прежнему занималась прочностью конструкций, и уровень ее лекций высоко оценивался бакалаврами.

Грейс понимала, что глупо делать выводы о человеке только по лицу, да и вообще по чему-либо еще. Но кроткий взгляд и застенчивая улыбка этой женщины говорили о неуверенности в себе.

Стоит рискнуть. Блейдс позвонила по указанному телефону. При малейшем подозрении можно прервать разговор и выбросить телефон.

На звонок ответила женщина с тихим, слегка дрожащим голосом.

– Это профессор Чен? – спросила врач.

Секундная пауза.

– Я Эми.

Такое *впечатление*, что это старшеклассница.

– Меня зовут Сара Мюллер, я консультант-психолог из Лос-Анджелеса. Мы с Эндрю были друзьями, – сказала доктор Блейдс.

– Были? – переспросила Эми Чен. – Вы больше не друзья? Или...

– Это сложно, профессор Чен, и я знаю, что это звучит странно, но я беспокоюсь за Эндрю, и если б вы смогли бы найти время, я была

бы благодарна вам за разговор.

– Беспокойтесь о чем?

Грейс выдержала паузу.

– О его безопасности.

– С Эндрю что-то случилось? О нет! – Слова Эми, выражавшие испуг, были произнесены бесстрастным тоном. Дрожь в ее голосе исчезла, и Грейс насторожилась, но решила не отступать. – Что вы имеете в виду?

– Мы можем встретиться, чтобы поговорить об этом, профессор?

– А теперь вы не можете рассказать?

– Во время нашей последней встречи Эндрю выглядел обеспокоенным. Нервничал. Отказался объяснить причину, и с тех пор я его не видела. Он упоминал о вашей совместной работе, и я... профессор, мне не хочется обсуждать подробности по телефону, но если вы не хотите, я пойму...

– Нет, – сказала Эми Чен. – Всё в порядке. – Дрожь в голосе вернулась. – У меня только что закончились присутственные часы, и на сегодня есть еще дела, но я могу встретиться в свой перерыв.

– В таком случае в любом месте, где вам удобно.

– Как насчет Лоренс-Холл – музея науки? Но не внутри, а у входа.

Грейс знала это место. Она заходила в музей во время одной из своих поездок с Малкольмом – там было полно детей. Музей находился на холме над университетским городком. С открытой площадки, которую выбрала Чен, открывался великолепный вид на мост Золотые Ворота и на панораму Сан-Франциско, и там всегда было многолюдно.

Безопасное место для встречи с незнакомцем. Осторожная женщина, но Блейдс такая осторожность тоже устраивала.

– Конечно, – согласилась психотерапевт. – Когда?

– Может, в два часа дня? – предложила Эми Чен и повесила трубку, не дожидаясь ответа.

* * *

Грейс вернулась в гостиницу, где в полутемном коридоре ее встретил подозрительный запах марихуаны. Она успела сделать

несколько шагов, когда дверь в одну из комнат открылась, и из номера, пошатываясь, вышла пара лет сорока. Задев друг друга, они двинулись к ней: мужчина худой и черный, женщина полная и белокурая. Доктор ждала, опустив руку в сумочку.

В нескольких футах от нее мужчина вежливо поклонился и сказал:

– *S'il vous plaît*^[23].

Женщина захихикала.

– Присоединяюсь, – сказала она и шагнула в сторону, освобождая проход для Блейдс.

У себя в номере Грейс переоделась в кремовую блузку, серые слаксы, бежевый нейлоновый кардиган и коричневые туфли без каблучков – по ее мнению, именно так должна была выглядеть консультант в области педагогики и психологии. На голову – вязаная шапочка. В ход пошел черный парик, который врач причесала и взбила, чтобы стал пышнее. Выглядел он великолепно – Грейс не пожалела, что потратила деньги на натуральные волосы.

Следующий шаг: синие контактные линзы сделают глаза запоминающимися даже за стеклами очков.

Проверив сотовый телефон, по которому ей недавно звонил Уэйн, женщина не обнаружила сообщения. Решив, что телефон выполнил свою миссию, она подняла угол кровати, подсунула его под толстую металлическую ножку, а потом с размаху опустилась на матрас. Дешевый аппарат оказался прочнее, чем она думала, и ей потребовались четыре попытки, чтобы разбить его. Но после появления первой трещины следующие удары раскололи корпус на части и выпотрошили внутренности мобильного. Потом Грейс достала мясную нарезку из пакета, собрала с пола пластмассовые осколки и высыпала в пакет все, что осталось от телефона. Она не была особенно голодна, но все равно доела мясо, после чего достала из дорожной сумки второй дешевый телефон и перезвонила Уэйну.

Ни ответа, ни голосовой почты. Удалив информацию о звонке, психотерапевт посмотрела на часы. До встречи с Эми Чен оставалось больше двух часов. Прошло уже довольно много времени после последней пробежки или какой-либо серьезной физической нагрузки. Энергичная прогулка пешком пойдет ей не пользу.

Но, ступив на тротуар Юниверсити-авеню, Грейс вдруг поняла, что не в силах погрузиться в атмосферу университетского города – молодость, лозунговая философия, сознательное бунтарство...

Вернувшись в номер, она завела будильник на наручных часах и легла навзничь на продавленную кровать.

Ничто так благотворно не действует на душу, как одиночество.

Глава 41

Через неделю после приезда в Гарвард Грейс разобралась, куда она попала. В сущности, это был Мерганфилд на стероидах. Хотя, если честно, у юных дарований из Мерганфилда ум и способности были распределены более равномерно, чем среди студентов Гарварда.

По ее наблюдениям, по своей реакции на удачу, которая позволила им учиться в университете, принадлежащем к элите американского высшего образования, студенты делились на два типа. Первые открыто хвастались, вставляли слово «Гарвард» в любой разговор и всегда одевались в багровые цвета. Вторые притворялись скромными («я учусь в Бостоне»). Оба подхода свидетельствовали о самодовольстве и заносчивости, и Блейдс, проходя мимо группы первокурсников, однажды услышала такое заявление: «Будем честными, нам предстоит править миром. Почему бы при этом не проявлять сострадание?»

Грейс решила избрать третий путь, чтобы извлечь максимум пользы из проведенного в Кембридже времени: заниматься собой и как можно быстрее освоить программу. Это означало, что нужно пораньше выбрать специальность – что было легко, потому что она уже остановилась на психологии, так как больше ничто не вызывало у нее такой интерес, да и Малкольм был счастлив в своей профессии, – а затем быстро разделаться с обязательными предметами, взяв гораздо более сильную нагрузку, чем рекомендовалось.

Дополнительные баллы можно было легко набрать, заполнив свободное время легкими предметами. Так называемые серьезные курсы тоже не представляли особой проблемы. Похоже, шаблонное представление о Гарварде соответствовало действительности: труднее всего поступить.

Проблемой были не оценки и экзамены, а подход университета к социальной структуре. Первокурсников селили в студенческом общежитии. А потом все усложнялось.

Общежитие, в котором жила Грейс, называлось Хорлбат-Холл, и в нем ей досталась просторная комната со старым, шатающимся письменным столом, прекрасным видом на лужайку, деревья и заросшие плющом кирпичные стены, а также неработающим камином.

Кто-то из прошлых жильцов на поцарапанном дубовом полу контуры человеческого тела, как в детективах, и девушка не стала стирать рисунок. Другой жилец не поленился приклеить к стене в коридоре прямо за дверью несколько сотен мелких монет. Блейдс так и не поняла, что он хотел этим сказать, но монетки постепенно исчезали.

Малкольм и Софи прилетели с ней, чтобы помочь ей сориентироваться, и остались на пару дней, пока она не устроится. Увидев ее комнату, они переглянулись и одобрительно кивнули.

– Хорошо, – сказала их приемная дочь.

– Хорлбат? Отлично, – кивнул Блюстоун. – Теперь у тебя будет много времени, чтобы сформировать свою группу.

– Какую группу?

– На втором курсе тебя переведут в так называемый «дом», вместе с другими студентами.

– А в чем разница между общежитием и домом?

– Ну... думаю, не слишком большая. Но ты останешься в своем доме три года, и твоя цель – чувствовать себя в нем хозяином. Я жил в Лоуэлл-Хаус.

– И группа у вас была?

– Конечно. Включая Рэнсома Гарденера. У нас не только деловые отношения – мы остались друзьями. Это преимущество системы, Грейс: формируются прочные взаимоотношения.

– А Майк Либер тоже здесь учился?

Этот вопрос удивил Малкольма.

– Нет, Майк окончил Массачусетский технологический. В нашем совместном деле он самоучка.

Не нужны тебе эти социальные глупости. Блейдс молчала, старательно разглядывая контур на полу. Отличная работа – наверное, кто-то специализировавшийся на точных науках. Геометрия ей нравилась.

– Не волнуйся, дорогая. Через год у тебя будут друзья, и вы станете жить вместе, – заверил ее Блюстоун.

– А что, если я предпочту остаться одна?

Родители девушки снова обменялись долгим взглядом.

– Хм, – пробормотал Малкольм. – Обычно так не делается.

– В следующем году я не могу остаться в этой комнате?

– Общежития только для первокурсников, Грейс.

– Довольно жесткий подход.

– Традиция, ничего не поделаешь. – Блюстоун нахмурился, и его дочь поняла, что поставила его в неловкое положение.

Пока она обдумывала ответ, в разговор вмешалась Софи:

– Знаешь, Мал, кажется, в Форсхаймер-Хаус есть комнаты на одного человека.

– Что это? – спросила Блейдс.

– Еще один дом, дорогая, – объяснила Мюллер.

– Все образуется, Грейс, – сказал Малкольм. – Не торопись, всему свое время.

Таким встревоженным девушка его еще не видела. И даже Софи казалась обеспокоенной. Они очень волновались во время перелета из Лос-Анджелеса – суетились, болтали и пили больше обычного. Ни поездка в такси из аэропорта Логана, ни пребывание на территории студенческого городка их не успокоили.

Грейс поняла, что их тревога может превратиться в проблему, если они решат, что должны быть рядом и оберегать ее. Конечно, она ценит их заботу, но смысл всего этого – начало нового этапа в ее жизни.

Она улыбнулась, обняла их обоих и сказала:

– Я уверена, что все устроится. Это потрясающе. Мне *нравится*, и я вам *очень* благодарна.

– Относительно того... я уверен, что ты скоро найдешь свое место, – сказал Малкольм. – Но если тебе понадобится наша помощь...

– Обязательно. – Девушка раскинула руки, улыбнулась и дотронулась до матраса. – А пока все *великолепно*.

И она снова обняла родителей – в основном чтобы доставить радость им, хотя и сама почувствовала, как в ней изнутри поднимается волна тепла. Они ничего ей не должны, но захотели изменить ее жизнь. Замечательные люди. Если ангелы существуют, то они – ангелы.

Она сделает все, чтобы они ею гордились.

Грейс так и сказала, и Блюстоун покраснел, а глаза его жены увлажнились.

– Мы всегда гордились тобой, – сказал Малкольм и осмелился сжать ее руку. А Софи погладила ее по щеке.

Блейдс еще раз обняла их и улыбнулась, стараясь излучать уверенность.

Но при этом думала: *Форсхаймер*.

* * *

Вечером они ужинали в «Лигал Сифуд», где все слишком много ели, а Малкольм слишком много пил и произносил многочисленные тосты за «необыкновенные успехи» Грейс. На следующее утро, когда девушка увидела родителей на пороге гостиницы в Гарварде, они выглядели немного растерянными, и она еще раз заверила их, что все будет хорошо, стараясь выглядеть при этом беспечной, хотя после первой ночи в Хорлбат чувствовала себя не в своей тарелке. Она долго не могла заснуть, а рано утром ее разбудили топот и крики в коридоре. Самые лучшие и самые умные вели себя точно так же, как все остальные подростки.

Наконец прибыло такси, которое должно было доставить Малкольма и Софи в аэропорт, и Блейдс махала им вслед, пока машина не скрылась из виду на Массачусетс-авеню.

Блюстоун с женой передумали и не полетели прямо в Лос-Анджелес, а решили несколько дней побыть в Нью-Йорке, чтобы «побродить по музеям»

В Бостоне было полно великолепных музеев, и их дочь поняла, что они хотят быть рядом, пока не убедятся, что с ней действительно всё в порядке.

Другого шестнадцатилетнего подростка это раздражало бы.

Грейс же радовалась, что она им так дорога.

* * *

Получив высшие баллы уже в начале первого семестра, Блейдс выяснила, что в Гарварде гордились своим вниманием к «особым потребностям» – точно так же как бюрократы из социальной службы Лос-Анджелеса. Она поговорила с советником по размещению, солгала насчет необходимости одиночества, чтобы справиться с «врожденной повышенной чувствительностью к звуку и свету», и

договорилась, что в следующем году ей предоставят комнату на одного человека в *Форсхаймере*.

– Комната не слишком просторная, – предупредил советник, худощавый аспирант-литературовед по имени Павел. – На самом деле больше похожа на шкаф.

– Не проблема, – заверила Грейс. – Шкаф – отличное место для моих скелетов.

Павел прищурился.

– Прошу прощения... Ах да, хорошо! Да-да, хорошо. Ага.

* * *

Устранив это препятствие, Грейс продолжала получать наивысшие баллы по всем предметам и к концу второго года приступила к специализированным курсам, чтобы заложить основы для научной работы на третьем году обучения. Малкольм и Софи познакомили ее с алкоголем самым оптимальным образом – давали попробовать хорошие вина и избегали конфликтов, – но их приемная дочь с самого начала решила отказаться от любых изменяющих сознание веществ и не отступала от этого правила.

В свободомыслящей среде трудно не пить и не курить травку – для этого требуется или сила воли, или крайняя замкнутость. Студенты не только курили марихуану, но еще и нюхали кокаин и употребляли галлюциногенные препараты. Кое-кто баловался героином – по большей части склонные к самоистязанию студенты театрального факультета.

Но самым популярным в Гарварде был алкоголь. По пятницам во второй половине дня к университетским столовым – гарвардским версиям братств – подъезжали грузовики с пивом, привозившие ящики дешевого напитка. В колледже не существовало официального братства или женского клуба, но это был лишь вопрос терминологии. Как и во всем Гарварде, в клубы попадали только по приглашению, и в них преобладали мужчины. Конечно, для вечеринок требовались девушки, и при виде пива и возможности повеселиться от феминизма не оставалось камня на камне. Пьяные старшекурсники не раз и не два звали к себе Грейс, когда она проходила мимо клуба.

Учась в колледже, она видела, как стройные юноши обзаводились пивными животиками, а по понедельникам в общежитиях и домах стоял запах рвоты.

Блейдс выбрала себе другой способ расслабления: охоту на подходящих мужчин, от которых она могла получить приятный, не осложненный чувствами секс.

В число подходящих не входили спортсмены или студенческая элита – они были слишком общительными и не умели держать рот на замке. Также не годились похотливые профессора и сексуально озабоченные аспиранты – все, кто мог иметь над ней власть. Исключила она и «синих воротничков» из числа горожан, которые охотились на девушек из Лиги Плюща в многочисленных барах Кембриджа. Слишком много возможностей для классовой зависти.

Оставалась одна группа – скромники и одиночки вроде нее, но не шизоиды, нелюбимость которых коренилась в глубокой, безумной враждебности к людям. Хватит одного Унабомбера^[24].

За три с половиной года, проведенных в Гарварде, Грейс переспала с двадцатью тремя молодыми людьми из Гарварда, университета Тафтса, Бостонского университета, Бостонского колледжа и колледжа Эмерсон. Это были милые парни, не уверенные в себе и неопытные, которым нравилось, что она обучает их.

У нее было собственное определение «особых потребностей».

По ходу дела Грейс многое узнавала о себе – что ее раздражает, а что быстрее всего возбуждает. И выяснила, что ей нужно нечто большее, чем возбуждение и разрядка оргазма, – контроль. Как выразился один хрупкий, но сильный парень, изучавший историю американского кино, «ты словно делаешь режиссерский монтаж».

Когда он произнес эти слова, Грейс сидела на нем верхом. Она остановилась, и на его лице отразилась паника.

– О... Прости...

– Это проблема, Брендан?

– Нет-нет-нет...

Девушка подмигнула ему и слегка повела бедрами.

– Ты уверен, что я не слишком командую?

– Нет-нет-нет! Мне *нравится*. *Пожалуйста, не останавливайся*.

– Ладно, пока действует наш договор. – Рассмеявшись, девушка прижала его ладони к своей груди и показала, как нужно ласкать

соски, после чего возобновила ритмичные движения. Сначала медленно, чтобы продлить наслаждение, потом все быстрее и быстрее. Брендан кончил через несколько секунд. Эрекция не пропала, и до того, как его партнерша достигла оргазма, он кончил еще раз.

– Превосходно, – сказала Грейс, решив, что неплохо бы переспать с ним еще пару раз. Пять раз с одним парнем – это был ее максимум, а чаще она расставалась с мужчиной после одного или двух. Не стоит привязывать их к себе. Плюс ей быстро становилось скучно.

Она честно говорила, что разрывает отношения, но отказывалась объяснять причину. Как правило, лезть и минет решали проблему расставания.

* * *

К двадцати годам Грейс набрала достаточно баллов, чтобы закончить колледж на один семестр раньше, и написала работу на шестьдесят семь страниц, которая сделала ее звездой факультета и стала основой для диплома. Один из преподавателей психологии, интеллигентная, рассудительная женщина по имени Кэрол Берк, всю жизнь изучавшая мелкие корреляции структуры семьи, порекомендовала ей присоединиться к почетному обществу психологов «Пси Хи», дала рекомендацию для вступления в почетное общество студентов и выпускников колледжей «Пси Бета Каппа» и предложила остаться в Гарварде в аспирантуре.

Блейдс поблагодарила ее и соврала:

– Огромное спасибо за доверие, профессор Берк, возможно, я так и поступлю.

Но ей надоела холодная погода, снобизм и склонность все политизировать, от каши на завтрак до учебных материалов. Кроме того, она устала объяснять, почему предпочитает не участвовать в общественной жизни. Не раз и не два ей приходилось слышать, как сверстники называли ее «не такой», «странной», «асоциальной» или «аутичной».

В довершение всего ей наскучили стеснительные мальчики, и она обнаружила, что для достижения оргазма каждый раз приходится прилагать еще больше усилий.

Хотя все это было не главным.

Она всегда знала, каким будет следующий шаг.

В конце третьего курса Блейдс позвонила Малкольму и сообщила, что проведет лето дома. Приемные родители приезжали к ней месяц назад – это был второй из двух ежегодных визитов, – но она ничего не говорила им о возвращении.

– На этот раз никаких летних школ? – спросил Блюстоун.

– Нет, я закончила.

– Закончила исследования?

– Почти всё. Я выпускаюсь на семестр раньше.

– Ты шутишь!

– Нет, – ответила Блейдс. – Конец. Капут. Я хотела бы поговорить об исследовательской работе в Лос-Анджелесе и об аспирантуре.

– Ты твердо решила?

– Да.

Едва заметная пауза.

– Потрясающе, Грейс, – сказал наконец мужчина. – Клиническая или когнитивная психология?

– Клиническая, и я хочу в Университет Южной Калифорнии.

– Понятно...

– Это проблема, Малкольм?

Еще одна пауза.

– Конечно, факультет был бы рад, – проговорил Блюстоун.

– Интересная грамматика.

– Прошу прощения?

– Не *будет*, Малкольм. *Был бы*. Есть какое-то препятствие?

– Ну... Мне нужно произносить это вслух, Грейс?

– Если только речь не об очевидном. Вы, я, семейственность и все такое.

– Боюсь, что именно об этом.

– Вы хотите сказать, что ваше присутствие помешает им принять меня?

– Надеюсь, нет. – Профессор рассмеялся. – Но это уже из области предположений... Должен признаться, ты меня удивила, Грейс.

– Почему?

– То есть?

– Почему удивила? На свете нет человека, работой которого я восхищалась бы больше, чем вашей.

– Ну, – сказал Блюстоун. – Это... чрезвычайно лестно... То есть ты хочешь не только учиться в Университете Южной Калифорнии, но и быть *моей* студенткой?

– Если это возможно.

– Хм... Должен сказать, что такие вещи не обсуждаются на собраниях факультета.

Блейдс рассмеялась.

– Сдвиг парадигмы. Вы всегда говорили, что можете быть полезным.

Малкольм рассмеялся в ответ.

– Что я и делаю, Грейс. Что я и делаю.

* * *

Она не знала, какие препятствия ему пришлось преодолеть, но через месяц пришел ответ. Формально от нее требовалось подать заявление, как и всем остальным. Однако должность и авторитет Малкольма, а также «другие факторы» не оставляли сомнений в результате.

Грейс представляла, что подразумевалось под другими факторами. Блюстоун не был ее биологическим отцом. Поэтому формально – никакой семейственности.

От этого, не могла не признать девушка, она чувствовала стеснение в груди, а в глазах у нее щипало.

Но в целом все шло так, как она планировала.

Глава 42

Грейс проспала ровно двадцать минут. Вернув на место контактные линзы и снова надев парик, она сполоснула лицо, почистила зубы, брызнула на себя дезодорантом и напомнила себе, что она – Сара Мюллер, консультант в области образования, специализирующаяся на психометрии.

Плюс два пистолета в слишком большой сумке.

Выйдя из гостиницы через черный ход, Блейдс села в машину и вырулила на Сентер-стрит, еще раз проехав мимо стройки. Никаких работ там по-прежнему не велось, и ее знакомого психа нигде не было видно. Но в парке слонялись несколько старшеклассников, по большей части крепких парней. Возможно, именно они выгнали бездомных.

Психотерапевт поехала к Лоренс-Холл, прибыв туда за семьдесят минут до назначенной встречи с Эми Чен. У нее было достаточно времени, чтобы выбрать идеальное место для машины, в самом начале парковки напротив музея. Оттуда удобно наблюдать за площадью и можно быстро выехать.

День был великолепным – ясным, с прохладным ветерком, гуляющим под небом цвета ее контактных линз. На западе блестел мост Золотые Ворота. Залив Сан-Франциско был похож на бурлящий серый бульон, взбитый ветром, а пена на холодных волнах напоминала безе. На воде покачивались буксиры, катера с туристами и несколько рыболовных судов. В один из своих приездов сюда Грейс записалась на экскурсию в Алькатрас – ей стало интересно, какие ощущения вызовет ночевка в камере, когда у тебя есть возможность выйти оттуда.

Площадь перед музеем была идеально чистой и почти пустой – парочка стройных женщин, мамы или няни, наблюдали за малышами, которые бегали и скакали на открытой площадке.

Блейдс знала, что у нее никогда не будет детей, но издалека дети казались ей милыми и славными, еще не испорченными жизнью. В аспирантуре у нее появилась возможность пройти курс детской психотерапии, в процессе которого она три недели наблюдала за малышами в детском саду, но этим дело и ограничилось. Девушка поняла, что дети, даже самые маленькие, прекрасно справляются со

своими проблемами, если взрослые не вмешиваются и не навязывают им свою волю.

Когда она приблизилась к центру площади, ее чуть не сбил один из мальчишек, коренастый маленький эльф с гривой длинных рыжих волос, который бежал со всех ног, не глядя по сторонам, и вопил от радости.

Улыбнувшись, Грейс уступила ему дорогу.

– Шайенн! – закричала одна из женщин. Мальчик и ухом не повел.

– Молодец, малыш, – пробормотала психотерапевт.

Повернув назад, она покинула площадь, перешла на другую сторону улицы и двинулась по пешеходной дорожке, петлявшей среди зеленых холмов Беркли.

* * *

Грейс вернулась без пяти два. Профессор Эми Чен была уже здесь, одетая почти так же, как и она: блузка, свитер и слаксы, все темно-синего цвета.

Чен сидела на скамейке лицом к заливу, опустив голову и уткнувшись взглядом в книгу. Грейс постаралась приблизиться так, чтобы не испугать ее, – по широкой дуге, на виду, чтобы Эми успела ее заметить.

Тем не менее профессор подняла голову, только когда Блейдс была уже в десяти шагах от нее. Лицо ее оставалось бесстрастным.

Грейс дружелюбно махнула рукой, и Чен, ответив на приветствие, отложила книгу. Твердая обложка. «Гений». Интересно, нет ли тут намека?

Профессор убрала книгу в сумочку и встала. Большая – еще больше, чем у Блейдс, – сумка была сделана в технике макраме. Интересно, что еще она туда положила?

– Привет, я Сара. Спасибо, что согласились со мной встретиться, – заговорила Грейс.

– Эми.

Они пожали друг другу руки. Ладонь Чен была мягкой и нежной. Рост примерно пять с половиной футов, стройная, с длинными ногами, волосы собраны в «хвост». Ни макияжа, ни духов. Похлопав по

скамье, она подождала, пока Блейдс сядет, а потом и сама села справа от нее.

С выбранного Эми места открывался великолепный вид на залив. Кроме того, обе они могли без труда избежать зрительного контакта, поскольку смотрели прямо перед собой.

– Вы работаете в области образования, Сара? – спросила Чен.

– Раньше преподавала, теперь консультирую частные школы – тревожное поведение детей и родителей.

– Понимаю, о чем вы, – кивнула Эми, и Грейс заметила боковым зрением промелькнувшую на ее лице гримасу. Воспоминания о детстве? Психотерапевт подавила желание развивать эту мысль дальше. Проблемы Эми Чен ее не интересуют – если только они не связаны с Эндрю ван Кортландтом.

Полагая, что ученый-физик не склонен ходить вокруг да около, Грейс сразу приступила к делу.

– Как я уже говорила по телефону, меня беспокоит Эндрю.

Чен не ответила. Ее руки остались на коленях, но пальцы согнулись, словно им было неприятно прикосновение к брюкам.

– Вы наткнулись на мое имя в статьях Эндрю, – сказала она.

– Да. Собственно, я не смогла найти других его соавторов.

– Вы меня разыскали – значит, Эндрю вам не безразличен.

– Я им восхищаюсь.

– Объяснимо. – Эми вдруг резко повернулась к собеседнице: – Пожалуйста, скажите честно: вы думаете, что ему грозит опасность? Или того хуже?

– Не знаю, – солгала Грейс. – Но вполне вероятно. Как я уже говорила, он выглядел очень напряженным... Я бы даже сказала, испуганным, и последние несколько недель я не могла с ним связаться. У меня здесь были дела, и поэтому, когда я наткнулась на ваше имя...

– Мы с Эндрю уже довольно давно не общались, – сказала Чен. – Мы просто дружили. В аспирантуре. – Она несколько раз моргнула, и пальцы одной ее руки сжались в кулак. – Вы не догадываетесь, что его беспокоило?

Блейдс вздохнула.

– Я пыталась выяснить, но это, похоже, его раздражало. Единственный намек – что-то связанное с его семьей. О которой мне

известно совсем немного. Только теперь я сообразила, что он был одинок – сирота, родных братьев и сестер нет...

– Его семья, – повторила Эми. – О чем шла речь?

– Он не вдавался в детали, доктор Чен. Я считала, что хорошо знаю Эндрю, но теперь понимаю, что ошибалась. Он был... как бы это выразиться... скрытным?

– Немногословным, – поправила Чен.

– Да, точно.

– Давно вы знакомы, Сара?

– Год или около того. Вы знали его раньше, и я подумала, что вам известно больше.

– На самом деле последний раз я разговаривала с Эндрю года два назад. Чуть больше... Наверное, два с половиной, когда приезжал в Сан-Франциско по делам, он позвонил мне, и мы поужинали вместе.

Профессор повернулась и посмотрела в глаза Грейс.

– Вы с Эндрю... – Она улыбнулась. – Единственное слово, которое приходит на ум, это «пара». Напыщенное, но так и есть. Простите, если я проявляю неуместное любопытство.

Психотерапевт улыбнулась в ответ.

– Нет, доктор Чен...

– Можно просто Эми.

– Мы не были парой, Эми. Просто друзьями. Как вы.

– Интересно, правда? – спросила Чен.

– То есть?

– Две женщины, которые им восхищались, – и ни одного романа.

Не закономерность ли это?

Грейс сделала вид, что задумалась.

– Наверное.

– Вас ничего не удивляло в Эндрю?

– Что вы имеете в виду?

– В частности, его сексуальность, Сара.

– Вы думали, что он может быть геем?

Не торопись, девочка.

– В какой-то момент именно это и пришло мне в голову, – сказала Эми Чен. – Потому что я никогда не слышала о его романтических отношениях с женщиной... Я не говорю, что их не было, просто я об этом не знала. – Пауза. – Он не ухаживал за мной. Должна признаться,

поначалу это задело мое самолюбие. Не то чтобы я имела на него виды, – у меня были парни, а теперь я помолвлена.

– Мои поздравления.

– Да, и я счастлива... Как бы то ни было, Эндрю был умным, тактичным, внимательным и благородным. Почти идеальный мужчина, правда? Мы провели много времени вместе – в лаборатории и при работе над статьями. Но между нами не было ни капли «химии», и он ни разу не попытался выйти за эти рамки.

– Я вас понимаю. Думаю, у нас были точно такие же отношения.

– Где вы с ним познакомились, Сара?

«Ложь должна быть как можно ближе к правде, – решила Грейс. – Чем меньше выдумываешь, тем меньше нужно помнить».

– Мне неловко в этом признаваться, но мы познакомились в баре. Не в забегаловке, а в приличном месте – в холле отеля в Лос-Анджелесе, куда мы оба приехали по делам. Он с самого начала показался мне привлекательным, и с ним было легко. В конечном счете мы поужинали вместе, но на этом все и закончилось – Эндрю как будто торопился уйти. Через пару дней мы снова случайно встретились и немного прогулялись. Он сказал, что вырос в Лос-Анджелесе, и я радовалась, что рядом есть человек, который знает город и может мне его показать.

Красиво очерченные скулы Эми Чен покрылись легким румянцем.

– А после этого вы еще встречались?

– Несколько раз. Когда наши путешествия совпадали. Кажется, четыре раза за следующий год. Мне нравилась эта милая дружба. В поездках бывает так одиноко – тихая гавань в бурю и все такое...

– На конференциях я чувствую себя точно так же, Сара. Значит, он никогда не делал следующего шага?

– Никогда.

Похоже, Эми Чен осталась довольна ответом. Не такая бесстрастная, какой хотела казаться?

– Наверное, я привыкла, – сказала Грейс, – что с Эндрю нас связывает только дружба. То есть меня это устраивало... Приятная компания, никакого давления. Тем не менее мне он нравился, и когда его поведение изменилось... в последние две наши встречи... это меня встревожило. Потом он перестал отвечать на письма, и я забеспокоилась, не случилось ли чего...

– Связанного с его семьей.

– Он рассказал мне, что его усыновили, и я подумала, что, возможно, дело в этом... Вы понимаете, неудачные попытки выяснить свое происхождение... Я видела такое у своих учеников. Я знаю, что у него были хорошие отношения с приемными родителями; он говорил, что их смерть стала для него настоящим ударом. Может, после их гибели он решил заняться поисками своих корней... – Грейс покачала головой. – Наверное, это глупо. Я сую нос куда не следует.

Чен молчала.

– Мне очень хотелось бы сказать, что ваша тревога необоснованна, – наконец сказала она. – Но во время нашей последней встречи произошло нечто такое, что показалось мне странным. – Профессор снова повернулась к беспокойным водам залива. – Мы решили поужинать вместе. Я выбрала ресторан, «Лотос», теперь он уже закрылся. Я – вегетарианка, а Эндрю – нет, но он, конечно, согласился. Вы знаете, каким он был покладистым.

– Да, с ним было легко, – кивнула Блейдс. *Если б ты только знала, Эми...*

– Но не бесхребетным. – Она вдруг заморгала. – В любом случае мы мило болтали. – Улыбнулась. – Если честно, то говорила в основном я, а Эндрю слушал, он всегда умел слушать. Так вот... Потом за соседним столиком, прямо напротив нас, устроилась какая-то пара, и когда Эндрю посмотрел на них, его настроение резко изменилось. Как будто щелкнули переключателем. Он не мог сосредоточиться, перестал есть. И покраснел, хотя ничего не пил – в этом заведении не подавали алкоголь. Я спросила его, что случилось... Может, у него аллергия на что-то? Он ответил, что всё в порядке, и пытался делать вид, что ничего не произошло. Но у него не получалось, Сара. Он выглядел... ошеломленным. Все время косился на людей за соседним столом. Естественно, я посмотрела, кто его так напугал, хотя он скрывал это изо всех сил, и мы пытались делать вид, что все нормально. Потом я заметила, что сидящий напротив нас мужчина тоже поглядывает на него. Внезапно этот мужчина встал, подошел и улыбнулся Эндрю, только он называл его не Эндрю, а Таем – это имя мне показалось странным, ведь Эндрю явно не азиат. Наверное, подумала я, это прозвище, потому что Эндрю работает в основном в Азии. В любом случае Эндрю не поправил этого человека,

а извинился передо мной, и они отошли в угол, рядом с входной дверью, где между ними состоялся короткий, но оживленный разговор. Тем временем я смотрела на женщину, которая пришла с тем парнем, – она тоже была удивлена. Потом мужчина похлопал Эндрю по плечу, вручил ему визитную карточку, и тот вернулся ко мне, сделав вид, что ничего особенного не произошло. Но после этого он *действительно* не мог сосредоточиться. Мы собирались посмотреть кино в студенческом городке, но Эндрю вдруг стал многословно извиняться, сказал, что очень устал, что ему неловко, но он должен поспать, потому что рано утром у него самолет.

Эми пожала плечами.

– Это была наша последняя встреча, Сара. Я подумала, что виной всему какая-то неприятная история, возможно, где-то в Азии. Но это не мое дело, и я забыла об этом.

– А как выглядел тот мужчина?

– Он не показался мне таким уж страшным – на самом деле даже приятным. Длинные светлые волосы, борода, примерно одного возраста с Эндрю. Хорошо одет, в стиле богатого хиппи, квинтэссенция Беркли. И в отличие от Эндрю, их встреча его, похоже, ничуть не встревожила. Даже наоборот: он выглядел очень довольным.

Внезапно шум на площади усилился. Молодых женщин с детьми явно прибавилось.

– Вот так, Сара, – сказала Чен. – Наверное, нам остается только ждать и надеяться на лучшее.

– Согласна. Спасибо, что уделили мне время, Эми. А меня ждут не уверенные в себе ученики средних классов из Атертона.

Профессор улыбнулась.

– Через несколько лет я тоже будут интересоваться этими проблемами.

Глава 43

От музея Грейс поехала вниз по склону холма до границы студенческого городка. Остановившись на парковке с надписью «Для персонала» позади какого-то склада, она с облегчением выдохнула и попыталась привести в порядок свои мысли.

Вероятно, Эми Чен считала их разговор бесполезным, но Блейдс многое узнала. Да, действительно, случайная встреча братьев открыла черную бездну, что в конечном итоге привело к смерти Эндрю.

Была ли его реакция на человека, которого теперь зовут Дион Лару, просто удивлением после долгой разлуки? Или страхом из-за того, что он упорно отвергал попытки Лару восстановить связь?

Грейс без труда нашла человека, который знал Эндрю по Стэнфорду. Почему Старший Брат не мог сделать то же самое?

Эмоции, описанные Эми Чен, говорили сами за себя: Эндрю потрясен, Самаэль явно наслаждается.

И поддразнивает брата, называя Эндрю его культовым именем.

Тай. Азия тут ни при чем, Эми. *Привет, Тифон.* Такая подковырка.

Прошло два года после убийств Маккоев, Уэттеров и ван Кортландтов. И хотя шок, пережитый Эндрю при встрече с братом, не исключает, что несколько лет назад он был соучастником убийств, у Блейдс крепло убеждение, что Эндрю невиновен. Потому что в нем не было и намека на жестокость, и человек, которого описывала Чен, похож на того, кого представляла себе психотерапевт.

То есть Старший Брат убивал один, что полностью соответствовало личности того подростка, законченного психопата, которого Грейс видела на ранчо. И того безжалостного мошенника, о котором рассказывал мистер Одноглазый.

В довершение всего – анаграмма. Арундел Рой воскрес в Дионе Лару.

Блейдс представила, как десять лет назад он приехал в Оклахому, сжег Лили и ее семью, угнал их машину и, довольный собой, вернулся в Калифорнию.

Но оставался все тот же вопрос: зачем убивать сестру и оставлять в живых брата?

Может быть, потому что Лили была глухой, и Самаэль считал ее неполноценной, а Тай защитил докторскую в Стэнфорде и мог быть полезен.

Инженер-строитель, крупные проекты в Азии. Дион Лару мнил себя девелопером, но на самом деле был мелкой рыбешкой – облапошивал город Беркли, чтобы реконструировать развалины. Возможно, он рассматривал Эндрю как билет в большой бизнес.

Отказ Эндрю мог вызвать непредсказуемую реакцию.

Что возвращало Грейс к убийству ван Кортландтов. Почему Лару думал, что это принесет пользу его младшему брату?

Потому что, подобно всем психопатам, он был претенциозен и уверен в своей неотразимости. Ждал от других поклонения.

Знаешь, откуда те деньги, которые ты унаследовал молодым, братишка? Угадай, кто это для тебя сделал?

Самаэль/Дион оценил бы такую услугу, но Тай/Эндрю пришел в ужас. Травма была настолько сильна, что он обратился за помощью к специалисту.

И превратился в помеху.

А Блейдс превратилась в сопутствующие потери.

Она вдруг поняла, что настолько углубилась в свои мысли, что потеряла контакт с действительностью. Грейс огляделась: ни троллей, ни огров, ни крадущихся громил. Но по спине у нее пробежали мурашки – явный признак опасности.

Действуй, а не реагируй.

Она поспешно уехала.

* * *

Вернувшись в центр города, Грейс поехала по Телеграф-авеню, нашла размеченную парковку, а затем заняла уединенный столик в интернет-кафе. Судя по объявлению, для подключения к Сети требовалось купить не только напиток, но и еду, и поэтому она заказала чай со льдом и панини с моцареллой и помидорами, якобы по домашнему рецепту. Сэндвич остался в покрытой жирными пятнами бумажной обертке.

Доктор начала с предположения, что Белдрим Бенн примерно одного возраста с Роджером Уэттером-младшим и тоже учился в Беркли Хай Скул. Вычислив время окончания школы, она ввела в поисковик имя Бенна в сочетании с другими ключевыми словами и стала ждать, пока неоправданно дорогой Интернет выдаст результат.

Из самой школы – ничего, зато выскочила ссылка на личную страничку, на которую почти никто не заходит (*Вы посетитель номер 0032*). Специалист по изготовлению очков из города Стоу, штат Вермонт. Звездой этого никому не известного шоу был парень по имени Эвери Слоут, пузатый, с покатыми плечами, который обожал свою семью, своего золотистого ретривера и свою франшизу «ЛензМастер», но, похоже, считал самым счастливым временем те годы, когда он был членом команды борцов в Беркли Хай Скул.

В доказательство этого факта Слоут выложил групповой снимок плохого качества – команда борцов в красных с золотом трико – и обвел свое лицо кружком, как будто его можно было с кем-то спутать.

Грейс попыталась увеличить изображение, но у нее ничего не вышло, и тогда она приблизила лицо к экрану и принялась сопоставлять лица с напечатанным мелким шрифтом перечнем внизу.

Роджер Уэттер-младший не входил в команду. Неудивительно, подумала женщина. Такой смазливый парень будет опасаться травмы, и кроме того, честная игра его не интересует. Но во втором ряду, справа, обнаружился Б. А. Бенн – угрюмый, прыщавый, растрепанный средневес.

Над Бенном, в верхнем ряду, располагались борцы тяжелого веса, выпиравшие из своих огромных трико.

Каждый из этих громил мог быть тем ублюдком, которого Блейдс вынудила съехать с дороги.

Возможным убийцей Эндрю.

Грейс принялась внимательно разглядывать снимок. Одна гора мышц была самоанцем, другая – чернокожим, остальные трое – белыми. Вот он – тот же человек, который стоял позади Диона Лару на фотографии из Нью-Мексико, только гораздо моложе.

У. Т. Спорн.

Не слишком распространенная фамилия, что можно считать удачей. Психотерапевт ввела ее в строку поиска.

* * *

В отличие от Белдрима Бенна, у Уолтера Трэвиса Спорна имелось криминальное прошлое – всякая мелочь, – которое привлекало внимание местных газет в Сан-Матео и Редвуд-Сити. Ни одного нарушения за последние пятнадцать лет, но раньше – четкая и понятная закономерность. При этом чистая биография в последние годы вовсе не означает, что Спорн исправился. Скорее научился избегать наказания. С восемнадцати до двадцати двух лет Уолтера три раза арестовывали за появление в пьяном виде и нарушение общественного порядка: дважды – за оскорбление действием, один раз – за нападение. Насколько можно было судить по кратким, бесстрастным отчетам в разделе криминальной хроники, все начиналось с ссор в барах. Никаких сообщений о том, чем закончились аресты Спорна, Грейс не нашла, но вряд ли он долго сидел в тюрьме – в мире, где столько насилия, пара разбитых физиономий не считаются слишком тяжелым проступком.

Возможно, он избежал тюрьмы, перейдя под крыло гораздо более умного злодея.

* * *

Радость от того, что она выяснила личность Спорна, быстро исчезала, когда доктор Блейдс поняла, что по-прежнему не представляет, где искать его или Лару.

Пора снова позвонить Уэйну – возможно, он что-то узнал, а не просто волнуется за нее. На его личном номере не было ни ответа, ни сообщения. Допив чай, Грейс взяла со стола сэндвич и вышла. На улице она отдала сэндвич тощей бездомной женщине, которая удивилась ее неожиданной щедрости.

Вернувшись к машине, Блейдс снова направилась на Сентер-стрит, несколько раз проехала мимо стройки, не обнаружив ничего нового, а затем выждала час, чтобы не вызвать подозрений. Снова ничего.

Пора сменить тактику.

А потом она его увидела.

Крупный мужчина вылезал из черного «Приуса», припаркованного с нарушением правил перед стройплощадкой. Остановившись у тротуара, Грейс стала смотреть, как Уолтер Спорн подходит к висячему замку на воротах, отпирает его, входит внутрь и снова запирает замок.

Во рту сигара, одет в черную водолазку, черные брюки от тренировочного костюма и черные кеды.

Весил он, наверное, больше трехсот фунтов. Но это был не рыхлый толстяк – под слоем жира скрывались мускулы, и несмотря на то, что бедра у гиганта были толщиной со ствол дерева, двигался он быстро и уверенно.

Спорн был настолько уверен в себе, что даже не осмотрелся, когда через несколько минут вынырнул из-за ограждения, вернулся к черному «Приусу» и уехал, промчавшись мимо Блейдс. Чего ему опасаться? Много лет – десятилетий – ему и его приятелям все сходило с рук.

Грейс пропустила вперед грузовик с номерами Беркли и тронулась с места.

Грузовик будет отличным прикрытием.

Уход от преследования, да, Уолтер?

Теперь у тебя появился небольшой кортеж.

Глава 44

Уолтер Спорн, едва помещавшийся в «Приус», поехал от университетского городка на юг, свернул на бульвар Клермонт и углубился в район из больших и красивых домов – крафтсман, тюдор, средиземноморский стиль – и тенистых улиц, напомнивших Грейс о годах, проведенных в Хэнкок-Парк.

Этот был Клермонт, один из самых богатых районов города, где жила потомственная денежная аристократия, а также новые богачи из Кремниевой долины и профессора, руководившие трастовыми фондами. Блейдс хорошо знала этот район, поскольку Малкольм пару раз бронировал номера в отеле «Клермонт», гигантском столетнем образце архитектурных излишеств с наложенными друг на друга треугольными сегментами и видной издалека башенкой. Территория отеля занимала около двадцати акров на вершине холма, откуда открывался великолепный вид на окрестности. Грейс и ее приемный отец обычно завтракали в ресторане. В памяти женщины промелькнули воспоминания – прошлое, как правило, не привлекало ее, но теперь она вспомнила почти неудержимую тягу Малкольма к оладьям и научную дискуссию за столом и улыбнулась.

Ничего общего с ее теперешним номером в «Олдс». Ко всему привыкаешь

Грузовик по-прежнему заслонял ее от Спорна, и, слегка тронув руль, Грейс увидела, что тот свернул на улицу под названием Эйвелина. В начале улицы висел знак «Проезда нет».

Остановив машину, психотерапевт добежала до поворота, откуда был хорошо виден весь короткий квартал, оканчивающийся тупиком. Она посмотрела, как «Приус» свернул направо, на подъездную дорожку, сосчитала дома, чтобы запомнить его местоположение, вернулась к своей машине и стала ждать.

Когда прошел час, а Спорн так и не появился, Грейс отважилась на прогулку.

Дома по обе стороны Эйвелина-стрит располагались на крутом склоне, в верхней части лужаек. Многие были скрыты старыми

деревьями и кустами. Участок, на котором скрылся Уолтер, находился почти в самом тупике.

Огромный особняк в тюдоровском стиле, с шиферной остроконечной крышей и фасадом из старого кирпича, почти полностью скрытым за десятифутовой зеленой изгородью, тремя громадными секвойями и двумя почти такими же большими кедрами. Совсем не к месту здесь смотрелись несколько пальм с остроконечными листьями. На зеленой изгороди виднелись крошечные бело-голубые цветы, а сама изгородь над подъездной дорожкой, вымощенной булыжником, превращалась в арку. «Приус» был припаркован позади своего близнеца.

Две одинаковые черные машины. Черная одежда у Спорна, как и у детей Арундела Роя в ту ночь, когда их привезли на ранчо.

Грейс дошла до конца улицы, повернула назад, перешла на противоположную сторону и сделала вид, что не смотрит на кирпичный особняк. За зеленой стеной не было видно окон, но это ничего не значило.

Запомнив адрес, женщина заставила себе медленно удалиться.

* * *

Вернувшись в номер гостиницы, Блейдс снова попробовала подключиться к Интернету, и снова безрезультатно. Но одноразовый мобильный телефон работал, и она позвонила Уэйну.

На этот раз он ответил:

– Где ты?

– В Северной Калифорнии.

– Милое местечко... Могу я надеяться, что тебя интересуют исключительно достопримечательности?

Грейс рассмеялась.

– Что слышно, дядюшка?

– Ах да, – произнес юрист. – По крайней мере, с тобой всё в порядке.

– Все отлично.

– Означает ли это, что ты закончила свои дела и уже едешь домой?

– Я делаю успехи.

Молчание.

– Со мной и вправду все хорошо, – добавила психотерапевт.

– Так я тебе и поверил... Береги себя. – Это был приказ, а не просьба.

– Конечно.

– Если ты не поклянешься прямо сейчас, что будешь осторожна, я не расскажу, что узнал.

– Клянусь быть верной флагу Уэйна...

– Я серьезно, Грейс.

– Обещаю. Честное слово, все отлично. Что вы узнали?

Кнутсен прочистил горло.

– Прежде всего позволь напомнить, что я не могу поручиться за достоверность того, что собираюсь тебе рассказать. Но мой источник еще никогда меня не подводил.

Настоящий юрист.

– Я учту это, Уэйн.

– Ладно... Как ты, наверное, догадываешься, речь о покойной мисс Маккинни. Которая, как мы уже говорили, вроде бы никогда и ни с кем не имела романтических или сексуальных отношений.

Грейс ждала.

– Однако, – продолжил ее собеседник, – и это очень большое «однако», поскольку мой источник – новый, потому что не стоит класть все яйца в одну корзину, – утверждает, что в какой-то момент, в среднем возрасте, Селин начала жалеть, что у нее нет семьи. – Короткая пауза. – Обычное дело... Она пыталась разрешить проблему с помощью приемного ребенка.

– Пыталась? Неужели такому влиятельному человеку отказали?

– Разумеется, она получила разрешение, – сказал Уэйн. – Выбрала себе белую девочку... не младенца – вероятно, у нее не хватило духа на грязные подгузники... девочку лет восьми или девяти. Имя начинается на Й – Йалта или Йетта, что-то такое.

Блейдс услышала, как адвокат вздохнул.

– А теперь – печальная часть. Бедняжка жила у Селин пару лет, наслаждаясь тем, что та могла ей дать, пока приемная мать не поняла, что не создана для этого, и не разрешила *эту* проблему, вернув девочку.

– Черт.

– Именно, – сказал Уэйн.

– Кому она ее отдала?

– Неизвестно, Грейс. Но, вероятно, сначала тому агентству или моему нечистому на руку коллеге, которые нашли ей ребенка. Можешь представить, как страдала та девочка? Дважды отвергнутая... Боже правый! Неудивительно, что у бедняжки начались проблемы.

– Какие проблемы?

– Те, что привели молодую женщину в тюрьму, Грейс.

– Тюрьма Сибил Бранд, – сказала психотерапевт. – Где она познакомилась с Роем.

– В те времена туда помещали девочек с криминальными наклонностями. Но это еще не всё. Потом у нее появились двое собственных детей.

– Только двое?

– Да, я тоже об этом думал, – сказал Уэйн, – но о других мой источник не знает. Вот история двадцатипятилетней давности. Селин – она любила праздники – устроила вечеринку у себя в саду по поводу начала рождественского сезона. Пригласила нужных людей, заказала стрижку деревьев и все такое. Мой источник был в числе приглашенных, и вот что она... вот что обнаружилось. Во время вечеринки моему источнику понадобилось в туалет, который оказался занят, так что пришлось искать альтернативу. Другой туалет находился в хозяйственной части дома, рядом с кухней, и мой источник уже возвращалась в сад, когда услышала разговор.

Юрист снова прочистил горло и продолжил:

– И она не удержалась – кое-что подсмотрела и подслушала. Селин была на кухне, при полном параде, курила, как паровоз, и разговаривала с молодой женщиной, одетой в черное. Не в шикарное черное платье, а в убогие шмотки. Мой источник не могла слышать, что они говорили, но враждебность была очевидной. С молодой женщиной были два мальчика, одетые точно так же... Не малыши, лет десяти или одиннадцати. Оба сидели молча и с ужасом смотрели, как их мать ругается с Селин. В конце концов Селин взяла телефон и вызвала охрану, но женщина в черном успела схватить мальчиков, и они выбежали из дома через заднюю дверь. Потом Селин пробормотала что-то вроде «скатертью дорога».

– Не похоже на любящую бабушку, – заметила Блейдс.

– Это просто не по-человечески. – В голосе Уэйна внезапно проступила ярость. – Ты защитила диссертацию, Грейс. Скажи мне: почему эволюция не избавила нас от таких чудовищ?

На этот вопрос у психотерапевта было много ответов. В том числе: *в таком случае откуда мы брали бы политиков?*

– Хороший вопрос, – вздохнула она. – Двадцать пять лет назад – это за год до стрельбы в Культе Крепости.

– Совершенно верно, Грейс. Совершенно верно. Возможно, Йалта, или как там ее звали, поняла, что происходит что-то плохое, и обратилась за помощью к Селин. Но никакой помощи не получила.

– И вскоре все жители поселения были мертвы, за исключением трех детей.

– Да, трех. Но где в тот день была дочь? Не знаю, Грейс, но мой источник настаивает: только два мальчика.

– Может быть, Лили не была дочерью Йалты, Уэйн. В статье говорится, что у Роя было три жены. Возможно, именно поэтому ее не удочерили богачи. Она не имела никакого отношения к Селин.

Это также объясняло, почему ее не оставили в живых. Сводные братья и сестры не считаются.

– Возможно, ты права, – согласился Кнутсен. – В любом случае у нас есть причина, по которой Селин пристраивала мальчиков. Но это не было чувство вины за то, что она их выгнала, – такие, как она, слишком черствы, чтобы мучиться угрызениями совести, правда?

– Согласна.

– С другой стороны, если оставить мальчиков на милость системы социального обеспечения, то повышается риск, что выплывет наружу история неудачного материнства. Поэтому Селин обратилась к людям, которые были ей обязаны. Пара бездетных семей, которые примут взрослых детей с непростым прошлым.

– Особенно если подсластить пилюлю наличностью.

– Хм, – промычал Уэйн. – Денег у Селин хватало. Да, это вполне логично... И что это значит для тебя, Грейс?

– Пока не знаю.

– Тебе действительно необходимо продолжить это дело?

Блейдс не ответила.

– Ты обещала быть осторожной. Хочется верить, что ты не шутишь.

– Не шучу, – заверила Грейс доброго и порядочного человека, который столько для нее сделал.

Солгала, нисколько об этом не жалея.

* * *

Третье интернет-кафе – на этот раз дешевая вьетнамская забегаловка рядом с гостиницей, за углом. Доступ во Всемирную паутину обеспечила миска супа-лапши, который Блейдс съела с удовольствием.

Она отправляла в рот ложку за ложкой, наслаждаясь остротой перца, которую не могло смягчить даже кокосовое молоко. Свинина, креветки и прозрачная рисовая лапша, легко проскальзывавшая в пищевод.

Все прояснялось. Она это чувствовала.

Грейс набрала в поисковой строке адрес большого кирпичного дома на Эйвелина-стрит и открыла отчет комиссии по охране памятников архитектуры города Беркли трехлетней давности.

Заявка на конструктивные изменения (LM#5600000231) для реконструкции городского памятника архитектуры, Дома Краусса. Включает замену на аналогичные (имеющих историческую ценность и не имеющих исторической ценности) оконных рам и (не имеющих исторической ценности) дверей главного дома, а также замену (не имеющих исторической ценности) водоотводных лотков, многослойной шиферной крыши и светового люка гаражной пристройки. Составлена...

Авторами этого литературного шедевра были пять служащих муниципалитета. Дальше шли несколько параграфов мелким шрифтом – оценка соответствия закону об охране окружающей среды штата Калифорния, где говорилось, что предлагаемый проект безусловно

соответствует разделу 15331 (Реконструкция сооружений, имеющих историческую ценность) закона об охране окружающей среды.

Владелец: «ДРЛ-Эртмув».

Пролистав документ до конца, Грейс выяснила историю здания. Дом был построен в 1917 году для торговца металлами по имени Иннес Скелтон и использовался как жилье до 1945 года, когда профессор истории и коллекционер азиатской керамики Игнац Краусс купил его, чтобы разместить в нем частный музей.

По всей видимости, Краусс заключил с Калифорнийским университетом Беркли договор, по которому он получал налоговые вычеты за коллекцию и мог оставить ее у себя, но после его смерти и коллекция, и само здание переходили в собственность университета.

Краусс умер в 1967 году, и вскоре керамика была продана на аукционе. Особняк оставался в собственности университета еще восемь лет, и в нем селили почетных гостей, а потом его передали городу, обменяв на коммерческую недвижимость в центре, где разместились административные службы университета.

Как город использовал здание, осталось неизвестным, однако четыре года назад дом был продан компании ДРЛ после покупки у нее здания на Сентер-стрит за четыре миллиона долларов. Единственное условие: «сохранение исторического облика» дома на Эйвелина-стрит.

На следующий год Дион Лару, вероятно, принял это условие, подписал необходимые бумаги и обязался выполнить все требования города.

Притворялся законопослушным гражданином?

Когда Грейс увидела, сколько он заплатил за дом, она поняла почему.

Восемьсот тысяч долларов. Блейдс не была специалистом по недвижимости в Беркли, но цена оказалась явно ниже рыночной. Посмотрев, за сколько были проданы другие дома в этом квартале, она убедилась, что ее подозрения обоснованы. От 1,6 до 3,2 миллиона долларов.

Парень провернул выгодную сделку. Особенно если учесть 4 миллиона за развалюху на Сентер-стрит – вне всякого сомнения, это рыночная цена – и внеконкурсный контракт на ее реконструкцию под муниципальные офисы.

Закулисные сделки – молоко политики, но у Диона Лару, похоже, было целое стадо дойных коров.

Серийный убийца приобретал репутацию бизнесмена с разнообразными интересами, заботящегося об экологии и о сохранении истории.

Психотерапевт доела суп, вернулась в гостиницу и принялась размышлять об ужасной истории, которую рассказал ей Уэйн: о ребенке, которого дважды отвергли. Вернее, трижды – ведь потом та девочка, уже выросшая, пришла к Селин Маккинни и привела с собой сыновей, но ей еще раз указали на дверь.

Двадцать пять лет назад Таю было девять, Сэму – одиннадцать. Достаточно взрослые, чтобы понять, что произошло.

Они сидели рядом с матерью на кухне, покорные и молчаливые. А вскоре после этого она, другие жены и дьявол, который ими командовал, были мертвы, а троим детям оставалось надеяться на милость системы.

Трагедия. Можно ли винить мальчика в том, что он превратился в монстра?

Конечно, можно.

Перебирая эти подробности, Грейс поняла, что ее отношение к Самаэлю становится все жестче. Она знала, что такое быть отвергнутым, знала все об утрате и о глубоких душевных ранах, которые требовали психологического вскрытия и прижигания, промывки жгучим раствором самоанализа.

Жизнь может быть ужасна.

Никакой жалости.

Глава 45

В возрасте двадцати одного года Грейс жила в квартире-студии на Формоза-авеню в районе Уилшир в Лос-Анджелесе.

Вопрос о независимости она подняла через три недели после возвращения из Гарварда. Занятия в аспирантуре должны были начаться через месяц, и к этому времени ей хотелось устроиться.

Она выбрала подходящий момент в конце безмятежного позднего завтрака воскресным утром и заговорила об этом с Малкольмом и Софи, приготовившись к удивлению, возможно, к с трудом скрываемой обиде или даже к вежливому отпору с их стороны.

Девушка заранее сформулировала тактичные возражения, рассчитывая на поток благодарностей и, конечно, на желание приемных родителей сделать то, что лучше для нее.

Но Малкольм и Софи не выказали ни малейшего удивления. Одновременно кивнув, они заверили ее, что готовы оплачивать разумную арендную плату.

Три с половиной года в Бостоне – и они не скучали по мне?

А может – если позволить себе немного цинизма, – они, подобно многим немолодым парам, желают определенной свободы...

Тем не менее, хоть это и глупо, Грейс почувствовала... некоторое разочарование. Но потом она увидела, что красивые глаза Софи увлажнились, а ее муж старательно отводит взгляд, и на его скулах вздулись желваки.

Перегнувшись через кухонный стол, Блейдс дотронулась до их рук.

– Вероятно, я все равно почти все время буду здесь. Клянчить еду, приносить вещи в стирку, не говоря уже о том, Малкольм, что мы ежедневно будем видеться с вами в университете,

– Верно, – подтвердил Блюстоун, суетливо двигая руками.

– Стирка – это прекрасно. Хотя, наверное, лучше поискать жилье со стиральной машиной. Ради твоего же комфорта, – посоветовала его жена.

– Найди квартиру с самыми современными удобствами, – сказал Малкольм. – Самыми лучшими.

– И конечно, тебе нужна машина, – прибавила Софи и рассмеялась. – Но не новая одежда. Твой гардероб и так слишком элегантен.

– Аспиранты не так уж плохи, – возразил Блюстоун.

– Они зануды. – Его жена преувеличенно громко рассмеялась и, воспользовавшись паузой, вытерла глаза. – Я говорю и о своей кафедре, и о твоей, Малкольм. Независимо от обстоятельств, наши молодые ученые гордятся собой, словно голодающие мученики. – Она повернулась к Грейс: – Так что, увы, никакого кашемира, дорогая. Десятая заповедь и все такое.

– Конечно, – согласилась девушка.

Потом все некоторое время молчали. Блейдс обнаружила, что беспокойно ерзает, а Софи пристально смотрит на нее, и сообразила, что речь идет о чем-то более важном, чем одежда.

Не пожелай. Грейс напоминают, что она приходит в аспирантуру с серьезным грузом за плечами.

Профессор Блюстоун выбрал для нее именно этот университет?

Приемная или родная, но она из его семьи, и это неправильно.

Ее приняли, а это значит, что отвергли кого-то достойного.

Если она так умна, как говорят, то могла бы поступить куда угодно, – зачем забирать себе место здесь?

Помимо всего прочего, может, им было бы полезно сохранять дистанцию?

Кроме того, она будет работать непосредственно с ним. Это ни в какие ворота не лезет.

Теперь взгляд Малкольма тоже стал серьезным.

Невысказанное предупреждение от обоих: сиди тихо и не высывайся.

Без сомнения, мудрый совет. Грейс уже давно это поняла.

* * *

Подобное негодование было оправданным. Программы клинической психиатрии в аккредитованных университетах ограничивались студентами, которые могли получить гранты, и поэтому группы были очень маленькими – на первый курс

аспирантуры Университета Южной Калифорнии приняли пять человек из ста, подавших заявления.

Курс был безжалостным и строго структурированным: три года углубленного изучения диагностики, психотерапии, методов исследования, статистики и когнитивистики, а также общих вопросов неклинической психологии.

Кроме того, аспиранты участвовали в исследованиях, выполняемых кафедрой, и наблюдали за пациентами в психиатрическом отделении университетской клиники – получалось шесть рабочих дней в неделю по двенадцать часов, а иногда и больше. Обязательной была и практика в других лечебных учреждениях, за которую приходилось конкурировать с претендентами со всей страны. К четвертому году следовало представить тему на соискание докторской степени, сдать множество экзаменов и утвердить исследовательскую проблему.

Затем наступал последний, самый важный этап, который мог закончиться катастрофой: концептуализировать и выполнить серьезное, оригинальное исследование и написать диссертацию. И только после начала этого процесса кандидатам разрешалось подавать заявку на интернатуру с полной занятостью в лечебных учреждениях, одобренных Американской ассоциацией психологов.

Грейс решила, что может пройти этот путь быстрее, не слишком напрягаясь.

* * *

Ее план был прост и опирался на опыт Гарварда: быть внимательной и вежливой со всеми, но избегать эмоциональных связей любого рода. Особенно теперь. Будучи объектом пристального внимания, она не могла позволить никакого межличностного дерьма.

Но ее сокурсники, все женщины, причем три из них окончили университеты из Лиги Плюща, оказались очень милыми и не выказывали ни намека на возмущение. То ли она сумела быстро завоевать их расположение, то ли им было все равно.

Другое дело – преподаватели. Грейс чувствовала их настороженность. Но и это не стало проблемой. Покладистость и

легкая лесть – очень эффективные средства, когда имеешь дело с профессурой.

Недостатка в общении девушка не испытывала: неформальные ланчи с сокурсницами, во время которых она много слушала и мало говорила, традиционные поздние завтраки по воскресеньям с Софи и Малкольмом, а также ужины в дорогих ресторанах два раза в месяц.

Время от времени они с Софи обедали за пределами университетского городка, совмещая обед с походом по магазинам в поисках «подходящей повседневной одежды». Этого Грейс хватало с лихвой.

Ее отношения с Малкольмом изменились – они чаще обсуждали научные, а не личные вопросы. Так было удобнее обоим. Блейдс никогда не видела своего приемного отца таким оживленным.

Походы в кинотеатры и музеи – от квартиры Грейс до Музея искусств округа Лос-Анджелес можно было дойти пешком – снабжали ее всей необходимой информацией в области культуры.

Разумеется, в те годы секс тоже играл важную роль – девушка придерживалась привычной схемы, только реже, потому что теперь ее было легче удовлетворить. Кашемир, шелк, высокие каблуки и прочие аксессуары позволяли ей без труда находить хорошо одетых, привлекательных мужчин в роскошных коктейль-барах и отелях. Многие из ее объектов оказывались приезжими – оптимальный вариант. Другие искали выход из зашедшего в тупик брака или просто устали от домашних обязанностей. Для Грейс все они были временными партнерами, и расставание в большинстве случаев проходило гладко.

Тщательно избегая эмоциональных привязанностей, она смогла без помех сосредоточиться на учебе и вела в два раза больше пациентов, чем любой другой аспирант в университетской клинике. То же самое относилось к исследовательским проектам, и к концу второго года обучения Грейс опубликовала три статьи о психологической устойчивости в соавторстве с Малкольмом – и три собственных, об отдаленных последствиях травмы, причем одну напечатали в «Журнале консультационной и клинической психологии».

Одновременно Блейдс анализировала лучшие места для практики и искала контакты там, где можно было остаться в интернатуре. Довольно быстро выбор стал очевидным: госпиталь Управления по

делам ветеранов в Вествуде, который, несмотря на все недостатки системы, был одним из лучших учебных центров по психологии взрослых.

Но, что еще важнее, госпиталь для ветеранов давал опыт лечения серьезных болезней. Потому что те, кто страдал невротическими страхами – дилетанты и бездельники, пытающиеся «разобраться в себе» или заплатить за дружбу, – утомляли и раздражали Грейс.

Она жаждала настоящего дела, настоящей психотерапии.

* * *

После года практики Блейдс познакомилась со всеми, чье слово имело вес в госпитале, приобрела репутацию самой лучшей, и поступление в интернатуру стало простой формальностью.

Через четыре года после поступления в аспирантуру она получила докторскую степень. Диплом на торжественной церемонии вручал сам Малкольм, облаченный в мантию. Грейс также согласилась на должность научного сотрудника в том же госпитале для ветеранов – от добра добра не ищут.

В двадцать семь лет она по-прежнему жила в своей скромной студии на Формоза-авеню и десять процентов стипендии вкладывала в консервативный акционерный фонд. После того как Блейдс сдала экзамены и получила федеральную лицензию и лицензию штата, ей предложили остаться в госпитале в качестве лечащего врача, и Грейс приняла это предложение. Именно о такой работе она и мечтала: продолжить изучение людей, жизнь которых была разбита, иногда в буквальном смысле.

За годы, прошедшие с тех пор, как в аспирантуре учился Малкольм, госпиталь ветеранов сильно изменился. Тогда пациентами были – довольно жесткое, но справедливое определение – пожилые хронические алкоголики, которым мало чем можно было помочь. УИМПы, как презрительно называл их медицинский персонал. «Убирайся из моей палаты».

Госпиталь для ветеранов, в который попала Блейдс, был серьезным медицинским учреждением, где персонал постоянно сталкивался с последствиями ужасов войны. Красивые американцы,

мужчины и женщины, были искалечены в жарких песках пустыни фанатиками и неблагодарными людьми, которых они, по их представлению, были посланы освободить. Физические повреждения были очень тяжелыми. Последствия для психики могли быть еще хуже.

Пациенты Грейс пытались приспособиться к отсутствию той или иной части тела, к необратимому повреждению мозга, слепоте, глухоте, параличу. Они сражались с фантомными болями в отнятой руке или ноге, с депрессией, приступами ярости или желанием покончить с собой, с алкогольной и наркотической зависимостью.

Нельзя сказать, что все они были «испорченным товаром», – очередная клевета, которая вызывала ярость Блейдс, потому что она уважала тех, кто такой ценой выполнил свой долг. Далеко не у всех развивалось посттравматическое стрессовое расстройство. Это было ложное представление, созданное голливудскими деятелями, которые эксплуатировали несчастья других ради красивого сценария. Однако и незначительные нарушения могли серьезно влиять на повседневную жизнь.

Грейс даже предположить не могла, до какой степени ее детство было похоже на то, через что проходили ее пациенты. Но это лишь усиливало ее мотивацию.

С самого начала она почувствовала себя здесь своей.

Обитатели госпиталя тоже чувствовали это, и вскоре у Блейдс было в два, а затем и в три раза больше пациентов, чем у любого другого работающего здесь психотерапевта. Но самое главное – она добивалась результата, так что пациенты и их родственники требовали именно ее. Персонал заметил это – и был благодарен, что кто-то тянет такой воз.

Тем не менее некоторые коллеги считали ее странноватым трудоголиком, который сутками не выходит из больничных палат, как будто не зная усталости. Может, думали они, у нее биполярное расстройство? Или взрослый вариант синдрома гиперактивности с дефицитом внимания?

И почему она ни с кем не общается?

Но те, кто был поумнее, предпочитали помалкивать, радуясь тому, насколько облегчилась их жизнь.

Одна из медсестер, работавших в ночную смену, стала называть Блейдс «заклинателем». А ее коллега-постдок, ветеран Вьетнамской войны, вернувшийся к учебе в зрелом возрасте, который вместе с ней вел группу поддержки для пациентов с парализованными ногами, думал, что покажет «молодой красивой цыпочке», что такое страдания.

Вскоре он стал называть ее Целителем Страждущих.

Это прозвище Грейс нравилось.

* * *

Однажды вечером, выйдя из госпиталя и направляясь к своей подержанной «БМВ» третьей модели, которую Софи и Малкольм «купили за бесценок», она заметила женщину средних лет, которая махала ей рукой. Полная, белокурая, хорошо одетая. Из всех сил старается улыбаться.

– Доктор Блейдс? Простите, у вас найдется минутка?

– Я могу вам чем-то помочь?

– Мне неловко вас беспокоить... Вероятно, вы меня не помните...

Вы лечите моего племянника.

Конфиденциальность не позволяла врачу ответить, даже если бы она знала, кого имеет в виду незнакомка.

– Ах да, простите, – сказала та. – Мой племянник – Брэдли Данэм.

Милый мальчик, родом из Стоктона, повреждение фронтальной доли головного мозга, лишившее его эмоций. Но он остался тихим и мягким – до такой степени, что Грейс не могла понять, почему он пошел в морскую пехоту. На шестом сеансе Брэдли рассказал ей.

Когда я окончил школу, то мечтал только об этом.

Блейдс улыбнулась его тете, и женщина снова извинилась.

– Я не по поводу Брэда. Речь о моем сыне, Эли. Меня зовут Дженет.

Наконец Грейс могла ответить ей хоть что-то.

– Эли тоже пациент госпиталя?

– О нет, он не ветеран, доктор Блейдс. никоим образом. Он... Два года он страдает от того, что вы, специалисты, называете проблемами. Сильные страхи? Тревожное расстройство? И компульсивное поведение, которое все усиливается, до такой степени, что... нет, я не

могу его винить, доктор, потому что иногда сама становлюсь как ненормальная. Из-за того, что случилась.

Дженет втянула в себя воздух, сдерживая слезы.

– Что случилось? – спросила Грейс.

И это изменило все.

* * *

Родители Эли, оба дипломированные бухгалтеры, стали жертвами грабителей, проникших в дом, – отца зарезали, а мать жестоко избили. Эли пришел домой, увидел результаты бойни и вызвал «Скорую» – но в конечном итоге стал главным подозреваемым и два дня подвергся интенсивным, почти жестоким допросам в полиции. Подозрения были сняты только после того, как три грабителя, попытавшиеся проникнуть в другой дом, были опознаны как виновники первого преступления.

Но к тому времени ущерб уже был нанесен: Эли, который всегда был «чувствительным мальчиком», перестал разговаривать, закрылся у себя в комнате, и у него появились разные тиковые расстройства. Он ходил туда-сюда, постоянно задергивал занавески, мыл руки сильнодействующим стиральным порошком, ковырял кожу, почти постоянно подмигивал.

На протяжении двадцати двух месяцев все попытки лечения, сначала с помощью психиатра, а потом у психолога, не принесли результата. Оба врача отказывались от визитов к пациенту, а по мере того как состояние Эли ухудшалось, он посещал их кабинеты все реже, а потом совсем перестал.

– Я в полной растерянности, – сказала Дженет. – И я знаю, что вы сделали для Брэда. Он говорил о вашей репутации. Деньги – не проблема, обещаю вам, доктор Блейдс. Если б вы смогли хотя бы поговорить с Эли...

– У вас дома.

– Он отказывается выходить.

– Но не возражает, чтобы к нему приходил психотерапевт.

– Вы придете? – спросила Дженет. Ее лицо вытянулось. – Честно говоря, я не знаю, доктор... Просто хватаюсь за соломинку.

– С Эли вы это не обсуждали.

– Эли не позволяет мне что-либо обсуждать с ним, доктор, – он превратил себя в заключенного. Я оставляю еду в коридоре, и он ждет, пока я уйду, чтобы взять ее. Но даже если ничего не получится, я заплачу вам за потраченное время. Могу наличными... Если вы хотите...

– Подробности обсудим потом, – сказала Грейс. – Где вы живете?

* * *

Четыре месяца спустя Эли – с детства странный, не слишком общительный и неприспособленный к жизни – смог выйти из дома, перестал терзать свою кожу и избавился от других нервных движений. Еще через месяц он работал удаленно, выписывая счета для онлайн-магазина, торговавшего винтажной одеждой.

Еще через два месяца, во время прогулки по соседнему парку, Эли познакомился с девушкой, такой же стеснительной, как он сам. Вскоре они стали дважды в неделю есть мороженое на скамейке. Длилось это недолго, но теперь Эли считал себя «пригодным для свиданий» и собирался с духом, чтобы зарегистрироваться на сайтах знакомств.

– Я знаю, что риск довольно велик, но это начало! – восклицала Дженет. – Вы сотворили с ним чудо, доктор Блейдс!

– Мне приятно слышать ваши слова, – ответила Грейс. – Но всю тяжелую работу проделал Эли.

Через три недели после завершения работы с этим молодым человеком у доктора Блейдс появился второй частный пациент. Женщина, с которой Дженет познакомилась в группе поддержки жертв преступлений.

На этот раз речь не шла о визитах на дом, но у Грейс не было кабинета для приема частных клиентов. Она спросила своего непосредственного начальника, этично ли использовать свой кабинет в госпитале после окончания рабочего дня. Ей было известно, что тот именно так и делает, удваивая свои доходы.

– Ну... Тут мы попадаем в серую зону, – ответил шеф и прибавил, понизив голос: – Если вы не будете этим злоупотреблять и если не пострадает основная работа...

К концу первого года работы лечащим психологом у Блейдс образовалось такое количество частных пациентов, что ей пришлось внести изменения в свой график: она сократила рабочие часы в госпитале для ветеранов до пятнадцати в неделю и отказалась от соцпакета. А еще арендовала кабинет в здании больницы на бульваре Уилшир недалеко от Фэрфакса^[25], в шаговой доступности от своей квартиры.

Ее доход удвоился, затем утроился, а потом снова удвоился. Состояние пациентов улучшалось.

Свободное предпринимательство. Это ее полностью устраивало.

* * *

Вскоре после ее двадцать седьмого дня рождения, во время одного из традиционных поздних завтраков в Хэнкок-Парк с приемными родителями, которые Грейс никогда не пропускала, Малкольм, тщательно прожевав и проглотив кусок рогалика с блестящим ломтиком *гравлакса*, спросил ее, не хочет ли она преподавать на полставки в Университете Южной Калифорнии.

Предложение застало Блейдс врасплох. Она думала, что университет с радостью избавился от нее и от этических проблем, которые она с собой принесла. Кроме того, ее отношения с людьми, которых она стала считать своими родителями, изменились довольно любопытным образом.

С Софи они больше стали общаться чисто по-женски, но с Малкольмом установилась некоторая дистанция. Возможно, отчасти это объяснялось тем, что у молодой женщины и пожилого мужчины довольно мало общего. Однако Грейс подозревала, что настоящей причиной стало разочарование Блюстоуна – ведь она пожертвовала наукой ради частной практики.

Но в таком случае он скрывал недовольство за комплиментами, которые можно было бы посчитать двусмысленными.

Ты была блестящим исследователем. Но, конечно, основа нашей науки – помощь другим.

«В этом вам некого винить, кроме себя, – думала Блейдс. – Это могло бы начаться как проект Генри Хиггинса. Но ваша доброта и

гуманность взяли верх и сделали меня такой, какая я есть».

Когда Малкольм выглядел задумчивым, Грейс обязательно целовала его в щеку, вдыхая запах лавровишневой воды, которой он пользовался после бритья. Ей потребовалось много времени, чтобы приучить себя к подобию физических проявлений любви по отношению к нему и к Софи, но она очень старалась и теперь не испытывала неловкости. Говорила себе, что любит их, но не тратила слишком много времени на размышления о том, что это значит. В конце концов, слова не имеют особого значения. Главное – как она относится к Блюстоуну и его жене, а тут Грейс была на высоте, всегда оставаясь оптимистичной, вежливой и покладистой.

Прошло шестнадцать лет с тех пор, как Малкольм забрал ее из тюрьмы для несовершеннолетних, и за все это время между ними не было сказано ни одного слова на повышенных тонах – много ли семей могут похвастать таким?

* * *

Когда в то воскресное утро Блюстоун предложил ей преподавать, Грейс улыбнулась, сжала его руку, уже покрывшуюся пигментными пятнами, и ровным голосом сказала:

– Я польщена. Аспирантам?

– Нет, только выпускникам. Скорее всего, клиническую психологию. А возможно, и психоневрологическое тестирование, если ты осталась в теме.

– Осталась, – сказала Грейс. – Неожиданно.

– Разумеется, я считаю, что твоя квалификация выше, и если бы решал я, то предложение преподавать пришло бы в тот момент, как ты получила лицензию. Но ты сама знаешь, что... Как бы то ни было, идея принадлежала другим, а меня просто выбрали в качестве посыльного.

Малкольм съел еще один кусочек рогалика с лососем.

– Предложение поступило и другим выпускникам. Это новая попытка использовать способности и опыт наших самых одаренных студентов. – Он покраснел. – Кроме того, есть и финансовый аспект.

– Они думают, я им дешево обойдусь? – усмехнулась Блейдс.

– Дешевле, чем штатный преподаватель, работающий на полную ставку, – сказала Софи.

– Да-да, но в твоём случае это не главное, – продолжил её муж. – Ты была фаворитом. Ты заработала себе репутацию.

– Чем?

– Эффективностью.

– Хм, – произнесла Грейс. – И о какой сумме идет речь?

Массивные плечи Малкольма опустились. С облегчением.

– Я надеялся услышать от тебя эти слова.

* * *

К двадцати восьми годам частная практика приносила доктору Блейдс солидный доход, выражавшийся шестизначным числом, и один день в неделю она с удовольствием преподавала психологию.

Подержанный «БМВ» не ломался, апартаменты на Формозавеню её устраивали, а вложения в акционерный фонд постоянно росли.

Свидания в барах продолжались – сначала в окрестностях Лос-Анджелеса, а потом за границей, когда Грейс начала дважды в год баловать себя шикарными отпусками в других странах. Она летала в Европу и в Азию и возвращалась домой с дорогой одеждой и эротическими воспоминаниями, которые скрашивали часы одиночества.

Жизнь шла своим чередом, и психотерапевт думала, что так будет продолжаться какое-то время.

Как же она была глупа!

Однажды ночью, незадолго до её двадцать девятого дня рождения, доктора разбудил громкий стук в дверь.

С трудом заставив себя проснуться, Блейдс натянула спортивный костюм, взяла на кухне разделочный нож и подкралась к входной двери.

– Грейс! – прошипел голос с той стороны. Кто-то говорил театральным шепотом. Пытается не разбудить соседей?

Кто-то, кому известно её имя...

Держа нож наготове, женщина отперла и приоткрыла дверь, но цепочку не сняла.

В коридоре стоял Рэнсом Гарденер. Он выглядел старым и неряшливым – седые волосы растрепаны, глаза красные, губы дрожат.

Блейдс впустила его.

Он порывисто обнял ее и разрыдался.

– Кто из них? – спросила Грейс, когда он наконец отстранился.

– Господи... – всхлипнул Гарденер. – Оба, Грейс, оба! Машина Софи...

Ее лицо вытянулось. Она попятилась в гостиную, глядя на Рэнсома, тело которого сотрясали рыдания.

Ее словно заморозили. Поместили в твердую оболочку, похожую на хитон насекомого.

Грейс представила, как маленький черный кабриолет мчится по дороге.

И разваливается на части.

Она попыталась что-то сказать. Но ее тело словно лишилось гортани, языка и губ. Трахея тоже как будто отсутствовала – Блейдс не чувствовала, что дышит, но каким-то образом... существовала.

Может, воздух поступал через поры на коже?

Гарденер продолжал раскачиваться и всхлипывать. Голова у Грейс закружилась, и она ухватилась за стену, чтобы не упасть. Потом с трудом доплелась до кухни, нащупала стул. Села.

Адвокат последовал за ней. Зачем? Ей хотелось, чтобы он *исчез*.

– Пьяный водитель, черт бы его побрал... Он тоже погиб. Пусть горит в аду, – бормотал Рэнсом.

Грейс вдруг захотелось спросить, где это случилось, когда и как, но мозг отказывался повиноваться ей. Но даже этот... электрический хаос в ее голове... казался каким-то неправильным. Нечетким, вязким... неполноценным.

Теперь она стала одним из своих пациентов.

* * *

Казалось, это будет длиться вечно. Гарденер плакал, обхватив себя руками, а Блейдс сидела, словно оглушенная, и размышляла над

поразившей ее мыслью.

Сочувствие – это самая большая ложь.

Глава 46

Грейс лежала на продавленной кровати в гостинице «Олдс», впуская в себя боль, ярость и печаль, чтобы сделать себя бесстрастной, жестокой и сосредоточенной.

Приведя себя в нужное состояние, она выехала из Беркли и направилась на юг, в Эмервилл. В маленьком магазинчике спортивных товаров расплатилась наличными за пляжные сандалии, репеллент от насекомых, черные кроссовки на резиновой подошве и черную лыжную маску с прорезями для глаз. Ей были нужны кроссовки и маска, а остальное являлось попыткой спрятать их среди других покупок.

Вернувшись в гостиницу, она пообедала мясной нарезкой и смесью сухофруктов с орехами, выпила воды, сходила в туалет, снова выпила воды и еще раз опорожнила мочевой пузырь, а потом сделала растяжку, отжимания и немного вздремнула.

В будильнике не было нужды. Она все равно не выйдет из номера до наступления темноты.

* * *

В семь вечера Грейс проснулась, отдохнувшая и бодрая. Через тридцать восемь минут она припарковала «Эскейп» в трех кварталах от дома на Эйвелина-стрит и зашагала дальше пешком. Новые кроссовки поскрипывали, так что Блейдс развернулась и шла в противоположном направлении, пока скрип не прекратился.

Ночь выдалась прохладной, и куртка с четырьмя карманами была вполне уместной – и полезной. Парики остались в гостинице. Коротко постриженные волосы прятались под вязаной шапочкой, которую Грейс купила в магазине подержанных вещей.

Зеленые контактные линзы. Как у кошки.

Женщина приступила к изучению района.

* * *

Из больших домов на склонах холма не доносилось ни звука. В большинстве свет не горел, и это было нормально, если на Беркли распространяется закономерность, которую Грейс наблюдала в Лос-Анджелесе: чем больше особняк, тем меньше вероятность, что в нем живут постоянно. Богатые много путешествуют или пользуются несколькими домами.

Малкольм и Софи тоже жили в большом доме, но уезжали редко. Они вспоминали о заграничных поездках, но не пользовались своими паспортами с тех пор, как взяли к себе Блейдс.

Из серии «мы уже все видели»? Или они хотели быть рядом с ней?

У Грейс стало щипать в глазах, и она выругала себя. Отвлечение – враг. Приближаясь к большому кирпичному дому, женщина замедлила шаг.

Она выбрала позицию чуть дальше живой изгороди, которая аркой изгибалась над подъездной дорожкой. Участок был плохо освещен – разбросанные в случайном порядке низковольтные лампы создавали хаотичное чередование светлых и темных пятен. Свет горел только в одном окне, на верхнем этаже в правом крыле. Либо дома кто-то есть, либо это сделано ради безопасности. Больше никаких заметных признаков самозащиты – ни предупреждающих табличек, ни камеры, ни датчиков движения.

Самоуверенный парень этот Дион Лару!

Сегодня на подъездной дорожке стоял только один черный «Приус». Тот же номер, что и на машине Уолтера Спорна. Может, Спорн тоже живет здесь? Вполне логично. Но в таком случае Лару вел себя не так, как его отец, Арундел Рой, который ограничивал круг своих последователей женщинами и детьми. С другой стороны, времена изменились, наступила эпоха равных прав... Или Грейс слишком увлеклась фантазиями, а Спорн всего лишь охраняет дом в отсутствие босса.

Или присматривает за детьми... Не дай бог.

Неужели у Лару с женой даже есть дети?

Боже, надеюсь, что нет!

Тот факт, что она об этом понятия не имеет – и вообще мало знает о Лару, – напомнил Блейдс о том, как много ей еще предстоит узнать.

Она дошла до тупика, спряталась за неосвещенным откосом на обочине и внимательно оглядела улицу, а затем, убедившись, что ее никто не заметил, вернулась к своей машине, заперла двери и стала ждать.

Через сорок восемь минут ее терпение было вознаграждено – из-за угла появился еще один черный «Приус». Когда машина приблизилась к большому кирпичному дому, Грейс бегом бросилась за ней.

Она успела увидеть, как этот второй «Приус» остановился за автомобилем Спорна.

Фары и габаритные огни погасли, и со стороны водителя вышел мужчина. Плохое освещение не позволяло рассмотреть этого человека в деталях – его фигура мерцала, словно под стробоскопом.

Создавалось впечатление, что смотришь световое шоу. С каждым новым неподвижным кадром информация накапливалась.

Высокий.

Длинные волосы.

Борода – длиннее и гуще той щетины, которая была видна на фотографии с благотворительного мероприятия. Грейс видела внешний край волос в окружении пятнышек света.

Свободная одежда – нечто вроде туники до колен. Обтягивающие, будто колготки, брюки.

Худые ноги. Стройная фигура. Голову держит высоко – снова высветился его профиль с торчащим вперед острием бороды, словно готовым к бою копьем.

Он направился к дому; его походка излучала уверенность.

Вне всякого сомнения, это был он. Психотерапевт смотрела, как Лару идет по длинной дорожке к парадной двери.

Когда он преодолел полпути до дома, открылась дверца «Приуса» со стороны пассажира, и из машины вышла женщина. Почти такая же высокая, как Дион. Платье чуть ниже колен.

Но ничего похожего на уверенность. Плечи опущены, спина сгорблена.

Грейс надеялась, что женщина выйдет на свет, и ее надежда оправдалась – та повернулась, продемонстрировав свой профиль.

Ошибиться невозможно – те же резко очерченные скулы.

Жена... Как же там ее зовут...

Аша.

Послышался хруст гравия – женщина тоже пошла к дому. Дион Лару не стал ждать ее, а наоборот, ускорил шаг.

Супруга не делала попыток догнать его, словно у них было так заведено.

Лару закрыл за собой дверь, когда жена была еще далеко.

Оставил ее снаружи? У счастливой парочки выдался неудачный вечер?

Аша продолжала идти к дому, как будто привыкла, что ее не пускают внутрь. Дойдя до двери, она открыла ее, просто повернув ручку.

Дион не запер дверь. Хотел этим что-то сказать? Или просто продемонстрировал свою власть, унижая жену?

Независимо от мотива, Лару продемонстрировал отвратительное высокомерие и враждебность. А его жена – покорность, что могло быть важно.

Грейс записала номер второго «Приуса», а затем подобралась ближе и заглянула внутрь машины, пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в темноте. К счастью, свет лампы, висевшей на дереве, падал на переднее сиденье.

Но ничего интересного в машине не обнаружилось – лишь приборная доска и сиденья.

Отступив в тень, Блейдс наблюдала за кирпичным особняком еще четверть часа, а потом провела следующий час в своей машине, убедившись, что никто не входил и не выходил из дома, после чего вернулась в гостиницу.

Больше никакого сна. Только расчеты.

Глава 47

Похороны Малкольма и Софи состоялись через неделю после их смерти, на пляже у дома Рэнсома Гарденера в Лагуна-Бич. Чудесный день на берегу Тихого океана, кобальтовое небо с шелковистыми серебристыми облаками, плывущими с севера.

Лагуна-Бич находился в шестидесяти милях к югу от Лос-Анджелеса. Грейс поняла, что Гарденеру приходилось каждый раз ехать больше часа до дома ее приемных родителей. Преданный юрист.

То, о чем ты думаешь.

То, чего ты избегаешь.

Малкольм и его жена оставили четкие инструкции по поводу кремации, и Рэнсом обо всем позаботился. Грейс в белом платье стояла босиком на песке и смотрела, как он идет к ней с двумя серебряными урнами. Адвокат уже спрашивал, не хочет ли она развеять пепел. Блейдс покачала головой, и он, похоже, остался доволен.

Бросить останки кремированного человека в Тихий океан – это, вне всякого сомнения, нарушение законов штата, округа и города. Но Гарденер сказал: «Да пошли они!» – и пепел полетел над волнами.

С той ужасной ночи в квартире Грейс он много сквернословил, открыв новую грань в сдержанном юристе, которого она знала много лет.

Под предлогом утешения Рэнсом ежедневно приходил к ней, приносил еду, на которую она смотреть не могла, а затем усаживался на диван в ее гостиной и пускался в воспоминания. Что еще остается, когда внутри пусто? Блейдс молчала, но это не имело значения – сам Гарденер говорил без умолку.

Многие его истории начинались одинаково: первый день в Гарварде, избалованный выпускник частной школы из манхэттенского Верхнего Ист-Сайда, излучающий уверенность, но не чувствующий ее. Растерянность и страх, которые прошли вскоре после знакомства с Малкольмом... «Лучшее, что произошло со мной за все время пребывания в Кембридже». Кто знал, что огромный, неуклюжий еврейский парень из Бруклина станет другом на всю жизнь?

– Больше чем другом, Грейс. Я не знаю, как это сказать, но словами, наверное, не выразишь, кем он для меня был... – В сотый раз слезы потекли по впалым щекам Рэнсома и закапали на пол, проиграв сражение силе тяжести. – Понимаешь, Грейс, он не только восхищал своим интеллектом и физической силой, но и умел экономно использовать свои способности. Аккуратно. Не изменяя вкусу. Однако когда ты в нем нуждался, он всегда был рядом. Пьяные горожане, однажды решившие проучить нас, быстро усвоили этот урок.

Малкольм, дерущийся в дешевой пивнушке... Эта картина могла бы позабавить доктора Блейдс, будь она способна хоть что-то чувствовать.

Грейс не останавливала Гарденера, делая вид, что слушает.

Профессиональная подготовка пришлась как нельзя кстати.

* * *

Известие о катастрофе погрузило Грейс в туман бесчувственности, словно она оказалась запертой в стерильном стеклянном пузыре, где глаза механически реагировали на свет, но не могли обработать изображение, а уши были похожи на громкоговорители. Делая шаг, она понимала, что движется, но не могла избавиться от ощущения, что ею управляет кто-то другой.

Мозг ее был чистым и пустым, как белый лист бумаги.

Все, что она могла делать, – это сидеть, стоять и ходить.

Вероятно, она очень хорошо притворялась нормальной, потому что на поминках никто не проявлял к ней преувеличенной жалости.

Среди гостей были преподаватели и студенты, Гарденер с женой – пухлой женщиной по имени Мьюриэл – и неизменно молчаливый Майк Либер, одетый как бродяга и держащийся в стороне с тем же странным, отсутствующим выражением лица и начинающей седеть бородой. За краткой трогательной речью Рэнсома, который всхлипывал перед каждой фразой, последовали слишком длинные, бессмысленные выступления профессоров с кафедр Малкольма и Софи.

Потом были сыр с крекерами и простое белое вино на пляже. Плеск волн и наконец ставшее темно-серым небо.

Когда все ушли, Грейс вдруг осознала: она была единственным членом семьи. Ей было известно, что ни у Блюстоуна, ни у его жены нет родственников, но до сих пор особо не задумывалась об этом. Теперь, когда то, что от них осталось, развеяно над волнами и унесено в океан, она поняла, какими они были одинокими, пока не взяли ее.

Может, в этом все дело?

Но можно ли найти исчерпывающее объяснение благородному поступку – или дурному?

Нет, должно быть что-то еще. Блейдс чувствовала себя неестественно рассудительной, поскольку – черт возьми! – была на грани нервного срыва.

Малкольм и Софи заслуживали большего, чем дешевый анализ.

Малкольм и Софи ее любили.

* * *

На следующий день после похорон Грейс осталась одна в своей квартире – и наконец смогла заплакать. Неделю она в основном плакала, а Гарденера, который за это время дважды стучал в дверь, не пустила. Следующие две недели Блейдс не отвечала на его звонки. Как и на звонки пациентов, нынешних и потенциальных. Оставила на голосовой почте сообщение о «срочных семейных делах». Подходящее время для Страждущих подумать не только о себе, но и о других.

Утром на пятнадцатый день после того, как Это Случилось, Гарденер пришел снова, и Грейс решила, что в состоянии выдержать его присутствие. Она приоткрыла дверь, не снимая цепочку. С ним был Майк Либер, и внезапно женщине расхотелось их впускать.

– Да, Рэнсом? – сказала она.

– С тобой всё в порядке, дорогая? Давно не виделись.

– Справляюсь.

– Да... Мы всё пытаемся... Мы можем поговорить?

Грейс заколебалась.

– Это важно, – настаивал Гарденер.

Блейдс не ответила, и он приблизился к двери.

– Обещаю без лишних сантиментов, Грейс. Прости, что испытывал твое терпение.

За его спиной Майк Либер смотрел в пространство. Женщине хотелось его ударить.

– Пожалуйста, Грейс. Это ради твоей же пользы. Дела, откладывая которые никак нельзя. – Рэнсом снова заговорил как юрист. А глаза Майка напоминали гальку на берегу пруда.

Гарденер сложил руки в молитвенном жесте.

Грейс сняла цепочку.

* * *

Она провела мужчин на кухню, где Рэнсом взгромоздил на стол большой портфель из крокодиловой кожи и извлек из него пачку документов. Либер сел лицом к Грейс, но сразу же отвернулся и принялся разглядывать дверь холодильника. В голове хозяйки дома пронеслась череда возможных диагнозов. Она отмахнулась от этих мыслей. Какая разница?

Раскладывая бумаги, Гарденер морщил нос. В комнате пахло прогорклым жиром. Грейс питалась запасами из своего буфета, а то, что она жарила на сковороде, часто подгорало – обычно доктор такого не допускала. Кухню она не проветривала. И два дня не принимала душ.

– Ну вот, – сказал Рэнсом и выровнял края пятисантиметровой стопки бумаг. – Как ты, наверное, подозревала, ты – единственный наследник Малкольма и Софи.

– Я не подозревала. Просто не думала об этом.

– Да... конечно. Прости, Грейс, это... Но в любом случае мы должны с этим разобраться. Дела обстоят именно так. Ты – единственный наследник. Поэтому тебя требуется известить о сложившейся ситуации.

– Хорошо. Извещайте.

– Которая более чем благоприятная, – сказал Майк Либер.

Блейдс пристально посмотрела на него, однако он уже снова изучал белую дверцу холодильника.

– Да, да, – подтвердил Гарденер. – Майкл хочет сказать, Грейс, что Софи и Малкольм были очень богатыми людьми, и ты получаешь и наследство Софи, и результаты многолетних разумных инвестиций,

которые делались после того, как Софи и Малкольм вступили в брак. – Он посмотрел на Либера; тот пожал плечами. – Майк у нас финансовый гений.

– Ерунда, – сказал тот. – Покупай дешево, продавай дорого, не делай глупостей.

– Ты слишком скромничаешь, Майк.

Либер скрестил руки на груди, и взгляд его снова сделался пустым. А потом он вдруг встал.

– Мне нужно идти. Должен провести кое-какие валютные операции.

– Мы же на моей машине! – удивился юрист. – Как ты вернешься в офис?

– Автобусом, – ответил молодой человек и повернулся к Грейс: – Мне жаль, что вы узнали об этом при таких обстоятельствах. Надеюсь, вы не спустите все это.

– Очевидно, ты заметила, что Майк необычный человек. Ему пришлось несладко во время учебы в Массачусетском технологическом. Малкольм ему помог, – сказал Гарденер, когда Либер ушел.

Грейс промолчала.

– Так вот, вероятно, ты не удивлена этим... Как и всем, что я могу рассказать тебе о Малкольме и Софи... Поэтому... В общем, подробности таковы.

* * *

Несмотря на такое невнятное вступление, Рэнсом сумел настроиться на деловой лад и с достойной восхищения точностью и скрупулезностью изложил суть дела.

Дом на Джун-стрит стоил от трех с половиной до четырех миллионов долларов. А акционерный фонд, который Малкольм и Софи открыли на имя Грейс через несколько месяцев после того, как взяли ее к себе, оценивался в пятьсот семьдесят пять тысяч долларов.

– Фонд принадлежит тебе прямо сейчас, но часть денег, вырученных за дом – если ты решишь его продать, – пойдет на налоги.

Если все сложить, то, по моим оценкам, у тебя останется около четырех миллионов, – объяснил юрист.

– Отлично, – сказала его собеседница. – Я оплачу оформление документов.

– Я уже приступил, дорогая. Как исполнителю завещания никакого дополнительного гонорара мне не требуется.

– Разве исполнители завещания не берут почасовую оплату?

– Никаких правил не существует, Грейс.

– Мне не нужно никаких подарков...

– Речь не об этом. Просто вопрос приличий. Ты не представляешь, кем они для меня были!

– Спасибо, – поспешно сказала Блейдс, опасаясь нового приступа ностальгии. Она купит Рэнсому подарок, что-нибудь необычное. В его доме в день похорон Грейс заметила коллекцию стекла в стиле ар деко. А его жена погладила одну вазу, когда проходила мимо.

Гарденер, похоже, не собирался уходить.

– Что-то еще? – спросила Грейс.

Адвокат печально улыбнулся.

– Как говорится в рекламе дешевых ножей, «подождите, есть кое-что еще».

Блейдс закрыла глаза. Нервы ее были так напряжены, что она с трудом сдерживалась, чтобы не выставить гостя из кухни.

– Итак, – сказал Рэнсом, – мы остановились на четырех миллионах. Сама по себе эта сумма – неплохой подарок для человека в твоём возрасте, с огромным потенциалом роста. Но, – он взмахнул рукой, – есть еще немного денег, которые Малкольм и Софи инвестировали для себя. Майк отлично поработал и с этими фондами. А еще раньше – его отец. Арт Либер был одним из лучших инвестиционных менеджеров на Восточном побережье. Наш с Малкольмом приятель по Лоуэлл-Хаус. Прекрасный человек, умер много лет назад от рака мочевого пузыря... Были сомнения, справится ли Майк, но он великолепно себя проявил.

Ну вот, опять.

Вероятно, Гарденер почувствовал нетерпение своей новой подопечной, потому что выпрямился и перешел к делу.

– То, что ты увидишь, Грейс, иллюстрирует силу сложных процентов. Сделать надежные инвестиции и не трогать их.

Он вздохнул, а потом выбрал из стопки документов три листа, положил их на стол и подвинул к Блейдс.

Столбцы с акциями, облигациями, денежными средствами – в этом психотерапевт не разбиралась. Буквы и цифры мелким шрифтом. Все плыло у нее перед глазами.

Она отвела взгляд.

– Хорошо, спасибо.

– Грейс! – В голосе Гарденера звучала тревога. – Ты это видела?

– Что?

Юрист выхватил нижний лист, повернул его к женщине, чтобы она могла прочесть, и ткнул пальцем в самый низ страницы.

Общий итог:

Двадцать восемь миллионов шестьсот пятьдесят тысяч долларов.

И сорок девять центов.

– Это, – сказал Рэнсом, – *после* уплаты налогов, Грейс. Ты – очень богатая женщина.

* * *

Доктор Блейдс читала истории о людях, выигравших в лотерею и клявшихся, что их жизнь не изменится. Разумеется, жизнь менялась – только идиоты могли делать вид, что это не так. Нет никакого смысла игнорировать ситуацию, в которой она оказалась. Главное – не утратить контроль.

Она позвонила Майку Либеру и сказала, что потратит часть средств, но хочет, чтобы он продолжал управлять ее деньгами.

– Если нужно потратить, используйте доход, а не основной капитал, – сказал он.

– Какой доход?

– Вы не прочли? У вас не облагаемые налогом облигации. Процент составляет более шестисот тысяч ежегодно. Этого достаточно на туфли и маникюр, правда?

– Более чем достаточно. Значит, продолжаем, как прежде?

– Почему бы и нет? Вы же не против, если я не буду устраивать спектакли, да?

– Прошу прощения?

– К большинству клиентов я должен приезжать два раза в год с графиками и диаграммами, демонстрируя, какой я молодец. Малкольм и Софи понимали, что это пустая трата времени.

– Согласна.

– Кроме того, – сказал Либер, – я хочу предупредить вас с самого начала: в какие-то годы дела будут идти лучше, в какие-то – хуже. Тот, кто осмелится утверждать иное, – бесстыжий обманщик.

– Логично, Майк.

– Вы можете позвонить, если у вас возникнут вопросы, но ваши вопросы должны быть профессиональными. Лучше читать ежемесячные отчеты – там все есть. Если хотите знать больше, я порекомендую литературу по основам инвестирования. Самый лучший автор – Бенджамин Грэм.

– Буду иметь в виду, Майк.

– Хорошо... Ах да, я выслал вам несколько чеков, чтобы вы могли потратить столько, сколько вам нужно.

– Спасибо, Майк.

– Не за что.

* * *

За следующий год Грейс продала дом на Джун-стрит, передав наиболее ценный антиквариат и предметы искусства арт-дилеру из Пасадины, и поместила все бумаги Малкольма и Софи в специальное хранилище документов. Когда-нибудь она их прочтет. Но не теперь.

Используя вырученные за дом деньги, Блейдс избежала уплаты налога на реализованный прирост капитала, что позволяло сделать безналоговый обмен по правилу 1031: она приобрела дом на Ла-Коста-Бич по сходной цене, потому что он был крошечным и подходил только для одного человека, а местные власти не давали разрешения на перестройку. Остаток денег был потрачен на домик в Западном Голливуде, который Грейс превратила в новый офис.

На следующий день после закрытия обеих сделок она приехала в агентство по продаже автомобилей в Беверли-Хиллз, продала «БМВ» и купила «Астон Мартин». Черный и почти новый. Его предыдущий владелец обнаружил, что с трудом помещается за рулем. Универсал «Тойота», тоже почти новый, стоял в углу парковки. Выяснилось, что он принадлежит продавцу. Психотерапевт удивила его своим предложением, но в конечном итоге уговорила оформить все одной сделкой.

Она точно знала, что хочет спортивный автомобиль, и даже подумывала о винтажном «Тандерберде», но решила, что это буквально глупо и банально.

В первый месяц Грейс проехала на «Астон Мартин» две тысячи миль. Сочетание бешеной скорости и безрассудства почему-то воспринималось ею как искупление.

Может быть, придет день и она перестанет рисовать в своем воображении ту ночь, когда у нее отняли ее близких.

Она ничего не узнавала о той аварии. Сознательно. Не обсуждала это с Гарденером и полицией, не читала никаких отчетов.

Она даже не знала, кем было пьяное ничтожество за рулем, разрушившее ее жизнь, – мужчиной или женщиной.

Несмотря на все, что Грейс говорила пациентам о доверительном общении, она хотела, чтобы о ней забыли. Думала, что потом все изменится.

А пока она будет садиться за руль.

Глава 48

На следующее утро после того, как она впервые увидела парня по имени Яд, Грейс отправилась в район Клермон.

В семь часов утра она сидела под гигантским деревом с похожей на зонтик кроной и наблюдала за редкими машинами, сворачивавшими на Эйвелина-стрит и выезжавшими оттуда. Дерево, названия которого доктор не знала, было самым большим в роще, обрамляющей лужайку, которая носила название «Парк Острова обезьян».

Здесь не было ни обезьян, ни воды, ни острова. Вообще ничего, кроме трети акра травы в окружении мощных стволов с раскидистыми ветвями, гнувшимися под тяжестью зеленых листьев.

Ребенок, предвкушавший встречу с обезьянами, был бы разочарован. Возможно, именно поэтому парк пустовал.

Что очень устраивало Грейс.

Сегодня никаких контактных линз – ее глаза были скрыты солнцезащитными очками. Она рискнула надеть белокурый парик, но расчесала волнистые пряди, так что они распрямились, собрала их в «хвост» и пропустила в отверстие в черной бейсболке без надписи. Утро было теплым, и поэтому куртка не понадобилась – только джинсы, коричневый хлопковый джемпер с круглым вырезом, спортивные носки и легкие кеды. Все остальное, что могло ей понадобиться, лежало в большой сумке.

Грейс развернула газету «Дейли Калифорниан», которую взяла на стенде рядом с гостиницей, и сделала вид, что увлечена жизнью университетского городка. Несколько человек прошли мимо парка, но ни один не вошел внутрь.

В восемь сорок пять с Эйвелина-стрит выехал Уолтер Спорн на черном «Приусе» – свернул на север.

В девять тридцать две за ним последовал Дион Лару. Он ехал слишком быстро, и Грейс не успела как следует его рассмотреть, но это точно был он – волосы и борода сидящего за рулем человека отсвечивали золотым, почти металлическим блеском.

Как будто он позолотил себя – самозванный истукан.

Блейдс вспомнила, как называется эта техника – она узнала о ней, когда продавала предметы искусства, принадлежавшие Малкольму и Софи. Золочение – процесс, когда золотая краска или пленка наносится на металлическую основу из железа или бронзы. Обычно в попытке сделать вещь более значимой, чем она есть.

Психотерапевт закрыла глаза и принялась обдумывать увиденное. Уолтер Спорн хмурился. Красивое лицо Диона Лару было таким же, как вчера, когда он оставил жену в темноте, – нос и борода задраны вверх.

Чрезмерная самоуверенность? Хотя почему бы и нет? Уже давно никто не осмеливался ему возражать.

Грейс решила, что должна еще раз осмотреть большой кирпичный дом. Теперь уже тщательнее, чтобы ничего не пропустить. Для спешки нет причин.

Через двадцать две минуты с Эйвелина-стрит вышли две женщины, которые направились прямо к ней. Обе блондинки. Та, что повыше, толкает впереди себя детскую коляску. Когда они приблизились, доктор смогла рассмотреть круглое лицо ребенка. Тоже блондин.

Светлый парик Блейдс делал это утро в «Парке Острова обезьян» истинно арийским.

* * *

Новые персонажи никуда не свернули, а остановились неподалеку от Грейс, почти в самом центре лужайки. Высокая женщина повернулась к коляске и принялась расстегивать удерживавшие ребенка ремни. Доктор Блейдс, спрятавшись за темными очками и газетой, наблюдала за ними с расстояния нескольких ярдов. Наконец женщина с коляской повернулась к ней лицом, подтвердив догадку.

Покорная Аша. Волосы расчесаны на прямой пробор и удерживаются с помощью кожаного ремешка, какие раньше носили хиппи. Черное шелковое платье, чуть короче, чем вчера вечером, – оно доходило только до колен. Сандалии без каблуков. Ни украшений, ни часов.

При дневном свете ее лицо было почти красивым. Если б не эти скулы.

Грейс представила, как Дион, вознамерившийся переделать свой мир, берет один из тех инструментов, которыми работают скульпторы, и начинает вырезать лицо жены. Аша сидит неподвижная и безмолвная, раздавленная непереносимой мукой, а психопат, имеющий над ней власть, режет плоть до самой кости, добиваясь желаемого образа.

Отличная метафора и все такое, но доктор остановила себя – у нее нет времени на подобную ерунду.

Насколько она могла судить, Аша относилась к той категории женщин, которым приятно, когда у них перед носом захлопывают дверь.

Блейдс подняла газету чуть выше и стала смотреть, как жена Диона вытаскивает из коляски одеяло и расстилает его на траве. Разгладив складки, она взяла ребенка, подняла его вверх и улыбнулась.

Малыш, которому было явно меньше года, радостно задрогал пухлыми ножками. На нем был комбинезон – слава богу, белый, не черный. Аша опустила малыша, прижала его к груди и осторожно села на одеяло, скрестив ноги, как в позе лотоса.

Пару секунд она прижимала ребенка к себе, а потом опустила его рядом с собой. Малыш раскачивался, пытаясь удержать равновесие, но сила тяжести победила, и он начал опрокидываться назад. Мать не дала ему упасть, подставив ладонь под спину.

Судя по умению владеть своим телом, ребенку было пять или шесть месяцев.

Аша улыбалась и не отпускала его, делая вид, что он сидит самостоятельно. Урок ложной уверенности сработал: младенец засмеялся. Лару тоже засмеялась, что-то сказала ему и поцеловала его в нос.

Грейс сидела достаточно далеко и не могла расслышать слов, но мелодичный голос Аши разносился по всему «Парку Острова обезьян».

Ребенок протянул к ней руки; она дала ему палец, за который он ухватился, и принялась осторожно его раскачивать – еще одна игра, развивающая чувство равновесия.

Все это время вторая женщина молча стояла рядом.

Словно осознав это, Аша повернулась к ней и указала на траву. Невысокая женщина села. Двигалась она скованно.

Эта дама была приблизительно одного возраста с Ашей, но более плотного телосложения, с невыразительным лицом. Волосы ее были собраны в два «хвостика», как у ребенка, а черное платье, похоже, сшито из того же тонкого хлопка, что и у Аши, только скроено более свободным, почти небрежно, как будто портной отвлеклся, обмеряя ее.

С такого расстояния черты лица этой женщины казались мелкими и невыразительными: само лицо какое-то рыхлое, глаза узкие. Она сидела по другую сторону от ребенка, но не обращала на него внимания. Ее взгляд был устремлен в пространство. Он был каким-то пустым, как показалось Грейс. Родственная душа Майка Либера?

Постепенно тело спутницы Аши расслаблялось – плечи ее опустились, спина сгорбилась, а руки безвольно повисли. Рот женщины приоткрылся и остался в таком положении. Аша играла с малышом, но ее компаньонка, казалось, этого не замечала. Как и всего, что происходит вокруг. Может, она умственно неполноценная, предположила психотерапевт. Или, подобно многим последователям всяких культов, она была «бракованным товаром» – повреждение мозга наркотиками или какая-то другая психоневрологическая травма...

Как бы то ни было, эта женщина продолжала сидеть, словно неживая, а Лару и ребенок не обращали на нее внимания. Потом Аша повернулась, осторожно взяла ее за подбородок и повернула ее лицо к себе.

Она обращалась с ней как с игрушкой. Странная женщина подчинилась, словно была сделана из мягкой пластмассы, и посмотрела в глаза Аше, но не ответила на ее слова. Однако когда молодая мать протянула ей ребенка, она взяла его. Аша же легла на спину и прикрыла ладонью глаза.

Мамочке пора вздремнуть.

Может, вторая женщина и была неполноценной, но Лару доверила ей ребенка. И женщина знала, как с ним обращаться – она ловко взяла младенца, поддерживая его слабую шейку.

Малыш тоже чувствовал себя с ней комфортно – он был расслаблен и улыбался, а потом и засмеялся, когда она пощекотала его

под подбородком.

Жест, немного похожий на то, как обращалась с ней его мать.

Аша спала. Ее грудь ритмично поднималась и опускалась. Ребенок, которым занималась вторая женщина, пребывал в прекрасном настроении. Счастливый малыш, совсем не капризный.

Сколько это будет продолжаться?

Внезапно женщина положила ребенка на траву, лицом вверх. И снова Идеальный Малыш не выразил никакого беспокойства. Женщина переменила позу и склонилась над ребенком. Теперь она смотрела прямо на него.

Ритм, в котором поднималась и опускалась грудь Аши Лару, замедлился. Вторая женщина смотрела на нее несколько секунд, а потом снова переключила внимание на младенца.

Она принялась размахивать руками... Нечто вроде пантомимы или просто странные движения странной женщины... Хотя, нет, движения были целенаправленными, и малыш это понимал – он внимательно следил за мельканием пальцев.

Быстрые, осмысленные движения. Общение.

Ребенок внимательно смотрел на руки, которые рисовали в воздухе разные фигуры и куда-то указывали.

Он понимал. Дети часто понимают язык глухонемых раньше, чем начинают говорить, если с ними заниматься.

Глава 49

Возможно ли это?

Конечно.

Когда Грейс впервые увидела Лили, той было восемь или девять лет, и это значило, что теперь ей почти тридцать – совпадает с возрастом невысокой женщины.

Внешность тоже подходит: белокурая глухонемая девочка выросла в белокурую глухонемую женщину. Не умственно отсталую, а просто не способную общаться с Ашей, которая не знала – или не давала себе труда выучить – язык глухонемых. Жена Диона поворачивала к себе ее лицо и говорила.

Читай по моим губам.

Аша также полностью игнорировала Лили, пока та ей не понадобилась: *Присмотри за ребенком, а я пока вздремну.* Так обращаются не с подругой, а со слугой.

Как и в любой секте, в семье Диона Лару придерживались строгой иерархии: гуру на самом верху, потом его жена, потом рабочие пчелы.

Лили, с ее глухотой и пассивностью, была идеальным слугой. А возможно, ее воля была просто парализована после убийства ее родителей Дионом.

Может быть, Лару нашел другую девушку, примерно того же возраста и телосложения, чтобы заменить ее в качестве жертвы? Случайная попутчица или проститутка, которую он подобрал по пути из Калифорнии в Оклахому? А потом он сжег дом, чтобы надежно спрятать улики?

Может, однажды Блейдс попробует это выяснить...

Первая догадка зачастую бывает верной – возможно, потому, что она выныривает из глубин подсознания, – и Грейс поняла, что эта ее догадка пугающе точна.

Парень по имени Яд, желающий возродить славные дни отцовского безумия, десять лет упорно шел к этой цели. Он убил Маккоев, когда те мирно спали в своем маленьком доме в Оклахоме, но сначала забрал свою сестру Лилит. Уверенный, что она не станет

сопротивляться. А если станет, то он знал, как решить проблему, о чем свидетельствует судьба его брата Тифона.

Эми Чен считала встречу в ресторане случайной, но, возможно, она ошибалась. Старший брат какое-то время следил за младшим. Узнал, что тот в городе, и следовал за ним, сидя за рулем своего «Приуса».

Самаэль видел, как Эми и Эндрю входят в вегетарианский ресторан, – возможно, сам был завсегдатаем этого места, если все так же отказывался от животной пищи. И он объявил Аше, неподвижной и безмолвной на пассажирском сиденье, что поведет ее ужинать.

Она не спорила. Никогда.

«Случайная» встреча стала началом конца для Эндрю.

Классический сценарий мухи и паука.

Потому что Эндрю отреагировал неправильно – ничего похожего на пассивность Лили.

Наоборот, он испытал отвращение.

Идиот Тифон стал порядочным.

Размышляя об этом, Грейс с удивлением обнаружила, что дрожит. Перевернув страницу «Калифорниан», она просмотрела статью, написанную каким-то самоуверенным дилетантом. Что-то о микротриггерах пре- и посттравматических реакций, с длинным списком «измов»...

Крики на лужайке заставили ее поднять голову.

Он был там.

Позолоченный, спина прямая, красивое лицо искажено яростью.

Не смея пошевелиться, психотерапевт смотрела, как Дион Лару пнул подошву сандалии своей жены, которая уже проснулась и смотрела на него широко раскрытыми глазами. Аша села. На ее лице появилось паническое выражение, и Лару обратил свой гнев на Лили, которая теперь держала ребенка на руках. Он тыкал в нее пальцем. Что-то рычал. А потом начал размахивать руками, ругая ее, – пародия на язык глухонемых.

Младенец, до этого момента пребывавший в прекрасном настроении, сморщил личико, побагровел и заплакал. Дион вырвал его из рук Лили – так резко, что голова малыша дернулась вперед, а затем назад. Чуть сильнее – и у ребенка будут проблемы в школе, когда он вырастет.

Малыш заплакал сильнее. Лару смотрел на него, словно это было насекомое.

Задумал что-то ужасное? Неужели Грейс придется вмешаться? Настоящая катастрофа!

Доктор приготовилась выскочить из своего укрытия под деревом. К счастью, Самаэль сунул ребенка в дрожащие руки матери. И набросился на нее с руганью, размахивая кулаком, словно дубиной.

Они были слишком далеко, чтобы разобрать слова, но строчки воображаемого диалога, словно субтитры, проплывали в мозгу Грейс.

Ты заснула? Отдала ребенка ей?!

Это твоя обязанность, а не ее!

Она разговаривала с ним знаками, дура! Когда мы ей это разрешили?

Аша опустила голову. Лару хлопнул себя ладонями по бедрам, выпрямился и посмотрел на обеих женщин.

Ребенок заплакал сильнее.

Мужчина шагнул вперед и занес кулак, а его жена поспешно закрыла ладонью рот младенца.

Дион стоял над ней и ждал – наследный принц нового поколения.

Аша Лару прижала малыша к груди, протянула руки вперед и склонила голову.

Прости меня, ибо я согрешила.

Муж посмотрел на униженную позу жены и что-то рявкнул, а затем повернулся к Лили и с силой пнул ее в незащищенную лодыжку. Аша поморщилась. Лили никак не отреагировала.

Лицо Лару помрачнело. Он стал раскачиваться на каблуках, а его пальцы барабанили по бедрам.

Потом он снова занес ногу.

Грейс решила, что пора действовать. Но вмешиваться не пришлось, потому что Лили повторила смиренный жест Аши.

Автоматически, ничего не чувствуя, подумала психотерапевт.

Дион, видимо, думал так же, потому что снова ударил, на этот раз сильнее.

Лили сложилась пополам, почти уткнувшись лицом в траву, и это, видимо, было правильной реакцией, потому что Лару повернулся к женщинам спиной и с гордым видом пошел через «Парк Острова обезьян».

Он направился в противоположную от Грейс сторону, и теперь она увидела слабые отблески солнца на черном автомобиле, хаотичными треугольниками и четырехугольниками просвечивавшем через зеленую листву.

«Приус» был припаркован рядом с парком. Блейдс не слышала, как он подъехал.

Нужно быть внимательнее.

Глава 50

Грейс наблюдала за домом еще два дня – и не зря, потому что ей удалось выявить закономерность.

Утром Уолтер Спорн и Дион Лару придерживались примерно того же графика: их машины по отдельности выезжали с Эйвелина-стрит и поворачивали на север, причем первым всегда был «Приус» Спорна. В первое утро их разделяло лишь десять минут, и Блейдс последовала за Лару. Она не удивилась, когда тот направился к строительной площадке на Сентер-стрит и припарковался с нарушением правил за машиной Уолтера.

Спорн, ждавший босса, вышел из машины и открыл замок на воротах, а когда оба вошли на территорию, снова запер его. Обойдя выпотрошенный дом справа, они исчезли на двадцать четыре минуты. За это время коп из дорожной полиции Беркли оставил штрафные квитанции на нескольких машинах, пропустив «Приусы».

У принца были связи.

Лару появился первым, как всегда, самодовольный, а за ним вышел Уолтер с каким-то дешевым портфелем в руках. Потом они разделились. Дион поехал назад, в направлении Эйвелина-стрит, а его поделник – на восток. Грейс решила проследить за Спорном.

Он проехал несколько кварталов и остановился в районе, состоявшем из обшарпанных многоквартирных домов, а потом, не выходя из машины, достал телефон. Через несколько секунд из трехэтажной развалины, облицованной синей штукатуркой, выскочил молодой человек – студент или один из тех парней, которые вечно шатаются в университетском городке. Перед домом была табличка с указанием арендной платы за неделю, месяц и год.

Чуть за двадцать, белый, с разноцветными дредами – от бронзового до черного. Красные шорты до колен, мешковатая зеленая футболка с надписью «Свободу Палестине», высокие кеды на босу ногу. Нервный парень – три раза посмотрел в обе стороны, прежде чем перейти улицу без машин. Почесывается, глаза непрерывно бегают.

Психотерапевт, стоявшая за полквартала от них, смотрела, как Спорн передает Дредастому портфель. Прозвучали какие-то слова.

Дредастый что-то сунул в мясистую ладонь Уолтера.

Ага, вот и альтернативный источник финансирования для махинаций Лару! Заброшенная строительная площадка прекрасно подходит для хранения наркотиков. Или оружия. Или того и другого.

Дион не только облапошил городские власти, продав дом, а затем получив контракт на его реконструкцию, но и обеспечил себе бесплатный склад.

А его подручный продает наркотики среди бела дня. Завидная самоуверенность.

Спорн уехал, а парень с дредами некоторое время щипал свое лицо, раскачивался на пятках и чесал голову, держа портфель так, как Аша и Лили держали ребенка. Наконец он перебежал улицу и скрылся в синем здании.

Наркоман со стажем, а по необходимости еще и дилер. Возможно, часть амфетамина все же попадет к его клиентам.

* * *

На второе утро Грейс не поехала за «Приусами», которые вынырнули с Эйвелина-стрит с интервалом в пятнадцать минут, а продолжила наблюдение.

Пока у нее сложилось впечатление, что в большом кирпичном доме больше никто не живет – секта Лару еще окончательно не сформировалась? – но уверенности в этом не было.

Если б не сцена в «Парке Острова обезьян», доктор Блейдс никогда не узнала бы о женщине и ребенке, так что теоретически Лару мог содержать целый гарем. Но день наблюдения убедил ее, что в доме, скорее всего, жили только он сам, Спорн, Аша и Лили.

И бедный малыш.

Мужчины приезжали и уезжали, однако женщины после скандала, устроенного Дионом в парке, больше не появлялись.

Грейс обнаружила, что размышляет о ребенке больше, чем может себе позволить. Насколько быстро присутствие Лару изменило его настроение – радость сменилась испугом. Что еще может открыться... Нет, не стоит думать об этом, лучше заняться делом.

В ту ночь Блейдс следила за домом не из машины. Он был все так же минимально освещен – свет горел лишь в одном окне наверху.

Спорн не показывался, но около десяти вечера Лару уехал, и Грейс следовала за ним с выключенными фарами, пока он не свернул на бульвар Клермон, где она пропустила вперед пару машин.

Дион продолжил ехать в сторону отеля «Клермон» и пересек границу между Беркли и Оклендом. Он проехал по модным улицам на берегу залива и углубился в район с явными признаками разрухи и упадка: разбитые фонари, мусор на тротуарах, неоновое мерцание круглосуточных винных магазинов, торгующие за наличность киоски, ломбарды и конторы, предлагающие услуги освобождения под залог... Редкие пешеходы явно принадлежали к категории людей, ведущих ночной образ жизни. Среди них попадались женщины в блузках на бретелях, в шортах, больше похожих на пояс, и в туфлях на пятидюймовых каблуках.

Лару остановился, прижавшись к тротуару напротив череды комиссионных магазинов с темными витринами. Фары «Приуса» мигнули и погасли, и одна из фланирующих по улице женщин направилась к машине. Моложе остальных, миниатюрная, с хорошей фигурой, она была одета в какие-то кружева, которые вполне могли быть бельем, и ярко-розовые туфли из лакированной кожи. Походка у нее была какой-то скованной, словно она преодолевала боль. Грейс подумала, что дело не только в неудобных туфлях: эта женщина сжигала свою жизнь, и ее кости быстро становились старыми и хрупкими.

Проститутка подошла к пассажирской дверце «Приуса». Никакого разговора – просто села в машину. Не прошло и десяти минут, как она вышла и побрела прочь, вытирая рот рукой.

Лару быстро развернулся и уехал, не дожидаясь, когда девица уйдет.

Оставив машину перед большим кирпичным домом, Дион обогнул его слева и скрылся за массивным темным строением.

Грейс подождала, пока все стихло, и последовала за ним. У дома подъездная дорожка расширялась – потрескавшийся асфальт шириной в полторы машины вел на просторный задний двор, заросший деревьями. Тыльная сторона особняка была такой же темной, как фасад, – создавалось впечатление, что дома никого нет.

Но за толстыми ветвями сосен и секвой, за буйно разросшимися кустами мерцал слабый свет.

Где-то в глубине участка. Там было еще одно строение.

Блейдс вспомнила заявку на реконструкцию дома Краусса.

...замена... водоотводных лотков... гаражной пристройки.

Сооружение, где раньше держали автомобили, объясняло ширину подъездной дорожки, но теперь гараж был почти полностью скрыт зелеными насаждениями.

И все же этот свет... Грейс замерла, услышав, как над ней со скрипом открылось окно второго этажа.

До нее донеслись голоса: мужчина кричал на женщину.

Он уехал из дома, снял проститутку, вернулся – и в чем-то обвиняет жену?

Еще один звук: громкий шлепок. Потом мужской смех, за которым последовал долгий, театральный зевок.

Ты меня достала.

Снова поскрипывание – окно распахнулось шире.

Его милость любит свежий воздух.

Блейдс стояла, не шевелясь и сдерживая дыхание. Интересно, почему в гараже оставили свет, если Лару и его семейство в доме?

Долгое время ничего не происходило.

Потом из открытого окна донесся храп.

Грейс поспешила обратиться оттуда.

Глава 51

Для следующей ночной вылазки она тщательно подготовилась.

Черная хлопковая футболка, черные джинсы стретч, черные бесшумные кроссовки, куртка с большими карманами.

В один верхний карман Блейдс положила резиновые перчатки, купленные в аптеке на Телеграф-авеню, в другой – черную лыжную маску с отверстиями для глаз. Нижние карманы также не остались пустыми.

Проехав по безмолвным улицам Беркли, женщина оставила машину в четырех кварталах от дома. Риск так увеличивался – до внедорожника долго добираться. Но зато машину не увидят соседи, и это преимущество перевешивало.

По возможности держась в тени, Грейс пешком дошла до Эйвелина-стрит. На улице никого не было, даже бродячих кошек. Она добралась до тупика и стала наблюдать.

Оба «Приуса» стояли на подъездной дорожке. То же тусклое освещение хаотично разбросанными низковольтными светильниками.

Выждав полчаса, в течение которых ничего не происходило, Блейдс надела маску и перчатки и проскользнула на участок. Остановилась, еще раз прислушалась и пошла дальше. Потом еще раз.

Как и вчера, обогнуть дом не составило труда. Как и вчера, свет в окнах, выходящих во двор, не горел. Окно, которое открывал Лару, было закрыто.

В глубине участка опять мерцал свет. Достаточно яркий, чтобы можно было рассмотреть остатки былого великолепия.

Утоптанная земля на месте лужаек, пустые клумбы, разделенные на шестиугольники и круги раскрошившимся кирпичным бордюром, декоративный самшит с проплешинами и засохшие деревья, превратившиеся в труху и уступившие место настырным конкурентам, по большей части кедром, ветки которых свисали до земли.

Грейс продвигалась вперед, время от времени останавливаясь и оглядываясь. Медленно, но спешить ей было некуда. Приблизившись к гаражу, она увидела, что диагональные ветки, скрывавшие фасад, были редкими, и через них просвечивало все строение.

Оно было раза в два больше стандартного гаража, с черепичной крышей, вдоль нижней половины которой тянулся кирпичный бордюр. Верхняя его часть представляла собой панели из витражного стекла. Скорее оранжерея, чем гараж. Вид изнутри подтверждал эту догадку: на покосившихся деревянных стеллажах – ряды керамических горшков, в которых давно уже не было растений. Неровный цементный пол усеян черепками.

Основная часть окон была засижена мухами, испачкана птичьим пометом или просто покрыта пылью. Но стекло на двери вымыли, и через него Грейс увидела все.

Лили лежала на животе на выкрашенном зеленой краской садовом столе, лицом к двери.

Бесформенное черное платье задрано выше талии. Обе руки свисают со стола.

Уголки губ опущены, но лицо ничего не выражает.

Сзади над ней нависал Уолтер Спорн. Его бедра ритмично двигались.

Судя по его позе, это был не вагинальный секс. На Спорне была лишь черная футболка, и его кожа цветом и внешним видом напоминала холодное сало. Брюки, носки и туфли грудой валялись в углу.

Комнату освещала люстра на шесть ламп, три из которых отсутствовали.

Глаза Уолтера были зажмурены, а жирное лицо искажено, словно от ярости. Стол раскачивался. Лицо Лили оставалось бесстрастным, как у надувной резиновой игрушки.

Спорн начал шлепать ее по ягодицам, достаточно сильно, так что те покраснели, а потом схватил ее за волосы и дернул – голова женщины откинулась назад. Каждое его движение было резким, быстрым и грубым. Уголки губ Лили оставались опущенными, лицо – безразличным.

Покорность.

Грейс задумалась, что делать дальше, но в это время Уолтер отпустил волосы Лили и с силой оттолкнул ее голову, так что она ударилась о стол. Огромная ладонь сомкнулась на горле женщины, и что-то поменялось в ее безжизненных глазах.

Они расширились и заблестели. Страх.

Потом снова пустота.

Капитуляция.

Затаив дыхание, Блейдс сунула руку в правый нижний карман куртки. Вторая рука Спорна принялась молотить по ягодицам Лили с такой силой, что звук был слышен сквозь стекло.

Психотерапевт толкнула дверь, почувствовала, что та поддается, и прыгнула вперед. Мужчина ничего не заметил – этому помешали зажмуренные глаза и хриплый смех, вырывавшийся из его горла.

Лили увидела Грейс. Ее глаза широко раскрылись. Губы сложились в удивленный овал.

Она добровольный участник? Доктор надеялась, что нет.

Нет. Бедняжка кивала ей. Ободряла. А потом глаза Лили снова наполнились страхом – пальцы Спорна сильнее стиснули ее горло. Язык высунулся у нее изо рта, губы набухли, глаза закатились.

Грейс бросилась к ней, сжимая в руке «Глок». Уолтер все еще не видел ее, погруженный в свой садистский экстаз. Но потом нога Блейдс задела что-то на полу – осколок керамики, который покатился по цементу, дребезжа, как барабан со струной.

Глаза Спорна открылись, и в них вспыхнула ярость. Он оскалился.

Не просто свинья, а дикий кабан, коварный и жестокий.

Ликование – он увидел, что его противник мал и хрупок. Радость фаворита, выходящего на ринг, чтобы сокрушить соперника.

Он отпустил Лили и бросился на Грейс. Его губы приподнялись еще больше, обнажив уродливые клыки. Под краем футболки подпрыгивал дряблый мешок живота, но толстые, как ствол дерева, бедра были крепкими. Пенис, блестящий от смазки, с красной головкой, смешно съеживался над стероидными яичками.

Блейдс поборола искушение выстрелить ему в пах – не стоит жертвовать здравым смыслом ради символики.

Она попятилась, словно испугавшись его атаки, подождала, пока он окажется подальше от стола, на котором неподвижно лежала Лили, а затем выпустила три пули в его раскрытый рот.

Две попали точно в цель, третья угодила между носом и верхней губой. Глаза Спорна расширились, в них промелькнули удивление и растерянность, но он продолжал надвигаться на свою противницу, словно срубленное дерево.

Потом остановился. Посмотрел на закрытое черной лыжной маской лицо Грейс, выдохнул, и его глаза закатились. Колени подогнулись, и он рухнул на пол лицом вниз. Дернулся несколько раз, разбрызгивая кровь, и затих.

Для верности Блейдс выстрелила в него еще раз, в затылок. Так, чтобы пуля попала в продолговатый мозг, где находится центр управления дыханием. Кто бы мог подумать, что нейропсихология, которую она изучала в аспирантуре, когда-нибудь ей пригодится...

После этого Грейс повернулась к Лили, которая по-прежнему не шевелилась.

Может, она действительно была добровольной участницей привычного развлечения, а не жертвой? Еще один враг Блейдс ни к чему.

Держа «Глок» у бедра, Грейс приблизилась к столу, но не вплотную, и попыталась поймать взгляд Лили.

Женщина не двигалась. А потом что-то произнесла.

Спасибо.

Психотерапевт кивнула и указала на задранное платье. Внезапно смутившись, Лили перевернулась на бок и повела плечами, пытаясь поднять руки и привести в порядок одежду.

У нее ничего не вышло. Руки отказывались повиноваться.

Парализована? Неужели Спорн, сжимавший ее шею, повредил спинной мозг?

Но вот правая рука лежащей на столе женщины задрожала. Потом левая. В онемевших руках восстанавливалось кровообращение.

Лили принялась одергивать платье, но Грейс успела увидеть истерзанные ягодицы, покрытые маленькими кровоточащими царапинами – следами от ногтей. Несколько засохших корочек были содраны. В тех местах, где ран не было, кожа имела лиловый оттенок. Из свежих царапин сочилась кровь. Ее тонкая струйка стекала также из раны на левом бедре.

Жертва попыталась приподняться, но не смогла. Блейдс шагнула вперед, чтобы помочь ей.

Внезапно лицо Лили изменилось.

На нем отразился ужас. Губы женщины зашевелились, а глаза часто заморгали – Грейс и не предполагала, что такое возможно.

Лили изогнула шею. Указание.

Предупреждение.
Что-то за спиной ее спасительницы.
Слишком поздно.

Глава 52

Боль вспыхнула в двух местах, в пояснице и в шее – с нее попытались сорвать лыжную маску. Она успела податься вбок, но все равно упала, проехавшись лицом, коленями и локтями по холодному твердому полу теплицы. «Глок» выпал из ее руки и с грохотом покатился вправо от стола, где теперь сидела Лили, закрыв рот ладонями и всхлипывая.

Наряд Лару сказал Грейс, что она не допустила ошибки, – ей просто не повезло.

Черный шелковый халат с красными стегаными лацканами – на голое тело, неплотно стянутый поясом.

От сильного удара полы халата распахнулись. Тело Диона было крепким, загорелым, рельефным – совсем не таким, как у Спорна. С близкого расстояния Блейдс получила возможность рассмотреть его лицо. Тот же испорченный мальчишка, который тогда появился на ранчо.

Более жесткий и грубый, но такой же красивый. Те же глаза, бесстрастные, но внимательные. Оценивающие.

Несмотря на некоторую растерянность, причиной которой стала огромная туша Спорна, он не утратил уверенности в себе и продолжал по-волчьи улыбаться.

Выражение его лица – смесь расчета и жестокости. Решительность и жажда уничтожения, как у охотника, поймавшего в прицел дичь.

Грейс заставила себя не смотреть на «Глок», в то же время пытаясь понять, как далеко он отлетел. Можно ли до него добраться, если точно рассчитать движение? Сомнительно. Или все равно стоит попробовать?

Дион Лару фыркнул. С его губ слетел низкий булькающий звук. А потом он вытянул руки и, усмехаясь, двинулся на Блейдс. Его грудные мышцы сокращались, гениталии раскачивались.

Эрекция – возбуждился, предвкушая кровь.

– Цыпочка! – прорычал мужчина. – Ты что, сдурела?

Он рассмеялся, и этот смех был похож на ржание жеребца. Пальцы одной его руки сжались в кулак, и теперь Грейс заметила в другой руке маленький красный тюбик с едва видимой надписью «любовь».

Личный тюбик смазки. Босс пришел присоединиться к вечеринке. Теперь Лару предвкушал развлечение другого рода.

Его голая нога резко дернулась вперед, как в «Парке Острова обезьян», когда он пнул свою жену, только гораздо сильнее, и врезалась в ребра Блейдс. Охнув от боли, та услышала, как в боку у нее что-то хрустнуло.

Перекатившись вправо, она потянулась за «Глоком».

Дион, предвидевший это движение, ударом ноги отбросил пистолет, наклонился и попытался снова достать Грейс вытянутой ногой – она вспомнила, что похожий удар показывала ей Шошана, когда обучала боевым искусствам.

Отпрынув, Блейдс уклонилась от удара. Ее противник зарычал, склонился еще ниже и бросился на нее, но вместо того, чтобы ударить, сделал обманное движение сначала в одну сторону, а потом в другую.

И выпрямился, держа в руке «Глок».

– Тупая сука... Кто ты, черт возьми?

Мощная эрекция.

– Может, сначала прикончишь Уолтера? – отозвалась Грейс.

Ничего особенного, не бог весть какая хитрость, но это сбило Диона с толку, потому что он думал, что Спорн мертв, – и Спорн действительно был мертв. Тогда о чем эта тупая сука... Лару понял, что его провели, и с ревом бросился на женщину.

Но Грейс хватило секунды, которая ему потребовалась, чтобы собраться с мыслями. Она сунула руку в другой нижний карман куртки, что оказалось не так просто, поскольку доктор была правшой, а карман находился слева, но других вариантов у нее все равно не было. Выхватив маленькую «Беретту» левой рукой, она быстро переложила пистолет в правую и прицелилась.

– Проклятая сука! – прорычал Лару.

То же самое сказал ей Белдрим Бенн во дворе коттеджа.

Эти психопаты не отличаются оригинальностью.

Блейдс разрядила в него всю обойму. Первым делом у него пропала эрекция. Остальное было не так уж важно.

В отличие от Спорна, он умер молча, мгновенно, упав на бок, а затем перевернувшись на спину.

На этот раз сомнений не было. Его крепкое бронзовое тело превратилось в решето.

Собрав все гильзы, Грейс подошла к Лили, которая сидела на садовом столике и дрожала всем телом. Осторожно прижав палец к губам женщины, повернула к себе ее голову, как Аша в парке. Убедившись, что Лили смотрит на нее, вскинула бровь и произнесла, стараясь четко артикулировать:

– Это останется между нами?

И тут глухая, немая, измученная Лили заговорила. Она произнесла одно-единственное слово, но отчетливо и ясно, как будто могла слышать:

– Да.

Грейс ей поверила – все равно выбора у нее не было. Она удалилась тем же путем, что и пришла.

Глава 53

ИСТ-БЭЙ МЕССЕНДЖЕР:

ВАША АЛЬТЕРНАТИВА «БЕРКЛИ-ОКЛЕНД УИКЛИ»

14 марта 2015

Двойное убийство, связанное с амфетамином

Как сообщает наш источник в полицейском департаменте Беркли, убийство двух человек, случившееся десять дней назад в богатом районе Клермон, было связано с разборками между торговцами амфетамином. Не вдаваясь в детали, полиция сообщила, что анонимный информатор помог им выяснить следующее: обе жертвы были «активными участниками» сети распространения амфетамина, и обстоятельства указывают на профессиональных киллеров, возможно, из мексиканских банд.

Убийство, свидетели которого не обнаружены, произошло в гостевом домике особняка на Эйвелина-стрит, в районе с низким уровнем преступности. Жертвой преступников стал владелец дома Дион Лару, 38 лет, строительный подрядчик, фирма которого «ДРЛ-Эртмув», по слухам, процветала благодаря тесным связям с некоторыми политиками, в том числе членами городского совета Беркли. Вторая жертва, Уолтер Спорн, также 38 лет, работал у Лару прорабом. Его часто видели входящим и выходящим со строительной площадки одного из текущих проектов Лару, реконструкции дома на Сентер-стрит, где было найдено «значительное» количество амфетамина.

Никто из наших доблестных выборных лиц не согласился дать комментарии.

Очень жаль.

*Фатима Кард, штатный обозреватель
«Мессенджер»*

Глава 54

Грейс висела на тросе.

В полумиле под ней – плотный, зеленый, манящий ковер джунглей, а если вытянуть шею, то можно увидеть полоску океана над кромками деревьев.

Тридцать три градуса и очень влажно. Ей помогла бы даже капелька пота.

Но кожа оставалась сухой, как песок в пустыне.

Это был не туристический зиплайн в Пуэрто-Валларта, на который она поехала пару лет назад и который оказался необыкновенно скучным – полдюжины станций над пропастью футов в двести, туристы, держащиеся за удобные полукруглые поручни, улыбающиеся гиды, которые подбадривают вас по-английски и управляют механизмами, а прибытие на каждое новое дерево празднуется стаканом ледяного лимонада.

Это был опасный зиплайн в Коста-Рике, где, по утверждению инструкторов, зародился этот вид спорта. Захватывающий дух «полет над лесом» в непроходимых джунглях этой красивой маленькой страны на берегу Тихого океана.

Предназначенная для туристов конструкция была крайне проста: двадцать деревянных платформ, прибитых к самым высоким деревьям в лесу, причем некоторые доски покоробились от старости и даже скрипели, открывая пропасть внизу.

Добираться до некоторых станций нужно было по извилистым грунтовым тропинкам, таким узким, что на них едва поместилась бы манекенщица, или по веревочным мостам, которые, казалось, не могли не упасть.

Такое количество участков предполагало два часа на тросе – если никто не застрянет.

Нервным центром всего приключения служила хижина в самой глубине леса, местонахождение которой не определялось GPS. Вокруг бесстрашно скакали маленькие ядовитые древесные лягушки – ярко-красные, желто-зеленые и темно-синие с черными крапинками, идеально круглыми, так что они казались нарисованными.

Всем командовали несколько апатичных инструкторов разных национальностей, недовольных тем, что приходится работать за деньги. Вокруг «офиса» валялись пустые бутылки из-под текилы, водки и мескаля. Полная медицинская карта участников состояла из одного вопроса: «Вы в порядке?»

Ни один человек из группы, в которую входила Грейс, даже те, кто явно нервничал, не признался, что он не в порядке. Компанию ей составили четыре человека: два молодых парня – слишком хвастливых, что, вероятно, выдавало их волнение – и супружеская пара лет пятидесяти, так и не пришедшая к соглашению, во что же они ввязались.

Она (улыбаясь): Разве не весело?

Он (хмурясь): Смотря что под этим подразумевать.

Инструктаж состоит из демонстрации толстых кожаных перчаток, которые нужно надеть перед тем, как неловко закинуть руки за голову и обхватить трос, не касаясь его. Единственный способ замедлить движение или затормозить – это схватиться за трос, но без перчаток он разрежет вам руку, словно нож.

Все зависит от силы сжатия, объясняет дежурный инструктор, нигериец с тяжелыми веками и милым британским акцентом. Слишком «деликатно» – и вывиха запястий не избежать, но вы все равно продолжите движение. Слишком «сильно» – и вы остановитесь раньше времени и повисните в полумиле от земли, так что никто не сумеет до вас добраться. В такой ситуации помочь себе вы можете только сами: поменяйте руки, в результате чего повернетесь спиной к пункту назначения. Потом нужно перебирать руками, двигаясь к безопасной площадке, и надеяться на лучшее.

Что будет, если вы устанете? Нигериец подмигивает и пожимает плечами.

* * *

Грейс медлит и ждет, пока остальные четверо не уходят на маршрут, а потом обращается к другому инструктору, латиноамериканцу с блестящими, как от наркотиков, глазами.

– Я хочу сделать это одна.

- Сеньорита...
- Сколько?
- У нас это не принято.

Женщина повторяет вопрос. Инструктор хмурит брови. Советуется с двумя другими, называет немыслимую сумму.

Блейдс смеется и говорит свою цену.

Инструкторы изображают негодование.

Через несколько секунд соглашение достигнуто.

* * *

Она ждет, пока с другого конца троса приходит сообщение: группа прошла десять станций, слегка замедлившись из-за нескольких эпизодов «самопомощи».

– Давай, – говорит нигериец, и они с Грейс пускаются в путь.

Все идет гладко до последнего отрезка троса, который тянется к двадцатой станции, где ждет текила или шампанское. На середине пути Блейдс сжимает руками трос и останавливается.

Висит.

Не двигается.

В джунглях тихо. Потом слышатся крики птиц. Потом рокот далекого самолета.

Наконец за ее спиной раздается голос нигерийца:

– Что?

Женщина не отвечает.

Инструктор кричит громче. К нему присоединяется его белокурый коллега, вероятно, скандинав, который ждет Блейдс на другом конце троса.

Она висит.

Оба парня кричат.

Грейс слышит слово «чокнутая».

Она смеется.

Теперь швед, или кто он там, стоит у края двадцатой платформы и умоляюще машет своей подопечной:

– Перехвати трос!

Доктор Блейдс сгибает и выпрямляет ноги. Трос гудит. Она передвигается взад-вперед и раскачивается, словно ребенок на качелях. Играет на тросе, как на струне.

Инструкторы кричат.

Музыка заглушает все.

Грейс думает о красных комнатах, череде красных комнат, алом лабиринте.

Маленькая черная машина с открытым верхом мчится по дороге, которая становится красной.

Задрав голову, женщина рассматривает зажимы, удерживающие ее на обвязке, соединенной с тросом.

Как легко было бы...

Нигериец кричит.

Швед кричит.

Только после того, как исчезают остатки реальности, Грейс начинает действовать.

Закрывает глаза и перехватывает руки.

Разворачивается.

А если б она отстегнула зажим?

Что бы она чувствовала, летя с такой высоты, так долго?

И всем будет наплевать?

Впрочем, неважно. Ей – нет.

Улыбаясь и чувствуя, что тело слушается ее, Грейс начинает двигаться – к безопасности.

notes

Примечания

1

Апгар, Шкала Апгар – система быстрой оценки состояния новорожденного; шкала от 0 до 10.

2

Название коктейля, составленного из джина и вермута.

3

Джетлаг – синдром смены часового пояса, десинхрония.

4

Гэри Купер (1901–1961) – знаменитый американский актер.

«Алоха» – слово гавайского происхождения; обозначает одновременно «привет», «до свидания», «добро пожаловать» и просто пожелание мира и радости.

Фамилия Грейс – Блейдс (*англ.* Blades) – переводится как «лезвия».

Аллюзия на печально известную осаду частями мексиканской армии крепости Аламо (1836), обороняемой повстанцами из числа техасских поселенцев. Осада закончилась штурмом, в результате которого весь гарнизон Аламо был уничтожен.

Высокая мода; улитки; «Бордо»; усадьба (*фр.*).

Йо-Йо Ма (р. 1955) – известный американский виолончелист китайского происхождения.

Речь идет о богатом пригороде Пасадины в округе Лос-Анджелес, Калифорния.

Имена печально известных лидеров сект, чья деятельность привела к массовым кровопролитиям.

Лига Плюща – ассоциация восьми старейших университетов Америки: Гарварда, Принстона, Йеля, Брауна, Колумбии, Корнелла, Дартмута и Пенсильвании; считается эталоном престижности высшего образования в США.

В Кембридже, шт. Массачусетс, располагается Гарвардский университет, в Нью-Хейвене – Йельский университет, в Филадельфии – Пенсильванский университет.

Массачусетский технологический институт.

В некоторых странах мира, в т. ч. в США, сохранилась ветхозаветная традиция начинать отсчет дней недели с воскресенья; таким образом, суббота считается седьмым днем недели.

Высокая кухня (*фр.*).

Высокая мода (*фр.*).

Код, означающий «сообщение принял».

Названия престижных и дорогих универмагов в Лос-Анджелесе.

Фридрих Август фон Хайек (1899–1992) – австрийский экономист и философ, представитель новой австрийской школы, сторонник либеральной экономики и свободного рынка.

Тимоти Фрэнсис Лири (1920–1996) – американский писатель, психолог; Фриц Ланг (1890–1976, Беверли-Хиллз, Калифорния, США) – немецкий и американский кинорежиссер.

В оригинале эти имена пишутся как *Dion R. Larue* и *Arundel Roi*.

Пожалуйста (*фр.*).

Теодор Джон Казински (также известен как Унабомбер, р. 1942) – американский математик, социальный критик, террорист, анархист и неолуддит, известный своей кампанией по рассылке бомб по почте.

Имеется в виду район в Лос-Анджелесе.